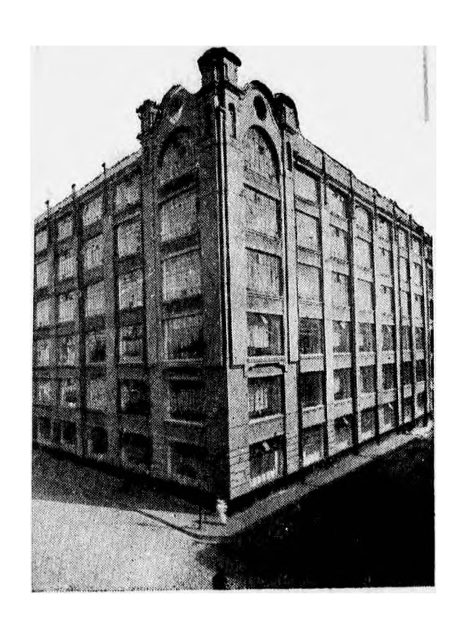


ФАБРИКА КНИГИ КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ

ГИЗЛЕГПРОМ

МОСКВА

1 • 9 • 3 • 2

ФАБРИКА КНИГИ
КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ

ИСТОРИЯ ТИПОГРАФИИ
бывш. „Т-ва И. Н. Кушнерев и К°"

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

М. Фишелева

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Садовникова, С. Рохлина, А. Мондруса,
Вас. Орлова, Ник. Сахарова, Ал. Петрова,
Н. Шустова, Н. Макарова, П. Нечаева,
В. Мамонова, А. Майорова, Ф. Комарова,
П. Морозова, А. Животовской, Е. Левина.



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
МОСКВА ● 1932

Редакторы: А. Аршарупи и И. Розенфельд.
Техред С. Боткин.

Инд. 9. Гизл.
по 47 000 зн.
Заказ № 5059
главлита № 1
7/VIII Подпи
Фабрика кни
рий» Москва,

ОТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ПЕЧАТНИКОВ

Постановление ЦК нашей партии, одобрившее инициативу Максима Горького об издании „Истории фабрик и заводов“, встретило живейший отклик среди широчайших масс полиграфистов.

А печатникам есть о чем рассказать из истории возникновения типографий, о борьбе печатников с самодержавием, об их участии в первой русской революции 1905 года, в Февральско-мартовской революции 1917 года, в Октябрьской революции и в строительстве социализма в нашей стране.

Призыв Максима Горького нашел живейший отклик в широких массах печатников не только потому, что история фабрик и заводов Советского Союза—это величайшая школа борьбы рабочего класса, а история типографий в частности школа для печатников, но и потому, что история фабрик книги (типографий)—это величайшие исторические уроки революционной борьбы печатников, это—школа профессионального движения печатников, особенно потому, что об этом до сих пор и о печатниках в частности очень мало писали. А новое поколение жаждет этой литературы.

История типографий отличается от истории фабрик и заводов (другой промышленности) еще и тем, что печатники (типографии), с одной стороны, производили в годы реакции орудия затемнения и угнетения масс, выпускали книги, журналы и другую литературу, которая целиком была направлена против трудящихся б. России, с другой стороны, наша партия черпала из среды печатников кадры для подпольных типографий, которые производили более мощное орудие воспитания масс и мобилизации их на борьбу с помещиками и капиталистами.

Печатники, в отличие от рабочих другой промышленности, в силу специфичности своего производства постоянно находились среди бесконечного количества представителей всяческих политических течений и группировок, начиная от махровых черносотенцев и кадетов и кончая меньшевиками, социал-революционерами и другими буржуазными прихвостнями.

Это обстоятельство не могло не наложить своего отпечатка на печатников давно прошедших лет.

Исключительно большое политическое значение имеет—рассказать молодым печатникам, как возникли типографии, каков путь их развития, рассказать об экономических условиях жизни печатников в дореволюционные годы, о революционной борьбе печатников в годы реакции, о борьбе печатников с предателями-меньшевиками в своей среде, о том, как боролись печатники за диктатуру пролетариата и как они участвуют после Октября в социалистическом строительстве.

На ошибках и уроках прошлого будем сами учиться и учить нашу смену, которая не знает дореволюционной помещичье-буржуазной России.

Вот почему Московский областной комитет союза печатников после опубликования постановления ЦК партии об издании „Истории фабрик и заводов" постановил выпустить в первую очередь историю 5 типографий: б. Кушнерева (ныне фабрика книги „Красный пролетарий" треста „Полиграфкнига"), б. Сытина (ныне 1-я Образцовая), б. Мамонтова (ныне 7-я типография), б. Левинсона (ныне 16-я типография), б. Городской (ныне 18-я типография) и организовал специальную комиссию по подготовке к изданию истории типографий в составе тт.: Филиппова И. Я., Балакина З. М., Глаголевой С. А., Мирного Б. И., Орлова И. И. и Решетова С. И., которая и развернула большую работу по мобилизации на это дело широкой массы печатников, по собиранию материалов, исторических документов, воспоминаний, организовав авторские силы и кадры из рабочих перечисленных выше типографий.

В результате 10-месячной кропотливой, упорной работы первая книга—история бывшей Кушнеревской типографии, ныне фабрика книги „Красный пролетарий" треста „Полиграфкнига"—написана рабочим автором М. С. Фишелевым совместно со многими работниками и рабочими самой типографии и при активном содействии местных партийных, профессиональных и хозяйственных организаций.

Не давая оценки этому первому опыту, Организационная комиссия и Президиум областного городского комитета нашего союза в целом обращаются ко всем рабочим данной типографии и ко всем печатникам вообще с просьбой внимательно ознакомиться с ее содержанием и дать ей как коллективную, так и индивидуальную оценку, чтобы их можно было учесть при выпуске историй других типографий, так как эта книга, будучи первой в этой серии, бесспорно, не могла быть написана без недостатков—вот их-то и надо умело вскрыть и во-время предупредить их повторение в других книгах.

Председатель организационной комиссии *И. Филиппов.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Решение ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 года и призыв М. Горького (7 XI 1931 г.) об издании „Истории фабрик и заводов“, как уже неоднократно было отмечено в нашей периодической печати, вызвали небывалый интерес среди рабочих нашей страны, приобщив к литературе новые сотни и тысячи рабочих. В постановлении ЦК ВКП(б), как и в статьях М. Горького, ясно была поставлена задача „Истории фабрик и заводов“, которую мы здесь не будем повторять. Тут надо только сказать, что Ленин, призывая к теоретическому обобщению 20-летней истории идейной борьбы в рабочем движении, писал:

Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения.

Журнал „Борьба классов“ в передовой статье (№ 5, 1932 года) правильно указывал, что:

Пролетариат и его партия, исходя из интересов революции, не только не забывает опыта борьбы, отошедшего в близкое или далекое прошлое, а всячески его собирает и изучает. Обобщение этого опыта помогает распространению в широчайших массах знакомства с формами, организациями, лозунгами и результатами прошлой борьбы, сохраняет и использует для будущего боевые традиции прошлого, облегчает рабочему классу строительство настоящего.

Под этим углом зрения развернулась работа рабочих авторских коллективов, занятых писанием истории своего завода, своей фабрики.

Работа авторского коллектива истории „Фабрики книги“ началась после известного постановления ЦК нашей партии и призыва А. М. Горького. Историю одной из крупнейших типографий России написали сами рабочие бывшей „Кушнеревки“, ныне фабрики книги „Красный пролетарий“. Тов. Фишелев, автор основного очерка коллективного труда, яркими штрихами дает картину развития от „скоропечатни „Кушнерева“ до современной фабрики книги. Авторы истории фабрики книги, за исключением т. Фишелева, впервые выступают в литературе, несмотря на то, что большинство из них работает в типографии 20, 30, даже 44 года.

Мы считаем крайне важным отметить это обстоятельство. Рабочие-краснопролетарцы рассказали в своих очерках все то, что заслуживает внимания из истории их труда, быта, борьбы; рассказали, как они боролись в 1903 году в первой стачке, как участвовали в боях на баррикадах 1905 года на Красной Пресне, как шли к Октябрю и как, преодолев трудности, разруху, добились переходного красного знамени. Большевики „Красного пролетария“ рассказали, хотя и в недостаточно развернутом виде, также о троцкистах и о том, как они боролись с троцкизмом и как в борьбе с оппортунизмом выросла и окрепла парторганизация на фабрике.

Краснопролетарцы подтверждают фактами, цифрами, как они реконструировали всю фабрику, как перестроили и перестраивают работу, показывают своих ударников, своих лучших производственников, активных борцов за социализм.

Несмотря на то, что, как мы указали выше, рабочие впервые взялись за писание, их очерки по истории своей типографии захватывают читателя. В этом легко убедиться, прочитав очерки тт. Орлова, Петрова, Шустова, Морозова.

Молодые рабочие, в особенности наша рабочая учащаяся молодежь, мало знают о прошлой борьбе рабочего класса и не осознают еще ее связи с настоящей борьбой пролетариата нашей страны. „Кадры старых рабочих, имеющих за своей спиной три революции, нога в ногу с партией дравшихся за ленинизм против троцкизма и правых, уменьшаются в своем удельном весе. Наряду с этим за последние годы в состав рабочего класса влились и продолжают вливаться значительные кадры молодежи, не прошедшие школу капиталистической фабрики, школу гражданской войны“ (П о с т ы ш е в). Это все помнят наши авторы, взявшие в руку перо, чтобы описать путь наборщика, печатника от ученичества в „Скоропечатне Кушнерева“, через 1903 года, декабрьское восстание 1905 года, годы реакции и империалистической войны, к Октябрю 1917 года, к борьбе за построение бесклассового социалистического общества во второй пятилетке.

Характерно, что в очерках наших авторов большое место занимает их ученичество в „Кушнеревке“, условия труда, быта до-октябрьского периода.

Кроме т. М. С. Фишелева, автора основного очерка, остальные авторы—рабочие бывшей „Кушнеревки“, многие из них до сих пор работают в той же типографии, ныне „Красный пролетарий“. Это живые памятники бывшей „Кушнеревки“, активные строители социализма. Среди этих авторов много беспартийных, но половина из них—ныне члены ВКП(б). Абсолютное большинство из этого коллектива авторов впервые выступает на литературное поприще, хотя десятки лет все они стояли за кассой, работали в типографии, в переплетной.

Основной очерк принадлежит т. М. С. Фишелеву, который использовал весь доступный ему архивный и литературный материал, как

рассказы и воспоминания старых рабочих „Красного пролетария“. Остальные авторы дополнили очерк т. Фишелева конкретными данными, описывая ту или иную сторону, тот или иной период деятельности „Кушнеревки“—„Красного пролетария“.

Справился ли коллектив авторов с задачей? Ответ должен быть положительный.

Но это не значит, что работа не имеет недостатков.

Коллективный труд рабочих фабрики „Красный пролетарий“, бесспорно, имеет ряд недочетов, пробелов. Это необходимо сказать, отметив основные недостатки.

Мы указали выше, что настоящий труд является первым выпуском в серии истории типографий. Все материалы директивного и методического порядка, помещенные в нашей периодической печати, говорят о сложности и трудности этой работы.

В чем основные недочеты истории „Фабрики книги“?

Во-первых, в том, что ряд этапов истории „Кушнеревки“ остался недостаточно освещенным. Если относительно удачно, даже красочно описаны ученичество, условия труда и жизни, методы найма и эксплоатации рабочих и т. д., то этапы революционной борьбы кушнеревцев описаны недостаточно.

Для примера приведем два весьма характерных эпизода из жизни рабочих б. типографии Кушнерева. Рабочие типографии Кушнерева приняли активное участие в баррикадных боях в декабре 1905 года. Об этом рассказано в ряде очерков, но все же этот очень важный этап в революционной борьбе рабочих „Кушнеревки“ освещен недостаточно, неполно. К слову сказать, что когда вся книга была уже набрана, мы получили очерк т. Макарова о большевистской группе на „Кушнеревке“ в 1904—1906 гг. Это говорит о том, что не все силы были использованы, не все материалы собраны.

Другой эпизод.

Работая над рукописями 1 Образцовой типографии и над материалами революционного движения среди печатников перед и после 1917 года, мы нашли достаточно указаний на роль меньшевиков в среде печатников. В истории же „Фабрики книги“ роль меньшевиков в период 1917 года осталась слабо освещенной. Это, пожалуй, самый слабый участок всей работы.

Второй недостаток в том, что качество материала неравноценно: дореволюционный материал в целом ряде случаев удачен, иногда даже сделан живо, октябрьский же материал представлен более скупо. К примеру, взять очерк „Цех здоровья“. Этот очерк мог быть подан не в виде сухого ведомственного отчета, а в виде увлекательного очерка. То же самое можно сказать о некоторых других очерках, затрагивающих ту или иную сторону жизни „Красного пролетария“ по-октябрьской эпохи.

Очерки как по стилю, так и по языку отличаются друг от друга. В очерках часто встречаются малоупотребляемые литературные вы-

ражения, которые, однако, сохранены редакцией в неприкосновенности.

На других существенных и второстепенных недостатках не будем останавливаться.

Выход истории „Фабрики книги" при всех ее недостатках—положительное явление. Не надо забывать, что эта книга выходит первой в серии „Истории типографий".

М. Горький писал:

„Мы уже столько сделали нового, что имеем полную возможность сравнить трудовые и бытовые условия прошлого с трудовыми и культурными успехами настоящего, с гигантским размахом нашей индустриальной, культурной, коммунальной стройки, изменяющей лицо земли нашей... В Союзе социалистических советов создаются почти ежедневно небывалые факты величайшего напряжения энергии, воплощения ее в жизнь, в действительность".

Коллективная работа 15 рабочих авторов отвечает на призыв М. Горького. В истории „Фабрики книги" читатель ощущает на конкретном участке нашего строительства „величайшее напряжение энергии" пролетариата, борющегося под руководством ленинской партии за социализм.

А. Аршаруни.

Ноябрь 1932 г.

Мих. Фишелев

ОТ СКОРОПЕЧАТНИ ДО ФАБРИКИ КНИГИ

Основатель фирмы „И. Н. Кушнерев и К°“

В календаре-альманахе „Царь-Колокол“ на 1897 год был помещен небольшой некролог следующего содержания:

> 12 февраля 1896 года умер Кушнерев, И. Н., известный в Москве типограф и издатель. Свою издательскую деятельность покойный начал в Петербурге, где в шестидесятых годах издавал журнал „Грамотей“ и „Народную газету“...

Иван Николаевич Кушнерев, сын мелкопоместного дворянина, по окончании гимназии в одной из южных губерний, своими родителями был направлен в Петербург „для карьеры“ и определен в один из дворянских лицеев.

Двадцатилетним юношей Кушнерев закончил свое образование и счел себя вполне подготовленным, чтобы определиться на службу в одно из государственных ведомств, призванных управлять „народом и государством“. Продвигаясь вверх, по иерархической лестнице, делал себе карьеру.

Еще в лицее он знакомится с некоторыми вольнодумцами того времени и, зараженный их идеями, под влиянием французской революции 1848 года, пишет—между изучением точных наук и философией—небольшие, вольнодумного характера стишки и вирши.

Окончив лицей, перед поступлением на государственную службу, едет на родину, в отцовское поместье. Здесь пишет небольшую повесть из жизни крепостных крестьян своего отца. Хотя в повести ничего не было не только революционного, но даже не было и намека на разрешение крестьянского вопроса тогдашней помещичье-феодальной Руси, повесть, однако, ни одним издателем к печати принята не была.

Кушнерев, тогда еще совсем молодой, оскорбленный в лучших своих чувствах как непризнанный талант, поступает в ведомство министерства внутренних дел и думает оттуда проводить „реформы“.

Проходят годы... Иван Николаевич преуспевает на новом поприще и, как „государственный муж“, делает карьеру. Медленно, но на-

стойчиво, движется по лестнице чиновничьей: чин статского советника, а затем один за другим и три ордена—в петлице и на груди.

В конце 50-х гг. прошлого столетия умирает отец Ивана Николаевича. Похоронив отца, Кушнерев сдает хозяйство на руки приказчику-управляющему и возвращается в Петербург. И к жалованью, получаемому двадцатого числа каждого месяца, прибавляются ассигнации, аккуратно высылаемые приказчиком.

Ассигнации выколачиваются из труда подневольных крестьян, от сдачи интендантству пшеницы да от вырубки и продажи векового кушнеревского леса.

Так претворилась в жизнь идея молодого Кушнерева, написавшего душеспасительную повесть из жизни крепостных крестьян и практикой „государственного мужа“, ставшего наследником „дворянского гнезда“, где те же крепостные—оброками и барщиной—поливали потом и кровью дворянскую землю молодого барина.

Либеральные настроения, охватившие часть тогдашнего общества, заставляют и Ивана Николаевича вспомнить о своем недалеком прошлом, когда и он увлекался „смелыми идеями“.

Вспомнил и о повести дней своей молодости, что лежала в глубине письменного стола, не признанная и отвергнутая мракобесами-издателями.

И вспомнив обо всем этом, вынул Иван Николаевич пожелтевшие листочки повести. Прочел ее еще раз и, признав в себе провидца, что написал задолго до падения крепостного права так смело и „наперекор стихиям“, несет рукопись в редакцию нового журнала.

— Ну, теперь-то уж обязательно напечатают,—подумал Иван Николаевич.

Но Иван Николаевич и на этот раз ошибся: повесть ни о чем новом не говорила, ставила и разрешала проблему крепостного права довольно туманно и к тому же была написана художественно слабо.

Повесть свою Иван Николаевич получил обратно.

Возгорелся дух дворянский у Ивана Николаевича:

— Как, меня не печатают! Да, я, что хуже их—этих борзописцев—пишу? Нет, я им еще покажу. Признают они во мне талант. Врете, признаете!

Вспомнил Кушнерев Новикова:

— Да,—успокоившись, рассуждал Иван Николаевич,—чем я хуже Николая Ивановича?.. И его тоже в первое время не понимали и не признавали. Однако же энергия и настойчивость победили, и Новиков такие дела развернул, что любой из нас смог бы ему позавидовать!

Иван Николаевич Кушнерев, обладая в достаточной степени практическим умом, продает свое родовое имение и на вырученные от продажи деньги основывает в 1862 г. журнал „Грамотей“.

Правда, Иван Николаевич не идет слепо по пути, указанному Новиковым. Он не затрачивает сразу всего капитала на приобретение типографии и даже не образовывает своей „Типографической компании“. Пригласив к себе в помощники, в качестве редактора, Я. Ивановского, приступает не к широкому издательству и книжной торговле, а ограничивается пока изданием одного только журнала с двухмесячным выпуском. В нем Кушнерев и печатает свою повесть.

Осуществилась мечта молодого Кушнерева!

Дела пошли блестяще, и Иван Николаевич в следующем, 1863 г., приступает к изданию уже еженедельной „Народной газеты“, являясь одновременно не только издателем, но и редактором ее.

Когда, в 1865 г., Иван Николаевич стал надоедать Ивановскому настойчивым требованием печатать его новые рассказы и повести в журнале „Грамотей“ и тот от этого отказался, признав в них безвкусицу и бесталанность, Кушнерев рассвирепел и Ивановского уволил.

С этого времени и вплоть до 1868 г. Иван Николаевич является одновременно уже и издателем и редактором как журнала „Грамотей“, так и „Народной газеты“...

Начав с великой идеи Новикова, И. Н. Кушнерев доходит до простого предпринимателя-газетчика, и „дело“ начинает приносить немалые барыши.

Приумножив на этом деле свои капиталы, Иван Николаевич в чине статского советника подает в отставку и в 1868 г. переезжает из Петербурга в Москву.

И кто знает, по какому пути и до каких чинов дошел бы Кушнерев, если бы отвергнутая рукопись о жизни крепостного крестьянства была напечатана в каком-нибудь петербургском журнале? Тогда, быть может, Кушнерев не возомнил бы себя вторым Новиковым и не пошел бы по пути „типографа и издателя“, о чем „Царь-Колокол“ оповестил Россию в день его смерти.

II. „Скоропечатня И Н. Кушнерева“

Одиноко стоит на небольшой площади Страстной монастырь. Стоит и грозно охраняет Москву златоглавую от нового нашествия „иноземцев“, что в 1812 г. проходили мимо него оборванные, грязные и дрожащие от стужи лютых московских морозов.

А во все стороны от монастырских стен протянулись и тихо шумят запущенные рощи дуба, вяза, березы да липы пахучей.

Наискосок Страстного—там, где сейчас начинается Большая Бронная и до Мамоновского переулка—стоял вековой парк, прерываемый, позади Тверской, тремя глубокими прудами у Козьего болота.

Нет больше парка, как и нет Козьего болота. Да и пруды-то самые давным-давно повысохли и засыпаны. И осталось от них одно только воспоминание—Трехпрудный переулок.

Вот в этом-то вековом парке, в его глубине, поэтом Херасковым был построен великолепный барский дворец, вход в который охранялся львами, высеченными из камня, зорко следящими, чтобы за ворота никто не попал из черни.

После нашествия Наполеона дворец переходит во владение графа Разумовского. Часть парка, скрывавшего от постороннего глаза дворец, он вырубает до самой Тверской и пристраивает к нему два крыла полукругом, сделав дворец еще более грандиозным и более красивым. Дворец у тротуаров обносит высокой и частой оградой. На нее сажает еще трех львов. Уверенный в своей безопасности, граф Разумовский зажил праздной и беспечной жизнью...

Прет, напирает со всех сторон купец. Большая Дмитровка—уже не улица дворян. Рядом с дворянским и Английским клубом в доме купца Цыплакова буйствует и сквернословит купеческий клуб.

Разбрелись по Москве раскоряченной и кривоколенной дворяне с Большой Дмитровки. Стали искать уютного местечка, куда бы клуб свой перенести подальше от купеческого. Обратили взоры свои на монументальных—одним внушающих доверие, другим—страх—каменных львов, что стоят на Тверской за монастырем Страстным. Оглядели и ограду: высокая да крепкая... Облюбовали дворец графа Разумовского и порешили:

— Перенесем-ка клуб туда, где в тиши парка векового поэт Херасков писал вирши да оды свои...

Решили. И в 1831 г. клуб Английский с Большой Дмитровки переехал на улицу Тверскую...

Вот сюда-то и съезжалась, близко к полуночи, вся знать московская—дворяне, офицеры, графы да вельможи. И сидела знать эта всю ночь за круглыми, гладко отполированными и как зеркало блестевшими игральными столами.

Собирались для того, чтобы каждую ночь в комнатах клуба решалась судьба крестьян крепостных, и где за азартной карточной игрой проигрывались люди, дома и поместья.

Здесь, в этом клубе, жизнь начиналась только с полуночи, так как игра картежная должна была приносить и клубу большие доходы. Игра разрешалась до двух часов ночи, когда игроки только-только успевали войти в азарт. И позже этого времени платили штрафы в пользу клуба. Клуб и жил только этими штрафами: выигравшего игрока штрафы не пугали, а проигравший платил штрафы, надеясь, что фортуна нет-нет да обернется и к нему...

В этот клуб были вхожи только родовитые дворяне. Ни великому артисту, ни даже миллионеру-купцу доступа в клуб не было.

Напирает все круче и круче купец на дворянина. Подвигается все дальше и вперед от Большой Дмитровки к улице Тверской. Вот он уже выходит и к монастырю Страстному. Обложил стены монастырские ларьками своими, лавками и лотками. Еще усилие—

и он уже на Тверской. По обе стороны от клуба Английского, здесь же у крыльев разумовских, примостились те же ларьки да лотки купеческие.

Занавешены окна Английского клуба. Темно и на самой Тверской. Время близится к полуночи. И вдруг—

...из-за стен монастырских вылетает лихач и несется стремглав по ухабам Тверской, туда, к заставе, где стоит ярко освещенный и постоянно хмельный „Яр".

То мчатся купцы молодые на лихачах и парных голубчиках заканчивать ночь в отдельных кабинетах.

В этот ночной час на сонной Тверской даже и прохожих не бывало.

— Эге-гей, держись, голубчики, стор-р-р-онись!!—слышатся время от времени простуженно-сиплые оклики молодецки сидящих на козлах лихачей, на тысячных рысаках обгонявших пары и тройки.

— Гони, Ванька! Рупь надбавлю! Хлестани-ка под хвост вожжей!—подзадаривает лихача выходящий „в люди" молодой купец Хлудов...

Переглянутся между собою игроки в Английском клубе, заслышав крики эти, и опять с той же сосредоточенностью и скукой продолжают игру свою, чтобы к утру подсчитать:

— А сколько еще осталось „душ" у меня для следующей ставки?..

...Зажал купец московский клуб Английский. Поджимаются дворяне, уплотняются и продают все правое крыло клуба купцу Шаблыкину.

Ступнул купец и за ограду высокую да крепкую. Не уберегли дворян и львы, стоящие на воротах.

Приступил Шаблыкин к рубке херасковского векового парка и к Козьему болоту прорубил переулок Мамоновский.

Рядом с клубом, под одной и той же крышей, но только в правом его крыле открываются

МЕБЛИРОВАННЫЕ КОМНАТЫ «ЛУЧ».

Мелкопоместное дворянство остается без имений. Прокутив бабушкино наследство и проиграв крепостных, лишившись даже „мертвых душ",—оно находит свое последнее пристанище, хотя и под кровлей дворянского Английского клуба, но зато в купеческих меблированных комнатах гостиницы „Луч".

...Падают старые спесивые традиции чванливого дворянина. В члены клуба начинают принимать артиста, писателя-разночинца и, даже купца. Купец становится вхож в аппартаменты клуба.

Пригляделись они ему. Понравились. И в конце 60-х гг. Английский клуб со всеми пристройками, службами и оставшимся парком переходит в полное владение тому же купцу Шаблыкину...

Приехав в Москву, Кушнерев первое время находится не у дел. Присматривается к новым людям. Изучает москвича. От скуки да безделья заглядывает частенько и в Английский клуб. Вначале только так—газетку почитать, сплетни послушать да о политических интрижках разузнать, что совершаются в кругах „высшего общества“, откуда вышел сам Кушнерев.

Сойдясь с некоторыми влиятельными лицами из высших сфер и имея довольно большой стаж как редактор „Народной газеты“, принимает предложение и вскоре становится редактором „Ведомостей Московской городской полиции“.

— Зачем мне служить и трудиться для преуспевания какой-то чужой газеты?—рассуждает Иван Николаевич.—Не лучше ли, пока имеются деньги, купить машинку, набрать рабочих, открыть свое собственное дельце и... продолжить дело, начатое не без выгоды еще в Петербурге?

И лавры Новикова не дают покоя Ивану Николаевичу:

— Умел же этот человек поставить так дело, что тираж „Московских ведомостей“ от 600 экземпляров довел до 4000! Хе-хе! Ведь теперь, славу-те богу, не екатерининские времена. Сейчас— умей только поставить дело на правильные рельсы—газета будет обеспечена.

И уже в 1869 г. Кушнерев снимает в гостинице „Луч“ на первом этаже помесячно три меблированые комнаты, покупает одну скоропечатку и тискальный станок, нанимает на работу нескольких наборщиков и двух печатников. Над входом в помещение прибивает небольшую скромную вывеску:

СКОРОПЕЧАТНЯ И. Н. КУШНЕРЕВА.

Здесь, под его непосредственным наблюдением и при его редактировании, начинает выходить ежедневная „Всеобщая газета“, которая занимает место еженедельной „Народной газеты“, издававшейся им же несколько лет в Петербурге.

Являясь завсегдатаем Английского клуба, Иван Николаевич приобретает обширный круг знакомых, в особенности среди того купечества, которое при новых веяниях начинает заполнять комнаты клуба. Чутко прислушиваясь к их разговорам, он узнает очень быстро помыслы и чаяния нового купечества.

Стараясь не отставать от „духа времени“, меняет не только свои убеждения „либерала“, но даже название газеты. Переименовав ее сначала из „Народной газеты“ во „Всеобщую“, он в 1871 г. ей, как не отвечающей „духу времени“, опять дает и новое название и новое содержание—„Московская биржевая газета“. Как ее издатель и редактор, с этого года Кушнерев становится выразителем мнений и стремлений московского купечества.

Нет больше на Тверской вывески гостиницы „Луч“, как и нет вывески „Скоропечатня И. Н. Кушнерева“. На воротах дома уже не видно:

ДОМ КУПЦА ШАБЛЫКИНА.

Весь этот хлам сорвала со стен дома победоносная Октябрьская революция и бросила в мусорный ящик.

На фронтоне дома бывшего Английского клуба красуется эмблема мировой революции—серп и молот, а под ней-

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ СССР.

Снесены вдоль всего дворца по Тверской купеческие лавки, снята и высокая крепкая ограда. Уцелели только львы на воротах, да у самого входа в музей стоят две пушки, которыми в октябрьские дни 1917 года восставший рабочий громил последнюю твердыню дворянско-царской России—Кремль.

III. Дела идут «блестяще»

При основании типографии в 1869 г. при первоначальном оборудовании мастерских Кушнеревым было вложено в предприятие приблизительно около 5 000—6 000 руб. Рабочих вместе с подсобным персоналом и служащих было всего-на-всего только двенадцать человек. Машин—одна. Станков- один.

Связавшись плотно с московским купечеством через „Биржевую газету“, предприятие начинает расширяться, так как в мастерских печатается уже не только газета, но и целый ряд других работ, которыми купечество снабжает Кушнерева.

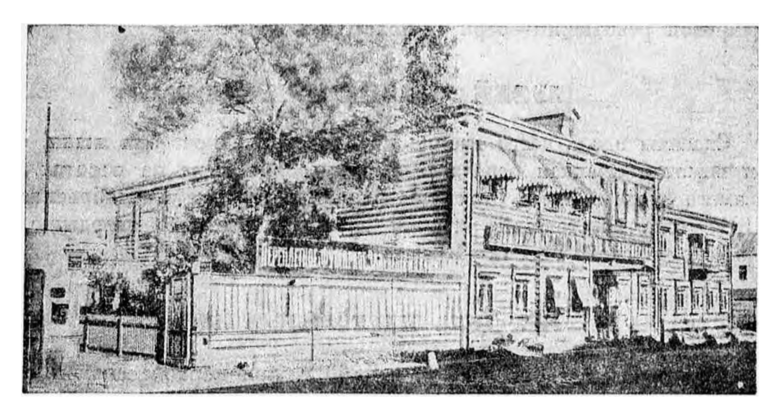
Старозаветный купец или фабрикант, ведший все свои дела по памяти или по маленькой карманной книжечке, отходит мало-помалу в область прошлого. Их место занимает „настоящий“ предприниматель, располагающий большой конторой с бухгалтерами и конторщиками. Возрастает спрос на всякого рода бланки, счета, ярлыки, книги конторские. Появляются сильные конкуренты. Начинается погоня за потребителем, за заказчиком.

„Торговые дома“ и „фирмы“ нуждаются в рекламе. Отсюда—спрос на плакаты, рисунки, цветные обертки и броские этикетки для мыла, конфет, папирос и парфюмерии.

До тех пор, пока в мастерских набиралась и печаталась одна только „Московская биржевая газета“, внешне все как будто обстояло благополучно. Но с момента, когда Кушнерев стал набирать и другие посторонние заказы для непосредственного обслуживания торговых домов и фирм, в типографии образовывались пробки: то

газета запаздывала выходом в свет, то работы задерживались и своевременно не сдавались заказчикам.

Кушнерев уже успел забыть, что взял на себя роль продолжателя славного дела Н. И. Новикова. Учтя, что печатание разных бланков, счетов и отчетов значительно прибыльнее, чем издание даже „Биржевой газеты", он 1 марта 1872 г. прекращает издание газеты и приспособляет свои мастерские исключительно для обслуживания торговых домов и купеческих фирм.



Здание типографии в 1874 г.

Проработав на этом поприще только год—полтора, Кушнерев убеждается, что дальнейшее существование его фирмы будет трудно, если он немедленно не приступит к расширению своих мастерских.

Дело в том, что к этому времени по всей Москве уже насчитывалось до 152 графических предприятий, имевших в стенах своих 158 типо-литографских машин и американок. Причем все эти 158 машин находились только в 21 предприятии, в остальных же 131 мастерских были разные ручные станки и несложные картонажные машины[1]. Следовательно, на каждое более или менее среднее предприятие приходилось около семи машин, в то время как в мастерских Кушнерева на Тверской была всего только одна машина.

От крупных, а тем самым и особенно прибыльных, заказов приходилось отказываться и довольствоваться тем, что перепадало от более солидных полиграфических фирм, которые даже и не хотели заниматься такими „мелочами".

Здесь, как и всюду, конкурент давал себя сильно чувствовать и поджимал под себя более слабого в техническом отношении карлика.

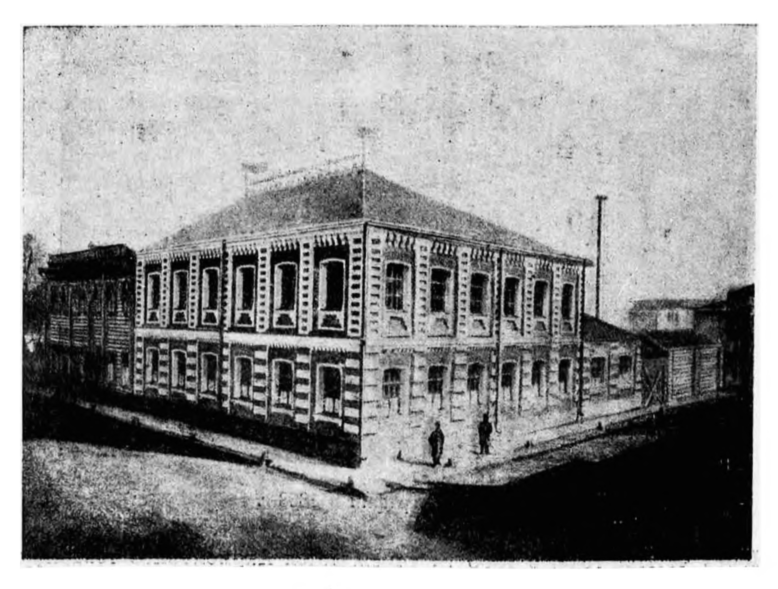
---

[1] По данным инспекции книгопечатания за 1871 г.

Выждав еще год и собрав достаточную сумму денег для расширения своего производства, Кушнерев в 1873 г. приобртает на Пименовской улице участок земли и в 1874 г. сооружает здесь двухэтажное деревянное здание. Через представителя иностранных фирм выписывает, с большой рассрочкой платежа, из-за границы еще 6 скоропечатных машин, устанавливает их в нижнем, первом этаже, набирает еще новых рабочих и, доведя их приблизительно до 80 чел., сразу же становится в первые ряды московских типографов.

Прогрессивный рост дела потребовал соответствующего увеличения капитала. Поэтому Кушнеревым образуется „Товарищество на вере“ с основным капиталом в 200 000 руб.

В качестве пайщиков привлекается целый ряд торговых фирм, которые искали приложения своих свободных капиталов. При подсчете баланса на 1 января 1876 г., со дня, когда официально приступило



Здание типографии в 1884 г.

к своей деятельности „Товарищество на вере“, Кушнеревым передается Т-ву имущество уже на сумму в 43 445 р. 53 коп.

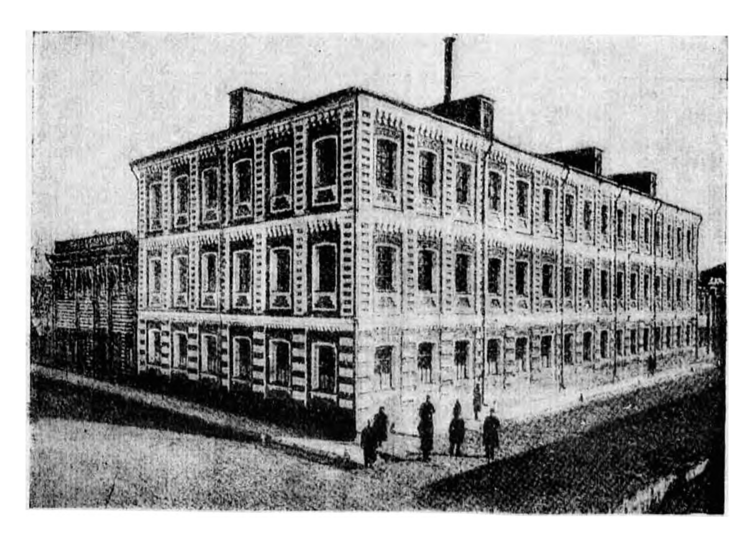
За семь лет прирост на 700 процентов!

За этот же год из основного капитала были изъяты некоторые суммы для дальнейшего развития дела и расширения производства. Выписываются из-за границы еще несколько машин, в том числе и две литографские, и к концу года имущество типографии уже оценивается в сумме 56 287 руб. 28 коп.

Развиваясь из года в год, „Товарищество на вере“ к концу своего договорного срока (т-во было заключено на 5 лет—с 1876 по 1881 г.) владеет уже имуществом на сумму в 92 249 руб. 60 коп., т. е. больше чем в два раза при своем возникновении.

Тесно становится „товарищам“ на вере в маленьком двухэтажном флигелечке. И, оставив его пока нетронутым, рядом с ним вдоль по Пименовской, вплотную ко 2-му Щемиловскому переулку, а затем завернув и по 1-му Щемиловскому, воздвигается гораздо больших размеров уже двухэтажный каменный дом, и к 1884 г. имущественный инвентарь типографии возрастает до 160 468 руб. 87 коп.

Почти в четыре раза за восемь лет, при основном капитале только в 200 000 рублей!



Здание типографии в 1888 г.

Через четыре года, в 1888 г., учреждается Акционерное товарищество с привлечением новых, еще более крупных акционеров, и основной капитал доводится до 350 000 руб.

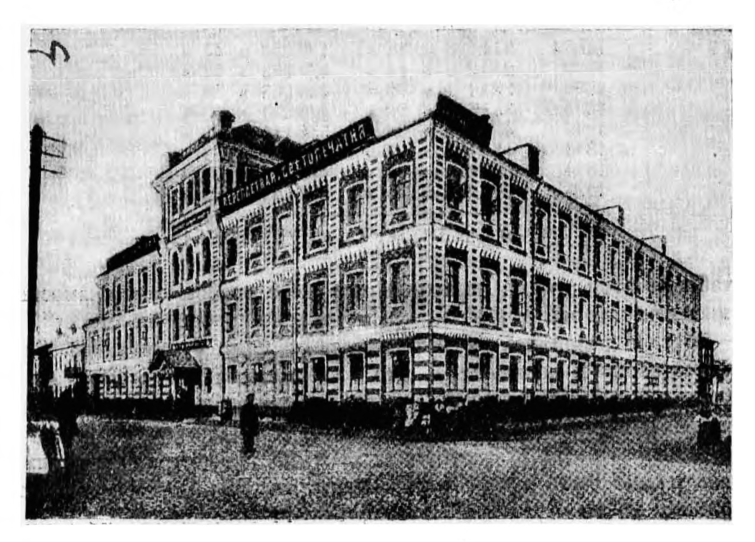
Каменному двухэтажному дому шириться некуда. Он защемлен двумя Щемиловками, да с третьей стороны теснится частными строениями домовладельца Лесина. И двухэтажный дом прет в гору: воздвигается еще один—третий этаж...

Наступают девяностые годы. В 1891 г. основной капитал товарищества увеличивается еще на 50 000 руб., дойдя в общей сложности до 400 000 руб.

С развитием операций является новая необходимость расширить и помещения мастерских. Но за счет чего?

Быстро снимается прилегающий к фабрике двухэтажный деревянный флигелек по Пименовской ул. и к старому трехэтажному каменному дому прилепляется такой же вышины новый корпус, да сверх того, посреди дома, выводится и небольшой мезонин—четвертый этаж.

К 1895 г. типография, начавшая свою деятельность в трех меблированных комнатах гостиницы „Луч“ с инвентарем в 6 000 рублей при одной скоропечатной машине и одном ручном станке, с 12 рабочими и служащими, за 26 лет своего существования превращается в крупную фабрику с имуществом на сумму в 516 827 рублей с



Здание типографии в 1894 г.

2 ротационными, 18 скоропечатными, 9 литографскими машинами и несколькими десятками ручных станков и прессов. Рабочих свыше 550 чел.

Мощность одних только типографских машин давала ежедневно более 300 000 листов-оттисков.

Вся же типография за этот 1895 г., не считая всевозможных „мелочных“ работ литографских, типографских и переплетных, выпустила:

Книг беллетристических	111	названий	581 060 экз.
» научных	102	»	154 476 »
» торговых	172	»	549 600 »
Журналов ежемесячных . . .	36	книг	202 850 »
» еженедельных	81	»	154 100 »
Итого	502	книги	1 642 086 экз.

Кроме всего этого было еще выпущено еженедельных журналов в один лист 102 и газетных номеров—429.

Наборный цех за этот год набрал для указанных книг, газет и журналов 4 541 печатный лист, а типо-литография отпечатала на машинах 20 260 622 оттиска.

Чтобы представить еще более ясно, как развивалась типография с 1888 г., момента организации „Акционерного товарищества", и по 1895 г., когда была закончена дооборудованием типография этого—пятого—периода, приведем следующую таблицу:

Годы	Имущества состояло на сумму	Изготовлено работ на сумму
1888 [1]	274 898 р. 35 к.	190 393 р. 44 к.
1889	296 230 » 64 »	470 065 » 01 »
1890	325 161 » 90 »	465 058 » 83 »
1891	357 611 » 22 »	488 209 » 59 »
1892	433 366 » 96 »	554 114 » 23 »
1893	473 104 » 91 »	626 085 » 80 »
1894	502 853 » 64 »	685 871 » 79 »
1895	516 827 » — »	697 399 » 20 »
	Итого за $7^1/_2$ лет . .	4 177 237 р. 94 к.

К таблице этой нужно подходить все же с особой осторожностью. Что касается второй рубрики: „Изготовлено работ на сумму", то здесь рост и развитие по бухгалтерским книгам отражены более или менее верно и показывают, что с увеличением торговых оборотов безусловно увеличивалась и прибыль т-ва, а вместе с нею и дивиденды пайщикам.

Что же касается первой рубрики: „Имущества состояло на сумму", то здесь нужно быть сугубо осторожным, так как „Акционерное товарищество И. Н. Кушнерев и К°", будучи совершенно не заинтересованным в уплате государству налогов с капиталов и прибылей, старалось—теми же бухгалтерскими книгами—скрыть таковую и показать ее в самом небольшом проценте и тем самым платить государству поменьше налогов и отчислений с прибылей. Поэтому, искусственно переводя прибыль в рубрику „имущества" состояло на сумму", „Товарищество" тем самым как будто увеличивало свой основной капитал, идущий якобы на расширение предприятия. После, когда отчет утверждался, эти излишне показанные суммы выводились только для членов правления, и ежегодно, к пасхе, выдавались, как дополнительные дивиденды прошлых лет, всем пайщикам.

Если даже в восьмидесятых годах типография Кушнерева так быстро развивалась, что в 1881 г. владела имуществом на сумму в 92 249 руб. 60 коп., а к концу этого десятилетия имела уже иму-

[1] Только за вторую половину года.

щества на сумму в 296 230 руб. 64 коп. (увеличение на 300%!), то девяностые годы в этом отношении оставляют цифры далеко позади.

С начала 90-х гг. снова наблюдается бурный и стремительный рост промышленности. Вместе с ростом промышленности развивается и печатное производство, которое постепенно достигает колоссальных размеров на рубеже нового столетия.

В 1904 г. сносятся на территории, принадлежавшей Кушнереву, все деревянные постройки, и на их месте строится грандиозный четырехэтажный дом. Сносится и „мезонин" на старом здании. Вместо него по всему корпусу надстраивается такой же четвертый этаж, как и у вновь построенного дома. Получается одна крупная, монолитная четырехэтажная каменная фабрика.

Затратив деньги на постройку, правление товарищества думает также и об увеличении фабрики новыми машинами, для чего намеревается увеличить основной капитал еще на 100 000 руб. выпуском дополнительных паев.

В этом отношении является весьма любопытным документ, который нам удалось разыскать в делах б. Московского охранного отделения:

10 апреля 1902 года.

В канцелярию Его Императорского Высочества Московского генерал-губернатора.

Министерство финансов препроводило на заключение Министерства внутренних дел ходатайство правления „Товарищества печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°" в Москве: 1) об увеличении основного капитала на 100 000 руб. выпуском дополнительных 100 паев по 1000 руб. каждый с премией в запасный капитал 162 р. 85 коп. на каждый пай и 2) об изменении получаемого т-вом годового чистого дохода (§ 17 устава).

За директора *Боровик*
Делопроизводитель *Н. Петров*

На это отношение генерал-майор Трепов, 3 мая того же 1902 г., наложил резолюцию:

„В полицейском отношении препятствий не встречается".

Так разрешался в царской России вопрос об увеличении основного капитала одного из крупных капиталистических предприятий, которое никак нельзя было заподозреть даже в оппозиционности правительству, которое при первых же проблесках революционного движения среди рабочих выступило на самую оголтелую борьбу со своими же рабочими.

IV. „Ходики"

Как и чем объяснить этот бурный рост „Товарищества И. Н. Кушнерев и К°"?

Как могло случиться, что при основном капитале только в 400 000 руб. имущество типографии уже к 1895 г. оценивалось свыше полумиллиона—в 516 827 руб.?

К тому же не нужно забывать еще и того обстоятельства, что акционеры-пайщики, внося свои капиталы, не могли довольствоваться исключительно накоплением мертвого капитала, хотя бы этот капитал и находился в машинах и в строениях. Каждый пайщик, внося свои акции, должен был ежегодно получать на них определенные проценты, которые во всяком случае должны были быть не меньше банковских. Он и получал эти проценты в виде дивиденда.

За счет чего же и кого происходило это обогащение?

За счет прибылей, что приносил рабочий, от „зари до зари" гнувший свою спину во славу процветания отечественного капитала и во славу этого же капитала отравлявший свои легкие свинцовой и бумажной пылью.

В 70-х гг. прошлого столетия продолжительность рабочего дня никем и ничем не была регламентирована. Рабочий день буквально длился от „зари до зари"—14—16 час. в сутки. Когда же время шло к осени и день становился короче, вечернюю зарю продолжала та восьмилинейная керосиновая лампочка, которая в таких случаях заменяла собой „красное солнышко".

Работали в отвратительнейших санитарно-гигиенических условиях: света было мало; воздуха в подвальных и полуподвальных помещениях нехватало; вентиляции не существовало никакой. Рабочие за день так натруживались, до того уставали, что многие из них целыми неделями не ходили домой, к своим семьям, а здесь же в мастерских и жили. Все они жили либо за Москва-рекой, либо где-нибудь в Марьиной Роще, а так как в то время Москва не знала еще не только трамваев, но даже и конок, то они и предпочитали здесь же у машины или под реалом уснуть, чтобы через несколько часов, не отдохнув как следует, приняться опять за тот же тяжелый, подневольный труд.

Скоропечатные машины, хотя и привозились из Германии, но, попав к нам, начинали работать „по-рассейски": ни электрических моторов, ни паровых установок по нашим типографиям еще не заводили, и тяжелые „скоропечатки" приводились в движение живой человеческой силой: она была дешевле любого электрического или парового мотора. И люди, которые назывались „вертельщиками", целыми днями, обливаясь потом, стояли у большого махового клеса и вертели машину.

— К вашей милости,—сняв шапку и низко кланяясь обращался приехавший только что из деревни крестьянин, несмело переступая порог, над дверью которого красовалась вывеска:

Скоропечатня И. Н. Кушнерева.

— Ну, кто там еще? Чего нужно?—баритоном спрашивал сам „хозяин" Кушнерев, отрываясь от „дела".

— Да мы-то,—мнется у порога вошедший,—к милости вашей. Насчет работенки. Какой ни на есть... Хрестьяне мы—погорельцы...

— Погорельцы!—ядовито, фальцетом, передразнив крестьянина, повторяет Кушнерев. И, обращаясь не то к вошедшему, не то к сбоку сидящему конторщику, продолжает:

— Знаем мы вас, погорельцев. Шляетесь здесь целыми днями. Того и гляди, как бы чего не стащили, что близко под руку подвернулось. Проваливай, проваливай, с богом!

— Да что ты, что ты, батюшка родимый! Погорельцы мы. И пачпорт нам дали.

— Паспорт, говоришь, дали? Нукось, покажи его, паспорт-то твой.

Когда Кушнерев убеждался, что паспорт действительный, еще непросроченный и выдан волостным управлением, становился немного мягче и, как бы сочувствуя его „погорелости", говорил:

— Что ж! Работенка-то, пожалуй, и найдется для тебя. Вон, Пантюшка-то и совсем избаловался: вертит колесо, точно неделю не жрал.

И, переменив голос на более строгий, добавлял:

— Смотри у меня, чтобы стараться! Сейчас положу три гривенника на день, а там и набавлю, если стараться будешь. Проходи в мастерские. Сейчас покажу, что делать будешь. А паспорт отдай вон ему.

— Митя!—обращался Кушнерев к конторщику,—прими паспорт да запиши его в книгу-реестр.

— Покорно благодарим!—кланялся низко крестьянин.

Через десять минут „погоревший" уже становился „вертельщиком", а Пантюшка-„лодырь" у того же Дмитрия Михайловича получал на руки свой паспорт и те несколько грошей, что ему причитались за отработанное время.

Оставляя контору, куда он входил только два месяца назад таким крепким и сильным, но отнюдь не „лодырем", подходил к хозяину и, отвесив низкий поклон, прощался:

— Благодарим покорно!—и был несказанно рад, получив свои гроши за тяжелую и каторжную работу „вертельщика". А то могли и не выдать.

Так определялся спрос и предложение на рабочие руки!

О том, что именно в таких тяжелых условиях работали в первые годы существования „фирмы И. Н. Кушнерев", лучше всего может служить отчет инспектора книгопечатания за 1871.:

Печатный промысел в Москве в последние годы получает все большее и большее развитие. Об этом свидетельствует как ежегодно увеличивающееся число вновь открываемых печатных заведений, так и возрастающее количество выписываемых скоропечатных машин и замена ручной работы паром. Пять лет тому назад в Москве существовали только две скоропе-

чатных литографских машины; в настоящее время их сорок; даже весьма небольшие литографии или имеют уже скоропечатки, или заботятся о приобретении их. То же самое должно сказать и о типографиях. Типографий, не имеющих скоропечатных машин и работающих ручными станками, осталось только четыре. Кроме того все значительные по числу скоропечаток типографии в последнее время устроили паровые машины, тогда как 5 лет тому назад паром работали только Университетская и Синодальная типографии.

„Скоропечатня И. Н. Кушнерева"—добавим мы от себя—в 1871 г. еще не числилась „значительной" по числу скоропечаток и относилась к числу тех четырех, что продолжали работать еще ручным способом.

На дворе еще темно. Но в зимнем воздухе уже чувствуется, что скоро забрезжит свет и тихо, как будто неуверенно и несмело, начнет пробиваться в подслеповатые и изнутри запыленные окна домика, на заборе которого стоит:

Футлярная и переплетная мастерская И. Н. Кушнерева.

Скоро новый год. Открытый Кушнеревым в 1874 г. на Никольской улице магазин канцелярских и конторских принадлежностей стоит на бойком месте. И не менее бойко торгует товарами, что на Пименовской изготовляет „Футлярная и переплетная мастерская" того же Кушнерева.

Работы в мастерской много. Даже очень много! И нужно ее всю закончить еще до рождества. Ведь к новому году многие должны делать подарки: то ли альбом для стихов или для открытых писем, то ли записную изящную книжечку в кожаном или сафьяновом переплете. Да мало ли кто что вздумает купить в магазине на Никольской? Время горячее—куй железо, пока горячо!

Ну, а разные конторы и торговые фирмы, что в Черкасском на Ильинке, да на той же Никольской? Ведь и у них с нового года начнет заводиться новая отчетность. Нужны же и им „главные", „ресконтро", „дебеты и кредиты". Ой, как нужны! Прямо с рук рвут.

И переплетчики, что на Пименовской, работая тяжелыми зажимными прессами, ручными резаками и ручными же тисками—шьют, режут и обжимают альбомы, записные книжки, блок-ноты и „гроссбухи", чтобы все это на следующее утро погрузить на подводу и отвезти на Никольскую.

Отработав часа четыре „засидок", пополоскав желудок жидковатым тепленьким чайком, переплетчики, не раздеваясь, разместились здесь же, у своих верстаков, и через несколько минут по мастерской разнесся храп, храп уставших донельзя людей.

Душно в мастерской под низким потолком. Пахнет керосином от тускло горящей лампочки. Стекло на ней закоптелое. Язычок пламени

еде приметен. Пахнет керосином и от тех клееварок, что разогревают клей для конторских и иных толстых книг. Душно и от едкого клея, что разносит по мастерской запах псины. Пахнет человеческим потом и неумытым телом. Рабочие сквозь сон бормочут какие-то несвязные слова. Спят тяжелым и тревожным сном...

У одного из контористов храп переходит в какую-то нестройную гамму вздохов, свистов и мычанья и, вылетая, бьется в низкий потолок мастерской. Вот он коснулся и треплет язычок пламени. Язычок как будто встрепенулся, вытянулся, замигал, гаснет. Оживились крысы. Смело повыползали из пор своих и ищут объедков пищи, оставленной рабочими здесь же на верстаках.

А наискосок мастерской, окнами на улицу, стоит такой чистенький и опрятный особнячок самого хозяина. С ним, в особнячке том, живет и старый камердинер, лакей его Иван Акимович.

Не спится старичку. Лег рано, вот и косточкам тяжело, хоть и покоятся они на мягком пуховичке. Встал, перекрестился, натянул на ноги валенки, что барин прошлым годом одарил, накинул на плечи тулуп нагольный и пошел в мастерские.

Тихонько и осторожно переступая через ноги, раскинувшися по полу, подходил к тому месту, где слышит „ходики" тикают. Чиркнул спичкой. Время без десяти семь. Оглянулся и, подняв палочку свою, тихо и медленно передвигает малую стрелку часов. Зашипели „ходики": хотели было счет начать, да Акимыч дальше ведет палочкой и и отымает ее только тогда, когда стрелка показывает 8 час. и 10 мин. Отошел к двери и...

— Эй, вы, черти! Душу скоро дьяволу проспите. Что залежались? Вишь девятый час пошел, а вы все дрыхнете. Вставайте, скоро Иван Николаевич чаю откушают и явятся сюда. Ну, и времечко, прости господи!

Быстро, как ошалелые, вскочили рабочие с мест своих и, даже улыбаясь как-то виновато, сразу все заговорили:

— Акимыч! не сказывай Иван Николаевичу-то. Право слово, недавно уснули. Работали нида до вторых петухов, ну и разморились. Перехватили малость. Ты не сказывай, мы нагоним свое.

— Да, ну вас! „Не сказывай". Как же—нагоните!

И Акимыч уже не крадучись, а совершенно спокойно, уверенный в правоте своей, что совершил благое дело для „хозяина", уходит к себе тихой, степенной походкой...

Не приходя еще в себя, чувствуя усталость и ломоту в костях, принялись переплетчики за работу, прерванную всего несколько часов назад.

Позже, когда остальные рабочие стали сходиться, узнали, что не проспали они,—а что, как и раньше бывало, „ходики" „угнали" вперед.

А еще через час угнали мальчишку-ученика в трактир за кипятком...

После обеда Акимыч опять заходил к переплетчикам. Посмотрев как бы ненароком на „ходики“, говаривал:

— Да, что это у вас ребята часы как будто угнали вперед? Был только в конторе. Там у них только два часа, а на ваших как будто и четвертому двадцать минут. А часы-то в конторе верно ходють: по Кремлю показывают. Сходить что ли, свериться?

Через пять минут возвращался.

— Да, верно я сказывал. Ваши-то на час с четвертью и угнали вперед. Торопятся,—и, подставив к часам высокий табурет, пыхтя взлезал на него и отводил стрелки обратно. Подтягивал гирьки и спокойно уходил.

Рабочие не возражали. Они знали, что „ходики“ еще утром „действительно“ угнали вперед.

Только поздно вечером, пошабашив в этот день в одиннадцать часов ночи и порешив зайти в портерную, недоумевали:

— Как так? На наших-то было всего только одиннадцать, а в Косом-то переулке уж и все трактиры закрылись. Неужели первый час?

Да, время и в самом деле было уже за полночь: трактиры в Косом закрывались в двенадцать часов ночи.

Не подозревая во всех этих проделках Акимыча, уставшие и разбитые, передвигая еле ногами, шли рабочие пустынными улицами к себе домой, чтобы ранним-рано в понедельник пойти на работу, так как магазин на Никольской требовал все больше и больше „конторских и канцелярских принадлежностей“.

Так Акимыч и „ходики“ регламентировали рабочий день и рабочее время в старой капиталистической мастерской Ивана Николаевича Кушнерева.

V. „Избави нас от друга, а с врагом и сами справимся“

Следует ли, однако, удивляться тому, о чем мы только что говорили? Конечно, нет!

Ни на одну минуту нельзя забывать, что в России только-только пало крепостное право, что Россия, хотя и переходила на рельсы капиталистического строя, для которого, хотя бы для видимости, и нужен был „свободный“ рабочий, однако весь уклад того времени в отношении к рабочему был еще сугубо крепостной. Купец, равно как и дворянин-помещик, вкладывавшие свои капиталы и торговлю и промышленность, не могли смотреть на своего вчерашнего, еще подневольного раба как на свободного человека и гражданина.

Формально как будто и пало крепостное право. Фактически же тот самый крестьянин, из среды которого вербовался рабочий для новых фабрик и заводов, находился в такой же, если не худшей, экономической зависимости и кабале.

Да и могло ли быть иначе когда еще не так давно, всего за 43 года до отмены крепостного права, рабочие-печатники (впрочем, как и вся „чернь“) не только не могли уходить по своему усмотрению к новому хозяину, но были в полной крепостной зависимости от него. Они продавались и покупались, как вещь.

Вот яркий образец тому, как поступали с рабочими:

Наборщик Яков Степанов был испытан в искусстве своем фактором типографии департамента народного просвещения, который донес, что хотя он имеет первоначальные только познания, но что он заметил в нем расположение и охоту к усовершению себя, хорошее поведение и благонравие, почему и думает, что приобретение его может быть полезно для типографии. Впоследствии времени, по рекомендации фактора и по недостаточному числу наборщиков, принят он к типографии с оплатою по добровольному условию по 25 рублей в месяц. Управляющий же типографии донес комитету, что, со времени принятия сего наборщика к типографии, он не заметил в его поведении ничего, кроме похвалы достойного.
Комитет, уважая свидетельство управляющего типографией и фактора и находя цену, просимую г-жею Фелькнер (владелицей Степанова), умеренною, мнением полагает: наборщика Якова Степанова приобрести покупкою за две тысячи рублей [1].

И это имело место в департаменте народного просвещения! Легко себе представить, что же творилось с набором рабочей силы не в департаментах „просвещения“.

Хотя рабочие Кушнеревым не покупались и не продавались, все же в кабале хозяйской они находились.

Буржуазии потребовались новые тысячи рабочих рук. Конкурируя друг с другом, капиталисты открывают новые фабрики и заводы. Получая от правительства в эксплоатацию целые районы еще неисследованных земель, открывают новые рудники и шахты. Они рассылают во все стороны своих агентов, заманивая к себе рабочих, обещая им лучшие условия жизни и большую оплату труда. Рабочие начинают переходить с завода на завод, от одного владельца к другому.

В это время впервые создаются социал-демократические нелегальные кружки, которые ставят перед рабочими вопрос: как и какими средствами нужно бороться не только с царизмом, но и с эксплоататорами-капиталистами, дабы добиться лучших условий жизни и права на человеческое существование.

По России прокатываются первые экономические стачки рабочих, которые, пока что, выставляют только узкие экономические требования, могущие улучшить их тяжелое материальное положение.

Стачки эти, развиваясь, идут дальше от завода к заводу, перебрасываются из одного района в другой, захватывая иногда довольно большую территорию.

[1] Журнал «Русская старина», 1904 г. Июль — август.

Дело принимает совсем иной оборот, чем полтора десятка лет назад. Понимая, что в революционное движение идут не одиночки, что движением этим захватываются сотни и тысячи рабочих, правительство идет на некоторые „уступки“ и в 1893 г. издает „Правила о промышленности“, а еще через некоторое время—„Устав о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности“.

С этого времени рабочий становится уже в полной зависимости не только от своего хозяина-фабриканта; о нем начинают „печься“ и начальство в лице губернской фабричной инспекции и полиции.

Что это было так, приведем некоторые статьи из „Устава о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности“.

Ст. 48. Надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернских по фабричным делам присутствий, чинов фабричной инспекции и полиции.

Эта статья уже ясно и недвусмысленно говорит о том, что рабочие начинают „распускаться“, что рабочие выходят из „повиновения“, а потому надзор за ними нужно возложить на „начальство“ в лице фабричной инспекции и полиции.

Ст. 54. На фабричную инспекцию, независимо от обязанностей по надзору за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих, возлагается: 1) наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения; 2) распорядительные действия по применению обязательных постановлений, издаваемых Губернским по фабричным делам присутствием, и надзор за исполнением сих постановлений; 3) рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка, составляемых фабричными управлениями для руководства рабочих; 4) принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем исследований на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон; 5) возбуждение преследования, а в подлежащих случаях и обвинение на суде виновных в нарушении правил.

Здесь совсем в неприкрытой форме выступает роль „пекущегося“ начальства, когда не рабочие совместно с владельцем устанавливают размер заработка, табели и правила внутреннего распорядка, а тот же чиновник, зорко следя за тем, как бы владелец не „переборщил“ и не пошел на слишком „большие уступки“. А чтобы рабочий не сразу раскусил истинную роль и назначение этого чиновника, последнему дается и право „миротворца“, который должен принимать меры „к предупреждению споров и недоразумений... и миролюбивого соглашения сторон“.

Здесь пуще всего боялись, как бы рабочие, не придя к соглашению с владельцем, не вошли бы в стачку.

О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры.

Ст. 87. Заводское или фабричное управление обязано при найме рабочих требовать от них предъявления вида на жительство.

Статья эта говорит сама за себя: писарю ли ты не угодил, становой ли тобою недоволен или помещик не хочет, чтобы крестьяне уходили в другие места и лишали бы его во время страды дешевой рабочей силы—паспорта тебе не выдадут, в город уйти ты не можешь, и ворота фабрики закрыты перед тобой.

Ст. 92. Договоры о найме рабочих могут быть заключаемы выдачею им расчетных книжек, в коих означаются условия найма, также отмечаются все производимые с рабочим расчеты и делаемые с него денежные взыскания за прогул и неисправную работу.

Здесь преследовалась не польза рабочего, чтобы расчетной книжкой оградить его от всевозможных надувательств со стороны хозяина, а интересы господствующих классов: заносить взыскания „за прогул и неисправную работу“, служившие тем „волчьим“ паспортом, с которым нелегко было бы поступить к другому владельцу.

Ст. 95. При найме на срок неопределенный каждая из договаривающихся сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своем намерении за две недели.

Предупреждение за две недели неукоснительно требуется со стороны рабочего, в то время как владелец от этого совершенно освобождается, что увидим ниже.

Ст. 102. Воспрещается взимание с рабочих платы: 1) за врачебную помощь, 2) за освещение мастерских и 3) за пользование при работах для фабрики орудиями производства.

Здесь как будто „Устав“ становится целиком на сторону рабочего, но с рабочих ничего за врачебную помощь не взимают, так как почти ни на одной фабрике помощи этой... не оказывают. Что же касается платы за освещение мастерских и платы за пользование орудиями производства, то здесь владельцы эту статью „Устава“ великолепно обходят, назначая плату за „задельную“ работу с учетом всех „производственных издержек“.

Ст. 103. Заводское или фабричное управление составляет правила внутреннего распорядка, которые должны быть соблюдаемы рабочими на заводе или фабрике. Правила эти выставляются во всех мастерских.

Характерно, что в этой статье говорится только о том, что „Заводское или фабричное управление составляет правила внутреннего распорядка“, а рабочие должны их соблюдать. Участие рабочих в составлении этих правил „Уставом“ не предусматривается. Зато, с другой стороны, нет даже намека, что же должны хозяева соблюдать? Этой статьей рабочие, переступая порог фабрики, отдаются в полное распоряжение тех „внутренних правил распорядка“, которые вырабатывают для них их же хозяева.

Ст. 104. Договор найма рабочего с фабричным или заводским управлением прекращается:

за отказом со стороны установления, выдающего рабочему срочный вид на жительство, возобновить этот вид;

за приостановлением в течение более 7 дней работ на фабрике или заводе вследствие пожара, наводнения, взрыва паровика и тому подобного случая.

Ст. 105. Договор найма может быть расторгнут заведующим фабрикою или заводом:

вследствие дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц фабричного управления или наблюдающих за работами.

Примечание 1-е. К указанному в пункте сей статьи дурному поведению рабочего относится между прочим неосторожное обращение с огнем, а равно курение табаку и держание при себе спичек, трубок и папирос в тех фабричных или заводских помещениях, которые, по заявлению фабрикантов, указаны в обязательных постановлениях, изданных Присутствием по фабричным делам.

Эти статьи целиком и окончательно „разъясняют“ статью 95, требуя от рабочих двухнедельного предупреждения и совершенно освобождая владельцев от этого. Здесь хозяину на помощь приходит полиция, в лице ли того же писаря, исправника или станового, которые не возобновляют „срочный вид на жительство“.

Статья 104 облегчает эту задачу тем, что наряду с пожаром, взрывом стоят „и тому подобные случаи“.

Под эти „тому подобные случаи“ владельцы подводили самые разнообразные случаи, когда это им было выгодно. Например: фабрика стоит из-за того, что владелец ее умышленно не приобретает сырья. Он намерен объявить себя „банкротом“ и не платить долгов по векселям. Переведя заблаговременно все свое движимое и недвижимое имущество на имя своей жены, перестает платить по своим долговым обязательствам. Сырье не приходит. Фабрика стоит. Рабочие уже семьдесят дней как не работают. Жалованья не получают. Хозяин объявляет о закрытии фабрики, и рабочие, не предупрежденные об этом, согласно статье 95, никаких требований предъявить владельцу не могут, так как здесь налицо случаи, предусмотренные ст. 104.

Мало того. Рабочего могут выбросить за ворота „за дерзость“ или „дурное поведение“. Мы знаем, что часто даже за то, что рабочий „шапки не ломал“, его объявляли „дерзким“ и немедленно давали расчет. А под „дурное поведение“ могли подвести не только за курение в заводском помещении, а даже за... „держание при себе спичек, трубок и папирос“.

Вот как статьи 104 и 105 „разъясняли“ статью 95 того же „Устава“.

Ст. 106. Рабочему предоставляется требовать расторжение договора:

1) вследствие побоев, тяжких оскорблений и вообще дурного обращения со стороны хозяина, его семейства или лиц, коим вверен надзор за рабочими;

2) вследствие нарушения условий по снабжению рабочих пищею и помещением;

3) вследствие работы, разрушительно действующей на его здоровье.

Даже в 1893 г., через 30 лет после отмены крепостного права, на наших „вотчинных фабриках“ могли иметь место побои и тяж-

кие оскорбления. Характерно в этой статье то, что „действия" проявлялись не только хозяином, но даже членом „его семейства или лицом, коим вверен надзор за рабочими". И что же? Мог ли рабочий сразу уйти с фабрики? Нет. Рабочему только „предоставлялось требовать расторжения договора".

Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.

Ст. 135. Обязательная выдача расчетной книжки (ст. 134) не распространяется на рабочих, нанятых для исполнения на фабрике обязанностей или работ, не составляющих предмет фабричного производства.

Злополучная расчетная книжка, которая в малой степени защищала рабочего, и та не всегда выдавалась. Ее могли не выдать чернорабочему, ученику, сторожу, дворнику, уборщику. Эти лица отдавались в полное распоряжение разным Тит Титычам и в случаях, когда их издевательства переходили всякие границы, эти люди не могли даже обратиться „за защитой" к фабричному инспектору. Не имея на руках расчетной книжки, они даже не были подведомственны фабричной инспекции. Ясно, под категорию занятых на работах, не составляющих предмет фабричного производства, владельцы подводили в большинстве случаев многих из рабочих.

Ст. 140. Рабочие, пользующиеся от фабрик квартирами, банею, чайными, столовыми и т. п., могут быть облагаемы за это особыми платежами не иначе, как по таксе, утверждаемой фабричною инспекцией.

Эта статья очень много говорит о взаимоотношениях между трудом и капиталом, имевших место на наших фабриках еще не так давно. Здесь рабочий отдавался во власть своих хозяев. Хозяин, снабжая рабочего квартирой и даже „баней", открывая при фабриках разные мелочные лавочки и иные „распределители", обирал рабочих буквально до нитки. Бывали случаи, что, работая годами, рабочие никак не могли выйти из той кабалы, которая их опутывала в виде разных квартир, столовых и „заборных книжек" заводских лавок.

Рабочие, получая на руки расчетные книжки, из месяца в месяц могли только видеть—„за рабочим остается столько-то".

О том, что это было так еще недавно, доказательством может служить Ленский расстрел рабочих в 1912 г.

Правда, по этим статьям расценки и такса на квартиры, бани, столовые и предметы потребления должны были утверждаться той же фабричной инспекцией, но опыт говорит, что все эти расценки и таксы назначались и определялись самими хозяевами. Фабричные инспектора либо совсем не интересовались такой „мелочью", либо в лучшем случае просто „подмахивали" свою подпись под таксами и расценками.

Ст. 143. В видах поддержания на фабриках должного порядка заведывающим сими заведениями предоставляется налагать на рабочих собственною

властью денежные взыскания: 1) за неисправную работу, 2) за прогул и 3) за нарушение порядка.

Ст. 145. Прогулом, в отличие от несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки с нее, считается неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня.

Взыскание за прогул налагается соответственно заработной плате рабочего и количеству прогульного времени в течение одного месяца, в размере, не превышающем однако суммы шестидневного его заработка. Сверх того, у рабочего удерживается заработная плата за все прогульное время. Для рабочих, получающих задельную плату, взыскание за прогул определяется в размере не свыше одного рубля за прогульный день и не свыше трех рублей в общей сложности.

Примечание. Взыскания за прогул не полагается, если неявка на работу произошла вследствие лишения рабочего свободы, по внезапному разорению от несчастного случая, вследствие пожара, разлива рек, болезни, лишающей возможности отлучиться из дому и смерти или тяжелой болезни родителей, мужа, жены и детей.

Ст. 148. Взыскания, налагаемые за неисправную работу, за прогул и за нарушения порядка, в общей их сложности не должны превышать одной трети заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты.

Не приходится долго останавливать внимание читателя на этих статьях „Устава". Можно лишь сказать: здесь „собственная власть" доходила до своего предела. Штрафовали буквально за все. За опоздание, хотя бы на пять минут, взимался штраф. За невыход на работу—штраф (конечно за такой поргул заработная плата удерживалась полностью). За преждевременный уход с работы—штраф. За непослушание „хозяину", заведующему и всякому, кому вверен надзор за рабочими,—траф. За нарушение тишины—штраф. Даже за еду в рабочих помещениях взимался штраф, несмотря на то, что специальных столовых не было. Хорошо, если дело происходило летом—может рабочий и во дворе или на лужайке „перехватить" скромный обед. Ну, а осенью, зимой? Рабочие ели и боязливо озирались, как бы на штраф не налететь!

Ст. 151. Распоряжения заведующего фабрикой или заводом о наложении на рабочих взысканий обжалованию не подлежат.

Ст. 152. Взыскания с рабочих обращаются на составление особого при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления. Капитал этот может быть употребляем, с разрешения инспекции, только на удовлетворение нужд самих рабочих, согласно правилам, издаваемым министром финансов по соглашению с министром внутренних дел.

Эти две заключительные статьи мы приводим исключительно для того, чтобы показать, до чего наглы бывали хозяева в наложении штрафов, когда даже по „Уставу" эти взыскания „обжалованию не подлежали".

Это был тот бич, которым—в довершение к жестокой эксплоатации—хозяева били по карману рабочего. И не даром во всех последующих выступлениях рабочих в борьбе их с хозяевами во всем

пунктам требований, которые выставляли рабочие, неизменно прибавлялось:

Отмена штрафов и взысканий!

Капиталы от таких взысканий, по смыслу „Устава“, должны были быть употребляемы „только на удовлетворение нужд самих рабочих“, но так как по тому же „Уставу“ эти взыскания „обращались на составление особого при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления“, то и деньги эти шли обратно в те же хозяйские карманы.

Рабочие не имели права ни проверять сумм, собранных из штрафов и взысканий, ни контролировать, на что эти суммы хозяевами тратились.

Вот эти-то самые „особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих“ просуществовали вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и красовались у каждого кушнеревца в расчетной книжке, куда заносились и жалованье его и все взыскания.

Чтобы эти „взаимные отношения“ нерушимо соблюдались (конечно, одной только стороной—рабочими), губернское по фабричным делам присутствие закрепило расчетные книжки подписями, которые наводили рабочих на довольно неутешительные мысли. Подписи эти говорили рабочим о многом:

Председатель присутствия Генарал-майор *Трепов.*
Члены присутствия: Генерал-лейт. *Шмагин.* Товарищ прок. *Стремоухов.* *И. Санин.*
За старшего фабричного инспектора *И. Тихомиров.*
Полковник *Ефимович.*

Только пролетарская диктатура уничтожила эти правила и их место занял:

Кодекс законов о труде.

Навсегда сдали в архив „Устав о надзоре“.

Навсегда вычеркнуты из жизни рабочего класса „особые“ и „обычные“ правила.

VI. Правила внутреннего „беспорядка“

Откуда же вербовал и набирал Кушнерев рабочую силу?

В первую очередь, конечно, из числа тех разорившихся крестьян, которые, не имея достаточных земельных наделов, бросали свои хозяйства и уходили на заработки в города и на отхожие промыслы. Так как типографское дело не было еще в достаточной степени механизировано и во многих своих частях требовало применения ручного и тяжелого труда, например, на подсобных работах при

литографии и в переплетных цехах, люди, недавно только оторвавшиеся от сохи, охотно принимались в типографии.

Во вторую очередь сюда шла еще и городская мелкая буржуазия, которая, не выдержав конкуренции, разорялась. Порвав со своим „былым величием", со своей „независимостью", ликвидируя остатки своего дела, представители ее поступали также на работу в „Товарищество печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К⁰".

Эти люди, приспособившиеся уже к городской жизни, к тому же и более грамотные, поступали, главным образом, в наборные цеха в ряды „свинцовой армии труда".

В какие же условия попадали эти рабочие, переступив порог типографии? Быть может, здесь существовали иные правила „во взаимных отношениях фабрикантов и рабочих"?

Нет! Ко всем этим особенным „взаимным отношениям" прибавлялись еще и особые „Правила внутреннего распорядка":

Правила внутреннего распорядка в типо-литографии Т-ва И. Н. Кушнерев и К⁰ в Москве.

1. Поступающий на службу Товарищества рабочий должен доставить свой вид и адрес жительства в контору для записи и хранения; затем, не позднее семи дней (ст. 134), он получает расчетную книжку с обозначением всех условий найма и металлический жетон, который при входе на фабрику должен быть вешаем на назначенное для сего место и при выходе из помещения снимаем, что и служит указанием того, явился ли владелец жетона на работу или не явился. Вешать не свой жетон на место воспрещается.

2. Принявший расчетную книжку считается согласившимся на предложенные условия и не имеет права оставлять работу при сроке неопределенном без предупреждения за 2 недели или до окончания срока найма при сроке определенном.

3. Во время пребывания на фабрике рабочий должен иметь расчетную книжку при себе и обязан беспрекословно предъявлять ее фабричной конторе для записи штрафа или отказа от работ, после чего книжка немедленно ему возвращается. Кроме того, книжки отбираются от рабочих за 3 дня до выдачи заработной платы.

4. В случае потери расчетной книжки рабочий должен об этом немедленно заявить фабричной конторе, причем расчет заработной платы им принимается согласно записям в книге конторы.

5. Уплата заработка. Выдача жалованья рабочим производится в первую субботу после каждого 1-го и 16-го числа за истекший полумесяц.

6. В случае какой-нибудь разницы между выданною суммою и записью в книжке рабочий должен немедленно при самой выдаче заявить об этом кассиру.

7. Претензии на неверную запись заработка в расчетную книжку могут быть заявлены заведующему фабрикой в течение 3 дней после получки, в противном случае претензии приняты не будут.

8. Рабочему, являющемуся за получением денег в нетрезвом виде, таковые не выдаются.

9. Рабочее время. Работы на фабрике начинаются в 8 час. утра и оканчиваются в 8 час. вечера с перерывом для обеда и отдыха от 12 до 1 часу дня, всего же рабочих 11 часов.

10. Малолетние работают от 8 час. утра до 12 час. дня и от 2 час. дня до 8 час. веч.

11. Необходимый ремонт котлов, машин, приводов и отопления, который не может производиться иначе, как при остановке работ в типографии, слесаря, паровщики и машинисты обязаны производить в сверхурочное и праздничное время, причем плата за эти работы производится в $1\frac{1}{2}$ раза больше получаемого содержания.

12. Сверхурочные работы. Сверхурочным работам ведется особый счет, заработки перед каждой выдачей записываются в расчетные книжки отдельно от урочных работ и уплачиваются одновременно с последними.

13. Чистка машин. Чистка станков и машин производится рабочими после полной остановки их по распоряжению заведующего фабрикой.

14. Отлучки. В случае невозможности явиться на работу по болезни или по другой уважительной причине рабочий должен сообщить об этом фабричной конторе и представить доказательства, оправдывающие его отлучку.

15. Рабочий, желающий по уважительной причине иметь увольнение от работ на часть дня, день или несколько дней, должен обратиться за дозволением через посредство мастера к заведующему фабрикой и получить от конторы дозволительную записку. За время этой отлучки, а равно и за время отлучки по болезни или другой причине, платы не полагается.

16. Правила порядка и благочиния. Рабочим воспрещается: 1) опаздывать на работу или самовольно с нее отлучаться; 2) ослушание хозяевам, заведующему фабрикой и всякому, кому вверен надзор за рабочими; 3) производить шум, ссору и драку; 4) приходить на работу в пьяном виде, а также приносить хмельные напитки, игры в карты, орлянку и т. п.; 5) накопление народа в отхожих местах, а также загрязнение их и фабричного двора; 6) оставаться на фабрике во время обеденного перерыва и после окончания работ; 7) сидеть или стоять без дела в рабочее время и без надобности ходить в другие помещения фабрики, где они не работают; 8) самовольно закрывать, открывать и дотрогиваться до кранов отопления и противопожарного устройства: 9) выносить с собою рисунки, чертежи, инструменты, материалы и другие вещи, а также копировать рисунки и работать что-либо для себя.

Рабочие обязаны о перемене квартиры немедленно извещать контору.

17. Меры предосторожности от несчастных случаев. В предотвращение несчастных случаев при порче машин следует немедленно обращаться к мастеру, отнюдь не дозволяя себе каких бы то ни было исправлений и особенно машин на ходу без ведома мастера. Точно так же не следует чистить машины во время их действия, а равно снимать или надевать ремни на шкивы.

18. Рабочие, получившие какое-либо повреждение вследствие несчастного случая при работе на фабрике, обязаны немедленно, не выходя с фабрики, заявить о том фабричному фельдшеру или в фабричную контору.

19. Разъяснения и справки. За разъяснением всех недоразумений и для справок рабочие должны обращаться в контору в определенное заведующим фабрикою время.

20. Прием посторонних лиц, приходящих к рабочим во время работы, воспрещается.

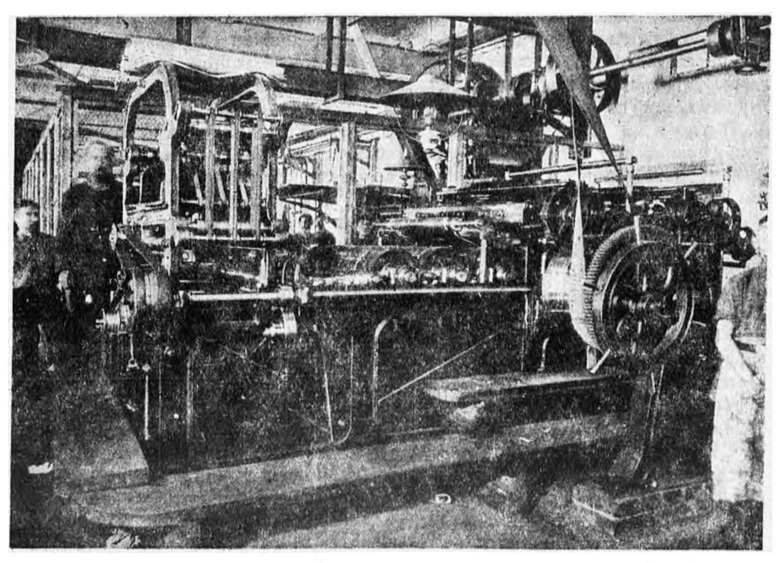
Директор (подпись).

Какие же были обязательства со стороны „Товарищества“ и что оно должно было проводить в жизнь по отношению к рабочим? Буквально никаких.

Зато рабочий должен был не только работать одиннадцать часов, но, по „Правилам“, не смел даже отказаться и от сверхурочных работ, которые оплачивались в таком же одинарном размере. Он должен был также строго подчиняться „правилам порядка и благочиния“, рискуя не только быть оштрафованным, но и быть выброшенным

на улицу без всякого предупреждения за две недели и без компенсации за вынужденную безработицу.

В целях предосторожности от несчастных случаев рабочим очень много запрещалось и в то же время ни у одной машины не было тех элементарных заграждений, которые рабочего действительно ограждали бы, чтобы не попасть в машину. Мало того. Рабочий, попадая в машину, калечился или даже убивался на смерть. „Товарищество“ в таких случаях не несло почти никакой ответственности, так как всегда легко было доказать, что рабочий сам попал в машину из-за „своей неопытности или неосторожности“.



Ротационная машина, на которой печаталась газета. Ограждений нет; освещение керосиновое.

Фабричный инспектор и на эту „мелочь“ не обращал никакого внимания, никогда не требовал от владельцев установки у машин ограждений, и рабочие, получая увечья, не получали от владельцев никаких вознаграждений. Как негодный рабочий, не могущий в той же степени приносить „Товариществу“ прибыль, что и раньше, получал иногда небольшую сумму „за увечье“ и... выбрасывался за ворота.

...Рабочий должен был обращаться за помощью к фельдшеру.

Но на „Кушнеревке“ долгое время фельдшера не было, и рабочему либо приходилось за свой счет обращаться к частному врачу или в больницу, а что еще хуже—ждать того фельдшера или врача, который приходил на фабрику „по настроению“, осматривал заболевшего рабочего и от любой болезни неизменно прописывал хинин или касторку.

Не существовало почти никакой медицинской помощи; рабочие, оставаясь на фабрике по 14—16 часов, находились в отвратительнейших санитарно-гигиенических условиях. Свинцовая и бумажная пыль толстым слоем ложилась на машинах, верстаках и реалах. Уборщики не занимались такой „мелочью“, а „Товарищество“ и фабричный инспектор об этом даже и не думали. Пыль, скопляясь, разносилась по мастерским, разрушительно действуя на организм рабочего. Только два раза в году—весной к пасхе и зимой к рождеству—производилась „генеральная“ чистка цехов, да и то только „для виду“. Мылись полы и окна, но о том, чтобы выбрать годами накопившуюся грязь под реалами и верстаками—об этом мало беспокоились. Было бы наружно чисто.

Работали при слабом керосиновом освещении, которое вредно влияло на зрение рабочего, и он быстро терял его. Особенно в тяжелых условиях работали наборщики: к атмосфере, насыщенной свинцовой пылью, прибавлялся еще удушливый и смрадный запах от трех-четырех десятков керосиновых ламп. Подвешенные на блоках лампы низко спускались над наборными кассами.

Заправленные с утра ламповые фитили постепенно нагорали, производили треск, керосин плохо перегорал и на фитилях образовывался большой налет сажи. Сажа эта, скопляясь все более густым слоем, разбрасывалась, и стекла очень скоро покрывались тем же слоем жирной и удушливой сажи. Приходилось снимать стекло, оправлять фитиль и опять приниматься за работу. Но стекло оставалось таким же тусклым.

Копоть разносилась по мастерской, ложилась на одежду, на лицо и руки, забиралась в нос и дальше проникала в легкие, уже отравленные свинцовой пылью.

Нам не хочется утомлять читателя зарисовкой всех бытовых картинок рабочего-кушнеревца 90-х гг. прошлого столетия и начала 900-гг.

Об этом просто и ясно, до жути просто, рассказывают товарищи, воспоминания которых помещены в этом же сборнике.

Этим ли ограничивались „Правила внутреннего распорядка“ в типографии „Товарищества И. Н. Кушнерев и К°“? Нет.

На видном месте, не только в стенах типографии, но и в каждой расчетной книжке неизменно стояло:

Табель взысканий с рабочих
(согласно 143 и 147 ст. ст. Устава о промышленности).

А. За прогул	С получающих жалованье	С получающих задельн. плату
от 1/2 дня до 1 дня . .	за 1/2 дня	— 50 коп.
за 1 день	» 1 »	1 р. — »
» 2 »	» 2 »	2 » — »
» 2 1/2 »	» 1/2 »	2 » 50 »
» 3 » и более	» 3 »	3 » — »

Сверх того, у рабочего удерживается плата за все прогульное время.

Вот до чего доходило глумление над рабочими. Мало того, что ты не вышел работу, лишился заработка и урезал семью свою в бюджете, так на же! Плати еще и штрафы, которые равны такой же сумме, что и заработок твой.

Не вышел на работу три дня—лишайся заработка за всю неделю, так как—скажем уже от себя—в развитие ст. 152 того же „Устава о промышленности“ „в заведывании фабричного управления должен состоять особый, при каждой фабрике, капитал“.

И это еще не все! Так же, как и за прогулы, рабочих штрафовали:

Б. За нарушение порядка;

а) За несвоевременную явку на работу или самовольную отлучку:

до 15 минут	10 коп.
от $^1/_4$ часа до $^1/_2$ часа	20 »
» $^1/_2$ » » 1 »	30 »
» 1 » » 2 »	40 »
за 3 »	50 »

б) За несоблюдение в заводских и фабричных помещениях установленных правил осторожности при обращении с огнем	до	1 р. — к.
в) За несоблюдение в сих помещениях чистоты и опрятности	до	— 50 »
г) За нарушение тишины при работах шумом, бранью, ссорой или дракой	до	1 » — »
д) За непослушание	до	1 » — »
е) За приход на работу в пьяном виде	до	1 » — »
ж) За устройство недозволенных игр на деньги (карты, орлянка и пр.)	до	1 » — »
з) За неисполнение правил внутреннего распорядка .	до	1 » — »
и) За порчу материалов	до	1 » — »

Примечание. Кроме того, убытки, понесенные от порчи машин и изделий, могут быть взыскиваемы по суду.

Взыскания, налагаемые за неисправную работу и за нарушение порядка, в общей их сложности не должны превышать одной трети заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты (ст. 148 Уст. о промышл.).

Итак, на каждом шагу, на каждом повороте, за малейший проступок, за малейшее непослушание—штрафы, штрафы и штрафы!

Быть может рабочему все же жилось неплохо, несмотря на то, что он подвергался штрафам и взысканиям? Быть может, он так много зарабатывал, что ему и „наплевать“ было на эти штрафы.

Из сохранившихся документов мы знаем, что высококвалифицированный рабочий в это время получал в среднем 90 коп.—1 рубль в день. Это подтверждает и табель взысканий „за прогулы“, когда с рабочего, живущего на жалованье, за день удерживался день, а со сдельщика за один день прогула взимался штраф в размере одного рубля, т. е. примерно та сумма, которую он „выколачивал“ за долгий одиннадцатичасовой рабочий день. Печатники же, переплетчики, и в особенности брошировщики, получали значительно мень-

ше—их заработок колебался от 50 до 70 коп. за тот же долгий день. „Подручные“ же получали рублей 12 в месяц и столько же черпорабочие.

Нужно быть все же справедливым к „Товариществу И. Н. Кушнерев и К°“.

Оно не только эксплоатировало рабочих, заставляя их работать в отвратительнейших условиях. Не только лишало их медицинской помощи и подвергало на работе несчастным случаям, наконец, оно и не только штрафовало рабочих и налагало на них всяческие непосильные взыскания...

„Товарищество И. Н. Кушнерев и К°“ также ежегодно, один раз в году, вспоминало и о рабочих своих и занималось благодеянием, правильней—„благодаянием“.

Перед пасхой, когда окончательно выяснялся баланс Т-ва и подсчитывались прибыли и дивиденды для каждого пайщика в отдельности, правление делало широкий жест и награждало рабочих... наградными.

В то время как директора, за труды свои получая ежемесячно оклады в несколько сот рублей, „награждались“ от 700 до 1 000 руб., высшая администрация—от 200 руб. до 400 руб.. и низшая администрация—от 50 руб. до 150 руб.—рабочим с барского стола бросались крохи: от 3 руб. до 10 руб., а ученикам и того меньше: от 50 коп. (для младших) до 5 руб. (для учеников, которые вот-вот становились мастерами).

Перед нами расчетная книжка высококвалифицированного рабочего художника-гравера В. Н. Орлова. Его, получающего в 1905 г. жалованья 45 руб. в месяц, наградили... 13 рублями.

Художник-позолотчик товарищ Мамонов. Перед войной, в 1912 г., он уже зарабатывает сдельно до 65 руб. в месяц. „Наградные“—12 рублей.

Наборщик-акцидент П. Н. Шустов. Уже во время войны, когда стали набавлять „на дороговизну“, сдельный заработок его равняется 60—65 руб. в месяц. „Наградные“—15 руб.

Наконец, в 1916 г. тому же Шустову выдают... 9 руб. и накануне Октябрьской революции—в марте 1917 г... 1 руб. наградных.

Так „Кушнерев и компания“ облагодетельствовали своих рабочих!

О том, как рабочий ограждался и вознаграждался при несчастных случаях, показывает документ, прилагаемый в приложениях (закон от 3/VI 1903 г.). До этого „закона“ иных правил не существовало.

VII. За час—полторы копейки!

— Василий Иванович! Вот вы работаете на этой фабрике уже 44 года. Скоро, можно сказать, и „золотую свадьбу“ сыграете.

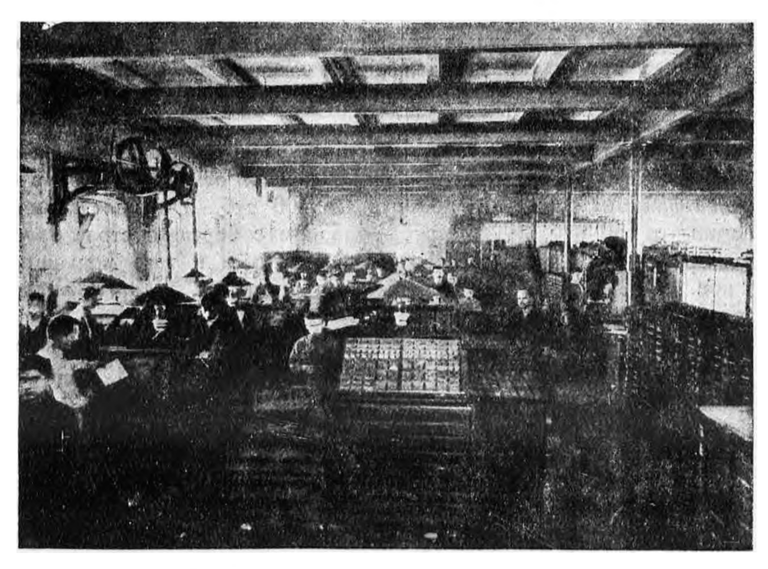
— Ну и что же? Силенка есть еще. Поработаем! Вот закончим вторую пятилетку, посмотрим своими глазами, как жить-то будем

в бесклассовом обществе, дух у меня от счастья этого и запрет— тогда и на покой можно.

— Да, что вы, Василий Иванович! Пятилетку первую-то мы в этом году закончим? Закончим. Ну, прикиньте еще 5 лет. Будет, стало быть, только 49 лет, как вы на „Кушнеревке". Годок-то и не дотянуло до „свадьбы-то золотой". Стало быть, и в третью пятилетку заглянете. Да еще как заглянете!

— Ну, как знать,—скромно заметил Василий Иванович, а у самого глаза как-то молодо заблестели.

— Не как знать, а на самом деле. Вот, мы же с вами сказали: даешь пятилетку в четыре года!—и даем ее. Кто же нам запретит и помешает сделать то же самое и во вторую пятилетку? Нет,



Левая сторона наборного цеха (мелочного отделенья).

Василий Иванович, мы с каждым годом,—да что там с каждым годом!—с каждым месяцем все больше и больше догоняем Европу и Америку, а местами так и перегоняем их. Сами на своем опыте чувствуете: „Большевики не только должны овладеть техникой", но и овладевают ею.

— Да к чему ты все это ведешь? Начал с „золотой свадьбы" и дошел до Сталина: „Большевики должны овладеть техникой".

— Ах, вот как! Ну, и прыткий же вы, Василий Иванович. Хотите знать, к чему? Ну, так слушайте: мы сейчас пишем историю нашей фабрики. Вы, как проживший на ней 44 года, также должны что-нибудь сделать для этой истории и написать все, что вы знаете

о ней. Поделиться своим опытом, знаниями и воспоминаниями, чтобы молодежь знала, как мы создавали для капиталистов фабрики, как мы работали на них, и как теперь мы работает на наших новых социалистических фабриках. Нужно рассказать молодому рабочему, сколько пота и крови вы оставили здесь, в стенах этой „Кушнеревки", чтобы они зубами и когтями дрались за эту, теперь нашу фабрику, фабрику рабочих и крестьян.

Василий Иванович слушал меня, не перебивая, и смотрел в окно, где за высоким домом уже начинало скрываться солнце. Вероятно, слова мои воскресили в его памяти не одну картинку того старого времени, когда рабочие действительно потом и кровью скрепляли каждый кирпич „Кушнеревки".



Правая сторона наборного отделения.

Молчание длилось минут пять. Слышно было, как тикал будильник на этажерке, как потухающий самовар, нет-нет, да возьмет фальцетом последнюю нотку отмирающей песенки своей, что еще не так давно грохотала в нем таким зычным и сочным баритоном.

— Нет, ничего я не напишу! Да и писать-то я не могу! Вот нашел еще „писателя".—бросил он в мою сторону отрывисто и как-то злобно.—Не могу я писать.

Я улыбнулся. Раз человек злится—значит попал в точку. За живое задел!

А раз так, то не отвернуться тебе, дорогой Василий Иванович, от меня. Нет, не отвернешься!

— Ну, хорошо, Василий Иванович. Писать вы не хотите? Вы писать-то умеете, да не хотите. Ладно. Спорить не будем. Ну, а рассказать, как вы работали, как вы жили, как вы боролись, наконец, как вас учили наборному делу, да подзатыльников давали,— это-то рассказать вы мне можете? Или тоже „не могу“?

— А это еще зачем? Кому нужно знать, как меня учили да марашки осаживали. Небось сейчас об этом любой пионер по книжкам знает лучше, чем я расскажу.

— А вот и неправда, дедушка,—вмешался в наш разговор внук Василия Ивановича, пионер, который пыхтел над какой-то замысловатой моделью, составляя ее из различных частей „конструктора“.

— Вот я совсем не знаю, как вы жили и как учили вас. Книжки-то я читаю, да как-то плохо понимаю что пишут об этом. А ты, вот, возьми, да расскажи, как все это было на самом деле. Ох. люблю я тебя, дедушка, когда ты рассказываешь, как жили ребята в старое время. Ты говоришь, а я думаю. И знаешь, дедушка, что я тебе скажу? Когда ты мне рассказываешь что-либо, у меня всегда лучше модели выходят. Ну, расскажи!

Это неожиданное вмешательство пионера Сережи решило наш спор с Василием Ивановичем в мою пользу. „Дедушка“ как-то сразу раздобрел, стал даже моложе и, любовно посмотрев на внука, сказал:

— Ну, ладно, оголец! Так и быть. Расскажу тебе, но не ему кивнул он головой в мою сторону—о том, как мы жили и как мы не знали, ни что такое пионер, ни что такое социализм. И не с „конструкторами“ возились, а с младшими братишками и сестренками.

— А зачем же тогда ты мне его покупал?—с задором налетает на дедушку внук.

— А затем, чтобы ты советским, своим, рабочим инженером был.

— Ну, то-то!

— Так вот, расскажу я тебе, Сереженька. А для истории типографии-то нашей ты, Михаил Семеныч,—говорит он мне,—обратись к кому-нибудь другому. Может, что и выйдет.

Я остался, думая что-нибудь узнать от Василия Ивановича и для истории нашей.

— Когда мне „стукнуло“ двенадцать лет, умер отец мой. На руках у матери, кроме меня, осталось еще трое ребят: тетя Поля, тетя Ксеня, да вот еще младший мой брат Алеша. Его-то ты и не знал. Убили его царские слуги, когда в пятом году вместе с рабочими Красной Пресни баррикады строил, над самодержавием хотели клин вбить. Тете Поле тогда было годков девять, Ксене должно лет семь, ну, а Алеше годков четыре. Не больше.

Овдовев, мать первое время крепилась. Я еще ходил тогда в приходское училище, а с остальными ребятами она по дому хлопотала.

Затем становилось жить туже. Вначале мать на толкучку несла покойниковы штаны, пиджак, а под конец и пальто даже продала, что спервоначала думала для меня перешить. А когда и это все было продано, пришли к нам перекупщики и унесли от нас большой платяной шкаф.

Стала зима подходить. Квартирку топить надо, а денег-то для дров и нет. Впустила тогда мать на кухню к нам жильцов каких-то, мужа с женой, с уговором:

„Живите у меня на кухне. За квартиру я с вас ничего не возьму: живите, пока захотите, зато зимой квартиру отапливать будете".

Так и перебивались. Всю зиму жильцы хорошо кухню отапливали, ну, воздух-то к нам в комнату теплый и шел.

Наступила весна и мать моя стала к людям ходить—на поденку, значит. Там платье дешевенькое сошьет, здесь постирает на кого. Смотришь, придет вечером усталая-усталая, а сама из узелка вытаскивает обрезки колбасы, да сыра, что продавали в Охотном у Чичкина копеек по десять за фунт, а из кармана обязательно вытащит карамельку для последыша—Алешеньки. Уж и любила она его! Больше всех нас. Вот и баловала.

— А тебе, дедушка, не давала?

— Ну, что ты! Мне дай, значит и сестренкам нужно. А это— не по карману. Знаешь, как сейчас говорят—„не по бюджету".

Слушай дальше. Подходит пасха. У баб-соседок работ не оберешься. Сами не справляются: наступила у них пора „страдная", как у вас прошлым летом в лагерях, когда уборка хлеба началась. Ну, так вот. Солнышко-то весеннее землю нагрело: в комнатах стало как-то теплей и даже светлей, а тут при свете-то этом и начали выползать наружу грязные и жирные пятна, что набрались за долгую зиму по стенкам, потолкам и на полах. И особенно противно было сидеть в комнате, да глядеть на те темные пятна, что оставались по стенам от клопов давленых. Зимой как-то даже и не приметны были пятна-то эти.

И заработали бабы наши „по-ударному": надо рамы зимние выставить, стекла летних рам вымыть да протереть, что еще с осени запылились, по которым, при солнышке-то весеннем, грязь ручейками потекла, оставляя на них серо-мутные извилистые, да застывшие полоски грязные.

Нужно и столы кухонные, да скамьи и табуретки во двор вынести, где в щелях засели „пруссаки" и другие тараканы. Кровати деревянные разобрать, в которых гнездится бесчисленное количество клопов и личинок их, что за зиму в тепле и тесноте завелись. Все это вытащить во двор, да обдать кипятком...

Эх, Сережа, Сережа! Мы-то при отце еще хорошо жили. А вот соседи-то наши, так там бывало так: в одной маленькой комнатенке живут отец, мать, детей пары три, да еще от себя и угол сдают жильцам. А у тех тоже: муж, жена, да ребят двое.

...Ну, так, вот: выволокут бабы-то все это имущество свое во двор, засучат рукава, подоткнут подолы юбок, понатаскают большие таганки да чугунки с водой кипящей и как начнут кипятком-то этим обдавать скарбишко свое, инда пар кругом идет. Скребут. чистят, мочалой моют и, еще разочек обдав кипятком, оставят здесь же на солнышке подсыхать. „Пруссакам“ да тараканам жарко от бани этой и они давай спасаться, кто куда. Выбегают из мест своих темных да укромных.

То-то раздолье петушку нашему да курам. Бегут по двору, заглядывают под столы, скамьи и табуретки, задирают головы свои кверху и как только „пруссак“, нагретый солнышком, выглянул из щели своей да усищами повел: куда бы это сбежать да спрятаться в место попрохладней, петушок-то и подстерег его—хлоп клювиком. Погиб „пруссачек“, а Петька наш-то смотрит на него этак глазком одним и, надувшись, важно победителем скликает к куску лакомому пеструшек, хохлаток да плимутрок.

Хлопочат у хозяйства своего соседки. Хлопочат и хохлатки с пеструшками день-деньской, гоняясь за пищей живой, что старается спастись от воды кипящей да от смерти верной—клюва жесткого и сильного.

„Кыш! Кшы!..“—только и слышишь, как бабы прогоняют кур назойливых, что путаются у ног ихних.

Вот в это-то время мне и досталось в особенности. Скоро каникулы. Нужно и к экзаменам готовиться: тогда не было „уд“, „неуд“, а хоть ты и самый лучший ученик, а экзамен держи. Мать моя разрывается по соседкам: той подсоби белье выстирать, этой—комнату побелить, а третьей—кухню прибрать да стекла в окнах вымыть.

Ходят ребятенки наши без присмотра. Придешь из училища—уроки готовить надо, а мать и приказывает:

„Васька! Поиграй с Алешенькой, а то Полинка уж и так умаялась с ним“.

Только понянчишься, уснет он—сядешь за трудную задачу, что на завтра задали, а мать опять:

„Васька! Сбегай в лавочку, и купи „того-то и того-то“.

Все же экзамены я сдал и перешел в последний класс.

Закончил я училище в тринадцать лет. Скоро через знакомого наборщика определился учеником на пять лет в типографию Кушнерева. Но пробыл я в учении не ровно пять лет, а еще с „хвостиком“ в два с половиной месяца. Тогда правило было такое, что тебя не сразу принимали. Нужно было пройти, так сказать, „испытательный стаж“, после чего и определялось окончательно—остаешься ты здесь, или иди и ищи другое место.

Ну, вот, бывало, и стараешься, чтобы тебя, чего доброго, не признали „негодным“.

Когда прошло два с половиной месяца, Михал Петров, старший кладовщик наборного цеха, сказал мне, чтобы завтра мать приходила.

Долго я ждал этого момента: когда же мать призовут „условие писать“, а тут, как услыхал, чтобы на завтра мать приходила, так сердце и затрепетало, что хвост овечий. Неужели не оставят? Спросить же об этом у Чугуева боялся—уж больно строг был, и на руку тяжел: как что—так и подзатыльник.

...Ну, ладно! Приходит на другой день мать в контору. Подписала условие, подождала меня у ворот, когда рабочие на обед стали выходить, да попросила, чтобы меня вызвали. Испугался я: неужели не оставили? Вышел за ворота, а мать стоит такая радостная да веселая:

„Ну, Васенька! Молись богу—условие я только что подписала. Смотри, учись хорошо, слушайся старших, мастером будешь. Матери помогать станешь: мне и легче будет. Знаешь, троих еще на ноги поднять нужно. А ты-то у меня уже стал на ноги!“—и, перекрестив, поцеловала меня в лоб.

Растрогался я от ласки материнской. Стало как-то легко и хорошо. Почувствовал, что на самом деле „на ноги стал“ и должен матери помогать. Ведь, я же взрослый—жалованье буду получать!

— А сколько же ты стал, дедушка, зарабатывать, что думал матери помогать?

По „условию“ должны были платить так: в первый год ученья 3 руб. 50 коп. в месяц, во второй год набавляли один рубль—значит 4 руб. 50 коп., на третий год—еще целковый—5 руб. 50 коп., на четвертый год прибавляли сразу 2 рубля, т. е. платили уже по 7 руб. 50 коп. в месяц, и в последний год ученья—еще пару рублей, стало быть—9 руб. с полтинником.

— А что еще давали хозяева? Неужели денег этих тебе, дедушка, хватало, чтобы кормиться, одеваться да еще матери помогать?

— Ничего нам, Сереженька, не давали. Даже спецовок—и тех не давали: приходилось работать в своей одежде и рвать ее. Зато подзатыльников нам давали—ой, как много давали! Били нас все: били наборщики, били кладовщики, били и заведующие.

Помню, со мной такой случай был. Я уже пробыл в учении два года, пошел третий. Наборщики в то время очень много пили водки. Был у нас даже такой—Пасхин. Так тот без водки и работать не мог. Утром встанет—опрокинет „мерзавчика“, в обед идет домой—к Лесину заглянет. Знаешь, дом маленький, что возле типографии стоит на Пименовской? Здесь жил домовладелец—Лесин по фамилии. Была у него и лавочка здесь же. А позади лавочки темная комнатушка—в роде кладовой какой. Вот, бывало, зайдет сюда Пасхин, выпьет еще сотку водки, да здесь же у Лесина и закусит огурцом соленым, либо капусткой квашеной. А вечером идет с работы—опять к тому же Лесину: еще „мерзавчика“ в горло вольет и идет домой ужинать. Так, вот, расскажу про случай-то свой.

...Остались наборщики какое-то спешное дело заканчивать: сверхурочно работать, стало быть. Ну, и мы, ученики, с ними. Часов в

десять вечера зовет меня в „переулок" к себе староста их, по теперешнему—бригадир, дает денег и говорит, чтобы принес водки им бутылку и закуски захватил какой-нибудь у Лесина.

...Время позднее. Знаю, что за ворота табельщик не пустит, а если и выпустит, то может обратно не впустить. А то и впустит. все равно водку отберет—обыщет и отберет. Отказаться—староста побьет! Беру деньги. надеваю картузишко, прохожу во двор, да под ворота, что на Щемиловку выходили. на брюхе и выполз на улицу.

...Ну, думаю—одну опасность миновал: прошел так сказать „скачки с препятствиями". Зашел к Лесину, купил у него все, что полагается, да и назад тем же ходом. Здесь-то у меня и оказались препятствия. Под ворота можно было проползти только на брюхе. да и то с трудом. Я же, чтобы кто не заметил, что водку несу, взял, с дуру-то, да и засунул бутылку за пояс штанов и закрыл ее рубахой-то своей.

...Держу в руках „фунтик" с капустой квашеной. Сок от нее по рукам течет, бумага расползается, лезет; вот, вот, вывалится капуста на мостовую; да так и подползаю под ворота. Только голову просунул, гляжу—по двору сам директор идет. Я сразу и назад. Да поторопился видно—бутылку-то и раздавил.

Потекла водка по телу моему—неприятно даже стало. Вылез на улицу, положил „фунтик" здесь же на тротуар, расстегнул брюченки и давай осколки выбрасывать. Чувствую что-то теплое. А темно в переулке-то. Фонарь горел только во дворе. Подношу руку к глазам—кровь. Значит, осколком-то бутылки и порезал себе ноги. Ну, ничего! Выпростался, брюченки выжал, да обратно их—на место свое. А вонища от водки так и прет, так и лезет в нос. Взялся было за „фунтик"—куда там! Расползся весь—и капуста на тротуаре. Бросил я и ее. Заглянул опять под ворота. Никого не видать. Переполз, да в цех... Здорово я получил тогда от „старосты", да еще и звон пошел: „Смотрите, смотрите, Васька-то наш у...." Это оттого, что брюченки еще не высохли и были мокрые.

...Обидно мне стало. Хоть и хотелось поработать еще, но не стерпел, пошел к табельщику, сказал, что нездоровится, и пошел домой, к матери. Спасибо, спала она уже. Так и не заметила, что брюки мокрые. Ничего—все обошлось: на утро и совсем сухие были...

...Работали мы с 8 час. утра до 8 час. вечера. На обед полагался один час. Значит, чистых работали 11 часов. Но платили нам очень мало. Сам знаешь, три с полтиной, да четыре с полтиной. Ну, вот, и сосчитай: четыреста пятьдесят копеек за 25 рабочих дней. Значит на день приходилось копеек по 14—18. А теперь подели это на 11 часов. И выйдет, за час работы платили нам копейки по полторы. Это по второму году, а в последний год—копейки по три. Вот эти-то полторы копейки и заставляли нас оставаться работать сверхурочно часика по 4—5 каждый день, За это нам уже платили

по две-три копейки в час. Поработаешь этак весь месяц, смотришь, и нагнало тебе еще рублика полтора—два. Жалованье отдашь матери, на остальные подсолнухов купишь, конфект, ну, и сестренкам с братцем пряников в подарок принесешь.

...Да, что там работать лишних часа три-четыре! Работать мы любили—все же делу учились. А вот, как бывало дежурство новое приходит, ну, тогда уж и совсем плохо...

В такой день нужно было на фабрику итти за час раньше. Вместе с другими дежурными убрать лампы, да снести их к ламповщикам. Там снять стекла со всех ламп, чисто-начисто протереть их щетками, а затем и тряпками. Разлить по всем лампам керосин и заправить фитили. А до этого еще—вымести в мастерской сор и вынести весь мусор во двор. Затем принести кипяток в больших чайниках из кубовой. А когда лампы заправишь, иди в контору и будь там весь день на посылках вместо курьера. Хорошо, как еще в город пошлют с корректурой к заказчику хорошему: смотришь и „на чай" даст копеек десять-пятнадцать. А то будь внутренним курьером и бегай весь день из корпуса в корпус, из цеха в цех. За день так умаешься, что к вечеру и ног не чувствуешь.

Но вот, прохрипел долгожданный гудок. Рабочие, что не остались на „зашибке", домой идут. А ты, как дежурный, еще час-другой должен по наборной ходить, да прибрать к местам шпоны, титульные шрифты, и все то, что осталось от наборщиков неубранным. Собери все это, приведи в порядок, снеси к кладовщику и только тогда можешь домой итти, пробыв на фабрике часов 15—16, даже не учась делу своему...

Ну, и до чего же я, старый хрыч, разболтался!—вдруг перебил себя Василий Иванович.—Рад, что нашел младенца, что слушает мою долюшку горькую. Так и зашелся соловьем! А то и невдомек мне, что Сереженька устал и скучно ему стало от моего стариковского рассказа. Вот и уснул, бедный мальчик, за столом...

— Ты уж, прости меня, Михал Семеныч, а выкатывайся, иди домой. Надобно Сережу спать укладывать. Спит он в комнате этой. Да, что это мать с отцом так долго не идут?—верно опять на собрании засиделись. Ну, и собраний же у вас, коммунистов. Что ни день—собрание, совещание, конференция, а там и слет еще какой. Вот несу же только я две нагрузки по типографии—и хватит. Завком от остального освободил.

Не задерживаясь, я ушел, крепко пожал руку Василию Ивановичу, довольный тем, что слушал, как он „соловьем зашелся".

Вот кто еще приносил несметные богатства „Товариществу И. Н. Кушнерев и К°"! Ведь, подумать только: платить ученику 18—20 копеек за одиннадцатичасовой рабочий день, ученику, который должен и сыпь рассортировать, и кассу разобрать, быть на побегушках

и исполнять роль уборщика и ламповщика. А, ведь, на четвертом году, даже при плате в 7 руб. 50 коп., и то выходило только 30 копеек в день. Тогда ученик-наборщик должен был уже хорошо и набирать. Сколько же прибыли приносили эти мальчики, когда на одного наборщика приходилось по 3—4 ученика?

Хозяева хорошо учитывали, сколько прибыли им приносил каждый „мальчик“, и не скупились на большой набор учеников. Ведь не о кадрах же они думали.

А сколько было еще и таких Василий Ивановичей, что не дожили до наших дней и преждевременно ушли в могилу, отравленные свинцом, надорванные непосильным трудом, трудом продолжительным и изнурительным!

VIII. В тоске по прошлому

Перед смертью Иван Николаевич Кушнерев опять решил приняться за перо „литератора“. Страдая ожирением, он целыми днями просиживал в кресле-качалке, ничего не делая и, вероятно, много думал.

Когда ему и это надоедало, он через своего лакея-камердинера вызывал к себе в кабинет-спальню одного из своих многочисленных учеников, которые должны были ему читать вслух ту книгу, которую он считал, вероятно, подходящей его настроению. Чтецы эти рассказывают, что любил он в особенности слушать произведения Толстого, сочинения которого, кстати, печатались у него же в типографии.

То ли под влиянием Л. Н. Толстого, то ли вспомнилось прошлое, когда отец его был помещиком и он мог бы остаться таким (не поспеши он продать свое имение), то ли соскучился по липе развесистой, под которой сидел каждый день, встречая рабочих, идущих на работу, но Ивана Николаевича потянуло... на землю.

Совершенно позабыв о том, кем он был, когда только впервые открывал свое „дело“ на Тверской, в доме Шаблыкина, забыв и о том, как он на эксплоатации рабочих и учеников строил и построил свое благополучие, раздув дело до большого „Товарищества“ с основным капиталом в 400 000 руб., с двумя десятками машин последнего слова европейской техники и до полтысячи рабочих, Иван Николаевич в конце 1892 г. выпускает небольшую брошюрку—в 16 полос книжного формата—и дает ей очень характерное заглавие: „Землякам“, и в виде эпиграфа помещает:

> „Обращайтесь к земле, как к единственному источнику силы и богатства“.
> „Земля—наша кормилица“ (народная поговорка).

Уже из первого эпиграфа чувствуется, что сочинения Л. Н. Толстого для него не прошли даром, и он, как „ученик“ его, намерен проводить идеи графа в жизнь.

Мы процитируем некоторые мысли из его же брошюрки, чтобы на основе его „философствований“ показать, сколь лицемерен и лжив был Кушнерев, впрочем, как и весь его класс, когда он пытается найти выход из тяжелого положения „брата младшего“ и как логикой вещей приходит к мысли о необходимости еще большей его эксплоатации.

Что же дает в своей брошюрке Кушнерев в оправдание своего эпиграфа?

Когда Геркулес пришел в Африку и, встретив там великана Антея, сына Земли и Посейдона, вступил с ним в борьбу, то по мере того, как он приклонял Антея к земле, последний получал от нее наибольшую силу, и, чтобы победить Антея, Геркулесу надо было задушить своего противника на руках, не допуская его прикасаться к земле.

Легенда эта должна быть для нас весьма поучительна. Мы являемся такими же антеями, в силу обстоятельств, будучи **оторваны от земли**[1].

Учитывая, что нарождающееся рабочее и революционное движение идет не на пользу его классу, выразителем которого Кушнерев пытается стать, он говорит:

Мы чувствуем сами, что задыхаемся в лабиринте новых идей, новых стремлений, отжившего прошедшего, **неусвоенного** настоящего.

И чтобы его кто-нибудь не понял плохо, не так, как он этого хотел бы, автор уже более ясно и членораздельно, со злобой и пеной у рта, разъясняет только что высказанную мысль в таком духе:

Мы знаем многих величающих себя **народниками**[2]; но что же они сделали для народа? К сожалению, они только нравственно растлевают его и в устных и в печатных беседах с ним. Они, не посеяв в нем ничего разумно-жизненного, только взбороздили все по природе доброе и требуют, чтобы он с этой нивы пожинал плоды и ликовал. Таковы наши **народники**[2]. Задача их не хитрая, она уже давно разгадана и заключается в том, чтобы на ту или другую удочку ловить в мутной воде простодушную рыбку в сермяжной чешуйке. В последнее время **живец**[2], на которого они ее принимают, является якобы теплым печатным словом в защиту меньшей братии; меньшая братия **клюет**[2], а большая в это время глотает **красную рыбу**[2]. Таких ли **народников**[2] требует жизнь, желает наше отечество? А других мы не видим.

Философствуя в таком же духе и дальше, он должен уже признать свое бессилие и непрочность существования:

Все как будто бы потеряло под собою почву вместе с нами; везде бесконечное толкание людей за наживой скорой, но не **трудовой**, вследствие чего и непрочной.

В чем же выход из положения? Возврат к земле.

Пора, наконец, одуматься и спросить себя: куда же мы идем? До чего можем дойти и в чем искать спасенья.

Ответ может быть только один: **возвратиться к земле**, а вместе с тем к децентрализации населения, которая придет тогда сама собою.

[1] Всюду подчеркнуто мною, за исключением тех мест, где указано особо. *И. Ф.*
[2] Подчеркнуто Кушнеревым. *И. Ф.*

Зачем же дело стало? Почему Куинерев, как и его „земляки", оторвался от земли и не возвращается к ней?

Здесь неискушенному читателю уже дается целое „экономическое учение", в доказательство чего и говорится:

Между тем, после эмансипации[1], благодаря сбережениям или заслугам отцов, наделы помещичьи остаются без призора и не исполняют своего назначения—родить хлеб и кормить им население. После этого что же удивительного, что мы нуждаемся, когда у нас тысячи десятин лежат непроизводительно, мало того—мы еще платим за них в земство, казенный оклад, дворянский и проч.

Позабыв о том, или не желая понять, что крестьянство даже после „эмансипации" осталось без земли, несмотря на то, что „тысячи десятин лежат непроизводительно" именно потому, что землю эту отобрали у крестьян те же помещики за „заслуги отцов", он продолжает от имени помещика:

Не стоит-де нынче заниматься сельским хозяйством. Народ избаловался, с рабочими не сообразишь: норовят только взять деньги вперед, а там и ищи их.

Бог с ним и с хозяйством. Лучше бросить все, да поехать в столицу и поискать себе места по железным дорогам или в каком-нибудь банке. Так рассуждает бедный помещик и направляется в столицу.

Нельзя сказать, чтобы в этих неутешительных причинах, вследствие которых помещики оставляют свои хозяйства на произвол судьбы и стремятся на более или менее крупные оклады в Москву, Петербург, Харьков и т. д., не было правды и, к сожалению, много правды. Правда, что народ избалован, правда, что рабочий, взяв деньги вперед, истратил их, и после нет возможности с него получить ни деньгами, ни работой, хотя чаще всего потому, что он сам гол, как сокол.

Все это правда сущая. Но, с другой стороны, именно сознавая эту горькую правду, и следует подумать, как бы ее, если не устранить совершенно, но, по крайней мере, уменьшить, на сколько это возможно.

А поэтому, уповая на то, что помещики „образумятся", он высказывает надежду на то,

что рано или поздно помещики должны будут возвратиться к своим хозяйствам и явиться на помощь такому великому делу, каким представляется народное сельское хозяйство в такой стране, как Россия.

Правда, немного поздновато, но хорошо и то,

что только через 25 лет после эмансипации мы догадались, что сельское хозяйство для России действительно что-то значит, и вот правительство учреждает при министерстве внутренних дел под председательством товарища министра Плеве, комиссию для разработки вопросов по сельскому хозяйству. Таким образом, слава богу, правительство сделало почин, обратив внимание на это для России поистине „великое дело", а поставив во главе комиссии именно г. Плеве, оно некоторым образом гарантировало беспристрастную и вполне разумную деятельность нового учреждения, которое серьезно посмотрит на предложенные ему задачи и постарается разрешить их с полным желанием добра России.

[1] Отмены крепостного права.

Расшаркиваясь перед таким мракобесом, как Плеве, который выведет Россию на широкий путь „великого дела“, Кушнерев опять-таки показывает еще раз свое политическое лицо, как консерватор:

Следом за правительством (как это у нас всегда бывает) зашевелилась и наша пресса; и она, наконец, снизошла до вопроса о сельском хозяйстве, который интересовал ее в продолжение четверти века только тем, что помещики-эксплоататоры истощали народные силы, народное богатство, попирали в людях человеческое достоинство, а люди эти были перлами создания,—дайте только им свободу, и Россия будет благоденствовать! Но, вот, помещики уже четверть века ничего не попирают и живут сами по себе, и крестьяне также. И что же вышло? Эксплоататоры обеднели, а „перлы создания“...

Легко может случиться, что „земляки“ не поверят в начало этого „великого дела“ и все же останутся в городах.

Нужно доказать, что развитие промышленности—пагубное дело и „не к лицу“ России:

Главная сила народного богатства в России еще не заключается в фабриках и заводах—они суть только результаты народного довольства.

Как бы ни были выгодны отхожие промыслы, во всяком случае они представляют великое зло в народном хозяйстве, как в нравственном, так и в экономическом отношениях.

Доказав самому себе, а также и „землякам“ своим, что не по пути развития капитализма пойдет Россия, а совершенно иным „рассейским“ путем, перед ним встает и другой вопрос: где же все эти тунеядцы-помещики возьмут средства для того, чтобы обставить свое хозяйство? И отвечает за них:

Ведь у нас ничего нет, все заложено и перезаложено. К сожалению, и это правда, и правда более горькая, нежели какая-нибудь другая... Где же кроется корень этой правды? Увы, он зарыт глубоко в бытовой истории помещичьего строя, как внутреннего—семейного, так и внешнего—гражданского. Условия, при которых совершилась эмансипация 1861 г., окончательно обеднили их, лишив в самую критическую минуту переходного состояния разумного и дешевого кредита—сохранной казны. Жид и кулак не преминули воспользоваться этим. Помещики с отчаянием бросились в их объятия—и вот уже четверть века прошло, а они все еще не могут из них освободиться, и нередко, сознавая свое единоличное[1] бессилие, замирают в этих железных тисках окончательно.

Но в этой-то единоличности[1] и заключается вся наша беда.

Дав такую хорошую аттестацию своим „землякам“, признав, что вымирание помещика имело глубокий корень „в бытовой истории помещичьего строя, как внутреннего—семейного, так и внешнего—гражданского“, Кушнерев уже переходит к своей положительной программе:

Нельзя вернуть ни бытовой истории нашей помещичьей жизни, веками складывавшейся до самой эмансипации; нельзя возвратить и тех неблагоприятных для помещичьих хозяйств условий, при которых началось для них новое положение при освобождении крестьян от крепостной зависимости,

[1] Подчеркнуто Кушнеревым.

Но из этого еще не следует, чтобы нужно было отступиться от земли, бросить тысячи хозяйств на произвол судьбы и, так сказать, отречься навсегда от права стоять во главе нового государственного экономического строя, равнодушно смотреть на его непорядки и постоянно претерпевать отсутствие довольства материального.

Если на наших глазах создаются общества и товарищества с громадными капиталами, в пользу фабричных, заводских, железнодорожных и других предприятий, то неужели общество или товарищество земледельческое, в обширном смысле этого слова, представляет менее данных для выгодного помещения капиталов.

Как идеал будущих сельских хозяйств в России, представляю себе усадьбу сельскохозяйственного товарищества[1] с хуторами и тысячами рабочих рук. С грандиозными сельскохозяйственными постройками, рельсовыми путями и домом хозяйственного управления соединившихся окрестных помещиков и землевладельцев.

Утвердившись в этой мысли, Кушнерев спрашивает: где же достать эти „тысячи рабочих рук"? О, их достать очень легко! Нужно только вернуться немного назад и восстановить... крепостное право. Правда, не в том виде, в каком оно существовало до 1861 г., но...

Легко может случиться, что с наибольшим развитием в нашем отечестве промышленности (чего дай, господи) земледелие совсем упадет (чего не дай господи). Во избежание последнего было бы целесообразно каждому земству в своем уезде знать по волостям число рабочих рук, необходимых для земли, обрабатываемой ежегодно, и затем только лишних работников отпускать в отхожие промыслы на год, и то не моложе как совершеннолетних, то-есть мужчин 22 лет, а женщин—18 лет. Моложе же этих лет работников и работниц, количество которых определено по волостям, как необходимое для обработки земли, увольнять только по окончании полевых работ до времени их начала.

Но здесь наш „автор" спохватывается. Доносящийся гул машин из печатного цеха напоминает ему о том, что он „пока" еще не помещик, а предприниматель, что если его „идеал" начнет осуществляться, то, пожалуй, фабрика не будет давать ему тех „дивидендов", на которые он думает создать уже „сельскохозяйственное товарищество".

Зная еще и то, что львиную долю этих дивидендов приносят ему ученики его же фабрики, он делает такого рода „существенную поправку":

Из этого общего правила нужно сделать исключение для малолетних только в том случае, если они поступают в учение по какому-нибудь определенному мастерству.

И от себя добавим—к „Товариществу И. Н. Кушнерев и К°".

У некоторых старых рабочих нашей типографии еще до сих пор осталось такое представление об Иван Николаевиче, что это был хороший и добрый „барин", что он заботился о культурном развитии своих учеников (см. воспоминания тт. Мамонова и Орлова). Многие допускают, что все козни на фабрике против рабочих устраивали—вначале Васильев, а затем Петров.

[1] Подчеркнуто Кушнеревым.

Брошюрка эта, которую мы все время приводим, была отпечатана у нас в типографии в конце 1892 г. Не знаю, читал ли ее кто из наших рабочих, а если и читал, то неплохо напомнить им, как Кушнерев в это время смотрел на нас:

Народ избалован. Да как же ему и не избаловаться? Народ вольный, да еще и не развитой. За землей хлопотать нелегко, а между тем фабричная жизнь привольная: там и винца можно всякий день выпить в кабачке, и чайку с сахарком. А в деревне что?—только работай. Очевидно, пробывши в таком раздолье год, другой, как же человеку и не избаловаться. А что хорошего принесет он своим односельчанам, когда придет к ним на побывку? Ничего больше, как только развеселое житье, рассказы, как обманывают хозяев, как у хозяев воруют. Да еще приносят они с собой протекцию и по дружбе или по кумовству перетаскивают деревенских ребятишек на фабрики и заводы под свое покровительство.

Зато обанкротится какой-нибудь фабрикант с тысячей, другой рабочих, вот и готовы из них сотни бродяг, неспособных ни к чему приложить руки, о помощи же работой семье в деревне и говорить нечего.

Рабочий весело живет, избалован, да к тому же и вор!

А дальше и еще хлеще, когда говорит о тех же крестьянах, которые, гонимые нуждой и безземельем, работают у него по 13—14 час. в сутки и не „хотят“ возвращаться к себе в деревню.

Поесть надо... а поесть-то и нечего, хотя земли много, и стоит только ее вспахать да засеять во-время—и были бы все сыты, и носили бы ситцевые рубахи, сарафаны, и прикусывали бы сахар с чаем.

И заканчивает о рабочем-крестьянине так:

Когда птица покидает свое гнездо, то какая дрянь не заводится в нем, потому что некому ее оттуда выбрасывать и никому до гнезда нет дела,— и живет эта дрянь спокойно, никто ее не трогает... А между тем заражает окрестный воздух, портит самое дерево, на котором гнездо. Почему-то невольно приходят на память слова Екатерины II, когда ее кто-то спросил: сколько у нее полицеймейстеров?—Она отвечала: столько же, сколько помещиков... Все они были тогда на своих местах.

Вот о каком „идеале“ мечтал Иван Николаевич Кушнерев!

IX. Первый «Типограф»

До 1895 г., когда рабочих в типографии уже насчитывалось около 550 чел., многие работы все же производились вручную. Не говоря о наборном цехе, где вся работа производилась исключительно ручным способом, даже в таких цехах, как брошировочный и литография, где машинная техника на Западе уже давным давно во многих процессах вытеснила ручной труд, на „Кушнеревке“ все еще продолжали работать „по-старинке“.

Все переводные литографские станки вертели руками. Литографские камни, после того как плакаты и рисунки с них были отпечатаны, шлифовались ручным способом. Точно также резальные машины в переплетно-брошировочных цехах приводились в движение

живой человеческой силой, а о фальсовальных машинах даже и понятия не имели.

Да, что там фальсовальные машины! Даже печатные машины в типографии и литографии... часто приводились в движение руками рабочих.

Машины в типографии и литографии ходили под приводами от двух больших маховиков, приводящихся в действие от котельной пароводяным способом. Бывало так, что приводной ремень соскакивал с маховика. В таких случаях бегали в котельную за Прохором Васильевичем и призывали его на помощь. Пока старика разыщешь, да пока он придет, „стремянку" наладит, да и начнет передачу на-



Литография. Печатный цех.

девать, смотришь, полчаса и прошло. Стоят машины и сиротливо ждут, пока в них „душу живу" вдохнешь.

Совсем плохо приходилось, когда ремень совсем бывало лопнет. Тогда и полдня простаивать приходилось.

Почти все машины имели в запасе рукоятки. В таких случаях, когда простой машин мог дойти до нескольких часов, привертывали бывало к маховикам машин рукоятки и начинали вертеть их вручную.

— Крути, Гаврила!

В это время больше всего доставалось ученикам. Их со всех цехов сгоняли к машинам и ребята, пыхтя и сопя, вертели колеса машин. А больше всего доставалось мальчикам-наборщикам.

Учеников-наборщиков в типографии было больше всех и их ста-

вили „вертельщиками“ у машин в то время, как ученики-литографы или ученики-печатники сидели у своих „приемок“ и принимали отпечатанные листы.

В конце 90-х гг. у типографии стали рыть канавы да колодцы. Протянули по Пименовской толстые троссы-канаты, стали ими опутывать фабрику, концы заводить под фундамент здания. Затем головы этих змей-канатов заглянули и в нижний цех, где стояли типографские машины. Здесь скрутили им головы, перевязали концы изоляционной тесьмой да и залили их смолой. Стали к машинам подводить маленькие моторы, и в 1900 г. впервые машины пошли в ход от рубильников, что питались городским электрическим током. Сняли большие маховики, и Прохор Васильевич все реже и реже стал заглядывать в отделения.

К концу того же 1900 г. на электричество были переведены и остальные машины. Радости учеников не было предела! Точно не на фабрике было электричество, а у них дома.

С весны следующего 1901 г. опять начали у фабрики рыть канавы. Уже внутри фабрики поползли тоненькие змейки-провода и опутали все корпуса паутиной. Затем змейки эти поползли по стенам кверху, прилепились и к потолкам и оттуда стали опускать свои длинные туловища. Поддели к ним блоки да блочки и установили их над каждой машиной, над верстаком, да реалом. Затем надели на каждую змейку желтомедную головку-патрон, поверх него зеленый картуз—абажур, ввинтили по лампочке, и фабрика осветилась электричеством.

И хоть лампочки те были шестнадцати-двадцатипятисвечевые, да к тому же накала угольного, но свету сразу стало много.

Правда, первое время свет-то в них сильно мигал от большого сотрясения машин. Но не стало керосиновых ламп, нет больше копоти да вони керосиновой, а главное—ученикам не нужно ламп заправлять и стекла мыть, да протирать.

В 1902 г., получив благословение генерал-майора Трепова, что „Товарищество печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°“ в доведении своего основного капитала до полумиллиона рублей „в полицейском отношении препятствий не встречает“—типография приступила к дальнейшему расширению своего производства.

Ввозятся несколько новых типографских и резальных машин. Ставится первая фальсовальная машина—полуавтомат и в 1903 г. первая в России наборная машина „Типограф“ (вторая была поставлена в Петербурге у издателя Маркса).

Понадобилось ровно 15 лет для того, чтобы изобретенная в 1888 году Роджерсом и Брайтом наборная и строкоотливная машина „Типограф“ была завезена в Россию.

Вместе с этой машиной на „Кушнеревке“ появился и представитель акционерной компании Людвиг Леве и К°—немец-инструктор.

Несмотря на то, что машина эта стоила всего-на-всего около 4 000 руб., московскому представителю Людвига Леве—Ивану Ивановичу Флор—стоило многих усилий, чтобы эту первую наборную машину „всучить“ Товариществу. Особенную закостенелость и консерватизм в этом деле проявил директор Петров, который был заядлым противником всяких новшеств.

Только тогда, когда Флор убедил Петрова, что правление не несет никакой материальной ответственности за установку машины, что сумма в 4 000 руб. будет погашаться в течение 12 мес., после испытания машины (на что давалось еще три месяца) Петров „снизошел“ и машину взял.

Предполагалось, что к машине нужно приспособить лучшего наборщика-„строкодрала“, так как иных, мол, ставить невыгодно.

Первый русский наборщик, ставший к машине „Типограф“ под наблюдением немца-инструктора Андерсена. был наборщик **Прокофьев**.

„Поучившись“ около месяца, Прокофьев сбежал, заявив, что он все равно машины не усвоит.

Тогда стали просить вызваться „добровольцев“. Но и это не помогало: лучшие наборщики-ручники не шли учиться на машину, а плохих не пускало правление.

Дело принимало скверный оборот, как для самого развития машинного набора в России, так и для... Флора.

Для „освоения“ техники наборного дела был приглашен молодой человек, только что окончивший одно из московских средних технических училищ—Николай Павлович Артамонов, который до этого времени никакого представления о наборном деле вообще не имел.

Договорились так: три месяца Артамонов учится на машине. И не только набирает текст, но под руководством Андерсена изучает машину, так как Андерсен, по договору со своей фирмой, должен возвратиться обратно на завод в Берлин. За это Артамонову платят жалованье: 30 рублей в месяц правление типографии и 30 рублей... Флор.

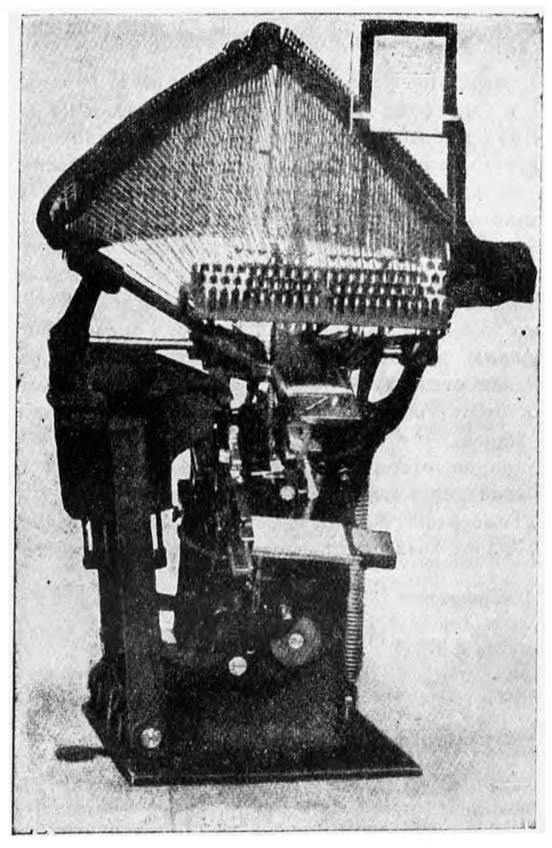
Вскоре молодой техник Артамонов изучил машину, и „Типограф“ был приобретен.

Когда Артамонов освоился с машиной, правление перевело его на сдельную работу, назначив по 6 коп. с тысячи букв чистого текста. „Выставлял“ Артамонов за 11-часовой рабочий день тысяч 28—30.

Так как машина была одна и наборщик один, то за часы простоя машины из-за ремонта, а также и правка „авторской“ корректуры оплачивались ему из почасовой оплаты его среднего заработка.

С товарищем Артамоновым произошло явление обратное тому. что было с последующими машинными наборщиками и, в особенности, с теми, которых мы сейчас обучаем.

В то время, как сейчас к наборной машине допускается ученик только в том случае, когда он хотя бы элементарно познакомился с техникой ручного наборного дела, товарищ Артамонов, усваивая не только технику набора, но и изучая самую машину, оставался долгими вечерами в типографии, чтобы изучать ручной набор.



Первая в России наборная машина «Типограф». (Введена в 1903 г.)

Почему же не шли на „Типограф" хорошие ручные наборщики? Вначале они, естественно, усмотрели в „Типографе" своего конкурента, так как, во-первых, каждый машинный наборщик в среднем заменял собою трех ручных наборщиков и, во-вторых, зная, что машинный набор обходится владельцам на 30—40% дешевле ручного, опасались, как бы владельцы не начали усиленно вводить машины и искусственно не создали бы безработных из среды наборщиков.

Как бы то ни было, но первая машина в России пробивала себе путь довольно туго, встречая в этом отношении препятствия как со стороны владельцев (воздерживались от „риска“), так и со стороны рабочих, усмотревших в ней конкурента.

Как на характерный пример, можно указать еще и на то, что на первую машину, приобретенную „Русскими ведомостями“ в 1905 г., пошел работать опять-таки не наборщик, а женщина-корректор этой же типографии.

Для „Типографа“ на фабрике Кушнерева была отведена маленькая комнатушка, в одно окно. Работала машина хотя и на электрическом ходу, но металл в котле разогревался немецким керосиновым аппаратом. Резервуар аппарата наполнялся чистым керосином (приблизительно туда вмещалось килограмм десять), после чего посредством воздушного насоса аппарат накачивался воздухом до $1^1/_2$ атмосфер давления. Это давление и гнало керосин через металлическую трубку в горелку под котлом, где керосин, обращаясь в газ, и давал пламя, необходимое для плавки металла в котле.

Воздух был насыщен керосиновой вонью. Горелка часто портилась и по помещению разносился смрад. Вентиляции не было никакой. Вначале сделали отвод от котла в форточку окна, но наружный ветер, загоняя струю воздуха в эту отводную трубу, только ухудшал положение вещей.

В конце-концов отвод был снят и работа стала продолжаться даже и без этой „видимой“ вентиляции.

Вскоре „Типограф“ завоевал себе право на существование.

В 1906 г. Флору было направлено письмо следующего содержания:

Правление Товарищества
печатного дела и торговли
И. Н. Кушнерев и К°,
Москва,
3 мая 1906 г.

Господину
Ивану Ивановичу Флор
в Москве

Милостивый Государь!

Приобретенная от вас в 1903 году наборная машина „Типограф“ дает во всех отношениях правильный набор, при производительности около 5000 букв в час; конструкция машины не сложна и уход за нею не представляет никаких затруднений.

За все время работы машины не потребовалось никаких исправлений и добавлено в возмещение сработавшихся матриц и некоторых мелких частей, всего на сумму Руб. 90.75.

Расширив наши мастерские пристройкою нового корпуса, мы теперь имеем возможность осуществить наше желание приобрести несколько машин и потому просим вас, на первое время, доставить нам еще четыре машины „Типограф“.

С совершенным почтением

Правление Т-ва печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К° в Москве.

Директор (подпись).

Следует добавить, что к этому времени в Россию уже было завезено 60 машин „Типограф“, из которых 32 машины работали только в одной Москве, причем типография Кушнерева по механизации наборного дела стояла на третьем месте. На первом месте стояла типография Сытина, насчитывавшая 10 машин „Типограф“, и на втором месте—типография Левенсона, имевшая 8 машин „Типограф“.

Если первое время московские печатники встретили „Типограф“ не совсем дружелюбно, не хотели итти работать на него и изучать машину, а отделение, где стояла машина, никогда не оставалось без присмотра и даже на запоре из-за боязни некоторых „эксцессов“, то к чести этих же печатников нужно сказать, что эта точка зрения не встретила многих сторонников.

Так, в журнале „Печатное дело“ № 14 по поводу наборных машин помещается статья под названием „Цеховая или общеклассовая точка зрения?“, где автор говорит следующее:

В № 7 „Печатного дела“ была помещена резолюция, принятая собранием машинных наборщиков. В этой резолюции было выражено требование, „чтобы лица, не знающие ручного набора, не были бы впредь допущены на работу на наборных машинах“...

Мне думается,—продолжает автор данной статьи,—что в таком высокомерном отношении искусного ремесленника к машинному рабочему кроется вредный предрассудок, который сильно мешал в Западной Европе в свое время борьбе рабочих и от которого они уже в значительной степени отказались...

Рассуждая так, значит исходить из временных цеховых интересов небольшой группы рабочих и забывать интересы класса в целом.

Наша задача—не измышлять „буфера“ против распространения машин, а использовать увеличение производительности труда, производимое машинами, в интересах дальнейшей борьбы за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы...

На этой же точке зрения стоит и все правление Союза печатников. Наконец, это мнение подтверждается и первой Всесоюзной конференцией печатников, которая в своей резолюции говорит:

Единственными средствами для ограждения интересов рабочих при введении наборных машин конференция считает уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение санитарно-гигиенических и прочих условий труда на машинах...

Чтобы закончить с вопросом о первом „Типографе“, должно еще добавить следующее.

Первый „Типограф“ был модели „А“, и на нем можно было набирать набор только до 6 квадратов. Разнообразие шрифтов было ограничено матрицами, которых было только 1) гарнитура № 5, 2) плотный корпус, 3) гарнитура № 6, которая по рисунку была ближе к „Эльзевиру“, и 4) „Золотое руно“—близкое к нашей гарнитуре № 8.

В конце 1906 г. из Германии вместо заказанных еще четырех машин прибыли только 3 машины, после чего были упразднены керосиновые аппараты и горелки были заменены для работы на бензине.

В 1907 г. наборщик Шимуль, наливая бензин в бак, подвешенный высоко на стене, пролил его. Бензин быстро подошел к горящей горелке, вспыхнул и в цеху произошел пожар. Его удалось быстро локализовать, но на одной машине сгорела вся клавиатура.

В 1908 г. под котлы был подведен газ и, начиная с этого времени и по настоящий момент, металл разогревается газом.

С прибытием пятой машины в учение была принята первая женщина-наборщица—товарищ Травина, с легкой руки которой затем к машинам был открыт более широкий доступ женщине.

В учение принимали учеников на 3 месяца. Обучали их исключительно работе на клавиатуре и за время обучения ничего не платили, исключая только тех высококвалифицированных наборщиков, которые решали итти учиться работе на „Типограф".

Теперь уже первый машинный наборщик И. И. Артамонов становится исключительно на инструктаж и начинает обучать новых наборщиков машинно-наборному делу.

После забастовки 1905 г. за тысячу букв набора в типографии Кушнерева платили уже по 7 копеек, а непосредственно перед империалистической войной—10 коп.

За это время—за 23 года—Артамонов обучил наборному делу свыше 60 чел. Многие из них не только работают в качестве наборщиков, но и инструкторов в Москве и во многих городах СССР.

X. Забастовка 1903 г.

К началу 900 гг. полиграфическая промышленность начинает быстро развиваться. Создаются крупные предприятия. Растет спрос на печатные произведения. Печатному станку предъявляются неимоверные требования. Владельцы вместе с расширением своего производства переходят к комбинированным предприятиям, где одновременно заняты рабочие трех основных профессий: наборщики, печатники и переплетчики. Это в свою очередь создает у рабочих общность интересов, которые переходят рамки цеховщины и выдвигают на первый план интересы всей профессии, всего производства.

С ростом производства растет и количество рабочих, занятых в полиграфии.

Среди рабочих все чаще и чаще слышны жалобы на свое материальное положение: идут разговоры, что нужно объединиться и предъявить хозяевам требования, могущие улучшить материальное положение рабочих.

Летом 1903 г. на юге России проходит стачечная волна. Она, захватывая одну отрасль производства за другой, доходит и до печатников. Бастуют печатники целого ряда южных городов: Баку, Батум, Тифлис, Киев. Волна эта докатывается и до Москвы.

Московская инициативная группа наборщиков, ведя агитацию среди остальных рабочих типографской промышленности и учитывая на-

строение среди рабочей массы, начинающее подниматься все выше и выше, созывает за городом небольшие собрания, на которых и ставится вопрос о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня.

К осени этого года почти по всем типографиям были избраны уполномоченные, которые вербуют рабочих в нелегальный профессиональный союз печатников, собирают членские взносы и пожертвования в „железный“ стачечный фонд.

Все лето проходит в напряженнейшей организационной работе: почти каждое воскресенье печатники собираются за городом и подготовляются к решительному бою. Касса „железного“ фонда пополняется. Растет количество членов нелегальной организации. Выбирается, наконец, и стачечный комитет.

За всеми этими собраниями, точно также как и за движением среди печатников, зорко следит полиция и охранное отделение.

23 августа 1903 г. за № 8 311 канцелярия московского обер-полицеймейстера сообщает, что

...в последнее время между рабочими некоторых московских типографий возникает брожение, вызываемое недовольством, с одной стороны, существующим размером заработной платы, с другой—желанием сокращения рабочего времени и изменением некоторых правил внутреннего распорядка. По этому поводу между рабочими происходило даже собрание 17 сего августа в лесу, близ полустанка „Чухлинка“, Моск.-Нижегородской жел. дор.[1].

Еще через несколько дней охранное отделение сообщает генерал-губернатору, что

типографщики в числе около 600 чел. собираются в разных местах под Москвой, где обсуждают свои требования к хозяевам[1].

31 августа канцелярия московского обер-полицеймейстера доводит до сведения фабричной инспекции, что

рабочие, наборщики московских типографий, предполагают будто бы сделать на-днях забастовку, не производя беспорядков[1].

Усматривая в этом уже широкое движение среди рабочих-печатников, генерал-губернатор, князь Сергей, 4 сентября дает такое предписание губернатору Кристи:

Принимая во внимание, что участниками сходок около Москвы были рабочие московских типографий, предлагаю вам представить мне в срочном порядке сведения, какие приняты меры к предотвращению предполагаемых означенными рабочими забастовок.

Генерал-адъютант *Сергей.*

Уже через день, а именно 6 сентября, охранное отделение пишет записку князю Сергею следующего содержания:

Совершенно секретно.

В конце лета от рабочих типографий было подано прошение о разрешении им собраний для обсуждения вопросов, касающихся внутреннего быта рабочих и, главным образом, увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Ходатайство это было вызвано рассказами рабочих, поступившими в типографии с юга России, где рабочий день введен в 10 час., а

[1] Сведения взяты из архива б. моск. охр. отделения, ныне Архива Революции.

в московских типографиях он равняется 11 и 11½ час. Так как ходатайство было отклонено, то рабочие собирались обсуждать свои нужды около Москвы. Наблюдением установлено, что в качестве руководителей на сходках были замечены следующие рабочие: Кайрович, Александров и Бирюков, у которых в ночь с 5 на 6 сентября были произведены обыски и аресты вышеуказанных лиц[1].

Стачку решено было объявить всеобщей и не раньше ноября месяца, когда, как предполагалось, по типографиям будет больше всего заказов. Репрессивные действия охранки ускорили дело.

Стачечный комитет, боясь, как бы не стали арестовывать и других наиболее активных работников, назначил немедленно собрание за городом, которое после долгих переходов с места на место состоялось, наконец, на Татарском кладбище. Собрание это происходило 8 сентября и здесь же было решено начать стачку на следующий день, т. е. 9 сентября.

В этот день бастовало 56 предприятий с числом рабочих 5 255.

Вот что писал о ней в своем донесении за № 168 старший фабричный инспектор:

С самого раннего утра 9 сентября к чинам фабричной инспекции по телефону стали поступать сообщения о забастовках всех рабочих сначала из крупных типографий, а затем такие же сведения получались в течение всего дня и из всех других средних и малых типографий г. Москвы. После посещений инспекторами почти всех типографий, от которых получались упомянутые известия, обнаружилось, что рабочие вовсе не являлись в этот день в типографии, а требования их, изложенные письменно, передавались отдельными лицами прямо в контору, без всяких дальнейших разговоров; в некоторых случаях письменные требования эти приносились профессиональными „посыльными", а иногда, как носились слухи, и просто околоточными надзирателями.

На другой день, 10 сентября, ни в одной из указанного числа типографий работы не возобновились, и к забастовавшим 9 сентября рабочим присоединились также рабочие еще пяти довольно крупных типографий и литографий.

10 сентября уже бастуют 63 типо-литографии с числом рабочих 6 835 чел.

Достаточно будет указать, что только с 8 час. утра и до 8 час. 45 м. вечера к генералу Трепову звонили беспрерывно телефоны и за этот день было по поводу стачки московских печатников 61 донесение...

В 9 час. 50 м. пристав Тверской части звонит Трепову:

Типографщики Кушнерева все не работают; требования их уважены, но работать не хотят из солидарности к своим товарищам других типографий.

На ноги поставлена вся полиция. Охранка работает во-всю. „Наружное", как и „негласное" наблюдение действует без разбора. Арестовывают печатников „пачками",

[1] Из архива б. моск. охр. отд.

В день забастовки полицеймейстер доносит:

Петербург, Директору Департамента полиции.

Имею честь сообщить: сегодня с утра забастовали московские печатники в 28 заведениях, около 3 700 чел. Рабочие группируются на бульварах и площадях. Пытаются принудить работающих к забастовкам. Меры к предупреждению сборищ и демонстраций приняты. О дальнейшем ходе дела телеграфно будет дополнительно.

Обер-Полицеймейстер (подпись).

Проходит только 2 часа—и в Петербург:

В течение дня забастовало 50 типографий, около 5 500 чел. Завтра ожидается продолжение забастовки.

Генерал-майор (подпись).

Забастовка ширится, захватывая одно предприятие за другим. Энтузиазм среди рабочих колоссальный: начатая так дружно стачка вселяет в бастующих уверенность в достижении намеченных требований. А требования эти были следующие:

1. Продолжительность работы—днем 9 час. (вместо 11 час.), с перерывом на обед—2 часа (вместо 1 часа); ночью—8 час. (вместо 10 часов), с перерывом для отдыха в 1 час.
2. Увеличение жалованья на 20%.
3. Задельная оплата за 1 000 букв:

	Русск.	Иностр.
а) чистый текст повеств. характера с четко написанного оригинала	18 к.	23 к.
	(вместо 13 »	16 »)
б) смешанный с одним шрифтом или с разбивкой	20 »	25 »
	(вместо 15 »	17 »)
в) греческий . . .	30 »	—
г) славянский .	35 »	—

6. Плохо написанный оригинал оплачивается в 1½ раза дороже.
9. Часовая работа—20 коп. в час; поденная—1 р. 75 к. в день.
10. Ученики принимаются на 4 года; по окончании экзаменуются опытными наборщиками, в чем выдается свидетельство за подписью хозяина и экзаменаторов. Жалованье ученику: 1-е полугодие—8 руб в месяц, 2-е полугодие—10 руб., 2-й год—12 руб., 3-й год—15 руб., 4-й год—20 руб.; по выходе из учения—наградные и жалованье не менее 30 руб. в месяц.
11. Количество учеников должно быть ограничено: в типографиях с 1 наборщиком—1 учен.; 5 наборщ.—2 ученика; 10 наборщиками—4 ученика, и затем на каждые 10 наборщиков—1 ученик.
12. Ученики не должны исполнять других работ, кроме тех, на которые взяты.
13. Применить закон 11 июля 1903 г. о старостах.
14. При каждой типографии (не менее 15 чел.) должен быть устроен приемный покой, доктор—один раз в неделю; лекарство—бесплатно.
15. Больные рабочие получают во время болезни половину жалованья.
16. Получение заработной платы должны производиться 1 и 15 каждого месяца.
17. Обыскиваний быть не должно.
18. Обращение хозяев и управляющего должны быть более вежливым, чем до сего времени,

19. Освещение и вентиляция должны вполне соответствовать помещению.
20. За опоздание штрафа не полагается, а вычитается по расчету жалованья.
21. Сверхурочная работа допускается не более двух часов в неделю и оплачивается „на часы", по 30 коп. в час.
23. Расценок и другие условия должны быть одинаковы во всех типографиях.

Как же протекала эта первая всеобщая забастовка московских печатников?

По свидетельству того же старшего фабричного инспектора:

Все забастовавшие рабочие сначала бродили небольшими кучками по городу, затем стали партиями следить за тем, чтобы в других типографиях никто не работал...

Характерная особенность всех указанных забастовок... по сравнению с бывшими раньше фабричными забастовками, заключается в необыкновенном единодушии среди наборщиков всех без исключения московских типографий, которое передалось также и всем рабочим других категорий, а также в отсутствии предъявления каких-либо цельных требований...

Но ведь у каждого рабочего была расчетная книжка! В ней вместе с „Уставом о промышленности", „Правилами внутреннего распорядка" и „Табели взысканий" имелись еще и „Извлечения из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных", изданных в 1885 г., где черным по белому, ясно и недвусмысленно было напечатано:

Ст. 1358[1]. За прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собою рабочих, с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего, виновные подвергаются:

подстрекавшие к началию или продолжению стачки—заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев, а прочие участники—заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев. Участники стачки, прекратившие таковую и приступившие к работам по первому требованию полицейской власти, от наказания освобождаются.

Ст. 1358[2]. Участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества или имущества лиц, служащих на заводе или фабрике, буде содеянное ими не составляет более тяжкого преступления, подвергаются:

подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою—тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а прочие участники—тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев.

Ст. 1358[3]. Участники стачки, принудившие других рабочих посредством насилия или угроз прекратить работу или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насилие не составляет более тяжкого преступления, подвергаются:

подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою—тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а прочие участники—тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев.

Извлечение из Устава о наказаниях.

Ст. 51. За самовольный отказ от работы до истечения срока найма или же при найме на срок неопределенный без предупреждения хозяина за две

недели виновный в том фабричный или заводский рабочий подвергается: аресту не свыше одного месяца.

Как же могли забыть рабочие об этом?

И вот, полиция и охранка им напоминают об этих „наказаниях уголовных и исправительных" и уже с 10 сентября начинаются массовые аресты среди рабочих. Они продолжаются и весь следующий день.

На экстренном заседании московских владельцев-типографов—„Общества деятелей печатного дела", которое состоялось 11 сентября, было постановлено удовлетворить требования рабочих, установив 10-часовой рабочий день днем и 9-часовой ночью, а также удовлетворив и в части сдельных расценков.

Продолжающиеся аресты вносят дезорганизацию в среду бастующих; собираться на собрания для обсуждения условий, предлагаемых владельцами, нет никакой возможности; большинство руководителей забастовки препровождены в тюрьмы и полицейские участки. Рабочие, начиная с 12 числа, возвращаются к своим станкам и приступают к работам на новых условиях, и генерал Трепов спешит в этот же день уведомить директора департамента полиции, что

С утра 12 сего месяца из 6 835 человек бастующих не приступило к работе 947 человек, из коих 466 взяты под стражу.

13 сентября неработающих типографщиков 612 человек (466 находятся под стражей).

Так закончилась славная стачка московских печатников в сентябре 1903 г.

В расчетных книжках, выдаваемых кушнеревцам с 1 января 1904 г., уже значилось:

Работы на фабриках начинаются в $7^1/_2$ час. утра и оканчиваются в 7 час. вечера, с перерывом для обеда и отдыха от $12^1/_2$ до 2 часов дня. Всего же рабочих 10 часов,—

и с этого дня в тех же расчетных книжках в разделе „Табель взысканий с рабочих" совершенно отсутствовал раздел „А"—„За прогул", а раздел „Б" начинался прямо с пункта „б" старого распорядка [1].

Штрафы за прогулы и опоздания, так обогащавшие карманы владельцев, были окончательно отменены!

Несмотря на то, что эта первая победа обошлась московским печатникам недешево, вырвав из их среды самых активных и лучших 466 чел., она заставила многих рабочих „прозреть", и тот, кто раньше не хотел и слушать представителей революционных партий, сам теперь начал интересоваться политикой.

Робкие стали смелыми, колеблющиеся—стойкими, а смелые—отважными.

[1] См. стр. 29—30 этой книги.

XI. Борьба за влияние

Останавливаясь на всеобщей забастовке московских печатников в 1903 г., быть может, с излишней подробностью, мы хотели тем самым показать, что во всей этой мощной демонстрации солидарности рабочего класса моменты „экономизма“ играли не только главное, но и исключительное значение.

Из приведенных выше требований—ни одного политического.

И только после того, как охранка арестовала 466 чел., многие из бастовавших начинают задумываться и над „политикой“.

Это весьма характерный штрих в движении московских печатников, который в самом ближайшем времении дал себя знать.

Партийная социал-демократическая организация в Москве была как раз незадолго перед тем ослаблена арестами и не могла бросить свои партийные силы для руководства движением, для его направления.

Вот почему, когда первая победа была достигнута, когда печатники все же получили существенное улучшение как в смысле сокращения рабочего дня, так и увеличения заработной платы—они почили на лаврах.

Руководители, хотя и с большим душком „чистого экономизма“, были высланы из Москвы и против многих было возбуждено уголовное преследование, как против подстрекателей. Партийная социал-демократическая организация не могла уделять много внимания печатникам. Рабочие массы были предоставлены самим себе. Печатники успокоились!

Всеми этими моментами воспользовалась охранка и стала насаждать среди печатников „зубатовщину“. В особенности благодарную почву зубатовцы нашли среди кушнеревцев, большой процент которых был связан с землей, с деревней.

Чтобы наиболее ярко обрисовать работу „зубатовцев“ на „Кушнеревке“ в период между всеобщими забастовками печатников 1903 и 1905 гг., мы приведем здесь воспоминания некоторых рабочих, работавших как раз это время на „Кушнеревке“. Воспоминания эти были помещены в сборнике „1905 год на Кушнеревке“, выпущенном к двадцатилетию Декабрьского восстания.

Вот что писал т. Борщевский[1]:

В период передышки между 1903—1905 гг. московская охранка приняла меры к насаждению зубатовской организации у нас на „Кушнеревке“ с целью отвлечь сознание рабочих нашей типографии от революционного влияния.

Организованы зубатовцы в нашей „Кушнеревке“ были очень просто. Совершенно легально бывало бегает по переплетному отделению Василий Егорович Гудков и приглашает нас, прямо всех (очевидно, было целью вовлечь массу в движение), да еще добавляет, что сегодня будет чрезвычайно

[1] «1905 год на Кушнеревке».

интересная беседа, делегат ездил в Петербург. Ну, раз будет интересно, то, бывало и прут, стар и мал, все в чайнушку Народного дома, больше всего в Марьину рощу.

Василий Егорович всегда тут как тут, впереди всех, раздевает, усаживает, если нет места, одним словом, всегда проявлял заботу, как бы устроить кушнеревцев получше и ближе к руководителям. Обычно, бывало, сидим, пьем чаек да слушаем речи, которые всегда сводились к одному, что улучшать положение рабочих надо, живется тяжело; иногда собрание разберет какое-либо заявление присутствующего. Все беседы всегда сводились подальше от политики, и никаких конкретных предложений, как улучшить положение, не вносилось.

Собирались такие собрания каждую субботу.

Как сейчас помню, что организация зубатовцев на „Кушнеревке" стала даже оформляться; отдельные старейшие зубатовцы, не будучи выбранными, фактически чуть ли не были делегатами, с ними руководители зубатовцев держали связь; последние собирали деньги на зубатовскую организацию по 20 коп.

„Кушнеревцы" одни из первых приняли организованное участие во всеобщей стачке за свои экономические права; но случилось так, что во время Русско-японской войны они же, „кушнеревцы", устраивали массовые патриотические демонстрации с иконами и портретами царя Николая II, которому другого имени не было, как Николай кровавый. Ходили по улицам Москвы, собирая вокруг себя десятки тысяч и поддерживая патриотическое настроение среди рабочих. Кроме этого, еще разительный случай: наборщику Матрозову, одному из самых сознательных и активных зубатовцев, удается убедить кушнеревцев послать делегацию к царю—выразить свои верноподданнические чувства. В числе делегации избирается и сам Матрозов. Это было все после знаменитого 9 января, когда петроградские рабочие были тысячами расстреляны. Все это удавалось делать опытной рукой охранки при помощи зубатовской организации и направлять кушнеревских рабочих по ложному пути.

А товарищ Чибисов к этому добавляет:

В 1904 г., когда я поступил в типографию, в ней, среди рабочих, наблюдалось два настроения: одно—зубатовское, другое—социал-демократическое.

Я застал наборщика, старика Матрозова (зубатовца—впоследствии на фабрике стало известно, что он служил в охранке). При мне он занимался еще организацией рабочих для посещения зубатовских собраний. Лично я собраний не посещал, но со слов наборщика Князева видно, что они происходили в Сухаревском народном доме, в о-ве трезвости, где, на ряду с обсуждением вопросов, пелись хвалебные песни царствующему дому. Из кушнеревцев эти собрания посещали постоянно человек 30, но бывало и больше, главным образом потому, что чай давался там бесплатно. Происходили собрания и в других местах, преимущественно у богачей на квартирах, где, кроме чая, рабочих угощали и папиросами с длинным мундштуком.

Как бы то ни было, но старик Матрозов со своей внешностью (длинной бородой и опрятной синей блузой), ораторским талантом, уменьем спорить с Боровиком производил на нас, молодежь, довольно сильное впечатление. Впрочем, скоро он исчез с горизонта. На политическую арену типографии Кушнерева взошли другие товарищи, принесшие с собой марксистское учение, которое и начало довольно быстро распространяться на фабрике.

Однако так долго продолжаться не могло. Если рабочие вначале попались на удочку к „экономистам", а затем, по логике вещей,

оказались в объятиях охранников, через разных Гудковых и Матрозовых, то уже через самое непродолжительное время, подталкиваемые своим классовым инстинктом и сознанием, они стали от них отходить и сближаться с теми представителями рабочего класса, которые ясно и определенно указывали пути освобождения рабочих как от капиталистов, так и от самодержавия.

Тот же товарищ Чибисов в своих воспоминаниях указывает, какую работу вели представители революционных партий среди кушнеревцев, чтобы отвлечь рабочих из-под влияния „зубатовцев":

В период моей работы в типографии социал-демократы (большевики) организовали целый ряд марксистских кружков, создали институт уполномоченных, провели ряд забастовок и завершили свою работу этого периода активным участием кушнеревцев в вооруженном восстании 1905 г.

В то трудное время борьбы самый незначительный факт политического выступления, успешно проведенного на фабрике, маленькое экономическое достижение подхватывались рабочими и с восторгом разносились по всему предприятию.

Один из таких моментов первой деятельности большевиков запечатлелся у меня в памяти.

В набор поступила брошюра ярко черносотенного погромного направления. Наборщики отказались ее набирать. Тогда в наборную пришел сам директор, долго и тщетно уговаривавший приступить к ее набору. Ему возражал приглашенный из другого отделения и известный рабочим, тогда еще совсем юный печатник Буксин. Вокруг них собралась толпа рабочих, с негодованием смотревшая на директора и одобрительно покачивавшая головами Буксину. Кончилось тем, что брошюру взяли обратно, и директор ушел неудовлетворенный. Этот факт говорит за то, что социал-демократы даже в начале своей работы на фабрике Кушнерева пользовались симпатией и поддержкой рабочих.

Кружки охотно и безбоязненно посещались многими рабочими, но вербовать большего числа рабочих мы не имели возможности, так как это всегда привлекало внимание шпиков, да и помещения не было. Кружков, я помню, было два. Один—в доме Егорова, на Живодерке; его вел „Денис" (партийная кличка Загорского, секретаря Моск. комитета, погибшего при взрыве МК РКП); другой—рядом с типографией, в доме Генц, у меня и Хренова на квартире. Здесь же за печкой жил на койке рабочий-стереотипер, кушнеревец. Он принимал большое участие по вербовке рабочих в кружки, доставал пособия и поддерживал связь с пропагандисткой Марией Маврикиной, которая этот последний кружок вела вместе со своим мужем.

Но особенно деятельное участие приняли большевики в организации института уполномоченных. Уполномоченные выбирались по цехам. В наборном в разное время были уполномоченными: Завьялов Н., Лапин Борис, Самохвалов, Чибисов, Циммер, Вайнер и др., в брошировочном—Палетов и один из позолотчиков. Оба пользовались большим авторитетом среди рабочих. В печатном—Буксин Илья, Захаров Михаил и еще один товарищ.

Товарищ Балакин рисует борьбу за влияние на кушнеревцев более ярко:

Несмотря на то, что рабочее движение только начало развиваться, но и тогда в рабочем движении намечались политические партии. Тогда за нашу „Кушнеревку" происходила жестокая борьба партий. Я помню, ярко помню, что такими политическими партиями были у нас, во-первых, кадетская партия, во-вторых, социал-демократы, большевики. Основная борьба за влияние на кушнеревцев шла между кадетами и социал-демократами.

Почему это сохранилось у меня с особой силой в памяти? Выборы депутатов в совет, фактически бывшие борьбой партий за своего кандидата, подтверждают это: мой сосед по работе—Машков—был одним из частых посетителей чаев князя Шаховского. Среди других кадетских кандидатов на депутата был и он. Ему страшно хотелось, даже очень хотелось быть депутатом в совете. Нами, социал-демократами, была поведена работа во что бы то ни стало всех, кто с Машковым и за Машкова, выбирать не надо, а выбирать указанных нами товарищей. Был предложен определенный список кандидатур.

В конце-концов были избраны предложенные нами кандидаты: Букени Илья и Красников Гриша—печатники. Оба в то время социал-демократы большевики. Отсюда ясно, что социал-демократы пользовались бо́льшим доверием, чем другие партии, и руководили рабочим движением.

Это было первое поражение кадетских депутатов в первой политической борьбе. Факт поражения вызвал громаднейшее негодование среди кадетских депутатов против тех, кто агитировал не за них, а против них. Доходило до рукоприкладства и даже угроз. На этой почве у меня с Машковым, работавшим рядом со мной в переплетной,—я в качестве ученика, а он в качестве мастера,—произошла довольно крупная стычка. Мне было поручено обработать переплетное отделение на подачу голосов из наших кандидатов. Мною были розданы каждому рабочему написанные от руки бумажонки с фамилиями кандидатов. Машков, видя все это, захотел воспользоваться своими правами мастера и побить меня, ученика. Грозился даже зарезать. Уж больно, видно, ему хотелось пройти в депутаты.

Так продолжалось приблизительно до средины лета, а затем, когда охранка увидела, что движение среди рабочих пошло совсем не по тому пути, который она для него предначертала, „зубатовцы“ стали сворачивать свою работу и собрания по чайным закончились. Но было уже поздно!

Рабочие переживают какой-то исключительный подъем. Жизнь на фабриках и заводах бурлит. То на одном предприятии, то на другом возникают конфликты с администрацией, которые часто заканчиваются забастовкой. Каждый такой конфликт может осложниться крупными событиями.

На тех предприятиях, где еще не так давно прогоняли, под свист и улюлюканье, революционных ораторов и агитаторов, рабочие уже охотно слушают их речи о вероломстве царских опричников и грозно кричат:

—Долой самодержавие!

Даже больше того: на заводах у фабричных ворот, неожиданно для полиции и жандармов, после работы то и дело происходят митинги.

Партийные агитаторы выступают перед тысячными аудиториями. Окружив ораторов тесным кольцом, рабочие закрывают их, незаметно „сплавляют“, если полицейские агенты делают попытку задержать их.

Во всем чувствуется подъем нарастающей революционной волны.

Все лето проходит в состоянии напряженного ожидания больших политических событий.

Приближалась революция.

Вот что рассказывает товарищ Говоров об этих днях:

После расстрела гапоновской манифестации особенно резко изменилось отношение рабочих к царскому правительству, и рабочие стали весьма охотно слушать партийных работников. Однажды перед концом работы наши партийные товарищи предупредили нас, чтобы мы по выходе с фабрики не расходились, потому что будет устроен летучий митинг, и вот мы после шабаша стали группироваться по нескольку человек и останавливаться у ворот.

Когда все рабочие вышли, то какой-то партиец встал на тумбочку и стал призывать рабочих к борьбе не только экономической, но и политической.

В это время у нас на фабрике служил городовой геркулесовского телосложения, командированный полицией следить за нашей благонадежностью. Усмотрев в этом митинге непорядок, он хотел арестовать оратора и стал протискиваться к нему ближе, но рабочие, сомкнувшись тесным кольцом вокруг оратора, городового к нему не допустили. Тогда он хотел пробраться в контору, чтобы сообщить по телефону, куда следует, о всем происходившем. Рабочие его и туда не пропустили, образовав живое заграждение ко входу в находящееся в двух шагах парадное, уговаривая его иронически:

„Иван Петрович, послушай и ты, это и тебе невредно; вот кончит товарищ, тогда и пройдешь“.

Так ему и пришлось дослушать митинг со смущенным видом до конца.

XII. Сентябрьская стачка 1905 г.[1]

Кушнеревцы дружно забастовали 20 сентября в 6 час. вечера и предъявили те же требования. 25 и 26 сентября был созван и заседал Совет рабочих типографских депутатов, который все предъявленные разрозненные требования обобщил и выработал одни общие требования, которые подписали все присутствовавшие делегаты, и они были предъявлены всем владельцам предприятий. Вот их точный текст:

ТРЕБОВАНИЯ МОСКОВСКИХ ТИПО-ЛИТОГРАФСКИХ РАБОЧИХ, ВЫРАБОТАННЫЕ И УТВЕРЖДЕННЫЕ СОВЕТОМ ДЕПУТАТОВ 25 СЕНТЯБРЯ, КАК ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

1. На каждой фабрике все отделения должны иметь постоянных выбранных рабочими депутатов. Депутаты ведают все дела, касающиеся своей фабрики, и имеют дело с хозяевами от лица всей фабрики; всякий рабочий ведет разговор с хозяевами через депутатов; хозяин не имеет права вести дело с отдельными рабочими помимо депутатов.

2. Личность депутата неприкосновенна; хозяин не имеет права его уволить, ни полиция арестовать. За исполнением этого требования следит вся фабрика, выбирающая депутата из своей среды.

3. В выборах депутатов участвуют и могут быть выбраны все рабочие, мужчины и женщины без исключения, не моложе 18 лет от роду. Администрация фабрики никакого участия в выборах принимать не должна.

[1] Из воспоминаний т. Борщевского «1905 г. на Кушнеревке».

4. 8-часовой рабочий день. Накануне праздника работа должна прекращаться на 2 часа раньше.

5. Полная отмена сверхурочных работ.

6. Полная отмена штрафов. Депутаты рассматривают все случаи уклонения от фабричных распорядков.

7. Отмена обысков.

8. Прием и увольнение рабочих производится лишь с согласия депутатов.

9. Рабочие могут требовать увольнения отдельных лиц из администрации. Вопрос окончательно решается депутатами.

10. Обязательные двухнедельные отпуска каждый год с сохранением содержания.

11. На случай болезни—выдача полного жалования в течение трех месяцев; остальное время до полного выздоровления—половинное жалование.

12. До введения государственного страхования—обеспечение семей умерших или получивших увечье за счет хозяина в размере определяемом депутатами.

13. Там, где работают женщины—освобождение от работы с сохранением содержания за 4 недели до и 6 недель после родов. На время кормления обязательный отпуск с фабрики через каждые 3 часа на полчаса. Устройство яслей.

14. Санитарное состояние мастерских. Ограждение машин и предупреждение несчастных случаев. Администрация обязуется выполнять указания депутатов по поводу необходимых санитарных улучшений.

15. Уничтожение обязательных хозяйских квартир и харчей.

16. Свобода входа безработных в типо-литографии для приискания занятий.

17. Расчет производится 1 и 16 каждого месяца в рабочее время.

18. Отмена работы через подрядчиков и через компании с наемными рабочими.

19. Безусловно вежливое обращение со всеми рабочими.

Как видно из перечисленного, главнейшими и основными предъявленными требованиями были: введение 8-часового рабочего дня; признание выборных делегатов; оплата за дни стачки.

Борьба затянулась чрезвычайно долго в особенности у кушнеревцев. Администрация не шла ни на какие уступки, несмотря на то, что в ряде крупнейших типографий требования были приняты и рабочие приступили к работам. Такими типографиями были: Сытин, Лисснер, Кирхнер и др.

Забастовка протекала хотя дружно, но стали западать сомнения: все типографии приступили работать, одни кушнеревцы бастуют. Возвращающиеся из деревень кушнеревцы, которые в начале забастовки уехали, больше всех вносили панику, ставили вопрос, следует ли пойти на уступки. Эта крестьянская группа не была активной в стачечной борьбе. В лучшем случае, она не была против.

Но дружная материальная поддержка, оказанная в нужную минуту, хотя и небольшая, оказала свое влияние. Сомнения пропали, и кушнеревцы, стойко пробастовав 6 недель, вышли из стачки победителями.

Установлен был 9-часовой рабочий день, повышена зарплата, уплачено за дни забастовки, признаны выборные делегаты от рабочих.

Т-во И. Н. Кушнерев и К° съ нижеподписавшимися выборными пришли къ следующему соглашению

1/ 9ти часовой рабочий день, также и во пред- предпраздничные дни

2/ Ночная смена работаетъ 8ми часовъ

3/ Получающимъ жалованье до 40 рублей прибавляется 10% Получающимъ свыше 40 руб уравнивается по соглашению съ Правлениемъ. — см. §9/

4/ Сдельнымъ наборщикамъ прибавляется по 2 коп къ тарифу, установленному въ 1903 году Часовая плата 20 коп —

5/ Месячное жалованье переводится на поденное, за каждый рабочий день —

6/ Заработная плата выдается каждое 1е и 16е число. —

7/ Лица работающие на сдельной плате подаютъ счета за работу по мере подписания гранокъ корректорами, но во всякомъ случае не позднее какъ за два дня до выдачи

8/ Сдельнымъ переплетчикамъ и брошюровщикамъ плата повышается на 7½% —

9/ Лицамъ не имевшимъ заработка за время забастовки выдается пособие въ размере 2хъ недельнаго заработка — Получающимъ свыше 40 руб выдается за месяцъ, но чрезъ то они отказываются отъ прибавки обусловл. §3. —

10) Выданное пособие за время забастовки вписывается в разсчетную книжку как выдача в счет жалованья, которое считается или заслуженным и не подлежащим возврату по истечении 3-х месяцев или службы

11) Посредниками между Правлением Т-ва и мастерскими устанавливаются выборные от этих мастерских с правом совещательного голоса. —

12) За порядок в мастерских, за сохранность имущества, материалов и проч. принимают на себя ответственность все работающие в мастерских, при чем ближайший надзор за исполнением сего принимают на себя выборные от мастерских. Все работающие в мастерских Т-ва под круговою порукою берут на себя обязательство наблюдать, чтобы время предназначенное для работы расходовалось каждым с соблюдением интересов Товарищества.

переплетной отделения И. Машков

брошюровочной И. Сухов

брошюровочной В. [illegible]

депутат от словолитни наборщиков А. Осиновцев

Депутат от ручных наборщиков И. [illegible]

Депутат от машинной И. Степанов

Г. Ткачев

Н. Виноградов

Г. Бабашкин

Машинного отделения. [illegible]

Захаров.

Директора { [illegible]

ТЕКСТ СОГЛАШЕНИЯ, ДОСТИГНУТОГО ДЕЛЕГАТАМИ «КУШНЕРЕВКИ» С ПРАВЛЕНИЕМ Т-ВА ВО ВРЕМЯ СЕНТЯБРЬСКОЙ ЗАБАСТОВКИ [1]

[1] *Подлинник см. стр. 64 и 65.*

Товарищество И. Н. Кушнерев и К-⁰ с нижеподписавшимися выборными пришли к следующему соглашению:

1) 9-часовой рабочий день, также и в предпраздничные дни.

2) Ночная смена работает 8 часов.

3) Получающим жалованье до 40 руб. прибавляется 10%. (Получающим свыше 40 руб. уравнивается по соглашению с правлением, см. § 9.)

4) Сдельным наборщикам прибавляется по 2 коп. к тарифу, установленному в 1903 г. Часовая плата 20 коп.

5) Месячное жалованье переводится на поденное, за каждый рабочий день.

6) Заработная плата выдается каждое 1 и 16 число.

7) Лица, работающие на сдельной плате, подают счета за работу по мере подписания гранок корректорами, но во всяком случае не позднее как за два дня до выдачи.

8) Сдельным переплетчикам и брошюровщикам плата повышается на 7½%.

9) Лицам не имевшим заработка за время забастовки, выдается пособие в размере 2-недельного заработка. Получающим свыше 40 руб. выдается за месяц, но через то они отказываются от прибавки, обусловленной § 3.

10) Выданное пособие за время забастовки вписывается в расчетные книжки, как выдача в счет жалованья, которое считается ими заслуженным и неподлежащим возврату по истечении 3 месяцев их службы.

11) Посредниками между правлением Товарищества и мастерскими устанавливаются выборные от мастерских с правом совещательного голоса.

12) За порядок в мастерских, за сохранность имущества, материалов и пр. принимают на себя ответственность все работающие в мастерских, при чем ближайший надзор за исполнением сего принимают на себя выборные от мастерских. Все работающие в мастерских Товарищества под круговою порукою берут на себя обязательство наблюдать за тем, чтобы время, предназначенное для работы, расходовалось каждым с соблюдением интересов Товарищества, то есть экономно.

Выборные от мастерских:

Переплетной	*И. Машков.*
Брошюровочной	*И. Сухов.* *В. Налетов.*
Наборн. (сдельн.)	*А. Соломенцев.* *И. Самохвалов.*
Наборн. (на жалов.)	*И. Степанов.* *И. Ткачев.*
Литографии	*И. Виноградов.* *Г. Бабашкин.*
Машин. отд.	*Саприн.* *Захаров.*
Директора	*В. Ф. Боровик.* *И. Д. Петров.* *Ф. Захариков*

В новые расчетные книжки к „Правилам внутреннего распорядка“ было внесено и отпечатано:

На основании соглашения с рабочими (§ 12) ответственность за порядок в мастерских и за соблюдение вышеизложенных правил порядка и благочиния возлагается на выборных от мастерских. Если, несмотря на это, случаи нарушения порядка в мастерских будут повторяться, правление оставляет за собой право накладывать на лиц, замеченных в этом, взыскание.

XIII. Вооруженное восстание [1]

„События в России стали развиваться невероятно быстро: не прошло и нескольких дней, как рабочим каждую пядь свободы пришлось защищать с оружием в руках. Никто серьезно не верил обещаниям манифеста царя Николая. Собрания и демонстрации рабочих стали разгоняться не только холодным оружием, но и огнестрельным. В результате были убитые и раненые. Черносотенцы стали устраивать погромы—днем, на глазах у всех, убивали евреев, студентов и попадающихся под руку рабочих. Не добитых живьем бросали в Москва-реку. Рабочие, видя все эти события, стали вооружаться, кто чем мог, и для всех стало понятно, что без оружия в руках завоеваний революции не удержать.

Печатники, под разными предлогами, кто как сумел, доставали деньги на оружие. Ряд предприятий дали деньги под предлогом охраны от погромов черной сотни.

Два раза кушнеревцы делегацией ходили к администрации за деньгами на оружие. Администрация всякими урывками оттягивала, все обещала для этого созвать правление, чтобы решить—дать денег или нет. Директора боялись взять на себя ответственность.

Чашу терпения такой волынки переполнило то, что некоторые предприятия уже начали вооружаться. Как только мы узнали, что Чичерин дал на оружие 400 руб., и что чичеренцы уже закупили оружие, то на утро 18 ноября наша делегация от всех отделений очень решительно потребовала денег на оружие под какими хотите предлогами, но чтобы деньги были сейчас же,—отставать в деле вооружения от других было нельзя.

Директора посоветовались, и на нашу просьбу дать нам 2 000 руб. решили дать 1 000 руб., да и то не на оружие, а будто на улучшение положения рабочих и при условии обязательной расписки делегатов всех отделений от имени рабочих.

В тот же день было закуплено оружие в магазине Биткова на Лубянке, но точно сколько—возможно, что я ошибусь—но помню, что было куплено 5 боевых „Маузеров“ по 55 руб. и 43 „Смит-Виссон“ по 17 руб.; этим оружием на другой день стали вооружаться кушнеревцы.

Пока рабочий класс вооружался, самодержавие в это время не дремало: оно мобилизовало и перебросило в центры надежные войска и начало организованное наступление. Первым был распущен

[1] Воспоминания тов. Борщевского—«1905 г. на Кушнеревке».

и арестован Петербургский Совет рабочих депутатов. В Москве стали не только разгонять собрания, но и избивать присутствующих прикладами, что имело место с печатниками в „Аквариуме“.

В ответ на это Московский Совет рабочих депутатов объявил всеобщую стачку. Через некоторое время эта стачка превратилась

№ 605.

ОРДЕРЪ ВЪ КАССУ

ВЫДАТЬ:

ТОВАРИЩЕСТВО 17 НОЯ 1905 И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

Найденный ордер в кассу Т-ва И. Н. Кушнерев и К° на выдачу рабочим 1 000 руб. якобы на улучшение быта рабочих. Деньги эти, как известно, пошли на вооружение боевой дружины.

Приводим текст ордера:

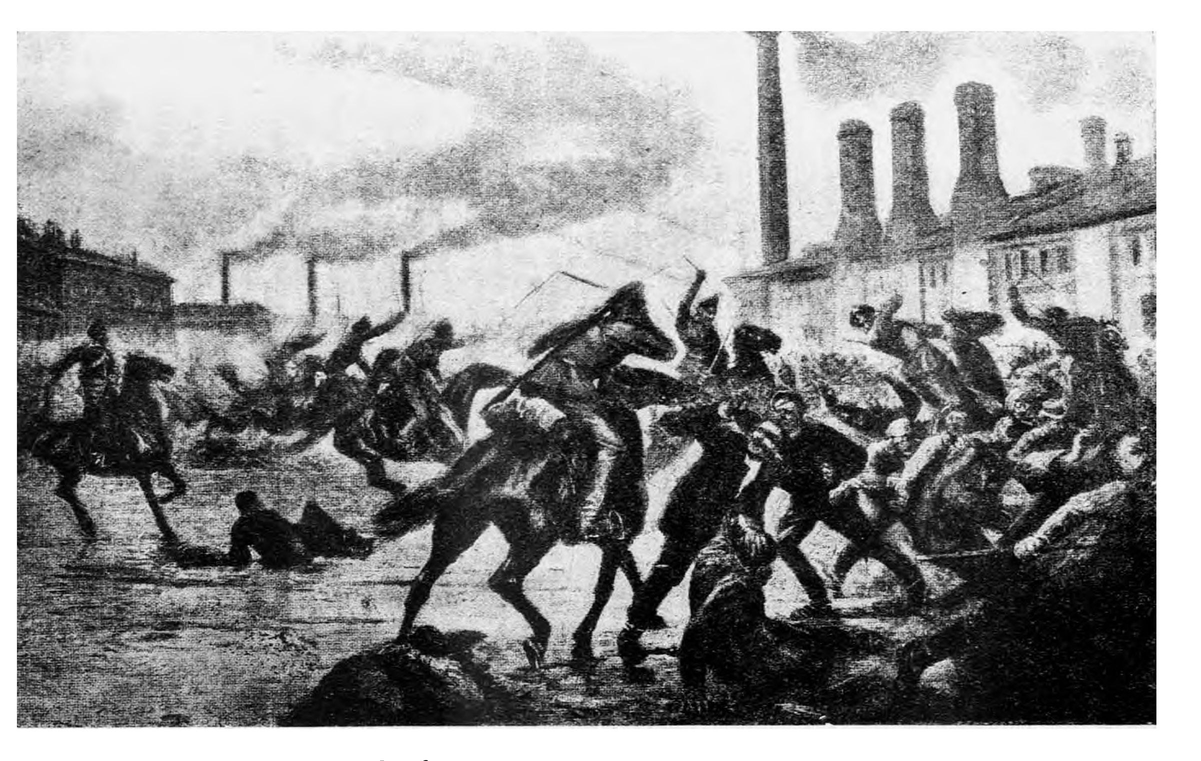
№ 605

ОРДЕР В КАССУ

Выдать { *В. Боровик*, *И. Петров*, *Ф. Захариков* }

На улучшение быта рабочих в мастерских Т-ва И. Н. Кушнерева и К° по случаю ослабления их средств после пережитой забастовки получили тысячу рублей по уполномочию всех мастерских выборные: *И. Машков, Бабашкин, Степанов, И. Сухов, Буксин, Налетов, И. Ткачев, М. Захаров С. Лыкин, Самохвалов, П. Саприн, А. Циммер.*

в вооруженное восстание, но силы были неравны и, главное, рабочий Москвы к вооруженной борьбе был слабо подготовлен; в результате, царские опричники подавили вооруженное восстание рабочих. Телами убитых были завалены, как дровами, все пожарные сараи и дворы; количества убитых никто не знал, но одно для всех было ясно и понятно, что убитых очень много. Опричники.



Освобождение площади от демонстрантов.

празднуя свою победу, пачками расстреливали рабочих и трупы бросали прямо в Москва-реку.

Как только была объявлена стачка, наша „Кушнеревка" превратилась в революционный штаб района. Все прилегающие к району предприятия держали связь с „Кушнеревкой". Здесь они получали по утрам ежедневно „Известия Московского Совета". Кроме того, на „Кушнеревке" каждый день по утрам бывали отчеты типографских депутатов, входящих в Совет, и общий обзор событий. Собрания были открытыми, начинались утром и кончались как только темнело. Поэтому рабочие всего района присылали своих представителей, а иногда приходили целыми предприятиями ознакомиться, как идет дело вооруженной борьбы. Итак, мало-по-малу „Кушнеревка" превратилась в районный штаб.

„Кушнеревка", кроме того, что являлась в районе штабом революции, фактически была штабом революционных действий типографов всей Москвы—здесь каждый день собирались типографские депутаты всех типографий, тут же каждый день вырабатывался план, какую и как захватить типографию для печати очередного номера „Известий". Кушнеревцы занялись постройкой баррикад.

Почему именно „Кушнеревка" стала типографским штабом, а не Левенсон, или Яковлев? Этому очень благоприятствовали условия: типография находилась в центре района, кроме этого, вновь отстроенный корпус был пустой, он и был захвачен для устройства собраний".

Вооруженная борьба рабочих и баррикадные бои в районе „Кушнеревки" дальше рисуются в таком виде [1]:

„Числа 6 декабря, точно не помню, часа в четыре начали строить баррикаду. Были свалены чугунные столбы с угла Пименовской, Косого, Щемиловского и Воскресенского переулков. „Кушнеревка" была обложена баррикадами со всех прилегающих улиц. Дружинники и рабочие были больше на улице—их место было на баррикадах.

Вооруженное восстание было в разгаре. Пушки гремели во всю. У жандармских казарм, которые были в Каретном ряду, стоявшие пушки имели направление на Пименовскую улицу, т. е. на нашу типографию. Осколком снаряда был оторван карниз конторы.

Ядра пушки так и летели вокруг. От осколка рушилась стена углового дома Оружейного и Косого переулка. Стекла в доме, где я жил, как и стекла ближайших домов, были выбиты ружейным и артиллерийским огнем. Дружинники наши охраняли подступы к баррикадам.

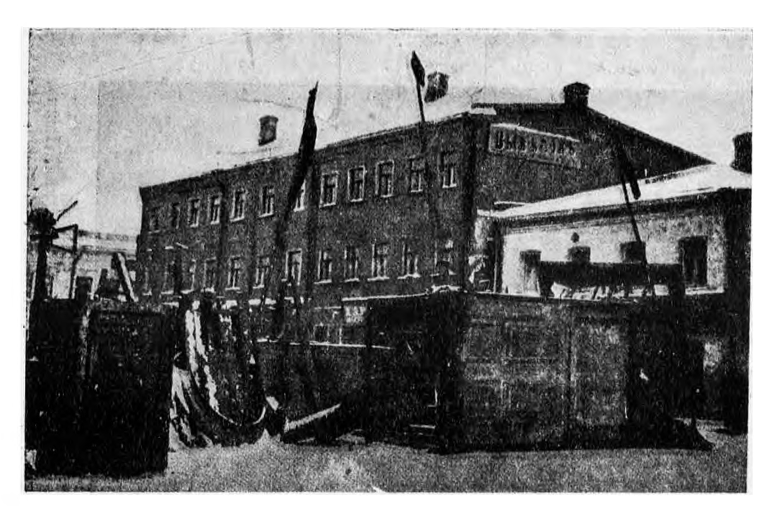
С полдня до глубокой ночи визжала артиллерия, посылая ядро за ядром.

Однако, несмотря ни на что, через заграждения, под ядрами все же проходили рабочие в типографию на собрания, где инфор-

[1] Воспоминания тов. Виноградова: «1905 год на Кушнеревке».

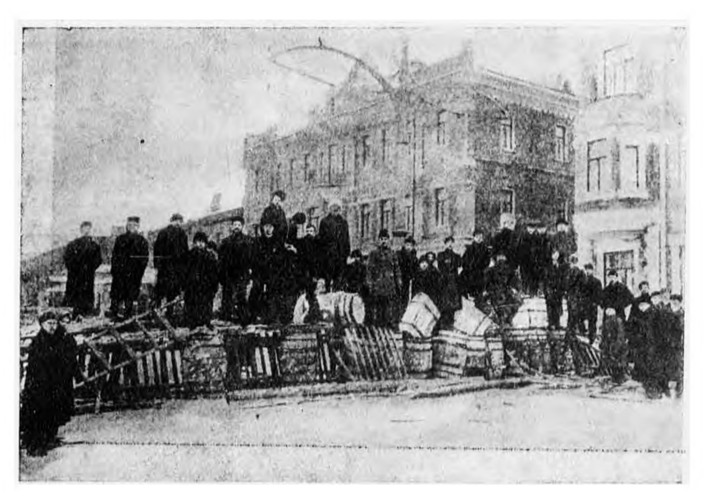


Группа активных товарищей в 1905 г. на «Кушнеревке». Сидят (слева направо): Балакин, Борщевский, Лыкин, Соколов-Сергеев, Зайцев и Соломенцев. Стоят (слева направо): Самохвалов, Виноградов, Шорохов, Макаров, Чибисов и Медков.



Баррикада в Косом переулке.

мировали о ходе восстания. Собрания эти были на шестом этаже, где ныне брошюровочное отделение. Знаменитые они были. На одном из собраний решили напечатать газету „Известия Совета рабочих депутатов". Наборщики взялись за дело, а в кладовой взяли бумаги. На утро газета была уже на руках. На одном из этих собраний сообщили, что из Петербурга прибыл карательный Семеновский полк.



Баррикада у тюрьмы

Началась жестокая расправа с рабочими. Нам грозила опасность типографии Сытина. Решили штаб дружины перевести из стен типографии. На ворота фабрики подняли флаг Красного Креста. Десять дней длилось так".

Товарищ Пилацкая рисует эту борьбу рабочих еще более красочно[1]:

„В начале Пименовской улицы кушнеревцами была построена огромная баррикада, она была наполовину из железа и стали. Она казалась непобедимой. Баррикада эта стала как бы символом власти рабочих в районе „Кушнеревки". Это чувствовалось во всем: обыватели приходили спрашивать о порядке торговли в лавках, о порядке движения в этом районе по улицам, приходили с различными мелкими вопросами своей будничной жизни. Рабочее население этого



Бой на баррикаде.

района всячески выражало свои симпатии кушнеревцам, звали обедать, тащили марлю, простыни, хлеб, звали к себе. Кушнеревская боевая дружина начала принимать легендарные размеры—в соседнем участке (Сущевская часть, Селезневка) уже насчитывали дружинников до 1 000 чел. К кушнеревцам примыкали другие рабочие со своим оружием. Полиция, испуганная, даже не пыталась подойти к типографии. Всю ночь было тихо; было тихо и утром следующего дня.

...В течение двух дней продолжались „лихие" налеты драгунов; они подъезжали на близкое расстояние к баррикаде, бессмысленно стреляли вдоль улицы, а наши дружинники через отверстия в баррикаде стреляли в них. Вот подлетел отряд драгун. За баррикадой всего два дружинника, они целятся метко—и по ту сторону барри-

[1] «1905 год на Кушнеревке».

кады валятся с лошадей два драгуна. В испуге, подхватывая под уздцы лошадей, драгуны поворачивают назад и летят в Каретный ряд, оставляя на снегу двух убитых. Мы вышли за баррикады и осмотрели драгун, мы сняли с них револьверы, из карманов у них торчали бутылки с водкой, и даже от мертвых сильно несло спиртом. Так одурманивал генерал Дубасов правительственные войска, потому что трезвых солдат самодержавие боялось.

А влияние кушнеревцев и симпатии к ним всего населения этого рабочего района росли. Особенно оно окрепло, когда в типографии стали печататься „Известия Совета рабочих депутатов“. Население буквально осаждало нас, вырывая листки из рук, в жажде найти там ответы на все волнующие их вопросы, найти распоряжения новой рабочей власти.

В нашем районе помимо войск очень активно боролись городовые, пристава и черносотенцы; они заняли чердаки и подвалы ресторанов и богатых домов, они стреляли в ноги и в головы прохожих без разбора, потому что в те дни прохожими были рабочие и вообще беднота.

Когда мы перевозили раненых, особенно в первый день, мы нарочно вывешивали Красный Крест на дугу лошади. Имели его на рукавах и даже на высоких палках, особенно этими красными крестами увлекался наш санитар Иванов. И вот, чем виднее мы старались сделать этот крест, тем больше палили по нас и городовики, и черносотенцы, и солдаты.

Наш глупый предрассудок насчет неприкосновенности Красного Креста очень быстро разбил приказ генерала Дубасова: он приравнивал всякие красные кресты, идущие с рабочим классом, к внутренним врагам, и, конечно, он был прав.

И вот, на всю жизнь мне врезалась в память такая картина: серый рассвет, я слышу какие-то глухие удары под окнами, вижу сквозь тонкую занавеску красноватый свет костра. Мы не зажигали костра под окнами нашего нового пристанища—городской школы. Я отодвигаю тихонько занавеску и вот вижу: баррикаду разбирают солдаты—это они зажгли костер. Их немного, небольшая кучка, серые, жалкие, они держат ружья на-изготовке, пока другие разбирают баррикады; их лица угрюмы, мрачны, они боятся, это видно ясно по их лицам. Нет, они не выглядели победителями. Я разбудила товарищей. Тихо, тихо стояли мы у окна, тоска сжимала наши сердца. Если эту баррикаду разбирают, значит, все кончено, значит, нет уже и нашей стальной кушнеревской баррикады. Ненависть и боль, жажда мести и бессилие—трудно передать, что каждый из нас думал в это тяжелое предрассветное утро“.

Товарищ Соколов-Сергеев так описывает печатание „Известий Совета рабочих депутатов“ [1].

[1] «1905 год на Кушнеревке».

„Для того, чтобы во время всеобщей забастовки не потерять связь с рабочими, Совет рабочих депутатов постановил выпускать ежедневно бюллетень под названием „Известия Совета рабочих депутатов“, и в этом печатникам Москвы, а в частности кушнеревцам, пришлось сыграть важную роль при выпуске бюллетеней, каковых вышло всего пять номеров. Итак, я постараюсь восстановить в памяти, как участник выпуска 3, 4 и 5 номеров бюллетеней, где их печатали, как выполняли и кто из кушнеревцев принимал участие.

Выпускать газету в одной типографии было невозможно. Было неизвестно, в какой типографии должен быть выпущен бюллетень на следующий день: этим старались замести следы и отвести глаза полиции. Делали таким образом. Приходили в ту или иную типогра-



Сожженная солдатами баррикада на углу Садовой.

фию, организовывали надежную группу товарищей для участия в работе по выпуску бюллетеня, отпирали типографию и под охраной вооруженной дружины выпускали по возможности без всякой проволочки бюллетень и развозили по всем районам Москвы — по фабрикам и местам больших собраний. Полиция металась и старалась всеми силами вырвать из рук рабочих это средство печатной связи со всей рабочей Москвой.

Я не буду останавливаться на выпуске первых двух номеров бюллетеней, так как участником в них не был, но могу только по некоторым данным указать, что второй номер только набирался и снимались матрицы с набора в типографии бывш. Левенсона. Повидимому, печатать там почему-то не могли, и матрицы переправили в типографию бывш. Кушнерева, намереваясь отлить и спустить на ротационную машину; но здесь нас постигла неудача

в выпуске бюллетеня, так как для того, чтобы приступить к работе и пустить ротационную машину, нужно было отпереть паровое отделение для растопки котла. Долгое время не могли найти ключей, и только поднажав на администрацию в лице Петрова (директора), ключи удалось получить, а когда котел растопили, то увидели, что работу производить при помощи паровой рискованно, так как по близости в засаде находилась полиция. Пришлось остановить паровую и в то же время решили приступить к новому набору бюллетеня. Имевшиеся стереотипы к другим машинам были негодны. Редакционная коллегия, отобрав самые важные сообще-


Извѣстія Московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ.

№ 1. 7 декабря 1905 года. № 1.

Московскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Комитетъ и Группа Российской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи и Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ ПОСТАНОВИЛИ объявить въ Москвѣ со среды, 7 декабря, съ 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе.

№ 2. 8 декабря 1905 года. № 2.

...бѣда близка.—Постановленіе Исполнительнаго Комитета.—Къ ... гражданамъ.—Аресты. Войска.—На краю банковаго банкротства.—Забастовка въ Москвѣ.—Солдатскій митингъ ... пѣсни въ казармахъ.

Заголовки «Известий Московского совета рабочих депутатов».

ния, пустила их в набор, решив выпустить бюллетень в уменьшенном виде, в количестве двух полос. Их спустили для напечатания на плоскую машину большого размера.

Набор был набран быстро, так как каждая минута была дорога, и заверстан в две полосы. Когда набор был спущен в машину, то оказалось, что печатать вручную было тяжело, так как приспособлений для пуска вручную не было. Но все-таки с большими усилиями номер выпустили, хотя и в ограниченном количестве.

Участники выпуска четвертого номера были я и некоторые другие товарищи, каковых я не помню. Выпуск четвертого номера бюллетеня уже происходил в типографии бывш. Мамонтова, и вся

произведенная работа по выпуску бюллетеня прошла благополучно.

В выпуске пятого (последнего) номера бюллетеня—в типографии бывш. Сытина—участниками были из кушнеревцев Жуков, Макаров и я. Когда мы прибыли в типографию, то во дворе постепенно собирались рабочие. Для отвлечения внимания полиции был проведен митинг во время производства набора бюллетеня, выпустить который и удалось с успехом. Ворота и входы в типографию были на это время заперты и охранялись дружиной. Бюллетень был набран, заверстан, снят стереотип и отлит для двух ротационных машин. Только что приладили и приступили к печатанию, как была поднята тревога и работу приостановили. Прибыли войска, вызванные полицией, которой подозрительным показался слишком долго продолжавшийся митинг. Войска выстроились вдоль окон машинного отделения, а находившиеся в помещении типографии временно разбрелись, кто куда мог. Когда все успокоилось, видя, что войска не трогаются с места, мы решили продолжать печатание бюллетеня, и машины загромыхали.

Пачки за пачками паковались и вручались участникам работ для доставления в намеченные районы. Я с Макаровым получил по две пачки для Миусского района. Нас поодиночке выпускали задними воротами из опасения засыпаться войскам или полиции, и мы, выйдя из ворот, быстрыми шагами направились к первому встретившемуся извозчику. Рискуя сзади быть обстрелянными, мы все же благополучно доехали к месту назначения. Что произошло после этого в Сытинской типографии, нам было неизвестно. На следующий день говорили, что типография сгорела“.

И, наконец, о последних часах борьбы товарищ Лыкин пишет [1]:

„Последняя ночь на „Кушнеревке“. Морозная декабрьская ночь. Завернувшись в тулупы дворников, прижавшись к самым воротам, сидели два дружинника с маузерами наготове. В эту ночь вся дружина была на ногах. Никто не думал прилечь. Что это была за ночь! Какая-то особенная, которую нельзя забыть. Всю ночь вплоть до рассвета продолжался гул выстрелов. Тут были всякие: револьверные, ружейные и орудийные, то отдельные залпы из орудий, то залпы ружейные; иногда стреляли около самых ворот, а то стреляли в ворота. Но нужно было сидеть так, чтобы ни малейшего шороха и звука—иначе погибли бы все; было условлено, что ежели будут ломать ворота—дать сигнал выстрелом: вот почему была на ногах вся дружина. Не только стреляли в ворота, но и стучали ногами, кулаками, требуя открыть ворота, ложились на брюхо, заглядывая под ворота. Но сидевшие в тулупах товарищи были неподвижны. Слышны были разговоры за воротами. Говорили, что пришли солдаты сдать оружие. Но со двора никто не отвечал. И они не знали, здесь ли дружина или ушла.

[1] «1905 год на Кушнеревке».

Федор Мишурин (11)

Сахарн. Завод

Боевой дружины. Выдавал

оружие. Откуда получал

не говорит.

+ [illegible]

(13)

Михаило Афанасьев

Сахарного Завода

Боевой дружины. был

[illegible]. Отказал

что либо показывать

+ [illegible]

Смертные приговоры дружинникам Пресни.

Нам нужно было позаботиться о том, чтобы не быть окруженными. Но оказалось, что казаков в Сущевской части нет. Снаряды все чаще стали попадать в здания вокруг типографии. Баррикады почти были разбиты, особенно те, что были на углу Щемиловки и Косого переулка.

В тот же день под грохот орудий было решено дружину распустить. Она и была распущена с наступлением ночи. С грустью и злобой уходили дружинники со двора типографии и, уходя, дали клятву добить своего заклятого врага—самодержавие, которое и было добито двенадцать лет спустя".

XIV. Пробный шар

В чем же были главные причины поражения Декабрьского вооруженного восстания?

Лучший ответ на этот вопрос дает В. И. Ленин в статье „Уроки Московского восстания".

....Главной формой декабрьского движения в Москве была мирная забастовка и демонстрации. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы. Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы—восстание".

„Все революционные партии, все союзы в Москве, объявляя стачку, сознавали и даже чувствовали неизбежность превращения ее в восстание. Было постановлено 6 декабря Советом рабочих депутатов „стремиться перевести стачку в вооруженное восстание". Но на самом деле все организации были не подготовлены к этому, даже коалиционный Совет боевых дружин говорил (9 декабря) о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба, несомненно, шла через его голову и помимо его участия. Организации отстали от роста и размаха движения"...

....Перемену в объективных условиях борьбы, требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Практика, как и всегда, шла впереди теории. Мирная стачка и демонстрации сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших: что же дальше?—требовавших более активных действий. Директива строить баррикады пришла в районы с громадным опозданием, когда в центре уже строили баррикады. Рабочие массами взялись за дело, но не удовлетворились и им, спрашивали: что же дальше?—требовали активных действий. Мы, руководители с.-д. пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие

массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий“.

„Таким образом, нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что „не нужно было браться за оружие“. Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими „предварительными ступенями“, не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя и народ“...

„...Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространяться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага—станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе“.

(„Пролетарий“, № 2 от 29 августа 1906 г.

Подавлено московское вооруженное восстание. Разгромлена Красная Пресня. Карательная экспедиция генерала Римана действует „огнем и мечом“ по Московско-Казанской железной дороге. Черная сотня начинает выползать из щелей и, оскалив зубы, поднимает голову. Но загнать рабочих в прежние рамки уже не представляется никакой возможности.

„После декабря это уже был не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение, закалился в восстании“ (В. Ленин).

Рабочий класс разбит, но не побежден!

Это чувствуют и враги наши. Они великолепно понимают, что даже приказ генерала Трепова:

— Патронов не жалеть, холостых залпов не давать,—

не может уже больше устрашить восставший народ, и рано или поздно он еще более сильным, еще более могучим пойдет на те же твердыни самодержавия, которые в декабрьские дни он так сильно раскачал, но не опрокинул.

Рабочего опять хотят направить по пути той же зубатовщины и отвлечь его от политики.

В этом отношении характерно „прошение“, которое было подано на имя градоначальника одним „жителем“ города Москвы и которое нам удалось разыскать в том же Архиве революции.

Приводим его полностью:

Его превосходительству господину градоначальнику г. Москвы.

Жителя г. Москвы, к-на Калужской губ., Тарусского уезда, Высокиничеcкой вол., сельца Колышова Ивана Герасимова Ларионова

ПРОШЕНИЕ.

Всепокорнейше имею честь просить ваше превосходительство о разрешении массовых собраний рабочих для организации их в рабочую социально-независимую партию и о предоставлении мне права вести эти собрания. В виду слухов, носящихся между рабочими, к марту месяцу с. г. революционерами подготовляется вооруженное восстание, одновременно с крестьянами. Я осмеливаюсь просить ваше превосходительство, ради Бога, передайте дело подавления предстоящего мятежа в руки самих рабочих; как это сделали петербургские рабочие и на которых рассчитывали московские революционеры, устроившие декабрьский мятеж здесь в Москве. Письменно я снесся с г. Ушаковым, который со своей партией независимцев, разрешенной правительством, не допустил в Петербурге мятежа, одновременно предполагавшегося с московским, и жду от него инструкций, ибо состою членом этой партии. Прошу ходатайства вашего превосходительства допустить эти собрания в виде исключения из правил, чтобы предотвратить мятеж и приготовить к этому рабочих.

Еще прошу личного свидания с вашим превосходительством.

Января 25 дня 1906 г., гор. Москва.

Иван Герасимов Ларионов.

Жительство имею: Патриаршие пруды, дом Бекман, кв. № 3.

На прошении этом пометка самого градоначальника:

„Свидание, конечно, разрешаю“,

а немножко ниже и другая:

„Снестись по этому вопросу с петербургским градоначальником“.

Нам неизвестны разговоры, которые имел сей „житель“ при свидании с градоначальником, как неизвестны и результаты, к которым они пришли, но мы нашли в Архиве и другой документ:

М. В. Д.
С.-Петербургский градоначальник.
По Канцелярии.

Судное делопроизводство.

14 февраля 1906 г. № 1526

Московскому градоначальнику.

Уведомляю ваше превосходительство, что рабочей социально-независимой партии в С.-Петербурге организовано не было.

Генерал-майор (подпись).



К кладбищу с трупами убитых.

После такого ответа на прошении „жителя“ была наложена уже резолюция более определенного свойства: „Отклонить“, а чиновник канцелярии добавляет: „Объявить о решении просителю со взысканием гербового сбора в Р. 1.50“.

Все это характеризует растерянность тогдашней полицейской власти!

Стоит какому-то проходимцу написать прошение с предложением своих услуг для „подавления“ рабочего движения—„мятежа“, как начальство начинает с ним заигрывать, веря в то, что он приберет рабочих к своим рукам, создав какую-то „социально-независимую партию“ рабочих.

Рабочие стали уже совсем не теми, какими они были до декабрьских дней. Работа, главным образом, социал-демократов большевиков начинает находить почву и пользоваться среди них большой авторитетностью и популярностью; наконец, даже полиция и охранка начинают побаиваться. Об этом говорят документы:

Секретно.

ДОКЛАД ОТДЕЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОРЯДКА В МОСКВЕ.

Сведения о предполагаемых сходках на 11 мая сего года.

1) Собрание в 8 час. утра рабочих у Соломенной сторожки в Петровско-Разумовском.

2) Собрание социал-демократов в Горлецком лесу и будут патрули на первом мосту, пароль—„как пройти к большой сосне“.

3) Собрание в 4 часа дня кружка в лощинке за Калитниковским кладбищем.

4) Конференция в 3 часа дня у Лосиноостровской близ села Богородского.

5) Массовка с 10 час. утра рабочих, принадлежащих к партии социалистов-революционеров, по передаточной линии Николаевской железной дороги, направляться от Бутырской заставы близ второго моста, ожидается много народу.

10 мая 1906 года.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству для сведения, я позволил себе выразить мнение, что в виду праздничного дня и установленных обычаем в этот день массовых народных гуляний, я полагал бы нежелательным разгонять эти массовки и думаю, что следует ограничиться лишь приложением мер для воспрепятствования рабочим толпами возвращаться в город.

Мая 10 дня 1906 года.

Подполковник *Климович.*

Из этого документа видно, что рабочих еще боятся, раз даже охранник полковник Климович „позволяет себе выразить мнение и полагать нежелательным разгонять эти массовки“.

На массовках обсуждаются вопросы о продолжении борьбы с самодержавием и с владельцами, начинающими опять нажимать на рабочих.

Во втором номере „Печатника", вышедшем накануне 1 мая, была помещена такая заметка:

Типография Кушнерева. В правление Союза явились депутаты от литографских накладчиков и заявили, что они решили бастовать. Причина этому следующая: вновь поступающие накладчики получают на 2 руб. больше, чем давно живущие.

Правление, обсудив вопрос, предложило им воздержаться от забастовки до тех пор, пока они не заручатся сочувствием рабочих других отделений. С этой целью отправлено кушнеревцам письмо с предложением поддержать накладчиков в случае их забастовки.

В свою очередь, правление решило оказать накладчикам поддержку, если они выполнят все указания правления.

Что из этого выйдет—посмотрим!...

А в следующем номере того же „Печатника" от 14 мая сообщалось:

Типография Кушнерева. Рабочим этой фабрики почти не пришлось бастовать, потому что все требования их тотчас же были удовлетворены в полной мере, о чем делегаты фабрики Кушнерева и довели до сведения правления.

Весь этот месяц печатники предъявляют своим владельцам требование за требованием.

Но предприниматели сами уже начинают наступать. Вот сообщения:

Литография Бахман. Ввели опять штрафы и вклеили в расчетные книжки отмененные раньше „правила".

В „Печатнике" № 4 от 21 мая:

Типография Кушнерева. Типографские накладчики и некоторые другие рабочие, желая повысить заработную плату, обратились 18 мая в правление Союза за разрешением предъявить требования и в случае отказа забастовать 19 мая.

Нужно заметить, что заработная плата, существующая в настоящее время, была установлена после сентябрьской забастовки.

Но рабочие заявляют, что увеличение заработной платы они и тогда еще находили недостаточным и отложили этот вопрос до более благоприятного времени. Это время теперь наступило, и они готовы отстаивать свои требования.

По некоторым соображениям забастовка отложена до следующей недели.

Через неделю в том же „Печатнике" от 28 мая напечатано:

Типография Кушнерева. 24 мая в 10 час. утра рабочие типографского отделения: накладчики и пр. (около 70 чел.) предъявили администрации требования об увеличении заработной платы, при чем администрации был дан один день сроку. Так как по истечении этого срока удовлетворения не последовало, то рабочие и забастовали.

Директор обращался к другим рабочим своей фабрики за посредничеством, но те отвечали, что на это у нас есть союз.

Настроение прекрасное.

В № 6 „Печатника" от 4 июня:

Типография Кушнерева. Дирекция удовлетворила все требования бастующих, но наотрез отказалась платить за время забастовки.

Администрация типографии вела переговоры с нашим Союзом, и когда Союз решил начать работы у Кушнерева, переговоры эти были круто прерваны. Это, как мы узнали после, произошло в связи с постановлением общего собрания владельцев, которое решило объявить забастовку.

Дирекция фабрики предлагает остальным, не бастующим рабочим, уйти с фабрики без двухнедельного (предупреждения), но рабочие заявили, что они будут ходить на фабрику еще ровно две недели и после этого оставят ее. Всех увольняющихся 600 чел.

Настроение превосходное. Администрация предлагает рабочим получить деньги судебным порядком.

И, наконец, в „Печатнике“ № 7 от 9 июня:

Типография Кушнерева. После соглашения с союзом владельцев все рабочие стали на работу. Требования удовлетворены, за ползабастовки заплачено; двухнедельный расчет снят. Наборщики, стоявшие за неименнем работы, получают по следующему расчету: 3-месячное сдельное жалованье делится на число рабочих дней. На каждого рабочего выходит на круг по 1 руб. 65 коп. в день. Наборщики, однако, не соглашаются и требуют по 1 р. 80 к. Дело было передано на разрешение комиссии.

Вторично был приглашен секретарь Союза. Администрация типографии продолжала настаивать на своем, но после ухода секретаря она удовлетворила требования наборщиков.

XV. „Рабочие решительны и смелы“

„Мы переживали,—писал В. И. Ленин в начале мая 1906 г.,—начало нового общественного подъема. И движение безработных, и первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы—все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом“ (Ленин, Соч., т. IX, 232 стр.).

В тот вечер, когда кушнеревцы уже знали, что типография должна закрыться и что на следующий день будет по цехам висеть объявление о расчете наборщиков, сводчиков, корректоров и так далее, рабочие собрались неподалеку (в Екатерининском парке), чтобы вместе с бастующими рабочими других типографий решить, как быть в случае объявления владельцами локаута.

Вот как рисует пристав Сущевского участка это событие:

М. В. Д.
Московской Городской Полиции
Пристав
Сущевской части.
Мая 30 дня 1906 г. № 150.

Его превосходительству господину Московскому градоначальнику.

Сего числа в Екатерининском парке в 8 час. вечера собравшаяся во время музыкального исполнения публика, состоявшая в большинстве из простого фабричного народа, приблизительно до 8 000 чел. стала петь „Марсельезу“ и несколько лиц в толпе стали выкидывать красные флаги. Во время рассеивания толпы нарядом от вверенного мне участка и прибывшим нарядом от 3 участка Мещанской части и 3 участка Сущевской части толпа эта стала разбиваться по всему парку на отдельные большие

группы, которые с пением „Марсельезы“, видимо, пытались итти толпою из парка к Садовой улице и Божедомке, но, по прибытии наряда конных жандармов, толпы эти жандармами, вместе с полицейским нарядом, были рассеяны, при чем, во время рассеивания из толпы бросали в полицию камнями, вследствие чего городовой 3 участка Мещанской части Алексей Бабурин сделал выстрел в воздух из винтовки. Игравший в парке оркестр слепых, как только толпа запела „Марсельезу“, игру окончил и ушел, не доиграв до 9 час. вечера, и в то же время вся чистая публика разошлась.

О чем доношу вашему превосходительству.

Пристав (подпись).

О том, что „мы переживали и новый подъем самым недвусмысленным образом“ и о том, что враги наши боялись этого подъема также самым недвусмысленным образом, может служить донесение-рапорт, устами классового врага так оценивавший настроения рабочих масс:

М. В. Д.
Московской Столичной
Полиции
Пристав
Ново-Андроньевского
участка.
Июля 6 дня 1906 г.
№ 7.

Совершенно секретно.

Его превосходительству, господину
Москoвскому градоначальнику.

Рапорт.

Согласно приказания вашего превосходительства, доношу о настроениях заводских и фабричных рабочих в районе вверенного мне участка: главное население сего участка составляют рабочие механических заводов и железнодорожных мастерских, это—рабочие самые развитые, начитанные и в высшей степени смелые, вполне знакомые с положением страны со слов всяких ораторов, хотя и в преувеличенном виде, и следящие с громадным интересом за всеми работами Государственной думы. Они были вполне уверены, что все проводимое Думой будет исполнено в точности, в чем их убеждали ораторы. Теперь же видя, что от Думы решительно ничего добиться не могут, рабочие страшно озлобились и это дает им тем более уверенности в неправоте происходящего.

Митинги и сборища происходят непрерывно и постоянно в лесах и под строгим надзором выставленных часовых, так что проникнуть в черту сборищ постороннему трудно, а разъезд конный или наряд никогда не застанет толпы: она по сигналу расходится. Уменьшение сборищ в разных местах именно и объясняется тем, что рабочие удалились в леса, избегая беспокойства со стороны жандармов и наряда. Боязни ни в ком нет. Рабочие решительны и смелы. Декабрьские события дали им массу опыта. Доклады о том, что сборища разбегаются при появлении полиции и жандармов, правильны, и только с поверхностной оценки рабочие избегают преждевременных столкновений, желая серьезно подготовиться. Вооружены рабочие в большей части, но оружие сохраняется в потаенных местах. К полиции помимо созданной прежней ненависти прибавился взгляд, как на врага, тормозящего достигнутое.

В близком будущем катастрофа неминуема, если только не будет каких-либо перемен. Рабочая масса напряжена до чрезмерного, и повод к взрыву может быть каждый день.

Близко стоящие к рабочим говорят, что даже частичные уступки успокоили бы умеренных и они подавили бы стремление крайних к террору

Настроение рабочих в последние дни колоссально изменилось, вызывающее отношение к полиции перешло в крайнее озлобление. Через несколько дней, если так будет продолжаться, начнутся столкновения с чинами полиции, даже при обычных исполнениях бумаг и разного рода предписаний. Сравнивая настроения рабочих в ноябре (конца) и декабре прошлого года, я могу утверждать, что настроение сильно повышено против указанного периода. Опасаясь докладывать категорически, я позволяю высказать свое мнение, что в случае серьезных беспорядков часть городовых уклоняется от действия против толпы; это имело место в декабре, и теперь новые городовые—менее известные—не позволяют твердо в них верить. Городовые фабричных районов скоро сходятся с рабочими и против них идут неохотно.

Понимая серьезность настоящего доклада, доношу вашему превосходительству, что умалять опасность положения я считаю преступным и скрашивать ожидаемые осложнения бесцельным: все это вызвать может излишние жертвы и волнения.

Пристав (подпись).

А из другого конца Москвы, пристав 2-го участка Пятницкой части рапортует:

Его превосходительству господину Московскому градоначальнику.

Доношу вашему превосходительству, что завтра 6 сего июня администрация типографии „Т-ва И. Д. Сытина" в виду неприступления до сих пор к работам забастовавших рабочих литографского отделения предлагает предупредить всех рабочих типографии в количестве 636 чел. о расчете через 2 недели. Также получены негласные сведения, что завтра предполагается всеобщая забастовка рабочих Замоскворецкого района.

Пристав подполковник (подпись).

Если к этому добавить еще и следующий инцидент, то легко можно себе представить общее настроение рабочих летом 1906 г.:

2 августа 1906 г. в Бюро московского общества владельцев типо-литографий поступило от „Т-ва И. Н. Кушнерев и К[0]" заявление о том, что у них из мастерской утром сего числа был вывезен на тачке большой группой рабочих ротационный мастер Трофимов, служащий в фирме 20 лет. Поводом к этому послужило, по заявлению рабочих, якобы исполнение Трофимовым сверхурочных работ; между тем как он, работая в данной смене, приходил в мастерскую и вечером, оставаясь в ней около часа, с целью убедиться, что ротационная машина и в ночной смене начала работать правильно.

„Т-во И. Н. Кушнерев и К[0]" пожелало узнать, как, по мнению Комитета, следует ему поступить в данном случае.

Все опрошенные по этому вопросу члены Комитета заявили, что они считают, что такой возмутительный случай насилия должен повлечь за собой немедленное и строгое наказание виновных и немедленное восстановление мастера Трофимова в его правах.

На основании таких мнений „Т-ву И. Н. Кушнерев и К[0]" было предложено мастера Трофимова поставить на работу, а зачинщика или зачинщиков насилия над ним уволить немедленно, остальным же рабочим того отделения, где работает Трофимов, объявить, что в случае повторения чего-либо подобного они все без исключения будут уволены.

„Т-во И. Н. Кушнерев и К[0]" заявило, что о последующих своих распоряжениях оно сообщит Бюро нашего общества[1].

[1] Из дела Моск. охр. отделения № 327

К первой годовщине Декабрьского восстания кушнеревцы, среди которых еще работали „не изъятые“ охранкой дружинники-большевики, решили напомнить о себе жандармам тем, что собрались во дворе типографии, говорили речи и, пропев „Вы жертвою пали“, вышли на улицу. Из печатников—они были единственными. Об этом сообщала и печать:

Фабрика Кушнерева. В ней не прячутся в сторонке. Рабочие вспоминали прошлый год и помянули, как могли. По своей инициативе они устроили собрание на фабрике, говорили о прошлом декабре, а после собрания вышли с фабрики и прошлись с красным флагом мимо городовиков. Вечером около фабрики шныряли полицейские и гороховые пальто. Пивные были ими переполнены.

Было несколько арестов, но кушнеревцы не смущаются этим.

XVI. Локаут

День ото дня реакция становилась свирепее. Еще пылали села и деревни от карательных экспедиций Римана, Меллер-Закомельского и Ренненкампфа. Еще свистела розга по крестьянским спинам, требующим земли и лучшей жизни. Суд „скорый и правый“ чинил расправы над узниками, что томились по тюрьмам и в казематах; царские суды работали дни и ночи, вынося страшные и жестокие приговоры: ссылка в Сибирь, каторга на рудники.

Засучив рукава, палачи темной ночью творили свои дела: они затягивали петлю на шее лучших представителей восставшего народа. Народ стонал, но добытые с таким упорством и с такими жертвами в дни Красного декабря вольности без боя не сдавал.

Опричники все туже, все крепче сдавливали горло и лишали воздуха тех, которые еще не так давно—только несколько месяцев назад—дышали полной и свободной грудью. Сдавливали горло, становились на грудь, и опьяненные своей кровавой победой над обезоруженным и подавленным народом, кричали:

— Мы—победители!

Хозяева, объединенные в союз владельцев, подумав, что рабочий как будто и на самом деле лежит навзничь распростертым на земле, решили также присоединиться к шакалам, празднующим свою победу. Они захотели вернуть печатников к старому разбитому корыту. И... разбились сами.

Начали владельцы с того, что сделали наскок на рабочих и хотели удлинить время в ночной смене.

Вот, что мы узнаем из отчета заседания комитета (хозяев) от 17 августа 1906 г.:

В одной из крупных типо-литографий, в виду спешности работ, решено было пустить ночную смену; предполагалось пустить 4 плоских типографских машины на 2 месяца. При найме рабочих им было заявлено, что работа будет производиться в течение 5 дней по 9 час. и в субботу 6 час.

Плата определена по 1 р. 50 к. Проработав одну ночь, накладчики заявили, что на таких условиях они работать не намерены и потребовали: или работать 8 час. в ночь или же увеличить плату до 40 руб. в месяц. Администрация на это требование не согласилась и решила прекратить ночные работы, причем сделала сообщение в Бюро Об-ва.

Комитет, рассматривая это сообщение, нашел, что убавление рабочего времени не может быть сделано, не исключая и субботы[1]. В виду же того, что ночью работаются обыкновенно более простые работы и на них накладчики могут быть поставлены не 1-го, а 2-го разряда, каковым установлена плата в 1 р. 40 коп. Прибавка же 10 к. может быть объяснена тем, что ночная работа признается более трудной сравнительно с дневной, а потому плату в 1 р. 65 к. в день (39 р. 60 коп. в месяц) комитет считает преувеличенной, а требование такой платы неправильным.

После того как хозяйским комитетом были запрошены некоторые предприятия о продолжительности рабочего времени в ночных сменах и оплате за таковые, они на заседании своем от 23 августа выносят такое решение:

Как видно из вышеприведенного, типография, которая хотела пустить ночную смену, по тем условиям, на каких она наняла для ночной смены типографских накладчиков, не вышла бы по сравнению с другими фирмами из существующих ныне норм, но, с другой стороны, необходимо признать, что повод у накладчиков для предъявления требования о повышении заработной платы до 40 р. в месяц (около 1 р. 65 к. в день) был, так как они не могли не знать, что у одного из членов союза, сформировавшего ночную смену в последнее время, плата накладчикам установлена на круг по 1 р. 65 коп., да и рабочее время ночью сокращается до 8 ч. Такая пестрота условий в союзных типографиях не должна быть допускаема: она создает осложнения между владельцами и рабочими и, как лишний повод для недоразумений, должна быть устранена. Вместе с тем, по мнению Бюро, желательно выяснение вопроса о том, не следует ли членам союза, вместо устройства новых ночных (которые при своем развитии вызывают в конце концов недостаток в работе), передавать излишек заказов в те мастерские, где в данное время имеются свободные машины. Остановка в увеличении ночных смен явилась бы самым прочным залогом успеха проведения в жизнь недавно принятых комитетом минимальных типографских цен.

Рассматривая вышеприведенные вопросы, комитет, признавая необходимым введение единообразных условий работы, постановил: сообщить всем членам союза, что продолжительность ночной смены должна быть одинакова с дневной, т. е. мастерские должны работать полные девять часов, не исключая и дней предпраздничных[1]. Те фирмы, у которых в настоящее время ночные смены работают меньшее, против указанного, количество часов, приглашаются, при первом же перерыве в ночной смене, составлять новые на условиях 9-часовой работы.

По вопросу же о нормировке новых работ комитет постановил, чтобы вопрос об этом был предложен вниманию ближайшей товарищеской беседы, при этом высказано было, что путем частных соглашений членов союза между собой о передаче излишков работы мог бы, может быть, по крайней мере, на первое время, устраниться вопрос о нормировке.

Таким образом владельцы пошли в наступление, признав, что и в ночной смене продолжительность рабочего времени должна быть доведена до дневной, т. е. до 9 час.

[1] Подчеркнуто мною. *М. Ф.*

Но этого мало. Они идут еще дальше и предлагают тем владельцам, у которых 8-часовая ночная работа существует, перейти при первом перерыве, т. е. после рождества, на 9-часовую смену.

И в усиление этого постановления на комитетском собрании 11 октября решают:

От одного из членов союза было получено заявление следующего содержания:

„В Московское Общество типо-литографов.

Во многих союзных и несоюзных типо-литографиях производятся работы в две смены, причем 1-я работает 9 час., 2-я (ночная) только 8.

Одна из несоюзных типографий просила меня осветить этот вопрос, как следует, на ближайшем общем собрании гг. членов. Почему такая фирма, как „Печатня С. П. Яковлева", работает в ночной смене 8 час., а другие, менее крупные, 9 час. А должно быть совершенно наоборот, т. е. крупные фирмы должны подавать пример нам, маленьким, и тогда бы нам было легче бороться с произволом[1] рабочих.

Поэтому я покорнейше просил бы комитет общества доложить мое заявление общему собранию".

Заслушав это заявление, комитет постановил сообщить запросившему о том, что вопрос об уравнении ночной смены с денной рассматривался уже комитетом и решен в смысле необходимости такого уравнения. Что же касается проведения этого вопроса через общее собрание, то это будет сделано при утверждении собранием общих для союзных типо-литографий правил внутреннего распорядка.

Как только рабочие вернулись к своим станкам после нового года, им тотчас же были предложены новые условия, т. е. работать ночью 9 час. Яковлевцы первыми бросили работу, так как наступление пошло отсюда.

Союз владельцев, решивший бороться до конца с рабочими и сломить их упорство, пошел Т-ву Яковлева навстречу и постановил:

Распределить излишек работ Т-ва Яковлева между союзными типографиями и выполнить таковые работы в срок и на условиях, соответствующих интересам Т-ва С. П. Яковлева[2].

А интересы рабочих? За их защиту взялись, и взялись довольно решительно, сами рабочие. Союз печатников объявил яковлевскую работу под бойкотом. Всюду, где бы она не появлялась, печатники категорически отказывались ее выполнять, а владельцы, в свою очередь, „за отказ от работы" стали рабочих увольнять. Начался локаут!

Мамонтов, Лисснер, Поплавский, Сытин, Кушнерев... Владельцы один за другим идут „на помощь" Т-ву Яковлева.

Мамонтовцы, лисснеровцы, сытинцы, кушнеревцы один за другим выбрасываются из своих фабрик за то, что стали на защиту яковлевцев, а тем самым и завоеваний пятого года.

[1] Подчеркнуто мною. *М. Ф.*

[2] Протоколы комитета союза владельцев от 9 января и общего собрания от 11 января.

Локаут продолжается.

„Печатное дело“[1] 19 января 1907 г. на первой странице помещает такой призыв:

Товарищи! Гроза надвигается. Не поступайте в ночную смену, где работают больше 8 часов!!!

Борьба разгорается.

Призыв повторяется и в дальнейших номерах „Печатного дела“, напр., в № 16:

14 февраля хозяева заявили представителям нашего Союза, что они отказываются удовлетворить требования яковлевских рабочих о восьмичасовом рабочем дне в ночной смене, и не остановятся перед применением локаута.

Товарищи! Отказывайтесь от выполнения яковлевских работ!

В тот же день кушнеревцы на общем собрании выносят резолюцию:

Поведение союза владельцев считаем не новым явлением. Союз этот только тогда держал данное им слово, когда со стороны рабочих встречал сильную и стойкую организацию. Глубоко возмущенные поведением администрации типографии Яковлева, приветствуем товарищей безработных, ведущих упорную борьбу за наши завоевания.

Долой эксплоататоров! Да здравствует стойкая, сильная организация!

„Печатное дело“ № 17, 20 февраля 1907 г.:

Типография Кушнерева. 17 утром директор нашей типографии, г. Чефранов, держал речь перед рабочими, уговаривая их работать яковлевскую работу, но все хорошие слова „сладкопевца“ Чефранова не нашли отклика в душах его „верноподданных“ рабочих и все, как один человек, из наборного, типографского, машинного отделений заявили, что будут исполнять все работы, кроме яковлевской. Директор, в свою очередь, предложил рабочим покинуть фабрику.

22 февраля на общем собрании владельцев Московского общества типо-литографов принимается решение:

Московское общество типо-литографов, находя, что оно поступило вполне правильно, стремясь уравнять рабочее время согласно существующему в большинстве союзных типографий, но, не желая обострить возникший конфликт, предлагает обществу рабочих передать его на разрешение третейского суда, состоящего из 5 лиц. До решения же означенного суда предоставляет „Т-ву С. Н. Яковлева“ возобновить в его мастерских 8-часовую ночную смену под тем непременным условием, что все рабочие во всех союзных типографиях, прекратившие в настоящее время работу, немедленно возобновят таковую без предъявления каких-либо требований и без отказа от исполнения каких-либо работ других фирм.

В случае же отказа рабочих от принятия настоящего предложения объявить расчет всем рабочим, отказавшимся от работы или самовольно бросившим ее и не явившимся в субботу 24 сего февраля на работу к установленному часу по день и час отказа от работы; всем же продолжающим еще работу объявить в тот же день установленным в законе порядком

[1] Журнал, выходящий вместо прикрытого полицией «Печатника».

двухнедельный расчет и по истечении этого срока, т. е. в субботу 10 марта, все мастерские членов Общества закрыть.

На членов Общества, не исполнивших в точности этого постановления, наложить неустойку в размере 100 руб. за каждого числящегося в данном предприятии рабочего.

Почувствовав силу рабочих, видя, что рабочих не устранит наступление хозяев, и поняв, что рабочие не отступят от раз принятого решения, они этим постановлением хотели разбить солидарность печатников. Но было уже поздно бить отбой!

Представители от рабочих, конечно, на такие условия согласиться не могли и в № 2 „Печатное слово“ от 24 февраля было объявлено:

23 февраля комитет о-ва тино-литографов вызвал представителей нашего правления для переговоров. Переговоры не привели ни к чему. Хозяева заявили, что сегодня, 24 февраля, начнется локаут 7 000 рабочих союзных типографий.

А 26 февраля комитет об-ва владельцев рассылает своим членам следующее письмо-предупреждение:

На общем собрании гг. членов Московского общества типо-литографов 22 февраля сего года состоялось, как вам это, М. Г., известно, постановление о том, что в случае отказа рабочих от принятия выработанного означенным собранием предложения объявить расчет всем рабочим, отказавшимся от работы или самовольно бросившим ее и не явившимся в субботу 24 сего февраля на работу к установленному часу по день и час отказа от работы; всем же продолжающим еще работу объявить в тот же день установленным в законе порядком двухнедельный расчет и по истечении этого срока, т. е. в субботу 10 марта, все мастерские членов Общества закрыть.

На членов Общества, не исполнивших в точности этого постановления, наложить неустойку в размере 100 р. за каждого числящегося в данном предприятии рабочего.

В виду того, что рабочие предложения Московского общества типо-литографов не исполнили, Вы должны были осуществить вышеприведенное постановление и настоящим бюро просит Вас письменно удостоверить, что таковое постановление Вами действительно выполняемо.

Кроме того бюро считает не лишним напомнить гг. членам общества парагр. 62 Устава, гласящий в разделе под буквой г нижеследующее:

„Членам общества безусловно воспрещается непосредственное сношение с правлением общества рабочих без разрешения комитета“.

Бюро имеет честь добавить, что такого разрешения комитет никому не дал.

Крепко, чорт подери!

Начались переговоры между воюющими сторонами.

После долгих заседаний третейского суда, за несколько часов перед окончательным объявлением локаута и закрытием всех союзных типографий, 10 марта 1907 г. было вынесено такое решение:

...Третейский суд признает за всеми рабочими союзных типографий, лишившимися работы в связи с настоящим конфликтом, право на уплату хозяевами полного заработка за все время их прогула вплоть до дня совершения нотариальной записи о настоящем третейском суде.

Так кончилась славная борьба печатников!

Рабочие победили! Хозяева на этой пробе гранитности рабочей солидарности сломали себе зубы.

Хозяевам даже невтерпеж было дождаться нотариальной записи и поспешили на следующий же день вносить через союз причитающиеся деньги за ими же объявленный локаут.

Вот любопытные их расчеты, которые они произвели для исчисления убытков, принесенных каждым рабочим своему хозяину [1].

для фирмы	М. М. Левина . .	15 р.	16 к.	: 15	1 р. 01 к. в день
» »	А. И. Поплавского	40 »	40 »	: 65	62 » » »
	Т-ва Чичерина .	166 »	14 »	: 325	51 » »
	С. И. Яковлева .	314	16 »	: 468	67 »
	А. А. Левенсона	214 »	60 »	: 419	51 » »
» »	И. Н. Кушнерева	313 »	35 »	: 600	52 » »
»	Торг. дома Лисснер и Собко	99 »	37 »	: 120	83 » »
»	Т-ва И. М. Машистова .	165 »	22 »	: 334	50 »
»	В. И. Ворохова	17 »	53 »	: 30	58 » »
	„Русского товарищества" .	260 »	29 »	: 412	63 »

Для того, чтобы „пострадавшим" владельцам из страхового фонда хозяйского союза возместить „убытки", был произведен и дальнейший расчет, по которому каждый из „пострадавших" получил из страхового фонда свою долю для уплаты локаутированным рабочим. По этому подсчету убыток, которые потерпели хозяева при этом локауте, выразился в сумме свыше 10 тыс. руб. Сюда не вошли Сытин, Мамонтов и другие, которые вышли из хозяйской организации и из страхового фонда ничего и не получили.

М. М. Левину . . .	за 15	дней полн. забаст.	15 р. 16 к. × 15	= 227 р.	40 к.
А. И. Поплавскому	» 20½	» »	40 » 40 » × 20½	828 »	20 »
Т-ву В. Чичерина .	15	» » »	166 » 14 » × 15	2492 »	10 »
» С. И. Яковлева.	19	» × забаст. 78 ч.	× 67 »	992 »	94 »
» А. А. Левенсон. »	17	» ×	181 » × 51 »	1569 »	29 »
» И. Н. Кушнерева »	16½	» ×	182 » × 52 »	1561 »	56 »
»	9	» ×	99 » × 52 »	463 »	32 »
» И. М. Машистова »	14½	» ×	47 » × 50 »	340 »	75 »
» Лисснер и Собко »	4	» × »	37 » × 82 »	121 »	36 »
»	10	полн. забаст.	99 р. 37 к. × 10	993 »	70 »
В. И. Ворохову . »	20	» × »	6 » × 58 »	69 »	60 »
»	7	полн. забаст.	17 р. 52 к. × 7	122 »	64 »
„Русскому т-ву" . . »	18 заб.	× »	49 » × 63 »	555 »	66 »
			Вся сумма убытков Руб. . . .	10 313 р.	04 к.

[1] Первая цифра—средняя ежедневная выплата жалованья всем рабочим; вторая цифра—уволенные рабочие; третья цифра—средняя поденная плата, падающая на одного рабочего.

Помимо многих моментов, особенно важное значение для исхода этого конфликта получили те стачки, которые начались в это время в Петербурге и в Киеве в местных отделениях московских фирм Кушнерева и Яковлева. В этих городах единственным требованием забастовавших было удовлетворение их московских товарищей; это были так называемые „стачки по симпатии".

Вот, что мы читаем в петербургских газетах:

Московский локаут и петербургские рабочие печатного дела. 25 февраля должно было состояться по поводу московского локаута полное делегатское собрание выборных от петербургских типографий, но, благодаря бдительности полиции, удалось только собраться части выборных, т. е. 79 чел.

Выслушав доклад делегата из Москвы, собрание приняло следующую резолюцию:

„I. Собрание правления совместно с 79 выборными высказывается за сочувственную москвичам забастовку в типографиях Яковлева и Кушнерева: собрание высказывается за объявление забастовки не позже завтрашнего дня, согласно предложению московского делегата. Проведение забастовки предлагается правлению.

II. Собрание предлагает товарищам от Яковлева и Кушнерева никаких экономических требований не предъявлять и добиваться лишь удовлетворения требований московских товарищей (единогласно).

III. Принимая во внимание необходимость широкой материальной поддержки, принимая во внимание необходимость демонстрировать свою солидарность с московскими товарищами, правление, совместно с 79 выборными, предлагает товарищам обсудить этот вопрос по типографиям и по районам, высказываясь с своей стороны за отчисление однодневного заработка (единогласно)".

После собрания выборных состоялось собрание правления СРПД, на котором московский делегат сделал доклад об истории московского локаута. Затем было решено выбрать коллектив для проведения забастовки, связанной с московским локаутом, а также решено устраивать собрания, где бы читались доклады о ходе дела.

26 февраля ровно в 12 ч. 10 м. дня, согласно постановления правления Союза рабочих печатного дела и собрания выборных от типографий, забастовали из сочувствия и солидарности московским товарищам рабочие типографий Яковлева и Кушнерева, имеющих отделения в Петербурге.

Рабочие петербургского отделения типографии Кушнерева отправили телеграмму своим московским товарищам следующего содержания:

„Шлем вам братский привет, товарищ т. в знак нашего полного сочувствия и товарищеской солидарности объявили забастовку".

— Петербургская типография Кушнерева принадлежит министерству путей сообщения, а Кушнерев арендует эту типографию у министерства. До настоящего времени министерство путей сообщения все типографские работы министерства отдавало Кушнереву. Сейчас же в типографии Кушнерева имеется целый ряд срочных заказов министерства. В виду возникшей забастовки, министерство путей сообщения объявило Кушнереву, что он вынуждено будет расторгнуть заключенный с Кушнеревым арендный договор, так как типография не исполняет договора о срочных работах.

Так как, повторяем, важное значение для исхода этой борьбы имели и „стачки по симпатии", мы считаем необходимым привести здесь некоторые выдержки из многочисленных писем заведую-

щего петербургским отделением типографии И. Н. Кушнерева Филиппова [1] в правление товарищества:

20 февраля 1907 г.

...среди наших рабочих повышенное настроение: идет между ними разговор о том, чтобы поддержать московских „товарищей", работающих в вашей типографии. Это мнение, как я сказал одному из влиятельнейших наборщиков, совсем уж несуразное, ибо мы совершенно самостоятельно работаем.

— Да, но вам могут прислать из Москвы работу и вы будете ее исполнять,—сказал он.

Помилуйте, говорю, мы и со своей работой не справляемся, так как же мы для правления-то будем работать?

Конечно, может быть выход из союза некоторых членов и не окажет на развитие его особенного влияния, но все же это неприятный прецедент.

Филиппов.

Телеграмма.

Петербург, 26/II 1907 г.

Типографии забастовка. Работы решено начать одновременно с вами.

Филиппов.

Чефранов тотчас же телеграфирует:

Телеграмма.

Москва, 26/II

Кончать поспешили. Наших три четверти состава еще работают. Прогулы не платим. *Правление.*

Вслед за телеграммой Филиппов пишет такого рода письмо:

20 февраля 1907 г.

...За последние дни между наборщиками то и дело происходили разговоры о забастовке по случаю московских событий. Некоторым, из наиболее влиятельных, наборщикам я доказывал всю нецелесообразность забастовки в нашей типографии. В субботу, когда между наборщиками возник об этом разговор, большинство наборщиков настаивало на том, чтобы забастовки не было. Союз рабочих печатного дела, однако, под влиянием московского союза рабочих, решил иначе: по его мнению, должна быть забастовка во всех отделениях товарищества и Яковлева. Забастовка эта была решена выборными, заседавшими в Союзе вчера, в воскресенье. Сегодня, в 11 час. утра, в типографию ворвались трое членов союза с председателем во главе, потребовали приостановления работ. Рабочие столпились в одной из комнат типографии. Мне сейчас же об этом сказали. Я вышел к рабочим и сказал, что не признаю их собрания, удивившись присутствию на нем посторонних лиц, и прошу немедленно исполнить одно из двух: или немедленно встать по местам или уйти из типографии. Представитель союза просил разрешения переговорить с рабочими пять минут. Я не разрешил и настаивал на своем. Тогда председатель союза, уходя, закричал:

1 Филиппов, заведующий Петерб. отделением тип. Кушнерева, бывший наборщик, а затем издатель-редактор журнала «Наборщик». Этот Филиппов превратился в ярого защитника интересов буржуазии, заявив однажды, что «рабочий нарочито себя калечит, чтобы жить в деревне на пенсии».



Уполномоченные (в будущем заводский комитет), руководившие забастовкой на Кушнеревке в 1906 — 1907 гг. Сидят на земле (слева направо: 1) Бирюков, 2) Котиаков. Сидят на скамье (слева направо: 1) Вальмар, 3) Лапин,

— Товарищи! В 12 час. 10 мин. бастуйте все. Покажем капиталистам, что мы, рабочие, стойко стоим за свои интересы!

Я не дал докончить и сказал, что если выкрики будут продолжаться, я позову полицию. Сейчас же после этого делегаты ушли, а рабочие встали на свои места. Ровно в 12 ч. 10 мин. кончили работу и ушли. То же самое случилось и в типографии Яковлева.

Это возмутительное насилие так потрясло меня, что я еле-еле пришел в себя минут через 10—15 после ухода рабочих. Я уверен, что если бы была устроена закрытая баллотировка, то, несомненно, вопрос о забастовке провалился бы, но тут руководящую роль взял союз, а большинство рабочих почему-то его боится, ну, и творят поэтому разные безобразия.

В самом деле, если вдуматься хорошенько, какое мы —наша типография и яковлевская имеем отношение к московской забастовке? Ведь, если следовать логике союза, то, например, если забастуют у нас, то, стало быть, должна бастовать и Москва? Просто, безобразие!

Делегаты от союза сообщили рабочим, что они могут пользоваться пособием от союза ежедневно.

Выходит: 1) масса без дела ходит по типографиям, 2) у нас дело есть и не делается, 3) раз союз дает вспомоществование, значит, по окончании забастовки предложит типографии счет, хотя со стороны типографии забастовка ничем не вызвана.

Как признался один из влиятельных членов союза, цель рабочих -разрушить союз владельцев, который представляется им могучей силой.

Мы привели это письмо почти полностью, так как оно выявляет действительное лицо этого буржуазного агента, который еще не так давно сам был наборщиком. Здесь все, что угодно: подхалимство, желание разбить солидарность рабочих, угроза полицией и, наконец, простое непонимание того, что судьбы 8-часового рабочего дня не безразличны были и для питерцев. Ведь, разбей они московских печатников, их коллеги, безусловно, тоже пытались бы провести и в Петербурге.

На следующий день он пытается повести с отдельными рабочими переговоры, но безуспешно.

В газете мы читаем:

Забастовавшие рабочие типографии Куннерева получили сегодня повестки от управляющего типографии с приглашением явиться в типографию для совместного обсуждения положения дел. Рабочие ответили, что пока московские товарищи не будут удовлетворены, они ни в какие переговоры с управляющим типографии вступать не желают. Рабочие большинства петербургских типографий постановили сделать отчисления в размере однодневного заработка в пользу бастующих петербургских и московских товарищей.

Петербург, 27 II.

Телеграмма.

Рабочие игнорируют типографию. Бывают в союзе. Не работать решено пока не будет открыто наборное и машинное отделения в Москве.

Филиппов.

А затем и письмом:

27 февраля.

Министр путей сообщения выразился так относительно забастовавших рабочих типографии: если бы они служили у меня, я бы сейчас их рассчитал!

Конечно, это легко, но, с другой стороны, рассчитав рабочих, на что, конечно, я имею полное право, раз они не пожелали работать, я рисковал не окончить работы, так как типография несомненно была бы под бойкотом. В общем получилось бы глупейшее положение: от меня другие типографии работу не возьмут, боясь забастовки, о которой типографии были бы предупреждены, и я не могу исполнить ее своими средствами, так как союзники (союз рабочих печатного дела), грозят чуть ли не убийством „штрейкбрехерам“, как они называют не согласных с ними рабочих.

Затем, желая взять как союз печатников, так и рабочих на „испуг“, предлагает заявить им о ликвидации петербургского отделения типографии и пишет:

Уверен, что заявление о прекращении деятельности Т-ва в Петербурге произведет ошеломляющее впечатление и может отразиться на московской забастовке.

Радуется, шельмец, что вмешалась полиция и в разгар борьбы закрывает Союз.

Телеграмма.

1/III, 1907 г.

...Союз рабочих печатного дела вчера закрыт полицией, и вообще рабочим собираться теперь негде.

Филиппов.

5 марта.

Из сегодняшнего вашего письма узнал, что союз рабочих печатного дела (представители в соединенной комиссии) не настаивали на том, чтобы в отделениях типографии платить за „сочувственную забастовку“. Это решение очень важно. В самом деле: по крайней мере отнимет охоту к забастовкам неизвестно по какой причине...

...Предполагаю, что завтра они придут в типографию, я переговорю с ними, как следует, постращаю, чем следует и, вероятно, в среду они вступят на работу. Я даже удивляюсь, как у них хватит совести просить уп. тить за забастовочное время. Ведь, они „сознательно“ идут против „кап тализма“ и вдруг—просьба о помощи, ибо не работали, а не работа потому, что не хотели работать.

Совершенно позабыв о том, что он переживал в день объявлен забастовки, сообразив, что рабочие идут на поклон к хозяева пишет дальше:

...Конечно, так долго продолжаться не может и в конце-концов, ког, союз владельцев окрепнет, вероятно, тоже будет объявлять локауты, так к издевательство над делом и отдельными лицами надоедает, наконец.

Дай бог здоровья Сергею Васильевичу [1], председательствованию которо в комиссии желаю полного успеха.

7 марта.

...Наши наборщики ждут посланца из Москвы и до его приезда не пр мутся за работу. Решится это завтра или послезавтра.

...Время теперь подлое, подмывающее на забастовку рабочих. Газеты разжигают страсти.

8 марта.

...Сейчас у меня был представитель союза раб. печ. дела, который предложил уплатить всем рабочим за забастовочное время. Сказал, что рабочие

[1] Чефранову.

встанут на работу одновременно с московскими рабочими. Без уплаты за забастовочное время рабочие в типографию не придут. Штрейкбрехеры, по словам представителя, будут изгоняться у ворот. Я спросил, почему главные удары в этом деле упали на нашу фирму?

— Потому,—ответил он,—что фирма эта уважаемая и с большими средствами, а как таковая, она не должна была итти во главе локаута... Цель наша—распатать твердое здание Кушнерева, к чему союзы в Москве и в Петербурге решили стремиться всеми силами и средствами.

Конечно,—добавляет от себя Филиппов,—это фразы, но все-таки они характеризуют вражду.

И опять позабыв, что в письме своем от 5 марта он издевался над „сознательностью" рабочих, просящих „помощи" у капиталистов, вопрошает:

Прошу правление сообщить мне, как оно смотрит на платеж рабочим за забастовочное время -вообще платить или не платить, а если платить, то сколько?

Требование платы в данном деле верх несправедливости, так как нашему отделению можно было и не бастовать...

вносит он свое косвенное предложение, но сейчас же испугался этого и продолжает:

Но, с другой стороны, тенденция у рабочих боевая и решительная: что вы сделаете, если действительно они не дадут окончить те работы, которые у нас имеются?

Вспомнив о решимости рабочих и о силе пролетарской солидарности, восклицает:

Сами будут голодать, и другому досадят.

Филиппов жалеет, что

власти в этих случаях умывают руки, так как тут, мол, не политика.

Получив ответ от Чефранова—за забастовочное время не платить, он спешит ответить:

10 марта.

...3 часа назад получил ваше письмо. Совершенно согласен с вами и буду энергично действовать в указанном вами направлении.

Действительно, наши рабочие вмешались совершенно в чужое дело,—и при чем тут требование уплатить за забастовку, да еще полностью, как будто бы они работали за это время, а не пьянствовали?"

Только в предыдущем письме, говоря о решимости рабочих, сказал, что „будут голодать", а здесь уже заговорил о пьянстве.

Марта 22.

...По сведениям, которые у меня имеются, рабочие настоятельно будут требовать за забастовочное время. Стало быть, типографию закрыть придется до тех пор, пока они не одумаются или вообще не придут к иному решению, согласно распоряжения правления.

Из сказанного выше мы уже знаем, чем все это закончилось: восьмичасовой рабочий день почью остался ненарушимым, за локаут

полностью оплачено и рабочие вышли еще более спаянными и еще более решительными с тем, чтобы при первой же попытке владельцев пойти в наступление дать отпор.

XVII. Борьба продолжается!

После того удара, который был нанесен владельцам рабочими в ответ на наступления союза владельцев типографий, рабочие воспряли духом и стали объявлять стачку за стачкой. И не потому, что рабочие вышли победителями из этой схватки, а почти исключительно потому, что владельцы еще задолго до этого провоцировали рабочих на выступления.

На рабочих наседали, увеличивая рабочий день, снижая заработную плату, вводя обыски и штрафы.

Отдельные типографии рвались в бой, но руководители союза удерживали рабочих от выступлений, полагая, что в первую очередь нужно отразить организованное наступление союза владельцев на восьмичасовую ночную смену, усматривая в данный момент эту борьбу, как наиболее важную и требующую максимального напряжения сил всех рабочих.

Поэтому в каждом номере своего журнала правление призывало к борьбе за этот именно участок.

В разгар борьбы правительство закрыло союзы московский и петербургский. Борьба становилась труднее, но вместе с тем и упорнее. Напрасны были упования Филипповых на то, что „рабочим теперь негде собираться“. Через уполномоченных была сильнейшая связь с местами, и поэтому руководство не ослабевало.

Локаут был разбит. Начались требования отдельных предприятий. Хозяева не сдавались, и рабочие стали проигрывать стачку за стачкой. Профсоюзная касса истощалась. „Железный“ фонд быстро скудел.

А в это время на руководителей союза еще оголтелее, еще рьянее набрасывается охранка.

Почти все члены правления и несколько уполномоченных арестовываются и в административном порядке (без суда) высылаются из Москвы.

3 июня 1907 г. разгоняется II Государственная дума. Лучших представителей, образовавших в ней фракцию рабочих социал-демократических депутатов, арестовывают. Сейчас уже окончательно реакция развязывает себе руки и, закрывая союз за союзом, арестовывает одно правление за другим [1].

[1] С союзом печатников проделывается то же самое. 19 февраля, в самый разгар локаута, его закрывают по распоряжению московского градоначальника, затем вскоре опять дается разрешение на его открытие. Но едва он приступает к своей деятельности, как 3 июня разгоняется Государственная дума. 4 июня союз вторично закрывается.

Среди рабочих замечается упадок настроения.

Цензура начинает опять творить свои безобразия и бесчинства. Закрываются газеты, конфискуются книги, редакторы штрафуются невероятно на крупные суммы и арестовываются.

Печатное производство входит опять в полосу застоя. Рабочих увольняют. Количество безработных увеличивается.

Все это вместе взятое—административные репрессии, кризис в производстве, наступление хозяйского союза, аресты и высылки—создают также и среди печатников упадок настроения, и оставшийся нелегальный союз рабочих начинает таять.

В начале года в союзе около 5 500 членов союза, в июне—августе еще солидная цифра—2 750 человек, в сентябре—декабре—625 и к 1 января 1908 г. эта цифра докатывается до... 120 чел. Союз фактически перестает существовать.

Небольшая группа сознательных рабочих еще старается удержать рабочих около своей организации и создает опять-таки нелегальные районные группки уполномоченных.

На призывы этих уполномоченных почти никто не откликается, тем более, что, по мнению некоторых, союзы теперь и не нужны, так как они, де, совсем не ведут никакой борьбы с хозяевами, и те, мол, не признают даже уполномоченных.

Враг не дремлет. Вследствие этого пассивного настроения среди рабочих и наступления на оставшихся уполномоченных группы безработных, требовавшей распределения остатка кассы между некоторыми бывшими членами союза, в рабочую среду проникают предатели, которые даже находят приверженцев среди сытинцев. Эти иуды, спровоцировав часть темных и забитых рабочих, пишут даже прошение о закрытии союза печатников и обращаются с этим „ходатайством" к московскому градоначальнику.

Правда, таких „паршивых овец" совсем немного, но и этого факта достаточно, чтобы показать о настроениях, проникших в рабочую среду.

Как только об этой провокации стало известно из газет, немедленно созывается собрание при типографии Сытина и там выносится протест рабочих, клеймящих позором презрения и предательства эту группу подрывателей.

Как в годовщину Декабрьского восстания кушнеревцы были первыми, устроив у себя на фабрике митинг, и даже вышли в этот день на демонстрацию с красным флагом, так и теперь кушнеревцы немедленно отзываются на эту гнусную провокацию и на устроенном собрании выносят такую резолюцию:

Рабочие типографии И. Н. Кушнерев и К°, прочитав в газетах обращение рабочих Т-ва Сытина к градоначальнику с просьбой закрыть наш союз, как учреждение, производящее насилие над рабочими, выражают уверенность, что это обращение является провокацией со стороны лиц, заинтересованных в закрытии нашего союза, желающих внести в нашу

рабочую среду раздор и умалить значение нашей организации в глазах общества. Мы заявляем, что это позорное клеймо, наложенное на рабочих печатников, не есть дело рук наших товарищей рабочих, а является актом со стороны подонков общества, сидящих тунеядцами на шее рабочего класса. Это они стараются своей темной политикой запятнать типографский пролетариат и тем самым сорвать его борьбу за улучшение своего положения.

Выражая свое презрение этим господам, которые в нашей среде терпимы быть не могут, мы выражаем уверенность, что типографские рабочие, в каких бы они условиях не находились, впредь, как и до сих пор, будут высоко держать поднятое ими знамя борьбы.

(Следует 355 подписей).

15 июня 1907 г.

Среди кушнеревцев еще сохранилась сильная группа рабочих-большевиков, чутко отзывающихся на все политические вопросы, затрагивавшие интересы рабочего класса.

Это они, как и полгода тому назад, вызвав рабочих на демонстрацию,—пользуясь большим влиянием среди них,—организуют этот протест и даже при царившей апатии собирают рабочих на собрания, где четко и ясно ставят вопрос, затрагивающий кровные интересы тех же рабочих.

И у кушнеревцев был свой предатель.

Предатель был сыном управляющего (коменданта) типографии. Мы для характеристики этого типа лучше всего приведем следующий документ:

Протокол[1].

1907 г. сентября 24 дня, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Кулинский, составил настоящий протокол по следующему поводу:

В Управление Московского охранного отделения явился мещанин г. Карасубазара Федор Антонович Толь и заявил, что он служит на фабрике Кушнерева. В ночь на 16 сего сентября, по распоряжению охр. отделения, был арестован конторщик этой же фабрики мещ. г. Задонска Семен Васильев Копытин. Этот Копытин, как хорошо известно заявителю Толю, принадлежит к крайней левой политической партии. Так как при арестовании Копытина он был обыскан только по месту его жительства, конторка же его в здании фабрики не была обыскана, то на другой день из конторы рабочими был унесен письменный материал, без сомнения послуживший бы, при изъятии, материалом, изобличающим политическую неблагонадежность Копытина. При этом заявитель Толь приложил найденное им в конверте Копытина письмо неизвестного автора за подписью „М. Т.“.

Заявитель просит, чтобы его заявление не было предъявлено Копытину.

Федор Толь.

Ротмистр *Кулинский*.

Приложение: письмо.

Дорогой Семен Васильевич!

Я был арестован 11 февраля и выслан из Воронежской губ. Теперь я скрываюсь от полиции и живу по чужому паспорту. Планы мои таковы:

[1] Дело М. О. О. № 2334.

я рассчитывал добыть заграничный паспорт и удрать. Но это едва ли может скоро осуществиться: нигде не могу достать паспорта. А между тем заработка решительно никакого. У вас больше знакомства. Не можете ли вы кому-нибудь написать, чтобы пристроить меня к какому-нибудь делу, хоть для прокормления. Сейчас я изучаю бухгалтерию по лекциям Лилиэнталя. Рассчитываю, что я мог бы быть конторщиком. В столицу мне немножко неудобно с моим документом. Если возможно, то похлопочите где-нибудь в провинции. Могу быть учителем, кассиром, приказчиком, преподавателем немецкого языка и пр. и пр.

18 декабря 1906 г.

Уважающий вас

Мих. Онуфриев

Адрес: Ст. Тресвятская Ю.-В. ж. д. село Орлово—Елене Михайловне Голубятниковой (и больше ничего. На самом письме напишите: перешлите М. Т.).

Пусть хоть теперь рабочие нашей фабрики узнают „лицо“ этого служащего, о котором, быть может, у некоторых и сохранились какие-нибудь хорошие воспоминания.

Нерадостно встречали рабочие России наступающий новый год.

Только за два года—1905 и 1906 гг.—царскими опричниками было убито 26 183 чел. и ранено 32 117 чел., при чем только по одному Московскому округу убитыми было 4 393 и ранеными—5 860 [1].

Только за три года—1905—1908 гг.—было приговорено к смертной казни 5 165 чел., из коих казнено 2 855 чел. [2]

Тюрьмы переполнены. Военно-окружные, морские и гражданские суды из года в год ссылают в Сибирь и гноят по тюрьмам десятки тысяч человек. Ко всему этому—голод и холод, нищенская заработная плата и наступление владельцев, стремящихся во что бы то ни стало ликвидировать завоевания рабочих.

Удлиняется рабочий день, сбавляются расценки. Заставляют работать сверхурочно, возобновляются обыски и штрафы. Рабочих увольняют за малейший протест, объясняя все это „нарушением“ дисциплины.

Так проходят мрачные годы реакции—восьмой, девятый и почти весь 1910 г. Забастовки, возникающие то в одном, то в другом месте, подавляются беспощадно. Вылавливают „зачинщиков“ и „агитаторов“ и бросают их в тюрьмы. Рабочая масса терроризована.

В частности, охранка не оставляет своего попечения и над кушнеревцами. При первом же сдвиге в рабочей среде начинает опять рыскать охранка и 10 мая 1910 г., после обыска, арестовывает кушнеревца-большевика Алексея Жукова. Охранка знает, что этот большевик-боевик не будет сидеть сложа руки. В первый раз она его аре-

[1] Известия Томского университета.
[2] Из диаграммы Общества бывших политкаторжан.

стовывает вслед за подавлением вооруженного восстания и высылает из Москвы. Во второй раз арестовывает в 1908 г., но оставляет его там, куда его выслала из Москвы—в Смоленске. Зная, что Алексей Жуков является первым организатором большевистских кружков на „Кушнеревке", опять берется за него. И как только наметился перелом в настроениях рабочих, охранка, не ожидая пока Жуков „проявит" себя (он после ссылки вернулся обратно в Москву и поступает на „свою" „Кушнеревку"), арестовывает его в третий раз. Но и это не помогло.

Дело не в одном Жукове!..

7 сентября часть рабочих не стерпела и забастовала...

Какие же мотивы были у рабочих? Какие были предъявлены „невыполнимые" требования, что администрация заставила рабочих пойти на забастовку, несмотря на царивший террор и разгул полицейщины?

Так как эта забастовка характеризует перелом в рабочей среде, то мы постараемся на ней остановиться подробнее, давая материал в подлиннике.

Требование типографских накладчиков [1].

1) О повышении заработной платы 20 к. в день, не включая мальчиков и помощников и рабочих.

2) Чтобы куб кипел два раза в день.

3) Чтобы полагалось мыла 1 ф. на каждую машину.

4) Об улучшении вентиляции, а которые есть они совсем непригодны для очищения воздуха.

5) На ватер-клозете и на смывке, чтобы не было заразы, которая сейчас есть.

Просим дать на наше требование ответ 7 сентября.

Требования самые скромные. И все же администрация заставляет рабочих бастовать около месяца, подвергая их самым тяжелым переживаниям.

Как же все это могло случиться?

Лучшим ответом на поставленный вопрос может служить „показание" самого Чефранова, данное им жандармскому ротмистру:

На предложенные мне вопросы отвечаю [2]:

4 сентября при обходе мастерских ко мне обратились накладчики, приемщики и чернорабочие машинного отделения типографии с просьбой о прибавке. Я назначил им для переговоров время после окончания работы в 6 час. вечера. В назначенный срок я спустился в мастерские и заявил, что прибавки в виду современного положения типографского рынка Т-во дать им не может. Рабочие просили все-таки дать окончательный ответ во вторник 7 сентября. При переговорах этих со стороны рабочих представителями были накладчики Сазонов и Майоров Сергей. 6 числа состоялось заседание правления Т-ва, на котором было решено прибавки не делать. 7 числа,

приблизительно около 11 час. утра, в правление пришел старший машинист типографии и заявил, что рабочие отходят от машин и собираются группами. Вслед затем пришел один из мальчиков и передал мне, что рабочие просят меня вниз. Я ответил, что могу притти лишь после звонка, а сейчас просил прислать Сазонова и Майорова. Этим последним я объяснил, что сейчас не время для разговоров, и разговаривать с ними я не буду, но советую им не бросать работы до перерыва. Они заявили, в свою очередь, что это—недоразумение, вызванное будто тем, что среди рабочих прошел слух, что я не хочу с ними разговаривать, а теперь они будут работать. В 12½ час. после звонка, я, в сопровождении других членов правления, спустился в мастерские, где мной и другими членами правления было повторено то же, что я говорил им 4 числа. Переговоры от лица рабочих велись теми же Сазоновым и Майоровым. Остальные стояли молча. По окончании Сазонов громко объявил: „Итак, товарищи, после обеда на работы не выходить". После этого все спокойно разошлись. По моему личному впечатлению, главными действующими лицами в этой забастовке были накладчики Сазонов и Майоров Сергей. Накладчика Кулакова в числе делегатов от рабочих не было и я полагаю, что деятельного участия в организации забастовки он принимать не мог. Сергей Чефранов

Ротмистр *Васнин.*

Даже из показаний самого Чефранова видно, что рабочие еще 4 сентября просили о набавке. Хозяин „тянет вола" до вечера. Рабочие ждут. Ответ отрицательный. Рабочие дают еще 3 дня на „размышление". И только после того, как им и теперь отказывают, решают бастовать, но расчета не берут.

Тогда Чефранов идет по проторенной дорожке и обращается за содействием к той же полиции, которая не раз уже выручала в подобных случаях [1].

Читатель убедится из прилагаемых к книге материалов, как низка была оплата труда большинства рабочих, требовавших двадцатиконеечной набавки, кипятка дважды в день и на целую бригаду при машине 1 фунт мыла в месяц, стоившего гроши.

За неделю тяжелого труда - 6, 7, 8 и 9 рублей! И только 6 человек из 84 забастовавших получают свыше 10 р. в неделю.

Так проходит стачка до 18 сентября. Чефранов пытается сорвать забастовку при помощи штрейкбрехеров. Как только рабочие забастовали и правление решило рабочих не удовлетворять, оно вызывает телеграфно заведующего Киевским отделением и „информируется" у него о настроениях „киевлян" [2]. Получив от него вполне „утешительные" вести, что „наши", мол, выручат, Чефранов идет на конфликт со своими московскими рабочими. В этот день, как мы уже знаем, он передает деньги и список бастующих градоначальнику. И, вот, конфуз! Просчитались.

[1] См. прилож. 3.

[2] Здесь при Кушнеревской типографии выходила все время черносотенная газета «Киевлянин». Штат рабочих был набран вполне «благонадежный».

Выехавший обратно в Киев заведующий типографией пишет:

По приезде в Киев сейчас же занялся накладчиками. Никто не соглашается ехать в Москву, так как в Киеве было уже известно о забастовке ваших накладчиков.

Даже и „благонадежные" киевляне, после долгих лет реакции, стали уже неблагонадежными.

Из этого же письма мы узнаем, что ставка была не на одних только киевлян. Он спрашивает:

Прошу сообщить, в каком положении с накладчиками и присланы ли накладчики из глухонемого училища.

Михайловский.

Очевидно и „глухонемые" не помогли. Забастовка вгоняется в тупик. Рабочие, чего доброго, могут и выиграть. Тогда Чефранов прибегает к старому и давно испытанному средству. Ему припоминается прежнее „старое" и такое милое время—и он прибегает к „небольшому" локауту. А для того, чтобы внести рознь в рабочую среду, пытается оставить у себя часть „старых и многосемейных наборщиков". Но и это не помогает. Тогда он идет на прямой донос:

Правление товарищества печатного дела и торговли И. Н. Кушнарев и К⁰ в Москве.
№ 3364.
21 сентября 1910 г.

Его превосходительству господину московскому градоначальнику.

7 сентября рабочие машинного отделения нашей типографии (накладчики, приемщики и чернорабочие) всего в количестве 84 чел. забастовали, требуя прибавки заработной платы. Являвшиеся новые рабочие, проработав один—два дня, прекращали работу под влиянием угроз со стороны бастующих. Некоторые из них оставили свои паспорта в конторе, приходят каждый день, но приступить к работе опасаются. Точно также под влиянием угроз со стороны бастующих накладчиков были вынуждены прекратить работу и помощники машинистов в количестве 5 чел.

Вследствие прекращения работ в машинном отделении и отсутствия шрифта администрация типографии увидела себя вынужденной 15 сентября объявить части наборщиков, что с этого числа они более не будут иметь работы, а желающие могут получить расчет. Часть наборщиков, главным образом старые и многосемейные служащие, были, однако, оставлены еще на некоторое время. Тогда отпущенные наборщики обратились с угрозами к оставшимся, требуя, чтобы и они бросили работу. Угрозы эти производились на улице около типографии и в одном случае носили такой характер, что городовой, стоявший на посту (№ 1502, Марков), должен был вмешаться и освободить одного наборщика от его товарищей.

После этого наборщики, которым угрожали, на работу более не выходят, заявив администрации фабрики, что они не приходят из опасения подвергнуться насилию со стороны своих товарищей.

В настоящее время бастующие накладчики обходят квартиры печатников, не примкнувших к забастовке, и машинистов и угрожают насилием, если последние не присоединятся к бастующим. Вследствие этого 21 сего сентября в правление явились печатники, продолжающие работать до настоящего

времени, в количестве 12 чел. и заявили, что они могут продолжать работу только в том случае, если будет обеспечена их личная безопасность.

В виду того, что такое поведение бастующих ставит в невозможное положение тех рабочих, которые желают работать, правление Товарищества имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство принять зависящие от вас меры к прекращению подобных угроз и привлечь к ответственности лиц, мешающих другим продолжать свою работу.

При сем имеем честь представить список лиц, которым угрожали и которые угрожали.

Правление Т-ва печ. дела и торговли И. Н. Кушнерев и К° в Москве.
Директор (подпись).

На подл. надпись: „Мной поручено прист. I уч. Сущ. ч. произвести дознание об угрозах. Подпись. 22/IX".

Правление
И. Н. Кушнерев К°.
№ 3341.
20 сентября 1910 г.

Лица, которым угрожали.	Лица угрожавшие.
Пасхин Сергей Александров, наборщик из мещан Сергиевского посада, Московской губ., живущий Сущевской час., 1 уч., 1-й Самотечный пер., д. Ланкова, кв. № 6. Шувалов Сергей Иванов, наборщик, кр. Московской губ. и уезда, Зюзинской вол., дер. Аниной, живущий Сущевской ч., 1 уч., Божедомский пер., д. Грузинцева. Соколов Алексей Васильев, набор., мещан. г. Москвы, Панкратьевской слободы, живущий Сущевской ч., 1 уч., Щемиловский пер., д. № 12, Романова.	Павлов Василий Павлов, наборщик из мещан г. Москвы, Дмитровской слободы, живущий Сущев. час., 1 уч., по Самотеке, д. Корсакова. Уткин Дмитрий Тимофеев, наборщ. кр. Тульской губ., Каширского у., Мокринской вол., дер. Лиховой, живущ. Арбатской ч., 2 уч., по Арбату, д. Эпинатина. Фролов Яков Алексеев, наборщ., кр. Рязанской губ., Михайловского у., Виленской вол., дер. Соловьевки, живущ. Сущев. ч., 1 уч., 1 Самотечный пер., д. № 26. Миллер Александр Карлов., наборщ. мещ. Подольска, Московск. г., живущ. Крестовская застава, село Алексеевское, с. б. д. Родионов Георгий Григорьев, набор., кр. Смоленской губ. Вяземского у., Спас-Телейневской вол., дер. Охотина, живущий Марьинского уч., д. Родионова. Федосеев, Алексей Никифоров, набор., кр. Москов. г., Рузского у., Мамотинской вол., с. Успенского, живущий Сущ. ч., 1 уч. 1 Самотечный пер., д. № 24, Ланкова. Стурбин Владимир Николаев, набор., мещ. Орловской г., гор. Ливны, живущий Сущев. ч. 1 уч., д. Гайдиной. Ефимочкин Дмитрий Андреев, набор., кр. Рязанской г., Пронского у., Соболевской вол., дер. Кожуховой, живущий Сущев. ч., 1 уч., Пименовская ул, д. № 16, Левкиевского.

Правление Т-ва печ. дела и торговли И. Н. Кушнерев и К° в Москве.
Директор *Чефранов.*

Итак, цель достигнута! Но, чтобы полиция, паче чаяния, не замешкалась, а угрожавшие „не мешали“ работать, услужливо сообщаются адреса этих лиц. Упаси бог! Мы не говорим, что их нужно арестовать. Нет! Мы далеки от этого, однако, на всякий случай, вот вам и адресочки их!

Но это еще не все. Рабочие не только умеют угрожать. Они уделяют много, слишком много внимания и своим штрейкбрехерам, которые могут им напакостить. Пикеты расставлять у ворот фабрики опасно—любую минуту могут арестовать. И бастующие ходят по квартирам к своим же товарищам и просят их, увещевают присоединиться к забастовке.

— Как? Ходить к своему же брату-рабочему и беседовать с ним! Не сметь этого делать! Вот мы хозяева, так даже и к помощи полиции можем обратиться, а вы...

— Не потерплю!

И вдогонку за первым доносом летит второй:

Правление
И. Н. Кушнерев и К⁰.
№ 3367.
21 сентября 1910 г.

Его превосходительству

господину московскому градоначальнику.

Честь имею донести, что к нашему отношению за № 3364 можем добавить следующий список накладчиков, которые обходят квартиры печатников.

Были на квартирах:

У печатника Гридина.	Бастующие накладчики Сазонов и Захаров.
У печатника Первова и рабочего Лапкина.	Бастующие накладчики Сазонов, Захаров и Майоров Сергей.
Печатнику Панову угрожали на улице.	Бастующие накладчики Васильев и Захаров.
Машинисту Давыдову угрожали на улице.	Бастующие накладчики Сазонов, Захаров и Васильев.

Сазонов, он же Акимов, Егор Семенов, типографский накладчик из Перемышецких мещан Калужской губ., живущий Сущевской части, 1 участка, Самотечный пер., д. № 13, Яковлева.

Майоров Сергей Егоров, типографский накладчик, из крест. Московской губ., Дмитровского у., Рогачевской вол., дер. Аленина, живущий Сущевской части, 1 уч., Щемиловский пер., д. № 14, Вишнякова.

Захаров Владимир Иванов, типографский приемщик, из крест. Тульской губ., Белевского у., Болотской вол., с. Семеновского, живущий Сущевской ч., I уч., Крестовский проезд, д. № 7, Романовой.

Васильев Николай Михайлов, типографский накладчик, из крест. Калужской губ., Лихвинского у., Титовской вол., села Столбова, живущий Сущевской части, 1 уч., д. Суковой.

Правление Т-ва печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и К⁰ в Москве.

Директор (подпись).

Так как до „его превосходительства“ далеко, а первый участок Сущевской части здесь же под боком, то Чефранов предусмотри-

тельно копии этих двух списков-доносов посылает и „его высокородию“:

Протокол.

1910 г. сентября 22 дня и. д. пристава участка Сущевской части Лакатош, по поручению помощника московского градоначальника полковника Модль от 22 сентября за № 177, прибыл на фабрику Товарищества печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°, где производил дознание по содержанию представленного мне в копии заявления Т-ва на имя Московского градоначальника от 21 сего сентября, причем оказалось следующее: печатник Папов объяснил, что вчера, когда шел обедать, к нему подошли на улице бастующие накладчики Васильев и Захаров и, не делая никаких угроз, просили поддержать бастующих товарищей и прекратить работу. Типографские печатники: Гридин и Первов и типографский рабочий Лапкин объяснили, что вчера к ним на квартиры приходили бастующие их товарищи Сазонов, Захаров и Александр Майоров (отец) и Александр Майоров (сын), и, не делая угроз, тоже просили поддержать товарищей и прекратить работу. Типографский машинист Давыдов объяснил, что вчера приходили к нему на квартиру бастующие накладчики Сазонов, Захаров и Васильев и просили не ходить в типографию работать, при чем Сазонов предупредил, что он будет побит, если не исполнит их просьбы. Наборщики: Пасхин и Шувалов объяснили, что 15 сего сентября, когда они возвращались после работы на фабрике домой, к ним подошли на улице неизвестные им типографские рабочие, в том числе и бастующие фабрики Василий Павлов, Дмитрий Уткин и Яков Фролов, бывшие в нетрезвом виде, и, не делая им никаких угроз, кричали, что советуют им не работать. На этот шум в кучке рабочих, где был Шувалов, подошел постовой городовой, после чего все они тихо разошлись, а он Шувалов убежал домой.

При всем желании Чефранову не удается вбить клин в семью рабочих. Он хотел спровоцировать рабочих, а они, как один (исключая Давыдова), не отрицая того, что к ним бастующие приходили, всячески их выгораживают и в один голос твердят, что никаких угроз и насилий со стороны товарищей не было. И даже страшное вмешательство городового, о котором так красочно расписывал Чефранов, вылилось, по словам Шувалова, в фарс—Шувалов сам убежал.

Зерно, брошенное Кушнеревым, падает на благодарную почву, и в ночь под 22 сентября охранкой арестовываются накладчики Васильев Николай, Майоров Сергей, Майоров Александр и Сазонов Егор. Вскоре все они высылаются из Москвы на два-три года.

Нужно добавить, что хотя профессионального союза печатников, даже нелегального, в то время не существовало, однако, некоторая часть рабочих собиралась довольно часто в помещении редакции журнала „Русский печатник“, где обсуждала свои нужды и искала выхода из того положения, в которое была втиснута рабочая жизнь.

Охранка, естественно, полагая, что руководство кушнеревской стачкой идет именно отсюда, устраивает в помещении редакции облаву и в течение всего дня и вечера арестовывает всех, кто туда ни явился бы. В результате такой „работы“:

Пристав I участка
Сретенской части.
24 сентября 1910 г.
№ 526.

Секретно.

Арестантское.

В охранное отделение.

Уведомляю охранное отделение, что задержанные 23 сего сентября в засаде в доме № 9 квар. 11 по Средне-Спасскому пер.

1) кр. Михаил Иванов Зотов
2) дворян. Арчил Зах. Мачабели
3) кр. Кузьма Иванов Черепов
4) мещ. Порфирий Павл. Захаров
5) кр. Роман Серг. Смирнов
6) мещ. Адам Август. Карклан
7) кр. Дмитрий Алексеев Новиков
8) кр. Максим Кузьм. Дымков
9) студент Илья Сергеев Мильман
10) мещ. Рина Мейерова Бенар

зачислены за охранным отделением первые девять содержатся в Сретенском полицейском доме и последняя в Пречистенском полиц. доме.

Приложение: 5 протоколов

Пристав (подпись).

Аресты среди бастующих продолжаются, несмотря на то, что из „пострадавших" ни один не показал против рабочих. Но что до этого Чефранову, охранке и „господину Московскому градоначальнику?". Рабочие опять бастуют!

— Что соскучились по пятому году? В бараний рог согнуть!—и из рядов бастующих вырываются один рабочий за другим.

Рабочим уже нечем дышать. Союза нет. Помощи почти никакой, и они, видя, что голод многих безработных гонит быть невольными штрейкбрехерами, ничего не добившись, возвращаются обратно к Чефранову. Продержавшись стойко около месяца, рабочие приступают к работе.

Вот что показал Чефранов:

Протокол №.

1910 г. октября 4 дня, в Москве, я отдельного корпуса жандармов, ротмистр Вахнин, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, который объяснил:

Чефранов, Сергей Васильевич.

На предложенные мне вопросы отвечаю:

2 сего октября работало в машинном отделении 16 чел. накладчиков, набранных взамен забастовавших. После обеда явились помощники машинистов с просьбой о допущении их к работам, на что им был дан ответ, что они могут притти в понедельник утром и тогда приступить к работе. Приходило также несколько приемщиков из числа бастующих, которым был дан такой же ответ. В понедельник 4 числа работало всего, с помощниками машинистов, около 25 чел.; приходило несколько бастующих накладчиков и рабочих с просьбой принять их вновь на службу. По нашему предположению, завтра или послезавтра работа в машинном отделении денной сменой должна возобновиться в полном объеме; ночная смена пока восстановлена не будет в виду малого количества работы. С. Чефранов.

Ротмистр *Вахнин.*

А на следующий день радостная

Телефонная депеша

10 час. утра 5 числа сего октября месяца 1910 г. директор типографии Кушнарева передал по телефону, что все рабочие вчера 4 октября встали на работу.

Казалось бы, чего же больше: стачку рабочие проиграли, голодали, многие из них остались без работы. Зачем же дальше гноить забастовщиков в тюрьме? А в назидание потомству, чтобы другим повадно не было!

Петербург. Директору департамента полиции.
Прошу ходатайства о продлении срока ареста Александру Майорову, Илье Букеину, Сергею Майорову, Николай Васильеву, Ивану Знаеву, Николаю Ушакову, Андрею Хренову, Александру Шумкину, Порфирию Захарову, Михаилу Пушкину, Элто Мильману, Михаилу Петрову, Михаилу Калинину, Захару Присяжнюку, Егору Сазонову, Владимиру Иванову, арестованным 23 и 24 сентября партии социал-демократов. № 245 984.

Полковник *Модль.*

19 октября 1910 г.

И благосклонная.

Телеграмма.

Градоначальнику, из Петербурга, 21/X –1910 г.
Продление срока ареста министром разрешено не свыше двух месяцев Александру Майорову, Илье Букеину и другим.

За директора *Зубовский.*

— Как быть с теми, что арестованы при засаде в помещении редакции „Русского печатника"?
Туда же!

Телеграмма.

Градоначальнику, из Петербурга, 23/X—1910 г.
Продление срока ареста министром разрешено не свыше двух месяцев.

За директора *Виссарионов.*

Но не спится спокойно московскому начальству. Чего доброго, кончатся эти два месяца и придется их всех выпустить на волю. А ведь элемент-то неблагонадежный. Нужно их подальше от себя, и создается „дело".

Секретно.

3 ноября 1910 г.

Г. Министру внутренних дел.

Доношу вашему высокопревосходительству, что в городе Москве 23 сентября сего года были арестованы нижепоименованные лица, принадлежащие к центральному району Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, а именно:
1. Илья Михайлов Букеин,
2. Николай Михайлов Васильев,

3. Иван Егоров Шевяков.
4. Сергей Егоров Майоров.
5. Василий Егоров Широков.
6. Яков Петров Якушин,
7. Александр Александров Майоров,
8. Савва Евтихиев Шевченко.
9. Студент Московского университета Элия (Илья) Аронов Мильман,
10. Егор Семенов Сазонов,
11. Николай Семенов Гаврилов,
12. Игнатий Станиславов Фурманкевич.
13. Владимир Иванов Иванов,
14. Иван Иванов Знаев и
15. Порфирий Павлов Захаров.

Согласно имеющихся в охранном отделении агентурных сведений, вышепоименованные лица, состоят в этой организации и пользуясь легкостью, с которой неспокойные вообще печатники поддаются воздействию социал-демократической пропаганды, а также недовольством накладчиков типографии Кушнерева заработной платой, уже с начала августа вели среди распропагандированных рабочих печатного дела агитацию, пытаясь вызвать всеобщую забастовку печатников в г. Москве.

Из этих же сведений видно, что в начале сентября, когда поддавшиеся влиянию этой агитации накладчики типографии Кушнерева забастовали, в типографию Левенсона явилось известное отделению своей партийной революционной деятельностью лицо, оказавшееся при аресте 19 сентября сего года, на поместном областном съезде, Еленой Алексеевной Леонтьевой, требуя от рабочих названной типографии поддержать забастовавших товарищей, быть стойкими и не принимать для исполнения работ, которые могут быть присланы из типографии Кушнерева. Кроме того выяснено, что на квартире одного из накладчиков типографии, а именно Егора Сазонова-Акимова, до его ареста, были собраны две сходки, с участием партийных работников Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, для организации денежных сборов в пользу бастующих и распределения их.

Сборы денег производились во всех типографиях города Москвы.

Наконец, уже во время самой забастовки агентурным путем установлена связь бастовавших с закрытым 7 июля сего года административным порядком за политическую деятельность, в духе программы РСДР партии, союзом, продолжавшим нелегальную подпольную работу „Профессиональным обществом работников печатного производства имени первопечатника Ивана Федорова в Москве", где через посредство редактора журнала „Русский печатник", мещанина Ивана Иванова Знаева, сосредоточились все сведения о ходе названной забастовки.

Так 24 сентября вечером „неизвестное лицо, оказавшееся впоследствии Василием Кузнецовым, полагая, что говорит по телефону, находящемуся в помещении упомянутого закрытого союза, с редактором „Русский печатник" Иваном Знаевым, сообщило, что в пивной по Манкову переулку собралось 5 печатников, которые просят поскорее прислать еще несколько человек, так как в противном случае сходка не состоится.

Сазонов-Акимов, Егор Семенов, руководил забастовкой в типографии Кушнерева, 4 и 7 сентября вел переговоры от лица бастовавших с директорами об удовлетворении экономических требований и, получив неудовлетворительный ответ со стороны директора Чефранова, объявил забастовку: „Итак, товарищи, после обеда на работы не выходить", что и послужило сигналом к забастовке.

После этого он с накладчиками Сергеем Майоровым, Николаем Васильевым, Александром Майоровым и другими лицами ходил по квартирам

по забастовавших печатников, уговаривая их прекратить работу и примкнуть к бастующим, когда же машинист Давыдов отказался исполнить его требование, сказал: „Прийдут от Левенсона накладчики, тогда мы с тобой посчитаемся“.

Выяснено, что он собрал два раза на своей квартире сходки для организации денежных сборов в пользу забастовавших и для распределения уже собранных денег.

Вследствие изложенного, признавая дальнейшее пребывание названных лиц в г. Москве и Московской губернии безусловно вредным для общественной безопасности и порядка, имею честь просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня, не встречается ли препятствий к воспрещению поименованным лицам мной и московским губернатором по принадлежности жительства в Москве и Московской губернии в порядке п. 4 ст. 16 Положения об усиленной охране.

Генерал-майор *Адрианов.*

Начальник отделения полковник *Заварзин.*

Конечно, „их высокопревосходительство“ с мнением генерал-майора и начальника охранного отделения согласился, и всех поименованных лиц выслали кого куда.

Так окончилась стачка кушнеревцев в 1910 г.—первая стачка московских печатников после Декабрьского восстания.

Пять тяжелых годов лихолетья, пять упорных годов накопления сил и—рабочие были разбиты теми же союзниками, что и раньше: капиталистами и самодержавием.

Чтобы понять тяжелое положение, в котором оказывались высылаемые из Москвы рабочие, мы приводим список тех мест, куда ехать им запрещали. Там, где полиграфическая промышленность была относительно развита, там, где печатный станок работал и печатник мог бы скорее всего найти работу, туда его даже „под гласный надзор полиции“ не ссылали [1].

XVIII. Так не будет!

Наметившийся сдвиг в 1910 г. и перелом в революционном настроении рабочих масс России к следующему году особенно становится заметным. После долгого застоя рабочие вновь начинают напоминать о себе. И с каждым днем все громче и громче. Количество стачек за этот год бурно идет вверх. Стачки эти в большинстве случаев проигрываются, несмотря на то, что они носят скорее оборонительный, чем наступательный характер. К этому времени хозяйская организация в лице „Общества фабрикантов и заводчиков“ организовывается по типу западно-европейской и дает сильнейший отпор рабочим. По обе стороны стоят две совершенно по разному организованные силы—силы труда и капитала.

И в то время, когда на стороне последнего—правительство, охранка, полиция и жандармерия, на стороне рабочих—только его угнетенное состояние, безработица, нищенская оплата труда, изнурительный рабочий день да непосильная работа. Но сдвиг сделан!

[1] См. приложение 4.

Рабочие часто, вопреки своим руководителям—сохранившимся еще кое-где профессиональным союзам, не могут стерпеть жесточайшей эксплоатации и выходят на бой. Конечно, они не организованы в мощные профессиональные союзы, не имеют ни стачечных, ни других фондов взаимопомощи и, натолкнувшись на организованное сопротивление владельцев, убеждаются в своей временной слабости и со скрежетом зубовным, с проклятием на устах идут обратно на свои опостылевшие фабрики и заводы.

Все же, несмотря на то, что во главе союзов сидят руководители самых приспособленческих толков, оппортунисты, меньшевики и ликвидаторы, вся эта стихийная массовая борьба рабочих со своими хозяевами приносила, несмотря на поражения, невероятно большую пользу рабочему классу. Даже и при поражении рабочий выходил из боя более организованным и более революционно настроенным, и еще более закаленным. Эти выступления рабочих имеют колоссальное воспитательное значение для масс и учат их коллективному выступлению на защиту своих классовых интересов, призывая и на дальнейшую борьбу.

1912 г. уже является тем годом, когда рабочие открыто и безбоязненно дают сильнейший отпор полицейщине, захватывая все большее количество участников, которое было только в 1905—1906 гг.

Поводом к массовым выступлениям послужил ленский расстрел, когда в далекой глухой Сибири было убито 270 и столько же ранено рабочих.

Значение разыгравшихся событий в этот день было огромно не только для ленских рабочих, но и для рабочих всей России.

Как только были получены сведения с Надеждинских рудников, и узнали что жандармский ротмистр Терещенко расстрелял рабочих, по всей России поднялась волна протестов. Один за другим приостанавливаются заводы, фабрики и мастерские. Рабочие выходят на улицу и с пением революционных песен выдвигают исключительно политические требования, где главным было:

— Долой самодержавие!

Рабочие, выражая свой протест, бросают работу, выходят на демонстрации и всюду производят сборы в пользу раненых и семей убитых. И хотя министр внутренних дел Макаров на запрос социал-демократической фракции в Государственной думе заявил:

— Так было и так будет!

Но так уже не могло быть.

Еще не остыли стволы солдатских винтовок, еще эхо ленских расстрелов перекатывалось по тайге и сопкам Сибири, рабочие вслед за стачками-протестами выходят на забастовки-демонстрации. И не только в столицах и крупных промышленных центрах, но и в глухих местах выступают со знаменами, на которых лозунг:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рабочие уже не только протестуют против ленских расстрелов. Они выражают свою интернациональную солидарность с рабочими всего мира и через головы Макаровых громко и грозно заявляют:

— Так не будет!
— Да здравствует Первое Мая!

1912 г. был тем первым годом (после 1905 г.), когда бастовало 725 000 рабочих, работавших в 2 032 предприятиях, при чем в 1 300 предприятиях бастовало 550 000 рабочих, выставлявших только политические требования [1].

Печатники в этих выступлениях были одними из первых.

Кушнеревцы в этих забастовках-демонстрациях принимают также участие и... терпят урон: охранкой из их рядов вырван и сослан на три года Ефим Фомичев.

Так не будет!—отвечают рабочие министру Макарову и в следующем 1913 г.

В этом году бастует 887 000 рабочих 2 404 предприятий. Рабочие начинают переходить от обороны к наступлению. И если число забастовок по экономическим мотивам в прошлом году коснулось только 732 фабрик и заводов с количеством рабочих в 175 000, то теперь эта цифра увеличивается почти вдвое: бастует 1 370 предприятий, подняв 384 000 рабочих [2].

Рабочие выходят не только на забастовки-демонстрации (таких также 503 000), но и на забастовки-наступления, предъявляя обнаглевшему „Обществу фабрикантов и заводчиков“ экономические требования.

Этот подъем настроения не мог не коснуться и кушнеревцев.

Вот что писал по этому поводу охранник Московскому градоначальнику:

Отделение по охр. общ. безоп. и порядка в Москве.

Июля 5 дня 1913 г.

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве имеет честь доложить его превосходительству господину Московскому градоначальнику о нижеследующем:

Согласно указаний имеющейся в Отделении секретной агентуры, накладчиками типографии Кушнерева в настоящее время подготавливается стачка экономического характера.

Стремясь во что бы то ни стало выиграть эту стачку и добиться удовлетворения своих требований, накладчики, вероятно, будут упорствовать и в результате всего заставят в конце-концов остановиться всю типографию.

Опасаясь, что часть имеющихся в типографии заказов будет передана для исполнения в типографию Сытина, подготавливающие стачку кушнеревцы уговаривают присоединиться к стачке и накладчиков-сытинцев, кои, по всей вероятности, из чувства товарищеской солидарности и в силу вообще наблюдаемого в настоящее время среди рабочих подъема настроения,— участие в этой стачке примут.

[1] Большая Советская Энциклопедия. Ст. „Забастовка“.
[2] Там же.

Кто из кушнеревских рабочих стоит во главе агитации за забастовку, неизвестно, но, во всяком случае, несомненно, что к числу агитаторов принадлежит некий Судомоев, руководивший там недавно прошедшей стачкой протеста против суда над матросами балтийской эскадры.

Из числа накладчиков особенно настроены на стачечный лад и подговаривают принять участие в стачке и других рабочих следующие лица:

1) Кулаков Василий, накладчик, около 23—25 лет от роду, по убеждениям левый беспартийный, постоянный активный участник всех стачечных выступлений;

2) Дундуков Степан Степанов, рабочий накладчик, около 25—28 лет от роду, эсдек-партиец;

3) Зотов, рабочий-накладчик, около 23—25 лет от роду, эсдек, сторонник „Правды".

Наиболее беспокойным из перечисленных лиц является вышеуказанный Кулаков.

Стачка подготавливается на будущий вторник.

Меры к возможному выяснению агитаторов-кушнеревцев приняты.

Подполковник (подпись).

На подлинном надпись:

„Полагаю, что этих руководителей стачки надо изъять, так как они кроме того и партийные. (Подпись). 6/VII—1913".

8 августа 1913 г.

Даже и охранник признает: „в силу вообще наблюдаемого в настоящее время среди рабочих подъема". Если об этом говорит наш классовый враг, значит ему можно верить, так как, в большинстве случаев, доносчики старались выслужиться, доказывая, что революция прибрана „к ногтю", и у меня—

— На Шипке все спокойно!

Конечно, приписка самого „его превосходительства", что „руководителей стачки надо изъять", была немедленно осуществлена, и означенные товарищи „незамедлительно" были арестованы.

Стачка была ликвидирована. Кушнеревцы почти ничего не добились. Арестованные сидят, и только через месяц о них вспомнили. Выпустить на волю? Зачем? А не лучше ли и их выслать?

И идет запрос тому, кто еще не так давно сказал:

— Так было и так будет!

Секретно.

8 августа 1913 г.

Г. Министру внутренних дел.

В начале минувшего июля в подведомственное мне охранное отделение поступили агентурные сведения о том, что накладчиками типографии Кушнерева в Москве подготавливается стачка на экономической почве, что накладчики, стремясь во что бы то ни стало добиться удовлетворения своих требований, несомненно вовлекут в эту стачку и остальных рабочих названной типографии.

Вместе с тем, опасаясь, что заказы типографии Кушнерева, при возникновении там стачки, могут быть переданы для выполнения в типографию Сытина,—подготавливающие стачку кушнеревцы повели агитацию за устройство стачки и в типографии Сытина.

При этом агентурой были отмечены, как наиболее энергичные агитаторы за проведение означенной стачки, рабочие типографии Кушнерева: крестьянин Рязанской губернии, Зарайского уезда, Троспенской волости, д. Соколов, Василий Иванов Кулаков, крестьянин Калужской губернии и уезда, Лосенской волости, д. Хатисино, Степан Степанов Дундуков и крестьянин Московской губернии, Звенигородского уезда, Павловской волости, сельца Ново-Николаевска, Алексей Иванов Зотов.

Означенная деятельность названных лиц привела к тому, что обе типографии в том же июле забастовали, предъявив владельцам таковых ряд неприемлемых ими экономических требований.

Донося об изложенном и имея в виду, что трое названных рабочих типографии Кушнерева были и ранее известны подведомственному мне охранному отделению—Кулаков, как постоянный участник всех стачечных выступлений, а Дундуков и Зотов, как лица, определенно принадлежащие к местной организации Российской социал-демократической партии,—я имею честь просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня,—не встречается ли с вашей стороны препятствий к воспрещению им, в порядке п. 4 ст. 16 Положения о государственной охране, жительства в г. Москве и Московской губернии, мной и московским губернатором по принадлежности.

Свиты его величества генерал-майор *Адрианов.*

Сомнений не могло быть. Министр Макаров даже удивлен запросом „генерал-майора свиты его величества“.

— Ведь я же ясно сказал на весь мир: Так было—так будет! И трое кушнеревцев, отсидев по 2 месяца, получают:

Постановление.

1913 г., сентября 10 дня, я, московский градоначальник, свиты его величества генерал-майор Адрианов, рассмотрев административную, в порядке охраны, переписку о крестьянах: Василии Иванове Кулакове, 27 лет, Степане Степанове Дундукове, 28 лет, и Алексее Иванове Зотове, 21 года, и, признавая пребывание означенных лиц в Москве вредным для общественного спокойствия и порядка, руководствуясь ст. 206 общ. губ. учр. и п. 4 ст. 16 Положения о государственной охране, постановил: воспретить Кулакову, Дундукову и Зотову жительство в Москве на все время действия в ней Положения об усиленной охране, о чем им и объявить, а копию сего постановления сообщить в департамент полиции и московскому губернатору.

Свиты его величества генерал-майор *Адрианов.*

Так трижды проклятое самодержавие расправлялось с теми, которые призывали своих товарищей стать на защиту рабочих интересов и добиваться лучших условий жизни и лучшей доли.

XIX. „Вставай, подымайся!“

В 1913 г. в Баку разразилась всеобщая забастовка. Начавшись с нефтяных промыслов, она перекинулась и на другие отрасли производства, так как Нобель, Манташев и другие упорно не шли на уступки рабочим.

Вместе с тем расцвет промышленности вносит оживление и в общественно-политическую жизнь страны, которое особенно наблюдается среди рабочих.

Несмотря на скорпионы и полицейские рогатки, рабочая масса живет особенной какой-то напряженной жизнью. Рабочая, большевистская газета „Правда", несмотря на частые конфискации, аресты редакторов и большие денежные штрафы выходит почти еже-



Подпольная типография.

дневно, меняя одно название на другое. Рабочий класс призывается к организованности, спайке и к решительным схваткам.

Идут преследования. Рабочие группируются вокруг своей рабочей газеты. Они приобщаются к движению и входят в подпольную большевистскую партию.

Когда в 1914 г. в Баку повторилась всеобщая стачка, а буржуазия стала на промыслах выгонять из казарм рабочих с их женами и детьми, лишая их не только жилья, но и воды, „Правда" призвала к решительным действиям. В Петербурге забастовочное движение

так разрастается, что уже в июле заканчивается баррикадами. И только наступившая империалистическая война приостанавливает временно это забастовочное движение.

Кушнеревцы-большевики, желая притти на помощь Московскому комитету большевиков в организации и постановке подпольной типографии, начинают к этому деятельно готовиться, но, выслеженные шпиками, проваливаются. К счастью, арестовывается только один Акелин Василий, у которого при обыске находят около полпуда шрифта, верстатку и раму от американки.

Этот молодой рабочий (был приемщиком в типографии) ведет себя на допросе в охранном отделении так мужественно и умело, что охранникам не удается узнать „соучастников", и они ограничиваются тем, что высылают одного только Акелина на все время действия в Москве исключительного положения.

Приближается 1-е мая. Зная по опыту прошлого года, как рабочие вели себя в этот день, охранка мобилизует все свои силы и еще за две недели до 1 мая рассылает телефонограмму:

Всем Участковым приставам. Лично.

Прошу сообщить к 12 час. дня 19 сего апреля звания, имена, отчества и фамилии рабочих, известных вам как агитаторов и подстрекателей к демонстративным выступлениям.

За начальника охранного отделения ротмистр *Знаменский*.

На эту телефонограмму одним из первых откликается пристав первого участка Сущевской части:

М. В. Д.
Моск. Столичн. полиции
Пристав
1-го уч. Сущевской ч.
Апреля 19 дня 1914 г.
№ 131.

Секретно. Срочно.

В Охранное отделение.

Сообщаю, что в районе участка известны как агитаторы и подстрекатели рабочие типографии Кушнерева и К° по Пименовской ул. Романов и Иванов. Других рабочих, известных как агитаторов и подстрекателей, не имеется.

(Подпись.)

Начальник охранки накладывает резолюцию: „Задержать 29 апреля".

Непосредственно перед 1 мая у охранного отделения имелись уже такие сведения:

Помощник Московского
Градоначальника
полковник Модль.

Его превосходительству господину
московскому градоначальнику.

По сведениям охранного отделения 1 мая 1914 г. ожидаются демонстративные выхода с заводов рабочих.

Общие демонстрации предполагаются:

Общая—Лубянская площадь—3 ч. дня.

Печатники—Театральная пл.—11 час. утра.

Портные—Страстная пл.—2 ч. дня.

П. Модль.

По сведениям того же охранного отделения, по всем московским участкам в ночь на 30 апреля содержалось под стражей „агитаторов и подстрекателей“ 378 чел.

На этой общей сводке рукой полковника Модль написано:

„Освободить всех 2 мая вечером“.

И все же, несмотря на ряд принятых мер, на арест 378 „агитаторов и подстрекателей“, мобилизацию городовых и жандармов, наводнение всех московских площадей войсками—демонстрации состоялись, и почти все московские предприятия в этот день не работали.

В этот день градоначальник даже „обеспокоил“ отдыхающего на юге, от трудов праведных, министра внутренних дел, послав ему такую телеграмму:

Ялта. Министру внутренних дел.

Сегодня бастовало в Москве 32 тыс. рабочих в 157 предприятиях, при чем значительная часть этих предприятий кончила работу после обеда по соглашении с хозяевами в виде издавна установившейся традиции в связи с рабочим праздником. При расхождении типографии Кушнерева рабочие пытались запеть революционную песнь, но немедленно были рассеяны, при чем задержан рабочий, руководивший пением. Около 4 час. дня человек сто портных пытались устроить демонстративное шествие от Варварской площади на Солянку, но тут же были рассеяны. Никаких других нарушений порядка не было и день (рабочий праздник) прошел совершенно спокойно. № 289 169.

Градоначальник *Андрианов.*

1 мая 1914 г.

Кушнеревцы бросили работу с утра. При выходе из ворот на улицу запели революционные песни. Вскоре, отделившись от группы рабочих, был здесь же на улице арестован Воробьев Назарий.

Вот как рисует это выступление рабочих околоточный надзиратель Харитонюк:

Протокол № 2176 [1].

1914 года, мая 1 дня, младший помощник пристава 1 участка Сущевской части Поляков II настоящий протокол составил о следующем. По случаю 1 мая рабочие фабрики Т-ва И. Н. Кушнерева в 9 час. 20 мин. самовольно оставили работу на фабрике и стали выходить во двор. Когда все собрались, стали некоторые из рабочих запевать революционные песни. Тут же находившийся околодочный надзиратель Харитонюк с двумя городовыми: Леоновым и Ермоленко, вбежал в толпу рабочих и потребовал расходиться мирно и прекратить пение песен. Все рабочие пение прекратили, кроме рабочего Воробьева, который продолжал петь „Вставай, подымайся“, и когда был задержан околодочным надзирателем Харитонюком, рабочий Воробьев крикнул толпе: „Товарищи, выручайте“. Рабочие хотели окружить Харитонюка, но Харитонюк крикнул, что будет стрелять, рубить шашкой, отдав приказание городовому Леонову вынуть пистолет. После этого рабочие осадили назад и дали возможность арестованного Воробьева вывести на улицу, откуда и был отправлен в управление участка. К этому времени на помощь околоточному надзирателю Харитонюку и городовому Леонову, я, помощник пристава, прибежал с постовым городовым Медведевым и потребовал от рабочих, остановившихся партиями на тротуарах, разойтись, после чего рабочие спокойно разошлись. Забастовавших рабочих было 900 чел.

Пом. пристава (подпись).

[1] М. О. О., дело № 357.

Конечно, в этом протоколе много фантазии и много... лжи. Но нужно же представить дело в таком виде, чтобы показать его „ужасно“ страшным. Авось, начальство и отметит.

За этот год (забастовочное движение было приостановлено начавшейся войной) бастовало уже 1 338 000 рабочих, охватив 3 534 предприятия. Количество рабочих, бастовавших по „экономическим“ мотивам, падает, по сравнению с прошлым годом, больше чем на 100 000 человек, в то время, как по чисто „политическим“ мотивам это количество возрастает больше чем в два раза, поднявшись с 503 000 бастующих до 1 060 000.

Нет, рабочий действием подтвердил:

— Так больше уже не будет!

Начавшаяся империалистическая война приостановила это движение и придушила начавшееся оживление.

XX. „Накопление капиталов“

В главе III „Дела идут „блестяще“ мы остановились на том, как развивалась типография Кушнерева до 1904 г. В годы самой свирепой реакции, в годы жесточайшей эксплоатации, в годы локаута, когда рабочие боролись за сохранение своего рабочего времени, как и в годы после локаута, когда рабочие неделями бастовали, добиваясь увеличения заработка только на двадцать копеек—в эти самые годы „Товарищество И. Н. Кушнерев и К°“ получало все большие и большие барыши, раздавая их ежегодно пайщикам в виде дивидендов.

К моменту революции 1905 года типография расширяет свои корпуса и со стороны 1-го Щемиловского начинает надстраивать еще два этажа, доводя фабрику до шести этажей. Тревожно боевые дни временно приостанавливают эту надстройку, но уже к 1907 г. на Щемиловке высится шестиэтажный корпус.

Обороты типографии растут. Прибыль из года в год увеличивается. Пайщики, желая получить еще большие прибыли, надумывают расширить дело. Ведь каждая тысячная акция дает в три-четыре раза больше процентов, чем любой торговый или коммерческий банк.

Что за смысл отдавать свои капиталы банку, который дает такой нищенский процент? Не лучше ли их вложить в дело, которое сторицей окупится... потом и кровью рабочих?

А наблюдающийся расцвет промышленности с 1911 г. укрепляет пайщиков в этой „гениальной мысли“, и Т-во, доведя свой основной капитал до одного миллиона, приступает к генеральной стройке. Фабрика со стороны второго Щемиловского и Пименовской подымается ввысь и к началу империалистической войны со всех сторон вырастает в шестиэтажное, высокое железо-бетонное серое здание.

Вводятся из-за границы новые типографские и литографские машины больших размеров, бронзировка, краскотерка, резальные,

гофрировальные, картонажные и иные машины и станки. Количество рабочих доходит до 800 чел. Машины уже все приводятся электрическими моторами, мощность которых превышает 350 сил.

Чтобы товарищи имели более наглядное, представление, откуда получались эти сверхприбыли, мы приведем некоторые цифры по одному только литографскому цеху так как других цифр у нас к сожалению, не сохранилось)[1]

Типография «Красный пролетарий».

Выпуск готовой продукции по литографии растет в такой прогрессии (без бумаги):

Годы	Исполнено работ на
1909	63 895 руб.
1910	65 651 »

[1] Эти данные мне любезно предоставил В. И. Орлов.

Начавшийся с 1911 г. промышленный подъем отразился также и на полиграфической промышленности, и здесь кривая резко подымается вверх. Так:

Годы	Исполнено работ на
1911	81 490 руб.
1912	78 015 »
1913	83 692 »
1914	85 127 »
1915	113 866 »
1916	181 400 »
1917	243 414 »
1918	600 255
1919	498 807

С этого момента типография национализируется.

Интересно знать, сколько же было уплачено рабочим, произведшим эту работу? Имеющиеся данные с 1914 г. показывают следующую картину:

Годы	Исполнено работ на	Уплачено рабочим
1914	85 127 р.	44 902 руб.
1915	113 856 »	51 423 »
1916	181 400 »	61 103 »
1917	243 414 »	172 203

Эта таблица весьма характерна, так как она показывает, что при поднятии производительности цеха—следовательно и каждого рабочего в отдельности,—а также увеличения расценков на заказы, зарплата весьма медленно подымалась.

За 1915 г. исполнено работ против 1914 г. на 28 000 руб. больше, а зарплата увеличена только на 6 500 руб., т. е. меньше в 4 раза против роста отпускных цен.

Еще хуже обстоит дело для рабочих в 1916 г. Здесь такие цифры: 68 тыс. и 10 тыс., т. е. меньше в 6 раз.

И только в 1917 г.—при всеобщем наступлении на хозяев—картина резко меняется. Здесь пропорция уже не та. Но даже и к этому скачку выплаты зарплаты нужно внести некоторый поправочный коэфициент. Зарплата росла не столько реально, как номинально, так как падение рубля в это время было особенно катастрофично, а цены на предметы первой необходимости из дня в день спекулянтами всех мастей подымались вверх.

Еще хуже обстояло дело с зарплатой в других цехах. Так, средний месячный заработок квалифицированных рабочих в типографии Кушнерева в 1912—1913 гг. равнялся:

1. Наборщики		30—40 р.
2. Печатники-машинисты		40—50 »
3. Накладчики		23—25 »
4. Переплетчики		30—35 »
5. Брошировщики		20—25 »
6. Ученики		9—12 »

Война империалистическая требует все больших и больших издержек. Промышленность переводится для военных нужд. Это коснулось и полиграфии. На фронт посылают все большее количество рабочих, отрывая их от тех станков и машин, с которыми они были связаны, у которых они работали. „Оголяется“ и „Кушнеревка“.

В 1915 г. на фабрике работает уже не больше 600 чел. Нет квалифицированной рабочей силы. Женский труд начинает применяться в широких размерах. Эксплоатация достигает своего кульминационного пункта.

1916 г.—при затянувшейся бойне народов—усугубляет этот кризис, и на фабрике остается народу меньше, чем двадцать лет тому назад: во всех цехах работает не свыше 450 чел.

Наступил 1917 год...

XXI. Типография работает по-новому[1]

Гражданская война, разруха, голод, отсутствие топлива, материалов,—все это создало такие условия, при которых работать было невозможно. Типография в то время представляла собой крайне печальную картину. В наборном отделении стояло более тысячи досок разбора, превратившегося в сплошную сыпь. Почти все титульные шрифты были забиты в разборе и сыпи.

Из имеющихся трех отделений печатного цеха кое-как функционировало только одно.

Стереотипное отделение совершенно бездействовало.

Что же производила в это время типография?

Каковы были ее обороты, производительность труда, зарплата?

Цифровых данных, характеризующих этот период, не имеется, так как бухгалтерия отсутствовала, учета и отчетности не существовало.

1919 г. застает наше предприятие в ведении Полиграфотдела МСНХ, в который оно вошло после национализации под № 3, с количеством рабочих 300 чел.

[1] Очерк этот был помещен в сборнике «Десять лет борьбы и побед», изданном в 1930 г. ячейкой ВКП(б) типографии «Красный Пролетарий» в ознаменование своего десятилетняго юбилея. Нами добавлены только некоторые цифровые данные последнего года-полтора и внесены небольшие изменения. *М. Ф.*

Качество продукции находилось на крайне низком уровне. Если возьмем книгу выпуска 1919 г., то увидим очень плохую печать,

Секретно
срочно

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Высший Совет Народного Хозяйства

ОТДЕЛ
Президiумъ

„30" августа 1918 г.

№ 7а

МОСКВА.

Бол. Златоустинский переулок, д. 6

Въ Заводской Комитетъ типографiи Кушкарева

Президiумъ ВСНХ предписываетъ Вамъ немедленно принять самыя энергичныя мѣры къ переводу экспедицiи Государственныхъ Бумагъ въ типографiю Кушнарева. Инвентарь типографiи помѣстите въ любое помѣщенiе по Вашему усмотрѣнiю не останавливаясь передъ какими-либо складами.

О принятыхъ мѣрахъ срочно увѣдомить сегодня же /30-го августа не позже 5 час. вечера т.В.И.Ленина и т. А.И.Рыкова.

Предсѣдатель ВСНХ А. Рыков

Управляющiй дѣлами ВСНХ

Секретарь Президiума

Исторический документ, свидетельствующий о том, что в 1918 г. Советское правительство намеревалось приспособить типографию под экспедицию государственных бумаг. Этим вопросом был заинтересован и Владимир Ильич, что доказывает приписка о необходимости срочного уведомления Ленина.

с негодной краской, с разными оттенками бумаги, брошюровку без шитва, на клею плохого качества.

Для того, чтобы ясно представить себе состояние, в котором

находилась типография в то время, приводим небольшой отрывок из воспоминаний Влад. Бонч-Бруевича, имевшего как раз в то время дело с этой типографией [1].

— „Можно рукопись взять?—спросил я у Владимира Ильича (речь идет о докладе Г. М. Кржижановского „Об электрификации", написавшего по этому вопросу брошюру. *М. Ф.*).

— Зачем?

— Чтобы отдать в набор...—ответил я Владимиру Ильичу.

...„С утра я был уже в 17 Государственной типографии (бывш. Кушнерева), которая стояла замерзшая, не имея ни полена отопления. Я заранее уведомил, что необходимо собраться комячейке и заводскому комитету. Я объяснил товарищам по комячейке о всей революционной важности этой работы и сказал, что ее сделать нужно во что бы то ни стало, несмотря на то, что я прекрасно понимаю, что значит набирать металлические буквы на морозе, когда не работает, ибо замерзли, ни один аппарат. Ячейка сейчас же поняла, что эта работа должна выполняться в порядке боевого приказа и с громадным воодушевлением, переговорив с заводским комитетом, который также присоединился, немедленно приступила к ней. Были мобилизованы все наборщики-коммунисты, которые, в шубах и в ватных пальто, дуя на руки, разобрали оригинал рукописи и стали набирать эту работу ручным набором. Корректора сейчас же явились по первому зову. Гравера принялись делать карту на литографских камнях. Работа закипела, и к вечеру мы имели уже весь набор. Рабочие, распущенные по домам в виду отсутствия топлива, друг от друга узнали, что типография что-то работает, стали приходить и добровольно предлагали свою помощь.

Владимир Ильич был изумлен, когда к вечеру этого первого дня получил более полкниги набранной,—что успели прочесть корректора и оттиснуть. Мы наверное знали, что на другой день часам к одиннадцати будем иметь весь остальной набор прочитанным и исправленным, и я очень просил Владимира Ильича, чтобы не задержали авторскую корректуру. Глеб Максимилианович читал корректуру своей книжки, не отрываясь ни на минуту.

Текст было печатать трудно, но все-таки терпимо. Машину, застывшую на холоде, вертели руками. Но когда приступили к печатанию карты, дело застопорилось, ибо на холоде, на морозе, она печататься не могла.

Секретарь комячейки, ныне умерший товарищ Боков, писал мне по этому поводу:

Уважаемый Владимир Дмитриевич!

Условия, при которых нам пришлось выполнять работу для т. Владимира Ильича, создались настолько ужасные, что мы смогли сделать только 5 экземпляров. При 5 гр. мороза в мастерской машины совершенно не могли

[1] Влад. Бонч-Бруевич. „На боевых постах Февральской и Октябрьской революции». Изд. «Федерация» 1931 г., 378—380 стр.

ходить. Вертеть руками литографские машины нет возможности. Камень в машине, смачиваемый кипятком, возвращался после прохода покрытый льдом. Валики затвердели, краска замерзла, смоченная бумага ломалась, замерзая. Наши усилия не привели ни к чему. Что мы пережили. Страшно одно: мы не смогли сделать для Владимира Ильича. Поймите, уважаемый Владимир Дмитриевич, мои личные переживания.

С ком. приветом *П. Боков*.

Мне было вполне понятно отчаяние т. Бокова, но мы не унывали. Мы даже радовались победе, имея и пять экземпляров книги в руках. Мы тотчас же перевезли камни в маленькую типографию, где были ручные станки и где помещение отапливалось голландскими печами, и сейчас же отпечатали карту. Книжка была уже вся сшита, карту немедленно вклеили, обложка была готова, и мы все-таки, несмотря на все трудности, выполнили поручение Владимира Ильича, и на съезде книжка была роздана всем депутатам.

Книжка вышла на славу, на вполне для того времени приличной бумаге: всего в ней было 51 страница; в конце приложена карта: „Схема электрификации России", карта большая, в полтора писчих листа, в пять красок".

В половине 1920 г. появляются первые признаки возрождения типографии. С постепенной ликвидацией фронтов в типографию возвращаются старые квалифицированные рабочие, поднимается квалификация молодняка.

Увеличение топлива, улучшение снабжения рабочих продуктами,— все это ставит производство на новые рельсы.

1921 г. проходит в лихорадочной восстановительной работе.

Окончание гражданской войны, новая экономическая политика,—все это в целом дало возможность перейти к мирному строительству.

В типографии отмечается рост производительности труда, улучшение качества продукции.

При проведенной тогда концентрации полиграфпромышленности типография обогащается оборудованием. Особенную ценность приобрело маш.-наб. отд., в котором были сосредоточены 27 машин „Типограф".

Только в конце 1921 г. управление типографией организует бухгалтерию, начинают создаваться отчетность и учет.

С 1 января 1922 г. официально начал функционировать первый Московский трест полиграфической промышленности „Моспечать", объединивший семь крупнейших типографий Москвы, в том числе и нашу типографию под № 17, с количеством рабочих в 540 чел. С 1 октября того же года, при слиянии двух трестов „Моспечать" и „Мосполиграф", типография под № 20 входит в ведение последнего с присвоением названия „Красный пролетарий".

В первые месяцы управления треста типография была лишена всякой самостоятельности в части коммерческо-финансовой деятельности. Заказы принимались правлением треста и последним распре-

делялись для исполнения по типографиям. Им же производились расчеты с заказчиками. Снабжение типографии потребными материалами, а также деньгами для выдачи зарплаты и даже для мелких расходов производилось трестом.

Такое положение дел было крайне неблагоприятно для типографии; небольшая нагрузка заказами имела следствием затруднения при выдаче зарплаты рабочим. Предстояло значительное сокращение рабочих. Но после предоставления трестом самостоятельности типографии по приему заказов положение ее скоро изменилось к лучшему, приняты были все меры к нагрузке типографии, завязаны сношения с заказчиками непосредственно, налажено снабжение необходимыми материалами.

Результатами такой работы типографии были:

1) почти во всех помещениях громадного здания завертелись машины, закипела работа;

2) увеличение штата рабочих более чем на 50 проц. вместо предполагаемого сокращения;

3) зарплата выдавалась своевременно и полностью.

Таким образом за 1922 г. типография уже выработала 29 732 тыс. оттисков в 5 497 лист., сделав обороты на сумму 648 553 р. (в зол. руб.).

Январь 1923 г. застает типографию с количеством рабочих в 828 чел.

С денежной реформой, с появлением твердого советского рубля, типография еще более окрепла: быстрый рост штата рабочих, улучшение их качественного состава, восстановление трудовой дисциплины имели своим последствием из месяца в месяц гигантскими шагами возрастающую производительность типографии и ее обороты.

Уже можно было подумать о ремонте машин и оборудования, из которых за годы разрухи многие пришли в негодность, об улучшении санитарного состояния фабрики.

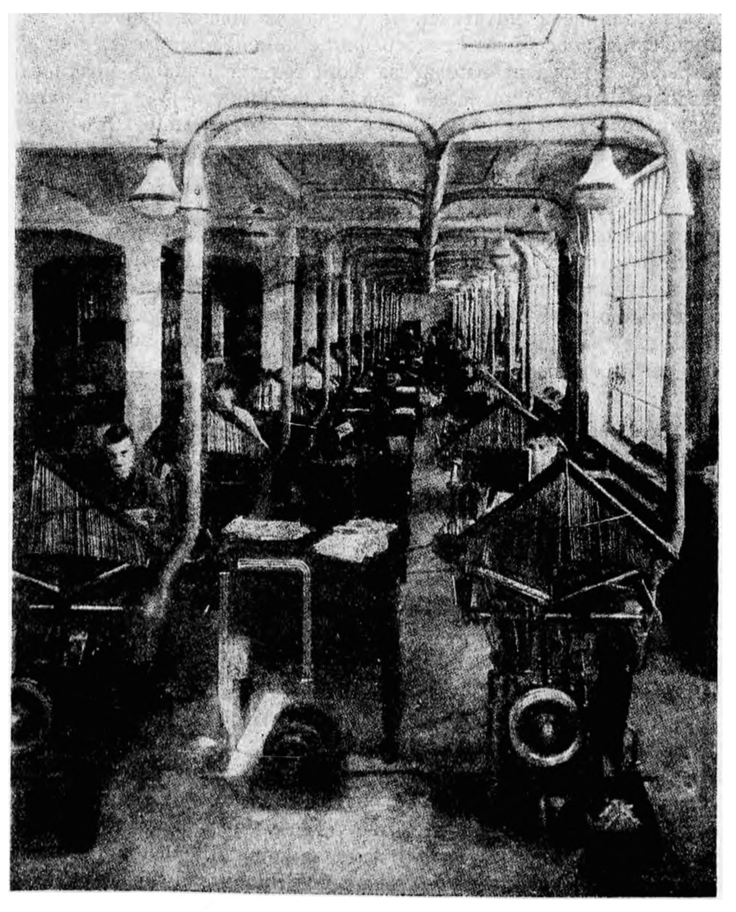
Растет активность рабочих, увеличивается участие рабочих в хозяйственном строительстве. К этому году относится организация при типографии школы бригадного ученичества для подготовки квалифицированных кадров, стенгазеты, через которую рабочие вносили свои предложения по устранению различных, выявленных ими, недостатков на производстве.

В этом году типография опять переходит в новые руки.

Постановлением СТО от 13/VI—23 г. типография была предоставлена на три года обслуживания изд-ву „Красная новь“ с переводом ее на хозрасчет внутри треста „Мосполиграф“, а с 1 октября 1923 г. „Мосполиграф“ снял типографию со своего баланса и постановлением президиума ВСНХ типография „Красный пролетарий“ была передана в постоянное ведение изд-ву „Красная новь“. Последнее обстоятельство создало значительно лучшие условия для развития и укрепления благосостояния типографии.

С 1 октября 1924 г. состоялось объединение изд-ва „Красная новь“ с Государственным изд-вом, и, следовательно, с этого момента типография находится в ведении Госиздата.

В период 1924—1925 гг. процесс восстановления и роста производительности протекал чрезвычайно быстрым темпом.



Зал наборных машин «Типограф» (29 машин).

Личный состав типографии на 1 января 1924 г. уже составлял 1 166 чел., а к концу этого года дошел до 1 210 чел. Период этот характеризуется особенно усиленной борьбой за поднятие производительности труда.

Предъявляемые теперь требования читательского рынка и, в частности, политика партии—дать деревне дешевую многотиражную книгу и брошюру—при существующем оборудовании и построении цехов трудно было удовлетворить.

Надо было перестроиться так, чтобы с переходом в Госиздат можно было удовлетворить возрастающие требования его. в виду растущих запросов читателей и учащейся массы рабочих.

Пропускная способность типографии с момента перехода ее из „Мосполиграфа" в „Красную новь" за один год увеличилась почти вдвое; если в июне 1923 г. типография давала продукции 4—4½ млн. оттисков в месяц, то уже в августе 1924 г. мы в состоянии были выпустить 7—8 млн., а к половине 1925 г. мощность типографии доведена до 10 млн.

Это было достигнуто:

1) увеличением штата рабочих,

2) увеличением количества действующих машин,

3) реорганизацией в самой работе, некоторым улучшением аппарата, подбором соответствующего штата технических руководителей,

4) переходом, где это возможно, на прямую неограниченную сдельщину,

5) громадным ростом интенсивности рабочих.

Если до сих пор стремились достигнуть довоенной нормы выработки, то теперь ее превзошли.

Такое положение дел уже позволило широко развернуть работу по ремонту оборудования и здания, обновлению инвентаря и улучшению условий работы.

Укажем на важнейшие достижения:

1) произведен ремонт почти всех машин в главных капитальных частях, для чего усилен ремонтный отдел.

2) отремонтировано здание,

3) приобретены новые шрифты в количестве 3 500 пуд.,

4) поставлены новые машины: 2 словолитных машины „Фуше", 2 офсет, 1 резальная машина, 3 швейных машины, 4 тачалки, 2 больших плоских машины „Эйлем".

Проведен был целый ряд мероприятий по охране труда и технике безопасности: поставлен целый ряд заграждений к машинам, которые до сих пор совершенно отсутствовали; заключен договор на постановку приточно-вытяжной вентиляционной системы; прекрасно оборудовано помещение из 5 комнат под приемный покой.

Вместе с ростом типографии надо отметить и рост общественных организаций.

В 1924 г. была организована впервые работа производственных совещаний, которые, вовлекая широкие массы рабочих в производственную жизнь типографии, много способствовали ее росту.

1926 г. был тяжелым годом для всей полиграфической промышленности в целом и, в частности, для данной типографии. Вследствие

затоваривания книжной продукции издательства значительно сократили свою производственную программу и Гиз не мог полностью нагрузить нашу типографию. Простой ротационных машин, лишив типографию самой дешевой печатной продукции, в свою очередь, вызвал простой фальцовочных машин и стереотипного отделения.

Кроме того, малотиражность заставила типографию опять перестраиваться: усилить наборное отделение, чтобы иметь возможность нагрузить печатный цех.

Встала угроза массового сокращения рабочих. Пришлось приложить все усилия, чтобы добыть посторонние заказы и достаточной нагрузкой типографии сохранить рабочую силу.



Зал ручного наборного отделения.

Для привлечения заказов необходимо было, во-первых, уменьшить себестоимость продукции, во-вторых,—улучшить ее качество.

К достижению этих результатов и было главным образом обращено внимание всей общественности типографии.

К тому времени правительством и партией был брошен лозунг: „режим экономии". Для усиления индустриализации нашего Союза этот лозунг был горячо принят рабочими типографии.

Закипела работа по проведению кампании режима экономии, рационализации производства. В результате этой кампании было внесено много ценных предложений рабочих по улучшению производства.

Проведены были следующие главнейшие работы:

1) произведена полная реорганизация самых крупных цехов—переплетного и брошюровочного;

2) обращено внимание на механизацию производства; наиболее яркие результаты дали наборное и брошюровочное отделения (фальсовка и подъемка);

3) предпринят целый ряд мероприятий для максимального использования машин (чистка и смывка машин в нерабочее время, устранение организационных неувязок, вызывающих простои, и пр.);



Часть зала переплетного цеха после проведения приточно-вытяжной вентиляции.

4) улучшение внутризаводского транспорта;

5) ряд мероприятий по упрощению процессов работ в целях экономии времени;

6) многое сделано для улучшения условий труда;

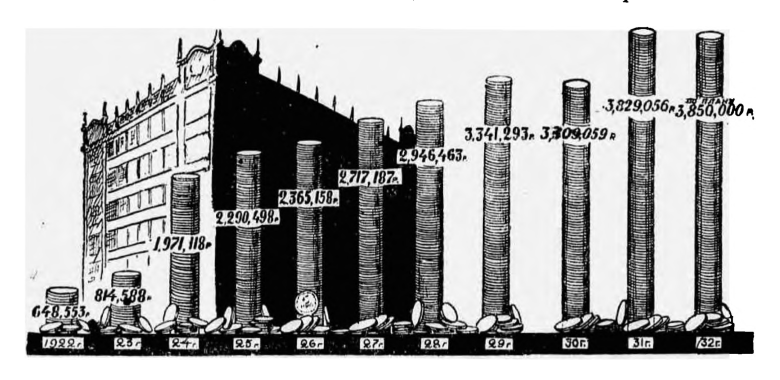
7) предпринята кампания по снижению накладных расходов, которые в этом году были уменьшены на 13,8%.

Таким образом, в работе типографии за 1926 г. можно констатировать значительные достижения: удалось не только нагрузить типографию, чтобы полностью сохранить рабочую силу, но и при

снижении цен и увеличении заработка рабочего на 10,1% затратить значительные суммы (109 999 руб.) на рационализацию и ремонтные работы.

1927 г., по характеру работы, в основных чертах был продолжением прошлого года: еще более углубляется рационализаторская работа, еще интенсивнее идет борьба за экономию, за снижение себестоимости продукции, за снижение отпускных цен.

В нагрузке типографии заказами произошло существенное изменение; если в предыдущем году пришлось вести отчаянную борьбу в погоне за заказами, то сейчас, уже со II квартала, Гиз настолько увеличил свою программу, что типография с большим напряжением в состоянии была удовлетворить возрастающие его потребности.



Рост оборотов типографии (в рублях).

Для этого: 1) штат типографии с 1 278 в начале года—на 1 октября доведен до 1 519 чел., 2) ротационное отделение и все большие плоские машины пущены полностью в 2 смены, 3) фальсмашины, имевшие в прошлом хроническую недогрузку, теперь пущены в 2 смены полностью и частично—в три смены.

В результате, удалось добиться большого роста пропускной способности типографии: если в январе этого года она выпускала 6 млн. оттисков печатной продукции в 700 листов, то к концу года печатное отделение стало выпускать 12—13 млн. отт. в 1 000 листов.

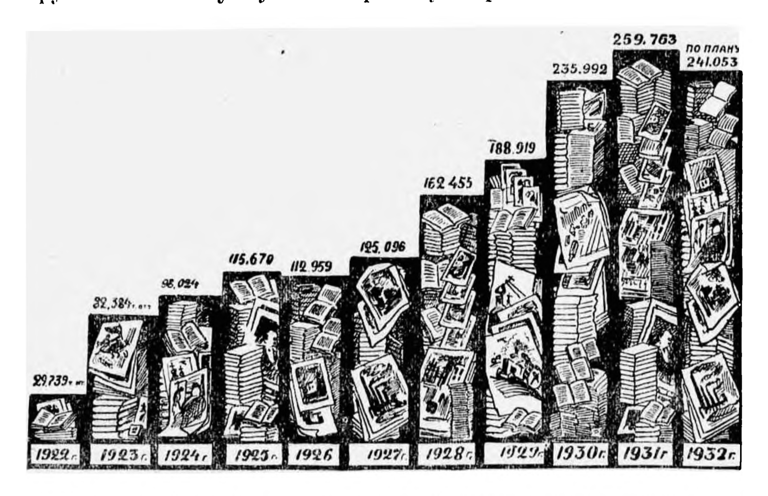
Если фальсмашины в начале года давали 4 млн. листов, то уже за сентябрь сфальсовано без малого 3 млн. при 30% 4-хсгибки. При полной нагрузке работают литография, переплетная, стереотипное отделение и цинкография. Выполнение продукции вообще значительно превысило план.

Работа 1928 г. протекала в обстановке большей плановости, в рамках программы, выполненной в среднем полностью. Но самое задание по плану—138 млн. оттисков—уже значительно превосходит предыдущие годы. Прогрессирующая интенсивность, ряд рацио-

низаторских мероприятий, активное участие рабочих в производстве через производственные комиссии и совещания—все это помогло осилить это задание.

1928 г. прошел под лозунгом снижения себестоимости и поднятия трудовой дисциплины. Предпринята была решительная борьба с прогулами, с нарушением правил внутреннего распорядка, за уплотнение рабочего дня.

В этом году типография обогатилась очень ценным импортным оборудованием на сумму 37 765 р.—двумя фальсмашинами и 4 швей-



Рост производительности типографии (в тысячах листов-оттисков).

ными „крылатками", дающими самую дешевую продукцию. Это частично смягчило имеющееся несоответствие между печатным и брошюровочным отделениями.

Обороты типографии за год возросли до 2 946 463 руб.

1929 г. выдвинул ряд новых задач величайшей важности: проведение тарифной реформы с перетарификацией всего штата по новой тарифной сетке и, в связи с ней, новых максимально возможных технических норм; подготовка к переходу и осуществление перехода на 7-часовой рабочий день; подготовка к переходу и частичный переход (около 800 чел.) на непрерывную рабочую неделю.

Вся эта работа потребовала большого напряжения всех сил предприятия.

Одним из наиболее ценных мероприятий, проведенных в порядке подготовки к переходу на 7-часовой рабочий день, является генеральная реконструкция типографии, имевшая целью так перестроить ее, чтобы можно было максимально использовать как производственные площади, так и имеющееся оборудование.

Вся громадная работа—перестановка около 100 машин с полным переоборудованием моторной сети к ним, с устройством двух вытяжных систем вентиляции, с переустройством электроосветительной сети 3 этажей и пр. и пр.—была проделана в отпускной месяц предприятия, не вызвав ни одного дня простоя.

Вместе с реконструкцией, давшей возможность производить процессы работ по ленточной системе, было проведено в некоторых цехах разделение труда. В результате всей проведенной работы—значительный рост пропускной способности типографии: до 22 млн. оттисков вместо 16—17 млн. до реконструкции.

Второе полугодие типография проводила под лозунгом социалистического соревнования и ударничества, что помогло одолеть ряд трудностей, имевшихся при проведении технической реконструкции и при переходе на новые условия работы—7-часовой рабочий день и непрерывку.

В итоге типография за год дала 190 млн. оттисков, перевыполнив план на 3,7%.

Штат типографии на 1 января 1930 г.—1 731 чел.

Каков же производственный план для типографии „Красный пролетарий" на 1932 г.—четвертый заключительный год пятилетки?

Ответом на этот вопрос может служить следующая таблица, охватывающая главные цеха фабрики:

Цеха	Единица учета	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Всего
Набор ручной.	лист.	843	1 109	1 299	1 576	4 827
» машин.	»	1 079	1 390	1 506	1 830	5 805
Всего по набору . . .	лист	1 922	2 499	2 805	3 406	10 632
Печать плоская	1 тыс. отт.	29 416	37 988	52 455	52 079	171 938
Печать ротационная . .	1 » »	13 763	18 102	18 850	18 400	69 115
Всего по печати	1 тыс. отт.	43 179	56 090	71 305	70 479	241 053
Брошюровка .	1	38 339	42 954	45 275	47 953	174 521
Переплеты . .	1	1 427	1 717	1 954	1 902	7 000
Литографская плоская . .	1 » »	3 808	3 538	3 365	3 842	14 553
Офсет	1 » »	3 477	5 035	4 522	5 111	18 145
Всего по литографии . . .	1 тыс. отт.	7 285	8 573	7 887	8 953	32 698

Эта поквартальная таблица говорит сама за себя. Темпы, которые берет типография на этот год, превосходят и оставляют далеко позади себя все предыдущие.

Только III квартал по литографии и IV квартал по типографской печати дают самое незначительное снижение. Это объясняется исключительно тем, что в эти месяцы отпуски рабочих захватят наибольшее количество рабочих. Зато литография по четвертому кварталу обгоняет даже второй, который и сам по себе значителен [1].

Но мало еще только наметить план. Важно, как этот план выполняется и каковы перспективы этого выполнения.

Следующая таблица показывает, что краснопролетарцы не только могут намечать планы и давать обязательства, но с большевистским упорством и настойчивостью свои обязательства выполняют:

СВОДКА
ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА ЗА I КВАРТАЛ 1932 г. (в проц.)

Наименование показателей	По плану	Январь	Февраль	Март	Результат
1. Выполнение плана . . .	100	100,6	112,7	108,9	107,5
2. Количество проработанных человеко-часов . .	100	104,4	104,6	102,9	104,0
3. Производ. труда . . .	104,4	96,5	111,3	116,1	107,9

Каковы же это пути, по которым краснопролетарцы идут и завоевывают одну позицию за другой?

Путей этих много. Главные из них:

1) развернута была творческая активность рабочих масс,

2) было закреплено социалистическое соревнование и ударничество,

3) была усилена культурно-политическая и воспитательная работа в массах,

4) выращивались новые кадры квалифицированных рабочих,

5) не ослаблялось внимание к бытовым нуждам и запросам рабочих,

6) широко проводились на фабрике мероприятия по рационализации труда рабочих,

7) мощным потоком шли рабочие предложения и изобретательство,

[1] Снижение роста производительности типографии в оттисках по плану на 1932 г. против 1931 г. на 18 000 000 только кажущееся, так как в 1931 г. типография работала на «непрерывке», а в этом году будет работать на «прерывке», что, естественно, уменьшит количество машино-часов.

8) промфинплан был доведен до каждой машины, до каждой бригады и отдельного рабочего,

9) четко и ясно проводилась генеральная линия партии,

10) была изжита обезличка,

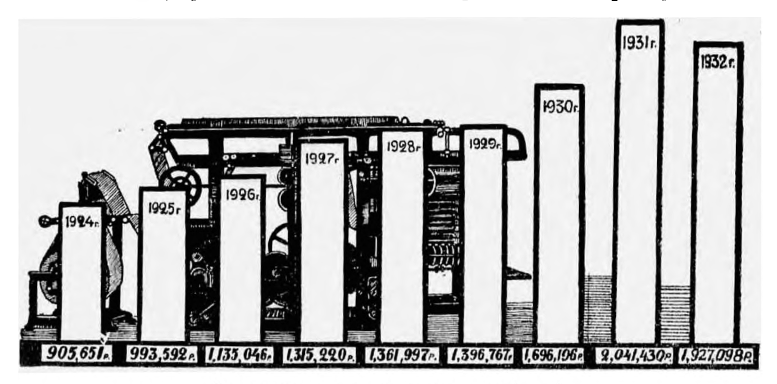
11) был внедрен и закреплен хозрасчет,

12) была ликвидирована текучесть рабочей силы и

13) уничтожена уравниловка.

Вот те основные пути, по которым шли рабочие типографии „Красный пролетарий", давшие им возможность перевыполнить свои обязательства.

Подводя итоги производственной жизни типографии при советской системе управления, мы имеем перед собой картину системa-



Состояние имущества типографии [1].

тического беспрерывного роста типографии вместе с ростом сознания рабочих, что только при большевистском руководстве ВКП(б) мы можем развить и поставить на должную высоту наше народное хозяйство.

Теперь, когда перед краснопролетарцами стоит задача величайшей важности—выполнение контрольных цифр промфинплана, все рабочие и служащие типографии в своей работе должны через ячейку теснее сплотиться с партийной организацией, чтобы, осуществляя ее генеральную линию, получить возможность выполнить эту задачу, а вместе с ней и пятилетку в 4 года.

XXII. За командные посты

В трудных, в невероятно трудных условиях приходилось работать той небольшой части сознательных рабочих, которые оказались

[1] Снижение стоимости имущества в 1932 г. объясняется вывозом нескольких машин в колхозные типографии.

на „Кушнеревке“ в первые дни Октябрьской революции. Те самые кушнеревцы, которые при первых проблесках надвигающейся революции 1905 г. были на передовых позициях борющегося пролетариата, в начале Октябрьской революции оказались не вместе с российским пролетариатом. Как же это могло случиться? Кто их подменил?

В предыдущих разделах нашей работы мы уже указали, что значительная часть актива кушнеревцев была раскассирована полицией, империалистической войной, разрухой и голодом. В 1917 г. на фабрике не осталось ни одного большевика. Меньшевистские профсоюзы печатников вели непрерывную работу среди рабочих, в особенности среди новых.

Вот образец этой „работы“.

О том, что люди, стоявшие во главе профессионального движения печатников, занимались подрывной работой могут служить еще и следующие факты:

Протокол № 93

заседания президиума Всероссийского Центрального Совета Профессиональных союзов от 30/IV 1919 года.

Слушали: О мобилизации 10% членов профсоюзов, оставшихся от общей мобилизации.

Постановили: Приветствуя почин петроградских товарищей, президиум ВЦСПС считает необходимым распространить эту меру в общероссийском масштабе.

В тот же вечер на пленарном заседании ВЦСПС, на котором присутствуют представители центральных комитетов от двадцати производственных союзов, принимается такая резолюция:

ВЦСПС, приветствуя инициативу петроградского и других советов профсоюзов в вопросе о мобилизации не менее 10% членов профсоюзов, считает необходимым распространить почин петроградского пролетариата в общероссийском масштабе, включая и губернии, на которые мобилизация не распространяется.

Да и могли ли представители рабочих организаций поступить иначе, когда профессиональные союзы в октябрьские дни явились самой прочной опорой переворота для большевистской партии, да еще в такое время, когда на Советы со всех сторон напирали белые генералы: Юденичи, Деникины, Каледины и Колчаки? Конечно, нет.

Однако, меньшевики, засевшие в центральном комитете Союза печатников, на дело посмотрели иначе и оказать опору партии не хотели. Больше месяца они не представляют ВЦСПС необходимых сведений. Тогда из ВЦСПС посылается—

Телефонограмма № 8 144. 3/VI 1919 г.

ЦК Союза печатников.

ЦК содействия мобилизации при ВЦСПС предлагает вам через 48 час. по получении сей телефонограммы представить следующие сведения: 1) схему разверстки по городам и губерниям 5 000 рабочих, кои должны быть моби-

лизованы, 2) список производств и предприятий, а также и категории рабочих и служащих в них, подлежащих мобилизации, и количество процентов мобилизуемых от них лиц и 3) список с показанием количества процентов и категорий рабочих и служащих, которых можно призвать в армию из забронированных (милитаризованных) производств и предприятий.

Член Комсода (подпись).

И вот—пошла писать губерния!

Центральному комитету содействия мобилизации при ВЦСПС.

Здесь.

Согласно вашей телефонограммы от 3 июня, доводим до вашего сведения, что не представляется возможным в 48 час. представить более или менее правильную схему разверстки тех 5000 чел., которых Центральный комитет содействия мобилизации считает необходимым мобилизовать среди членов нашего объединения. Чтобы добросовестно проделать такую работу, необходимо иметь в своем распоряжении не менее 6 недель, ибо следует произвести точный учет распределения имеющейся работы в различных пунктах России, характер этой работы, степени важности ее и срочности.

В виду этого мы вынуждены ограничиться приложением списка.

Наши соображения по вопросу о мобилизации среди печатников мы в виде краткой записки при сем прилагаем.

Докладная записка.

Центральному комитету содействия мобилизации при Всероссийском центральном совете профес. союзов.

Ряд произведенных в истекшем году мобилизаций, в особенности последняя, поставившая под ружье всех взрослых рабочих (до 33 лет), переосвидетельствование ранее забракованных приемными комиссиями и, наконец, производящаяся сейчас мобилизация рабочих и служащих железных дорог, поставили типо-литографское производство[1] в необычайно затруднительное положение.

Поступающие сведения от наших отделений, а также и данные Биржи труда неопровержимо свидетельствуют не только об отсутствии свободных рабочих рук, но и о растущем в соответствии с каждой новой мобилизацией спросе на рабочих и служащих всех видов труда типо-литографского производства. Спрос этот удовлетворить мы не в состоянии уже давно, приблизительно с ноября месяца прошлого года.

Поэтому, принимая во внимание общегосударственное значение, которое имеют работы, производимые в нашей отрасли производства (частные учреждения и лица теперь совершенно ничего не печатают), и мы и наши отделения вынуждены были допустить сверхурочные работы в весьма широких размерах. Это—с одной стороны, а с другой—уездно-губернские и столичные по отсрочкам комиссии должны были прибегнуть к широкой практике зачисления печатников на учет.

Но последняя принудительная[1] мобилизация производилась уже таким образом, что комиссия по отсрочкам перестала охотно зачислять на учет, и острый недостаток рабочих рук дает себя чувствовать сейчас более, чем когда-либо.

В промысле начинают преобладать численно старики, подростки и женщины. Гибельные последствия этого факта сейчас уже дают себя чувствовать; через короткий промежуток времени положение станет непоправимым. Обостряется оно производящейся сейчас добровольной мобилизацией 10%

[1] Подчеркнуто мною. *М. Ф.*

наличного состава профессиональных союзов. В нынешних условиях это должно означать окончательное исчезновение из предприятий взрослого мужского персонала, который является почти исключительным поставщиком квалифицированных рабочих. Если провести последовательно десятипроцентную мобилизацию, то графическое производство не только останется без нужного количества квалифицированных рабочих, но, в связи с этим, необходимо будет закрыть довольно значительное количество предприятий средних и мелких; крупные же должны будут сократиться до самых ничтожных размеров.

Явление это уже наблюдается в провинции; не сегодня—завтра оно станет злобой дня и столиц.

Новое постановление совещания председателей Всероссийских объединений, созванное Всероссийским центральным советом профессиональных союзов, вменяет нам в обязанность мобилизовать 5 000 человек из общего числа членов Всероссийского союза рабочих печатного дела. Постановление это, в виду всех перечисленных выше соображений, ставит перед нами неразрешимую задачу, ибо сколько-нибудь удовлетворительно ее можно разрешить, прибегнув к окончательной приостановке ряда важнейших и крупнейших печатных предприятий, в том числе даже и отделений Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Такова общая обстановка.

Нам кажется нецелесообразным доводить до логического конца создавшееся положение теперь, когда каждый печатный станок должен работать и удвоенной и утроенной энергией в интересах рабочего класса.

А потому мы обращаемся к Комитету содействия мобилизации при Всероссийском центральном совете профессиональных союзов с указанием на необходимость прекратить 10% мобилизацию среди печатников и отказаться от плана мобилизовать 5 000 рабочих печатного дела; всех их в интересах государства и обороны его необходимо взять на учет при Комитетах содействия мобилизации, созданных отделениями Всероссийского союза рабочих печатного дела, либо при комитетах, созданных местными Советами профессиональных союзов, либо при общих учреждениях военного ведомства. Уже и теперь так поступили во многих пунктах (Воронеж, Владимир и пр.). Эту практику следует распространить на всю Россию.

Центр. совет Всерос. союза рабочих печатного дела. (Подпись.)

Мало этого. Меньшевики, считая, очевидно, ВЦСПС узурпатором, идут и по другому пути, надеясь заручиться в этой подрывной работе некоторым содействием со стороны хозяйственных органов. И они взывают к

Полиграфическому отделу при Высшем совете народного хозяйства.

14 июня 1919 г.

Здесь.

3 с. м. нами получена от Центрального комитета содействия мобилизации при Всероссийском центральном совете профессиональных союзов телефонограмма, обязывающая нас мобилизовать 5 000 рабочих печатного дела по всей России.

В ответ на это мы одновременно с настоящим письмом посылаем Центральному Комитету содействия мобилизации записку с изложением наших соображений на этот предмет.

В виду того, что Полиграфический отдел Высшего совета народного хозяйства в равной мере заинтересован в том, чтобы типо-литографское дело не разрушалось в корне, мы, прилагая нашу записку в копии (приложе-

ние 2-е), предлагаем вам высказать и свои соображения по настоящему делу и ваше заключение сообщить нам в кратчайший срок.

Председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

Комитету содействия мобилизации это в конце концов надоедает и он посылает уже сам от себя разверстку.

После этого опять словоизлияние:

В президиум Всерос. союза профессиональных союзов.

23 июня 1919 г. № 2832.

20 с. м. нами получено от мобилизационного отдела ВЦСПС разверстка 6 000 печатников, охватывающая 31 губернию, в которых насчитывается 64 000 членов союза, что составит не многим менее 10% подлежащих мобилизации. Но разверстка произведена таким образом, что процент мобилизуемых колеблется между $1^2/_3$ и до 40 проц. Из прилагаемого при сем списка президиум имеет возможность убедиться, как неравномерно распределение.

Меньше 5% лежит на губернии: Харьковскую (3,6 проц.), Московскую (3,4 проц.), Петроградскую (12 проц.) и Киевскую (2 проц.); от 10 до 20 проц. падают на губернии: Саратовскую (14 проц.), Пензенскую (11 проц.), Вятскую (12,5 проц.) и Екатеринославскую (8,5 проц.), 20 проц. дают губернии Астраханская и Тамбовская, остальные 21 губерния дают от 25 до 40 проц.

Если принять во внимание, что количество печатников призывного возраста едва достигает сейчас 30 проц., если далее принять во внимание, что в течение последнего времени произведен целый ряд мобилизаций, а самые последние дни проводится еще 10-проц. мобилизация союзами, то придется признать, что в огромном большинстве губерний неизбежна окончательная приостановка всех печатных заведений за отсутствием взрослых и обученных работников. Во многих местах, вероятно, не хватит того количества печатников призывного возраста, который требуется Мобилизационным отделом, и заполнить его надо будет либо женщинами, либо мужчинами непризывного возраста.

Все это на местах вызывает несомненную сумятицу, недовольство, а что хуже всего, полную гибель промысла.

Еще 5 июня с. г. мы в особой записке на имя ЦК содействия мобилизации при ВЦСПС указывали на создающееся в печатном деле, в связи с мобилизацией, невероятное положение, и просили перевести всех печатников на учет либо при комитетах содействия мобилизации, либо при военных комиссариатах. Но наши соображения, очевидно, не возымели действия.

Теперь одновременно с рассылкой списка по нашим отделениям мы еще раз просим Всероссийский центральный совет профессиональных союзов принять нужные меры к тому, чтобы мобилизация эта не распространялась на печатников, чтобы последние были взяты на учет. Если такого распоряжения не последует, то все печатные заведения в огромной части Советской России станут за отсутствием рабочих рук, квалифицированных главным образом.

Председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

О чем вся эта переписка говорит? Только и только о том, что меньшевики, засевшие в Союзе печатников, занимались только подрывной работой. Тот, кто активно выступает против мобилизации

рабочих для отпора наседавших со всех сторон белогвардейцев, — уже явный контрреволюционер.

Эти настроения Союза печатников распространялись и на кушнеревцев, чему может служить иллюстрацией следующий документ:

Общее собрание рабочих типографии Кушнерева, выслушав доклад о так называемом Чрезвычайном съезде, признает:

1) съезд не выражал волю печатников, так как при выборах были совершены неслыханные насилия и фальсификации;

2) избранному ЦК полиграфического производства мы выражаем свое недоверие;

3) поведение наших делегатов мы всецело одобряем;

4) призываем всех товарищей объединиться вокруг Московского союза рабочих печатного дела ради защиты своей свободной и независимой организации, активно везде и всегда поддерживая ее.

Вот что писал о том времени товарищ Зайчук [1]:

Приехав с фронта в начале 1918 г., я поступил работать на фабрику бывш. Кушнерева. В первый же момент я убедился, что несмотря на то, что власть принадлежит рабочим, здесь, в типографии, попрежнему продолжали управлять всеми делами старые хозяева—Чефранов и Барышников с компанией нетронутых старых администраторов. Заводской комитет возглавлялся меньшевиками, которые, конечно, с пеной у рта защищали хозяев от большевистских поползновений.

Настроение рабочих, подогреваемое меньшевиками, спекулировавшими тогда на голоде и холоде, было к большевикам отрицательное. На выборах в Советы проходили меньшевики. Единственным большевиком на фабрике являлся т. Мисяк, которому, в силу тогдашних объективных условий, трудно было бороться одному с организованной компанией хозяев и меньшевиков. Его поддерживали вернувшиеся с фронта тт. Смирнов, Червинский, Жиряков и из женщин Валястова. Время было трудное: восьмушковый паек из соломы... иногда на два дня... Собрания носили бурный характер. Меньшевики и эсеры пожинали лавры. Большевикам выступать не давали. Всякая такая попытка с их стороны заглушалась криками сотен голосов: «Хлеба дайте вперед».

Гражданская война разгоралась шире и шире: чехо-словаки, красновщина, калединщина. Блокада душила. Хозяева, по темным углам злорадствуя, ждали со дня на день падения власти Советов. Производство упало до неслыханных пределов.

А товарищ „Ленинец“ добавляет [2]:

В 1918 — 1919 гг. наша типография была желтым осиным гнездом печатников-меньшевиков. Еженедельно в часы работ собирались здесь собрания из головки желтого союза печатников для обработки печатников в сторону непримиримой борьбы с большевизмом. В те годы, когда буржуазия всего мира в предсмертной агонии бросила все свои силы на удушение российской революции и когда большевики, напрягая все силы, старались удержать власть Советов, — в это самое время сторонники меньшевистско-эсеровского толка распинались на собраниях о том, что рабочий класс рано взял власть в свои руки, в стране аграрной перенаселенности, где большинство—крестьянство, не может быть социальной революции, только безумцы — большевики-предатели — могут так думать. Они, дескать, разбили зеркало народов, разогнав волю всего народа —

[1] Пять лет ячейки РКП(б) типографии «Красный пролетарий».
[2] «10 лет борьбы и побед».

Учредительное собрание. Разогнали армию, оставили рабочих без хлеба. Долой немецких шпионов — большевиков! Так кричали эти господа, а рабочие слушали соловьев учредилки, меньшевиков различного толка, молча, „себе на уме".

Ну вот, на трибуне выступает т. Потапов — переплетчик, член Московского совета нашей фабрики, и внятно, просто и убедительно говорит о ложности доводов меньшевиков, о том, что власть находится в опасности: с Волги на нас наступают чехо-словаки, с Украины белогенералы. Власть — рабочих, и рабочие должны грудью встать на защиту своих завоеваний. После т. Потапова выступил т. Мисяк и на ломаном русском языке говорит, волнуясь, о ложных нападках на большевиков. Меньшевики, не выдержав, кричат о том, что немцам продали Россию, долой большевиков! Их прерывает свистом молодежь, с криком: „долой!". Все попытки взрослых угомонить молодежь не действуют. Слесарь Курандин подходит к Брюсову и, суя ему пудовый кулак под нос, говорит: „Слушай, сволочь учредительная: если покажешь свой нос сюда, то познакомишься с этой штукой". Тов. Людвинская, представитель райкома, боится выходить за ворота фабрики, ее ждет Бажанов и компания для того, чтобы поколотить. Тогда Нечаев, Курандин и Мисяк провожают ее до клуба „Коммунара".

Так зарождалось сочувствие к большевикам. Три коммунара — Мисяк, Нечаев и Потапов подпольно работали и грызлись со всей желтой массой в цехах. Тяжелое было положение на 3 этаже в наборном. Меньшевики безнаказанно делали свое подлое дело: на американке печатали воззвание Комитета и Союза с.-д. меньшевиков. Молодежь сообщила Нечаеву о печатании листовки. Нечаев, отогнав „американца" от машины, сбросил форму. Свист наборного отделения и град бабашек сыплются Нечаеву вдогонку, когда он забрал пачку листовок которые были сожжены на горне в ремонтном цеху. С этих пор наша фракция решила формировать по цехам ячейку. Формирование было поручено т. Нечаеву, так как он в отделениях знал всех, сочувствующих большевикам. Ему же было поручено индивидуально провести вербовку в партию. Сама вербовка совпала с покушением на Ленина на заводе Михельсона. Это сильно повлияло на успешность вербовки. Таким путем были завербованы Молтинов, Марпев, Зонтов, Алексеева М., Пасхин, Туманов, с ремонтной — Фетисов, Курандин и т. д.



Тов. Мисяк — один из организаторов партячейки большевиков, по профессии переплетчик.

С приближением к Туле белых банд, Нечаева, Пасхина, Мятченова, Марпева и других членов ячейки по зову партии мобилизовали на фронт, где до конца ликвидации они и находились. Большая часть этих товарищей вернулась к станку, но они были снова брошены на усиление хозяйственно-экономического фронта.

О некотором сдвиге, о том, что положение начинает на фабрике меняться, говорит товарищ Морозов [1]:

После ликвидации гражданской войны я был демобилизован и в 1922 г. прибыл в Москву. Став на учет в районный партийный комитет Красной Пресни,

[1] Из сборника «10 лет борьбы и побед».

я уже через два дня получил путевку в распоряжение директора 20-й типографии

Я приступил к работе в качестве наборщика. Сначала мне было не по себе работать с совершенно незнакомыми наборщиками. Всего работало лишь человек 20—30 стариков и 5 молодых. Работать было в то время очень трудно. Окружающие старики-наборщики относились ко мне очень скверно; на каждом шагу старались ставить палки в колеса, надеясь меня, большевика, выжить. В наборной не было порядка, кругом валялась сыпь, производственная дисциплина сильно хромала, производительность труда низкая. Вскоре мне дали партийную нагрузку в качестве парторганизатора. Таким образом и начал я понемногу развертывать свою партийную работу. Приходилось работать почти нелегально: окружающие остерегались меня чуть ли не как шпиона. Ячейка в то время была очень маленькая, членов партии всего было человек 15, распыленных по всем отделениям.



Тов. Алексеева-Терентьева — первая коммунистка на „Кушнереве“.

Несмотря на все трудности и недостатки, производство наше стало расти и расширяться. Вскоре было взято еще человек 20 наборщиков, исключительно фронтовиков. В первую очередь пришлось повести работу среди этой группы и из них уже сколачивать беспартийный актив. Завком в то время был беспартийный, чувствовались сильные отрыжки меньшевизма, что, в свою очередь, подрывало работу ячейки, но, несмотря на это, ячейка росла, и ей предстояла трудная задача завоевания авторитета и смены старого завкома.

Впервые в 1923—1924 гг. при перевыборах завкома ячейка могла уже выставить своих кандидатов, и вот т. Баринов был большинством голосов избран. После этого ячейка стала работать в контакте с завкомом, так как там был уже большевик. В числе избранных профделегатов было много коммунистов, в том числе и я — от наборного отделения пятого этажа.

После этого ячейка быстрым темпом начинает развиваться и принимает уже большое участие в хозрасчетном строительстве типографии,

Так из года в год увеличивалось количество тех, кто шел по Ленинскому пути и кто после смерти нашего вождя взялся неуклонно проводить его заветы в жизнь.

Ни одно крупное хозяйственное начинание, план, проект не проводились в жизнь без того, чтобы не договориться заводоуправлению с бюро ячейки. Но основная задача была не в том, чтобы в хозяйственную жизнь втянуть бюро ячейки, а в том, чтобы в нее втянуть сначала всю ячейку, а затем и беспартийную массу. Началось выдвижение на низшие административные посты новых ребят и вовлечение рабочей массы в хозяйственное строительство. Когда открылась кампания за повышение производительности труда и участие самих рабочих в хозяйственном строительстве, она в нашей типографии нашла готовую почву, взрыхленную ячейкой. Ячейка

в это дело втянула прежде всего ленинцев, а затем и широкую беспартийную массу.

Из самых сложных положений ячейка с честью выходила благодаря тому, что в бюро по основным вопросам всегда господствовало единомыслие.

Только оттого, что коммунисты стояли на передовых позициях, только потому, что бюро ячейки всегда вовлекало в работу самую широкую массу беспартийных, типография—через свой треугольник—шла от победы к победе.

Так весь партийный коллектив, держась за генеральную линию партии, вовлекая в эту борьбу двухтысячный коллектив рабочих, во-время давая отпор меньшевикам, эсерам и оппортунистам всех мастей и оттенков, своевременно выравнивая работу того или иного хозяйственника, во-время сигнализируя об опасностях и прорывах, и мог притти к таким результатам:

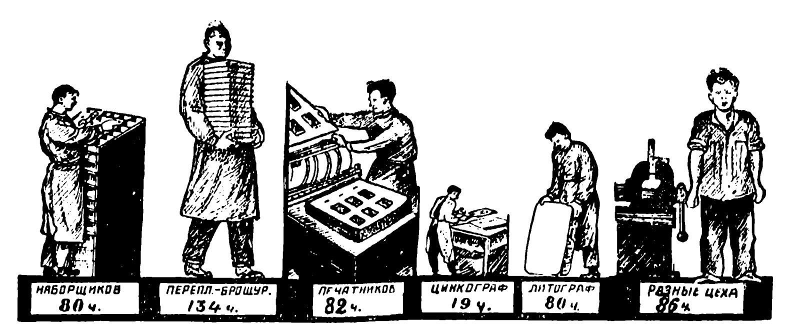
КОЛИЧЕСТВО ЧЛЕНОВ ПАРТЯЧЕЙКИ

Годы	Членов	Кандидат. доленинского призыва	Кандидат. ленинского призыва	Всего
1919	3	—	—	3
1920	13	—	—	13
1921	14	1		15
1922	15			15
1923	25	2	—	27
1924	53	26		79
1924 г. м и	55	24	66	145
1925	128	40		168
1926	192	36	—	228
1927	187	40		227
1928	208	55	—	263
1929	208	71	—	279
1930	221	73	—	294
1931	256	176	—	432
1932 г. 1 апр.	286	153	—	439

Вместе с ростом партийного актива рос и комсомол[1].

В 1920 г. у более развитой части молодежи, работающей в типографии, создалась идея организации молодежи в единый коллектив—в комсомол под видом отдельного коллектива. Это объяснялось тем, что молодежь в большей своей части еще боялась слова и звания комсомольца и коммуниста. Много препятствий встречалось на пути в момент организации ячейки КСМ со стороны самих рабочих. Мы имели такие моменты, когда со слезами на глазах прибегали в ячейку комсомольцы и просили своего исключения из организации потому, что они часто подвергались насмешкам со стороны рабочих.

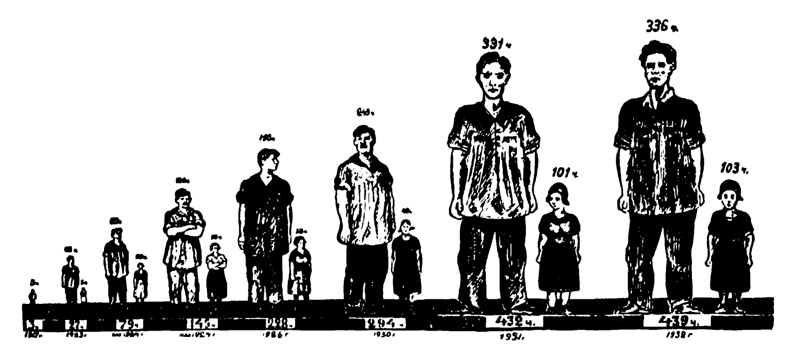
[1] Из сборника «10 лет борьбы и побед».



Партячейка ВКП (б) по специальностям на 1 января 1932 г.

Приходилось долго и подробно растолковывать, после чего каждый член организации начинал меньше пугаться слова коммунист. Так зародилась ячейка КСМ, насчитывая в своих рядах 50 чел.

О проведении политикопросветительной работы не приходилось думать. В основном работа ячейки заключалась в проведении всевозможных кампаний, борьбы на фронтах эпидемии, голода и разрухи. Наша ячейка принимала активнейшее участие в отработке субботников, показывая собою пример, привлекая все больше и больше в свои ряды рабочую молодежь, завоевывая своим упорным трудом авторитет и признание со стороны взрослых рабочих. Много недостатков имелось в только что сколоченной маленькой организации. Ребята по своему уровню были мало развиты, помощи ниоткуда не было. Партячейка в своих рядах насчитывала небольшое количество членов. Шаг за шагом комсомол в своей практической работе стал являться примером для рабочей молодежи. Впервые были организованы коллективные хождения в театры, приобретение в кредит спортинвентаря, чтобы молодежь от тяжелого труда привлечь к разумному отдыху и спорту и этим создать вполне здорового рабочего для стройки социалистической промышленности.



Состав партячейки ВКП (б) по полу на 1 апреля 1932 г.



Ячейка стала приспосабливать свою работу к взрослой квалифицированной молодежи, создавая ей культурный разумный отдых — через проведение вечеров молодежи, отрывая от улицы, пьянки. Молодежь теперь уже сама поняла и оценила свою организацию комсомола. Замечается усиленный рост инициативы молодежи, непосредственно работающей совместно с комсомолом. Сама молодежь под руководством комсомола стала перестраивать свою жизнь на коллективную. Выезд в 1929 г. на дачи 38 чел. молодежи явился первой ячейкой в перестройке быта и создания из молодняка настоящего коммуниста.

За 12 лет своей практической работы комсомол не одну сотню передал из своих рядов в ряды партии выдержанных, вполне под-



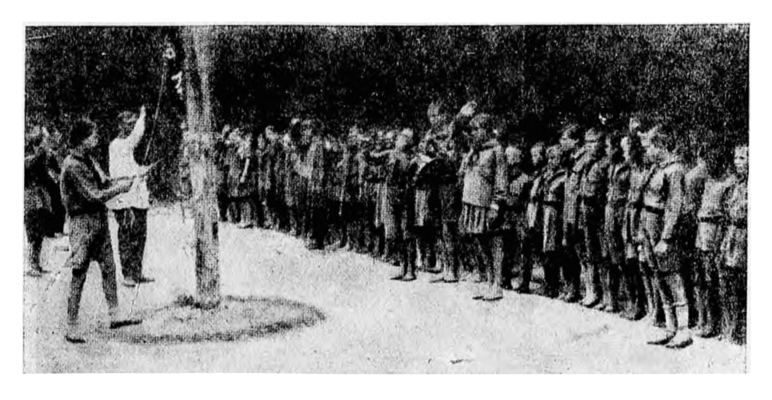
Работа передвижной типографии, посланной ФЗК в колхозы.

готовленных коммунистов. Смерть вырвала из наших рядов лучших славных молодых комсомольцев, о которых так сожалеет организация: мы потеряли лучших, примерных борцов и руководителей, как Митя Егоров, Розенфельд, Саша Марков.

С ростом организации и ответственностью, которая возлагалась на комсомол, партячейка повела свое руководство, помогая комсомолу в осуществлении своих идей и интересов, воспитывая настоящего коммуниста.

Немало энергии и инициативы было положено ячейкой комсомола на дело организации пионеротряда и воспитания подлинной коммунистической смены. Много встречалось препятствий в момент организации пионеротряда. Плохо обстоял вопрос с помещением, не было средств, а еще сквернее было то, что родители сами не доверяли своих детей комсомолу. Но при настойчивости комсомола в 1923 г. был сколочен маленький отряд из нескольких человек. Сами руко-

водители мало имели опыта по работе с детворой. На первое время приходилось проводить с пионерами игры, песни, читали газеты и книги, а больше всего проводили беседы: каким должен являться пионер. Чем больше приходилось работать с детворой, тем значительнее приобретался опыт, а самое главное—поощрялась инициатива самих детей. С каждым днем работа становилась интереснее. Немало положено было сил и работы по оздоровлению подрастающего поколения. Комсомол изыскивал средства для отправки пионеров на лето в лагерь, где ребята на ряду с отдыхом проводили и полезно-общественную работу. Пионер уже от своей игры и песен перешел на политические кампании, помогая комсомолу и партии в повседневной жизни. Теперь мало найдется таких рабочих, которые побоялись бы отдать своих детей в отряд.



Пионеротряд типографии в лагерях. Торжественный момент поднятия лагерного знамени.

В 1925 г. в полиграфической промышленности заполнялась броня школ фабзавуча. Школа нашей типографии была закомплектована на 143 чел.

С 1925 г. при участии комсомола проверялось усвоение программы обучения, защиты экономических интересов учеников, и в настоящий момент мы имеем не один десяток лучших молодых производственников, по своей квалификации не уступающих взрослым рабочим.

Если в 20 г., когда впервые был положен фундамент делу организации комсомольской ячейки, а новопринятые ее члены боялись слова коммунист, то теперь рисуется другая картина. Мы в недалеком прошлом имели в своих комсомольских рядах молодых оппозиционеров, людей, сползших от генеральной линии партии и очень здорово побитых в дискуссию. „Левые“ уклонисты хотели подчинить себе комсомол. Комсомолия стала политически грамотной и идеологически выдержанной. На этом фронте организация дралась за сохра-



Дети рабочих в детском саду «Красный пролетарий» при типографии.

нение идейно-монолитной большевистской партии, выбросив из своих рядов прихвостников Троцкого—ничего политически не смыслящих людей: Хейфеца, Казак, Васильеву В. Организация вышла из дискуссии единой, сплоченной, твердо заявив, что, если еще кто-либо пытается разбить ленинские ряды партии и комсомола, они с ними расправятся так же, как и с троцкистами.

За все время работы партии на фронтах великого строительства социализма в нашей стране Ленинский комсомол был всегда помощником и опорой партии, и им всегда останется.



Заводские газеты типографии «Красный пролетарий».

К 12-летию своего существования организация имеет в своих рядах 330 чел.; партпрослойка—44 чел., или около 13%.

На 1925 г. мы имели рост организации на 48 чел.

Дальнейшие года мы имеем все время понижение роста, объясняющееся тем, что приток рабочей силы молодежи после набора учеников прекратился.

На 1926 г. принято в ряды комсомола 43 чел.

На 1927 г. принято рабочей молодежи 24 чел.

На 1928 г. принято рабочей молодежи 17 чел.

На 1929 г. принято 33 чел. рабочей молодежи.

На 1931 и 1932 гг. принято 139 чел.

За последний год ряды РККА пополнились комсомольцами из нашей типографии на 13 чел.

Ячейкой за один только год послано на учебу в разные вузы, втузы и техникумы 62 чел. комсомольцев.

Идет рост ударничества и соцсоревнования, рост хозрасчетных бригад. Комсомольские хозрасчетные бригады стали ведущими в типографии.

Имеются значительные сдвиги в области марксистско-ленинского воспитания. На сегодня 97% комсомольцев типографии охвачено сетью марксистско-ленинских кружков.

Комсомольцы типографии были инициаторами создания ежедневных бригадных стенгазет. К кампании перевыборов в типографии организовано 29 ежедневных стенгазет. 29 коллективных организаторов сплачивают заводскую среду за план, за качество, за 6 условий тов. Сталина.

Соцсоревнованием охвачены все 100% комсомольцев, из которых 50% перешли на хозрасчетные бригады.

В 29 ежедневных бригадных газетах принимает участие до 250 юнкоров.

Вот что было помещено о двух наших ежедневных газетах в „Комсомольской правде" № 46 от 24 февраля 1931 года:

„Газета ударной комсомольской бригады учеников-наборщиков московской типографии „Красный пролетарий" „Имени Мартеновки" выходит ежедневно. Возраст этой газеты—полтора месяца. Но ее достоинства, ее успехи должны стать образцом работы для всех бригадных газет.

Ударная бригада машинно-наборного отделения, издающая бригадную газету „Имени Мартеновки", состоит из 15 комсомольцев. Среди бригады имеются лжеударники, рвачи, часть учеников небрежно относится к работе, администрация зачастую не выполняет своих обязательств.

Огромная роль в борьбе со всеми этими недостатками принадлежит газете „Имени Мартеновки". Газета ведет упорную борьбу за качество работы бригады.

Юнкор „Шприц" пишет:

Ребята, мы перешли на хозрасчет. Это должно говорить за то, что мы отношение к работе и к машине, в частности, должны изменить. Самая главная вина у нас—шприц. И 95 проц. шприцов бывает от нашей невнимательности. Если сосчитать время, затраченное нами на чистку шприцов, то наверное 75 проц. наших простоев упадет на них.

В заметке „О пластинках" газета требует внимательности к пластинкам:

с развернутыми винтами и с невставленными пластинками трудно выполнить взятые на себя обязательства по хозрасчету.

И далее:

подвешиваешь матрицу на корзину—следи за номерами матриц.

Газета выдвигает предложение перед администрацией выдавать ученикам ершики для чистки клавишей, выпустить для учеников орфографический справочник, позаботиться о кипяченой воде. Отсутствие пренебрежения к мелочам, мешающим нормальной работе, наиболее характерно для этой бригадной газеты. Устранением мелочей газета организует бригаду на то, чтобы:

к появлению первой декадной сводки притти с хорошими показателями и выполнить план с превышением.

Газета внимательно проверяет выполнение обязательств, взятых бригадой при переходе на хозрасчет:

При переходе на хозрасчет, -напоминает газета,- мы заключили договор с администрацией. Самое главное—это нам нужно обращать внимание на чистый и правильный набор, а у нас до сих пор этого нет.

Организуя бригаду на борьбу за лучшее знание машины и за досрочное обучение, газета выдвинула интересную форму учебы, печатая своеобразную „Викторину" для закрепления в памяти пройденного курса.

Газета помещает примерно следующие вопросы:

Какие причины недержания линии букв в строке и их устранение. Навесы букв на конце строк, причины их и устранение.

И тут же газета помещает ответы учеников, тем самым проверяя степень их подготовки.

Соседняя бригада комсомольцев машинистов-наборщиков т. Мацовой по примеру „Имени Мартеновки" стала выпускать свою бригадную газету „Хозрасчетник". Бригада переведена на хозрасчет с ноября 1931 г., и большую конкретную помощь в этом оказывает ей бригадная газета.

За первую декаду перехода на хозрасчет бригада перевыполнила задание на 7,7 проц. Отмечая достижения первой декады, газета пишет:

Лукомский превысил обязательства на 15,4 проц. Этот рост должен быть образцом для всей бригады. Сильно отстают Матвеев, Смирнова, Гапопольский, им надо подтянуться, а то бригада не сумеет превысить обязательства. Больше напряжения. Больше внимания, и промфинплан наш будет перевыполнен.

Внутрисоюзные вопросы занимают почетное место в обеих бригадных газетах. Обмен комсомольских билетов, марксистско-ленинская учеба находили свое конкретное отражение в „Хозрасчетнике".

Больше пяти номеров „Хозрасчетника" посвящены обмену комсомольских билетов. Бригада выделила лучших ударников-комсомольцев—тт. Мацову, Матвеева, Максимову, Брагинскую, Лукомского—первыми получить новые билеты.

Газета, готовясь к этой важнейшей политической кампании, мобилизует всю бригаду, каждого комсомольца в отдельности на повышение своей работы, на лучшее выполнение комсомольских обязательств. В № 19 „Хозрасчетника“ газета поместила заметку юнкора Лукомского:

По-большевистски проведем обмен комсомольских билетов.

С какими итогами подходит к обмену комсомольских билетов наша бригада. Основная работа комсомольцев—на производстве. Здесь мы имеем определенные успехи. Задание на ноябрь мы перевыполнили на 13 проц., увеличенное задание на декабрь мы перевыполнили на 2 проц. и вновь увеличенное на январь—на 15 проц.

Среди нас имеются такие, как т. Мацова, которая набирает 6 000 знаков в час, т. е. рекордную норму. Это большие достижения. Общественную работу несут все члены нашей бригады. Брагинская, Матвеев, Мацова члены общефабричного бюро. Лукомский, Митрофанов—групорг. Смирнова военорг. Щеколдин—член физкультбюро. Из нашей бригады черпается почти весь общефабричный комсомольский актив. Это очень показательно. Не совсем благополучно у нас с комсомольской дисциплиной. Митрофанов более полугода назад потерял свой билет, с тех пор он не платит членских взносов и совершенно не заботился о том, чтобы приобрести новый билет. Щеколдин 28 января без достаточно уважительной причины пропустил военные занятия. Смирнова плохо посещает политзанятия. В связи с такими фактами обмен комсомольских билетов необходимо использовать для еще большей организованности и дисциплинированности в наших рядах. Ибо только сплоченными рядами комсомол справится со всеми своими задачами на производстве, учебе и общественной жизни.

Укрепить работу группы, повысить ее роль во всей общественной политическо-производственной работе цеха в связи с обменом билетов—такова основная задача комсомольской организации. Бригадная газета „Имени Мартеновки“ организует проверку работы группы:

У нас, учеников, групорг—Ермолаева. Несмотря на то, что у нас есть план работы на месяц, она до сих пор ничего по плану не сделала, и ее работа в группе не чувствуется. Сейчас Ермолаевой нужно начать работать. Необходимо собрать группу, обсудить работу каждого комсомольца группы, проработать на группе устав комсомола—как мы участвовали в сталинском походе, и работать по росту комсомола.

История „Имени Мартеновки“ коротка. О ней следующим образом рассказывает ее организатор ударник-юнкор т. Шевелевич:

20 декабря юнкоры бригады были на вечере, посвященном десятилетию газеты завода „Серп и молот“—„Мартеновки“. Огромная массовая работа, проводимая „Мартеновкой“ в цехах, произвела впечатление на юнкоров. Юнкоры подхватили инициативу „Мартеновки“ о выпуске ежедневных бригадных газет и 22 декабря в бригаде вышел первый номер нашей бригадной газеты „Имени Мартеновки“. Работу построили так: в бригаде работает 15 чел. Разбили мы их на пары, выбрали редактора газеты, ежедневно одна пара выпускает очередной номер, в промежутках между выпусками собирается материал. Газета пишется от руки на простой бумаге. 4—5 заметок ставят острые вопросы производственной и общественно-политической жизни бригады.

Наша газета пользуется авторитетом и любовью не только всей бригады, но и администрации и других бригад и всех рабочих типографии.

Администрация типографии отмечает огромную организующую роль бригадных газет.

Директор типографии т. Аксельрод говорит:

Бригадные газеты являются действительными борцами за осуществление шести условий т. Сталина, за культурную революцию и овладение техникой. Хочу отметить особые заслуги „Имени Мартеновки", как первой бригадной газеты на нашей фабрике, тем более, что организаторами ее являются комсомольцы-ученики. Заслуги бригадной газеты „Хозрасчетника" заключаются в том, что она выдвигает основные, глубокие вопросы, мимо которых мы еще, к сожалению, проходим, несмотря на их важность.

В бригадные газеты стали писать те, которые прежде никогда не писали в газеты. Вместе с ростом бригадных газет рос и юнкоровский отряд типографии „Красный пролетарий", насчитывающий теперь 150 юнкоров.

Так бригадные газеты типографии „Красный пролетарий" совершают большое дело. Они цементируют бригады, они организуют победу этих бригад.

Октябрьский райком ВКП(б) при обсуждении работы бригадных газет в борьбе за промфинплан подчеркнул успешную работу рабкоров в бригадах ежедневок:

Опыт работы „Хозрасчетника" и „Имени Мартеновки" нужно передать всему району. В каждой бригаде должны быть организованы бригадные газеты.

В шеренгу низовой молодежной печати выступил новый отряд—бригадные молодежные газеты.

Бригадные ежедневники свидетельствуют о неисчерпаемых формах большевистской печати, об ее оперативной перестройке применительно к возросшим задачам социалистического строительства, о массовости юнкоровского движения.

Бригадные газеты, имеющие огромнейший успех, благодаря своей злободневности, конкретности в борьбе за действенность помещаемого материала, являются органической частью ударных бригад.

Рост и укрепление ударных бригад, перевод их на высшую ступень соцсоревнования, переход их на хозрасчет неразрывно связаны с ростом бригадных газет.

Бригадные газеты, освещая ряд комсомольских вопросов, становятся важным орудием комсомольской работы в низовых звеньях союза.

Газеты ударных бригад должны и впредь по-ударному бороться за выполнение и перевыполнение промфинплана, за овладение высотами передовой техники, за внедрение хозрасчета, за проведение сменно-встречного плана, за марксистско-ленинское воспитание новых кадров молодежи, за генеральную линию партии.

Почин передовых ударных бригад, наладивших выпуск своих ежедневных газет, нужно подхватить. Правильное и умелое руководство со стороны комсомольских комитетов—необходимейшее условие для укрепления работы бригадных газет.

Так вырос на фабрике книги „Красный пролетарий" командный состав из членов партии и комсомола.

XXIII. Вперед—к новым победам!

В главе „Типография работает по-новому“ нами было отмечено, с какими упорством и большевистской настойчивостью принялись рабочие типографии за выполнение промфинплана четвертого заключительного года пятилетки. Но, с другой стороны, необходимо здесь же отметить, как типография в целом работала в третьем решающем году нашей первой пятилетки, чтобы еще яснее оттенить, сколько энергии и упорства было проявлено партийной и комсомольской организациями, чтобы переключить сознание рабочих на новые темпы, на работу по-ударному.

Помещаемая таблица это подтверждает.

Выполнение промфинплана за III квартал 1931 г. выразилось следующими цифрами:

Показатели	По плану	Фактич. выполнено	Процент выполнения
Выпуск валовой продукции в неизменных ценах	1 014 399 р.	879019	86,7
Рост производительности труда . . .	145,3%	148,7%	102,3
Снижение себестоимости	10,2%	6,1%	
Средняя часовая оплата 1 рабочего .	66 6 коп.	60,2 коп.	90,4

Цифры эти говорят сами за себя. Необходимо было переключиться—иначе краснопролетарцы могли бы получить по Дзержинскому району переходное... рогожное знамя и даже... закрепить его за собой, тем более, что за весь год работы типография пришла с такими результатами:

1) на 1931 г. промфинплан типографии был дан в неизменных ценах—3 943 469 р.;

2) фактически план был выполнен на 3 715 750 р.;

3) процент выполнения выразился только в 94,2%.

Многотиражная газета „Краснопролетарец“ из пятидневки в пятидневку бьет тревогу, указывая на слабые места, и призывает рабочих к боям за промфинплан, сигнализируя обо всех слабых местах, и через заводскую ВКК в номере от 10 января с. г. констатирует:

Из поданных рабочих предложений в сентябре в проверку коллективного договора ни одно не выполнено. В результате мы имеем, что бригады Петрова и Соломатина и ученическая бригада наб. цеха не переведены на хозрасчет.

План до рабочих не доведен и показатели выполнения плана не доводятся аккуратно до бригад.

За первую половину декабря показатели были вывешены, а за 2-ю и 3-ю декады декабря показателей нет.

Прогулы не изжиты, и на бригадах о прогульщиках вопрос никогда не обсуждался. Рабочие всех цехов предполагают создать производственные товарищеские суды в бригадах над злостными прогульщиками.

Товарищеские суды проводились общезаводские, но они были очень редки, плохо подготавливались, вследствие чего прогульщики часто не являлись на суд. Бригадные же суды будут иметь гораздо большее значение.

Учет простоев не ведется, и неизвестно, по чьей вине они происходят. Например, в брошюр. цеху сломалась машина № 12, акт на поломку машины не составлен, виновник не найден.

Соцсоревнование между бригадами существует только формально, бригады не выполняли взятых на себя обязательств. Внутрибригадное соцсоревнование совершенно отсутствует.

Рабочие не знают об итогах работы цеха на хозрасчете, бригадный хозрасчет существует также формально. Бригадиры заявляют, что они не знают своих обязательств. Бригадир доплату за свою работу получает только тогда, когда он поругается с администрацией.

Планово-производственный сектор завкома должен был давно уже организовать семинар для бригадиров, но до сего времени этого не сделал. А организация семинара необходима, так как бригадиры не умеют вести хорошо учет и не знают всех своих обязанностей.

Брак не учитывается—по чьей вине он происходит; брак учитывается только на основе недостатка тиражей. В виду того, что до сих пор не было в процессе работы выявления брака, не было и борьбы с виновниками брака.

По цехам маш.-наб., в цинкографии и брош.-фальц. маш. обезличка ликвидирована, в печатном же цеху обезличка существует. Например, имеются случаи переброски рабочих с одной машины на другую, также нет прикрепления к рабочим определенного инструмента.

Уравниловка на отдельных процессах еще существует: например, у переплетчика 4-го разряда тарифная ставка выше, чем у наборщика 5-го разряда, чернорабочие тяжелого труда получают столько же, сколько рабочие легкого труда.

Не проводятся научные лекции и производственные. Борьба с алкоголизмом не ведется, нет производственных экскурсий, в течение года были только две экскурсии. Рабочие ночных смен не обслуживаются горячими завтраками в буфете.

„Краснопролетарец" орган ячейки ВКП(б) и заводского комитета призывает:

Дать обязательство колдоговором 1932 г. обеспечить выполнение промфинплана 4-го года пятилетки.

И ему Краснознаменный цех рапортует:

Подводя итоги работ 1931 г. и вступая в 4-й, заключительный год пятилетки, мы, бригада, вставщиков переплетного цеха в количестве 24 чел., рапортуем:

Нами контрольные задания выполнены 25 декабря.

За 4 месяца с момента перехода на хозрасчет бригадой проделана следующая работа:

1) ликвидированы прогулы до нуля; 2) охвачены ликбезом все рабочие бригады, которые должны учиться; 3) по техучебе—на 30 проц.; 4) общественную работу ведут 70 проц. рабочих бригады; 5) изжита обезличка; 6) бригада проявила большую активность в проверке коллективного договора—100 проц. участвовало в проверке колдоговора; 7) бригада дала 20 ценных предложений к новому коллективному договору.

Вступив в последний, заключительный год пятилетки, мы даем свои обязательства:

1) поставить учет хозрасчета на высшую ступень; 2) вести учет брака и активно бороться с ним, доведя его до 0; 3) не допускать простоев в бригаде путем правильной расстановки и использования рабочей силы; 4) охватить политучебой на 100 проц. рабочих; 5) перейти на сменно-встречное планирование.

В день II партийной конференции заверяем треугольник и всех рабочих нашего предприятия, что мы свою бригаду сделаем образцовой бригадой нашего предприятия.

Да здравствует коммунистическая партия и ее вождь тов. Сталин!

Рабочие фабрики, почувствовав, какой позор может лечь на нее, когда делегаты ее встретятся с делегатами других заводов и фабрик на II районной Дзержинской конференции, вносят свои предложения:

1) Все бригады перевести на сдельную оплату труда.

2) В копировочной бригаде рабочих прикрепить к определенным участкам работы с полной ответственностью за выполнение ее.

3) Работы сложного характера выделять в особую группу.

4) Развернуть работу по борьбе с прогулами.

5) Использовать учеников по прямому назначению.

6) Перебрасывать часть технической литературы в цех.

7) Создать цеховой технический кружок.

8) Планово снабжать работой.

9) Исправить вентиляцию и чаще проветривать помещение.

10) Спецпитание должно доставляться во время работы.

11) Выдавать мыло, а не пасту по 600 грамм.

12) При распределении ордеров давать преимущество рабочим, выполняющим промфинплан.

13) Переизбрать члена завкома т. Дорогова в виду его нежелания работать.

14) Озаботиться приобретением театральных билетов.

15) Чаще устраивать лекции.

16) Вести учет брака.

17) Отделу кадров в первую очередь переводить на подсобные работы и для переквалифицирования по специальности рабочих общего отдела, а не брать на фабрику людей от ворот, что наблюдалось до сего времени, а также согласовывать вопрос с администрацией и цехкомитетом о переводе рабочих в первую очередь, как-то: ударников и лиц, хорошо относящихся к работе и не имеющих прогулов и опозданий.

18) Уравнять ставку, зарплату на однородных работах; часто наблюдается, что лица, исполняющие одну и ту же работу и несущие одну и ту же ответственность, получают разные разряды зарплаты.

19) Премировать рабочих и уборщиц общего отдела, как и в цехах, т. е. начислять 30 проц. на зарплату лицам, хорошо относящимся к работе и не имеющим прогулов и опозданий без уважительной причины.

В день открытия конференции комсомольская бригада уже на всю фабрику заявляет:

РАПОРТ ХОЗРАСЧЕТНОЙ МАШИННЫХ НАБОРЩИКОВ.

Хозрасчетная бригада заключила договор в ноябре 1931 г., взяв на себя обязательство повысить производительность на 10 проц.

За ноябрь бригада выполнила свои обязательства на 113 проц. В декабре

мы обязательство против ноября повысили на 10 проц. и выполнили план на 101,8 проц.

Бригада в основу своих обязательств ставит борьбу за коммунистическую организацию труда.

К тем, кто не хочет бороться за темпы, за поднятие производительности труда, кто это не дооценивает, мы применяем жестокие меры.

На январь мы обязались повысить производительность против декабря на 5 проц.

Основная задача—повысить качество набора, допускаемый брак своей корректуры—не более 10 проц.

Бригада на 75 проц. комсомольская, секретарь ячейки цеха—член бригады. Бригада взяла обязательство наравне с цехбюро отвечать за работу ячейки. Активно участвовать в производственно-общественной жизни цеха и предприятия.

Хозрасчетная бригада маш. наборщиков обязывается в день ударника стать ведущей и свое обязательство выполнить.

Наша бригада должна быть и будет первой хозрасчетной по нашей типографии.

Бригада взятое на себя обязательство с честью выполняет и становится ведущей, заслуженно попав на Красную доску.

КРАСНАЯ ДОСКА

Хозрасчетная бригада машинно-наборщиков т. Мацовой за ударную работу в I квартале премирована в 150 руб. Бригада эти деньги передает на постройку самолета «Краснопролетарец».

Энтузиазм и упорство, проявленные этой бригадой, переносятся из цеха в цех, от бригады к бригаде, от одного рабочего к другому, и товарищи по труду, хотя и более молодые, но не менее упорно умеющие бороться за коммунистический труд, за социализм, показывают такие результаты:

ОПЫТ УЧЕНИЧЕСКОГО ХОЗРАСЧЕТА ВСЕМ УЧЕНИЧЕСКИМ БРИГАДАМ

Много пришлось натерпеться мытарств, пока нам удалось доказать, что перевод учеников на хозрасчет возможен и что он даст свои положительные результаты. Как пример из многих хозрасчетных ученических бригад, возьмем бригаду учеников ручного набора, инструктором которой является т. Петров. Бригадир—комсомолка Пелевина. Бригада состоит из 21 чел.

До перехода на хозрасчет бригада обучалась кое-как, не было твердых закрепленных мест, не было нужного инструмента, обезличка царила вовсю, учета работы бригады не было.

С переходом на хозрасчет бригада добилась закрепления за каждым членом бригады определенного места, верстатки, гранок и даже учета. Были выработаны примерные нормы для учеников, обучающихся 3—4 месяца, и учащиеся получили персональные задания. У каждого было рвение дать как можно больше и лучше.

И вот результаты:

За февраль бригада перевыполнила свои задания на 19 проц. Показатели были бы гораздо лучше, если бы некоторые товарищи не дали такого большого минуса. Например, комсомолка Павлова благодаря плохой труддисциплине, не выполнила задание на 21 проц., Иванова—29 проц.

Один из лучших—Тюрин выполнил 183 проц. своего задания. Воронин—172 проц., Алешина—145 проц., Пелевина—133 проц. Список можно было бы продолжить, но и это достаточно красочно рисует картину ученического хозрасчета.

Необходимо отметить еще и то, что ребята за перевыполнение своих показателей получают премиальные. В основном дисциплина в бригаде хорошая, но имеются отдельные рабочие, которые ее подрывают, например, тт. Лямичева, Алешина. На последнем производственном совещании этим ребятам было сделано общественное порицание. Этим товарищам не надо



Ученическая бригада т. Пелевиной (наборный цех), перевыполнившая промфинплан.

забывать, что они комсомольцы и своей работой должны показывать пример.

Прогулов и опозданий бригада не имеет.

Большинство членов бригады активно участвуют в общественной жизни. Одним из крупнейших недостатков, мешающих работать бригаде, является скверная постановка учета. Неоднократны случаи, когда совсем не запишут или запишут, оценив на 50 проц. меньше. Это, во-первых, снижает показатели бригады, а во-вторых—расхолаживает ребят.

Бригада борется не только за количество, но и за качество продукции: организована выставка брака, которая очень подтягивает ребят.

Все эти результаты достигнуты под руководством т. Петрова. Далеко не все инструктора так болеют и бьются за хорошую работу бригады, как т. Петров. Он чутко, по-товарищески, подходит к каждому члену бригады, и ребята за это его очень любят.

Результатом этой работы было то, что 10 чел. лучших из бригады переведены в 3-й разряд.

Необходимо, чтобы ребята еще больше и упорнее преодолевали свои недостатки, борясь за первое место среди ученических бригад.

Опыт работы бригады Пелевиной должны перенять все ученические бригады[1].

Бригада Мацовой, добившись больших результатов, объявляет конкурс на лучшую хозрасчетную и вызывает бригады наборного цеха.

Решения XVII партконференции поставили перед рабочим классом, перед всей нашей страной огромные задачи. Выполнение этих задач должно стать стержнем нашей работы.

Одним из основных решений XVII партконференции является развитие и укрепление хозрасчета, как высшей формы социалистического соревнования.

Профсоюзы в подготовке к IX съезду объявили конкурс на лучшую хозрасчетную бригаду.

Хозрасчетная бригада т. Мацовой считает, что проведение конкурса даст большой результат в укреплении производственной и культурно-массовой работы. Обсудив условия, бригада включается в конкурс на лучшую бригаду и берет на себя следующие обязательства:

1. Бригада обязуется свой встречный план выполнить и перевыполнить. Учет и вывешивание показателей ежедекадно поручается т. Мацовой.

2. Ежедекадно устраивать производственные совещания бригады.

3. Следить за машиной и чистотой рабочего места поручается тов. Лукомскому.

4. Организовать техучебу для повышения квалификации и следить за ее нормальным ходом поручается т. Митрофанову.

5. Постоянное наблюдение и организация доски по качеству работы поручается тт. Мацовой и Брагинской.

6. За 100-процентный охват марксистско-ленинской учебой отвечает т. Брагинская.

7. Организовать в цеху красный уголок для рабочих цеха, в котором ежедневно иллюстрировать путем сигнальных досок события на международной арене и внутреннюю жизнь СССР, т. е. показать наш рост, наши гиганты—показать героику социалистической стройки. В уголке организовать читку газет в обеденный перерыв. Выписать журналы и газеты. Добиться радиустановки для красного уголка и его работу возложить на тт. Щеколдина, Андрианову и Мурашова.

8. Культобслуживание бригады (коллективное посещение театров, экскурсий) возлагается на тт. Щеколдина и Андрианову.

9. За ежедневный выпуск газеты „Хозрасчетник“ и освещение хода к подготовке к съезду и реализации постановления XVII партконференции отвечает т. Шарова.

Бригада обязуется наладить выпуск газеты бригады т. Губина.

10. Учет внутреннего соревнования поручается т. Матвееву.

11. Наблюдение за своевременной уплатой членских взносов возлагается на т. Колычева.

12. Социально-бытовое обслуживание бригады—т. Смирнова.

Мы считаем, что каждая хозрасчетная бригада в подготовке к съезду профсоюзов должна взять на себя задание, улучшающее культурную и производственную работу нашей типографии.

Вызываем на соревнование все бригады наборного цеха.

Но не только молодые товарищи принимают этот вызов и по-ударному дерутся за промфинплан. Старые кадровики не могут отстать от общего поступательного хода социалистического сорев-

[1] «Краснопролетарец» № 19, от 20 апреля.

нования. Они включаются в общее движение и со своим старым производственным опытом и знаниями хотят поделиться с теми, кто идет им на смену.

Тов. Царев, Г. И., через свою же заводскую газету говорит:

Все свои накопленные за 29 лет знания отдаю моей бригаде учеников.

Признаю, что хозяйственно-политическая сторона требует темпов по выполнению промфинплана как в 3-м, решающем году пятилетки, так и во 2-й грандиозной пятилетке.

А поэтому я, с подачей настоящего заявления, считаю себя ударником на производстве.

Все свои накопленные знания за 29 лет по полиграфическому делу отдаю моей бригаде учеников наборного отделения полностью.

Даю настоящее обязательство по выполнению:

1. Намеченную годовую программу по обучению учеников выполнить досрочно, в 9 месяцев, как практически, так и теоретически.

2. Прогулов и опозданий не делать (вообще у меня их и нет).

3. Обязуюсь быть стойким ударником на производстве по выполнению всех мероприятий на фабрике.

4. Обязуюсь помогать и работать как по профсоюзной, так и по производственной линии на фабрике.

5. Быть ударником-пропагандистом среди тт. на фабрике, выполнять задания по тем или иным мероприятиям на фабрике.

6. Подписываюсь дополнительно на заем „3-го, решающего года пятилетки" на 100 руб.

7. Прошу дать мне нагрузку по общественной или профсоюзной линии. Ударником себя считаю со дня подачи заявления.

Хорош тот ударник, который работает на всех фронтах нашего народного хозяйства по-боевому.

Плох тот ударник, который забывает свои основные цели и обязательства по выполнению тех или иных мероприятий на нашем народнохозяйственном фронте.

Тетя Саша (Еремина), стаж 36 лет. Вступила в ряды ВКП (б).

Старые кадровики видят, чувствуют и понимают, что только коммунистическая партия ведет рабочих к окончательному торжеству социализма, и не могут стоять в стороне от этой невиданной еще человечеством грандиозной и все захватывающей стройки и говорят смело, искренне и правдиво:

Призываем лучших ударников последовать нашему примеру!

(Ко всем рабочим и работницам — старым производственникам).

Мы, группа старых производственников, проработав на производстве не один десяток лет, принимая активное участие в социалистическом строительстве, являясь ударниками в последнем году пятилетки, не можем оставаться вне рядов коммунистической партии.

Считаем, что то колоссальное строительство, которое развернуто в нашем Советском Союзе, те гигантские успехи, которые мы имеем в области индустриализации нашей страны,—все эти успехи являются результатом проведения правильной генеральной линии партии на основе широкого участия всего рабочего класса и многомиллионной массы колхозников, неуклонно проводя шесть исторических условий вождя нашей партии и рабочего класса т. Сталина.

Обращаемся ко всем производственникам нашей типографии теснее сомкнуться в стальные ряды коммунистической партии, вступить в ее ряды, последовав нашему примеру.

Иванов, производ. стаж 30 л., Новиков — 10 л., Назаров — 16 л., Акатов — 8 л., Чебышев — 9 л., Межников — 27 л., Ерин — 26 л., Жданова — 29 л., Нелякова — 14 л., Тюкина — 12 л., Червяков — 10 л., Марушкина — 5 л., Еремина — 36 л., Весноватая — 16 л., Жеребина — 19 л.. Скворцов — 20 л., Андреев — 35 л., Алексеев — 36 л., Кольцов — 22 г., Фекина — 12 л.

В результате всей этой комсомольской работы и переключения рабочих на новые методы и темпы работы, к 3-й годовщине социалистического соревнования мы имеем:

180 ударных бригад, охватывающих 1891 ударника (97,5 проц.), причем из них 62 бригады с 627 ударниками соревнующихся между собой и не только выполняющих, но и перевыполняющих промфинплан. Но и это не все. На фабрике к этому дню насчитывалось 77 хозрасчетных бригад с 672 ударниками.

В начале этого года перед краснопролетарцами маячило рогожное знамя. Рабочие встрепенулись. Рабочие не могли принять на себя такого позорного пятна. Партийная организация, комсомольцы, лучшие ударники и старые производственники призвали весь двухтысячный коллектив к четкой работе и к выполнению взятых на себя обязательств. Лучшие производственники включились в хозрасчетные бригады. Лучшие из лучших вступили в ряды Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Работа пошла по-иному. Фабрика зажила здоровой и крепкой производственной жизнью.

Промфинплан за первый квартал перевыполнен и к международному пролетарскому празднику—ко дню 1 мая—в стенах типографии „Красный пролетарий“ взвилось переходное Красное знамя Дзержинского райпрофсовета.

Краснопролетарцы и на этот раз вышли победителями!

XXIV. Москва Советская

Не спит Советская Москва. Спать некогда!

Идет величественная стройка по всему Союзу Советских Социалистических Республик.

Уже закончен фундамент и снимаются леса с подымающегося ввысь здания, здания, равного которому нет пока ни в одной стране мира.

Уже идет наружная облицовка этого здания, которое мы должны завершить в этом—1932 г.

Волей и энтузиазмом всего рабочего класса мы взяли на себя большое и почетное обязательство:

— Даешь пятилетку в четыре года!

И дадим, так как взялись построить и строим социализм в одной шестой части всего мира.

«**СССР—ударная бригада мирового социализма**».

„Москва превращается в достойную столицу пролетарского государства“ [1].

Нет уже старой ухабистой, купеческой Москвы, Москвы Охотного ряда.

На месте Охотного ряда—камня на камне не осталось. Нет совсем уж тех приземистых, во все стороны распустивших свои щупальцы лавок и магазинов братьев Салаевых, Чичкиных, Жадаевых и Леоновых. Не слышно хриплых и шумных органов в трактирах Егоровых и визгливых венских музыкантов в ресторанах Тестовых. Снесены и нет давно на площадях Охотного ряда и Моисеевой, раскорченных, бесстыдно раскрывших свои ворота-пасти, церквей-часовен, что мешали свободному движению по этим площадям. Все это сметено, и по широкой гладкой мостовой бегут, звонками дребезжащие, трамваи, соединяя пригороды и заставы Москвы с центром ее.

А там, по другую сторону Дома Союзов, идет спорая и ладная работа. Это—сносятся последние остатки прожорливого чрева Москвы купеческой.

Пневматические сверла и кайла, впиваясь острыми зубами в обнаженные остовы домов и лавок купеческих, несут по площади монотонно такающий звук все глубже и глубже врезающийся стальной спирали.

— Тук-тук, тук!—гулко разносятся бодрящие звуки сверл, и ветер вместе с этими звуками несет по площади кирпичную пыль старых развалин.

Тверская... Куда девалась эта старая, ухабистая и сонная улица?

Тихо и темно в доме Музея Революции...

[1] Каганович.

Тверская устала. Она как будто немного прикурнула, чтобы через несколько часов зажить опять той же напряженно-кипучей жизнью.

Против Музея Революции, в доме, ярко освещенном даже и в эту ночную пору, идет большая напряженная работа. В этом доме люди в засаленных спецовках с большой вдумчивостью, серьезностью и напряженностью работают у больших и малых машин.

Чуть брезжит утро. Все тише и тише становится в линотипном цеху. Однотонно-ритмичные звуки падающих матриц становятся более отрывистыми и менее быстрыми. То линотиписты, закончив набирать „последние новости", правят „ревизионную" корректуру.

Фрикции, как будто, устали в своем торопливом беге и не так охотно вертятся вокруг своей оси. Верхние элеваторы уж не так часто опускаются и как будто медленнее относят матрицы к транспортерам...

Один за другим выключаются моторы машин и только дежурный линотип сиротливо тянет свою монотонную песнь. В наступившей тишине отчетливей слышатся звуки падающих по каналам магазинов матриц, да разве только звоночек предупредительно-дребезжаще прохрипит перед пуском строки к отливному колесу... Но вот наборщик выправил и последнюю строку, отлил ее—и фрикция, сделав размеренно-точный оборот, добежав до своей начальной точки, немного поколебалась, качнулась и, как маятник, тронутый с места давно не шедших часов, остановилась...

Линотипист закрыл пусковую ручку. Отвернул тиски, выключил мотор и наступила какая-то непривычная тишина.

Наборщики моют руки и, погасив лишние лампочки, направляются к выходу...

Внизу своим чередом идет спорая работа. Там приготовляются последние матрицы последних полос ежедневной большой газеты.

Уже отбиты последние матрицы... Машина заправлена и через мгновенье тишину нарушает быстрый ход пущенной ротационки. Листы свежеотпечатанных газет падают один за другим, здесь же быстро складываются в стопки, стопочки и целые штабеля и через минуту уже ползут вверх по лифту во двор.

Вот и „Новый Амо" нагружен доверху. Машина быстро вылетает на улицу. Она несется вдоль по Тверской, пересекает улицы и переулки, на всем ходу подкатывает к вокзалу—сдает газеты отходящему сейчас поезду.

Еще не вернулась машина с вокзала, а из ворот ярко освещенного дома выбегает другая, за ней—третья, четвертая, пятая и все они, нагруженные доверху еще пахнущими типографской краской газетами, мчатся по московсмим улицам ко всем девяти московским вокзалам.

Газета эта имеет славное, в боях отбитое, а потому и такое дорогое имя.

То газета „Правда“—Центральный орган Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

И так всю ночь бегут машины за машинами от Тверской к вокзалам и от вокзалов к Тверской, чтобы весь пролетариат СССР через большевистскую „Правду“ знал, как живет и работает авангард рабочего класса.

А вот и Страстной монастырь. Впрочем, это так—по-старинке. А по-новому—антирелигиозный музей. Здесь уже не служат молебствий об избавлении от „иноземного“ нашествия и о ниспослании победы над „внутренним“ врагом. Здесь аккуратно сложены те чучела и куклы, которые перед темной и невежественной толпой творили когда-то „чудеса“...

День за днем здесь проходят школьники, пионеры, красноармейцы и колхозники. Экскурсоводы ясно и толково объясняют, как и кем творились эти „чудеса“ и кому было выгодно держать в невежестве народные массы...

Сняты с колокольни колокола, под прикрытием которых „святые отцы“ из пулеметов расстреливали рабочих и крестьян, идущих брать последние твердыни самодержавия. Вот эти-то „чудеса“ и были самыми настоящими: они не воскрешали мертвых, а убивали живых...

Сейчас во весь рост колокольни протянулась световая реклама Автодора. Она зовет участвовать в дорожном строительстве страны.

Бежит, торопится москвич. Ему некогда. Тогда внимание его останавливает стояче-бегущий и бегуще-стоящий на переднем плане рекламы автомобиль, который через равные промежутки дает сигнал-сирену:

— Стой! Прочти. Скоро третья лотерея Автодора. А записался ли ты в Автодор?..—И бесшумно тихо продолжают в своем неумолчном беге вертеться светящиеся колеса.

Влево от монастыря высится серое, высоко-стройное здание. В этом новом, недавно отстроенном, здании помещается типография и редакция газеты „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“. Над входом сверху вниз горят огненно-красные буквы и на них:

„Большевики
должны
овладеть
техникой“... [1]

Как только над Москвой спустятся сумерки и по всему городу зажгутся красные, синие и желтые огни, над этим высоким и стройным зданием, поверх него, несутся вдаль золотисто-огненные буквы светящегося транспоранта. Живые бегут буквы за буквами, слова за словами.

[1] Сталин.

Нанизанные слова эти выбрасываются чьей-то невидимой рукой, пробегают свой коротко-предначертанный путь и исчезают с тем, чтобы дать место другим буквам, другим словам, другим мыслям, бегущим им на смену.

Это—„Известия“ рапортуют пролетариям Москвы о всем том, что делается вокруг них. Они призывают его к четкой работе. Предлагают подписаться на газеты и журналы. Рассказывают, где и как лучше провести свой отдых. Предупреждают о кознях империалистов. Зовут к социалистическому труду и соревнованию. А пуще и чаще всего призывают к зоркости и бдительности, к труду и обороне своей социалистической страны.

А внизу все так же спокойно, властно и внушительно:

«**Большевики**
должны
овладеть
техникой».

День и ночь, как ночь и день, перекатывается у Страстной площади поток людской. Вверх и вниз, вправо и влево торопятся, спешат, бегут и едут к своим фабрикам и заводам сотни и тысячи рабочих и работниц. Это—отдохнувшие пролетарии идут на смену тем, кто, как часовой на вахте, отстоял свое время у станка.

А по гладко облицованной и асфальтом покрытой широкой мостовой, выстроившись в длинную цепочку, мягко скользят советские форды, издающие резко крикливые сирены, и грузно катятся автобусы и грузовики, пугающие прохожих своими неожиданно-шумливыми, переливчато-гудящими рожками.

И не несутся они в бешено-сумасшедшем скаче белых рысаков и троек, обгонявших друг друга. Вытянувшись по линейке, бегут в своем строго размеренном и рассчитанном движении.

Не слышно в морозном воздухе:

— Эге-гей, берегись, раздавлю,—а тихо и бесшумно, но властно через улицу висит светящийся треугольник и на нем:

— 30 километров без обгона!!! —

Всем этим людским потоком, всей этой бесконечно движущейся лентой автомашин и шумных трамваев управляет всего только один человек—человек в оливковой шинели и такой же каске.

Без слов, спокойно и уверенно он заставляет то зеленым, то красным огнем говорить за себя высоко висящему светофору, и вся эта живая движущая лава мгновенно подчиняется:

Красный—стой!
Желтый—готовься!
Зеленый—пошел!

Не спит Советская пролетарская Москва.
Спать некогда!

Если пройти дальше до Петровских ворот, а затем свернуть влево, то попадешь в Каретный ряд. От него—только название одно. Нет здесь больше тех больших мастерских да заведений, что занимали каретнорядские мастера да подмастерья. Еще не так давно по обе стороны стояли ряды фаэтонов, колясок да карет, что готовились для вельмож Урусовых и Салтыковых. Здесь день-деньской гнули ободья да полозья для тех самых карет и саней, на которых так любили разъезжать по улицам московским графы да князья. Здесь не готовят больше причудливых карет с высокими спинками да сиденьями, на которых красовались гербы дворянские. Их, как и с фронтонов домов, сорвала Октябрьская революция.

Сейчас здесь вместительные и светлые стойбища, чтобы впустить тех, которые рапортуют:

Сегодня, 2 апреля, автозавод имени Сталина (б. Амо) выпустил 55 автомобилей.

Проходишь дальше. Пересекаешь Садово-Каретную и попадаешь сразу же на улицу Краснопролетарскую, где вдали маячит одиноко и сиротливо стоящая каланча бывшей Сущевской части.

А вот, и не доходя каланчи, у самого Косого переулка, высится большое, высокое, серое шестиэтажное здание.

Здание это—фабрика книги. Это—типография „Красный пролетарий".

Совсем не так давно улица эта называлась Пименовской. В честь „святого" старца Пимена.

Теперь—это Краснопролетарская. На фабрике книги „Красный пролетарий" сейчас работает больше рабочих, чем Пимен собирал молящихся прихожан в самые большие церковные праздники.

Н. Садовников, С. Рохлин, А. Мондрус

БОРЬБА С ТРОЦКИСТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

Сравнительно поздно—в 1919 году—оформилась партийная ячейка типографии. Но с первых же дней своей работы и по настоящее время она неоднократно демонстрировала свою непримиримую борьбу за чистоту ленинской линии нашей партии, отметая на своем пути правых и „левых" оппортунистов и их агентуру, пытавшихся неоднократно повернуть ячейку на путь борьбы с партией и ее генеральной линией. Основной костяк парторганизации—коммунисты-кадровики—всегда являлись тем ядром, за которым шла вся ячейка, весь коллектив рабочих типографии, той стеной, о которую разбивались все попытки вдохновителей фракционности, групповщины и гнусных методов борьбы с партией.

Серьезнейший политический экзамен ячейка держала в 1924 году в борьбе с троцкистами, которые в то время сумели занять ряд стратегических пунктов в типографии на хозяйственном и на идеологическом фронтах.

Борьбу эту, молодой еще, немногочисленной организации, пришлось вести сейчас же после решительной победы над остатками меньшевизма, когда-то крепко сидевшего в типографии (и в завкоме, и в заводоуправлении). Только в 1923 году, в результате упорной массовой работы ячейки, рабочие под руководством своей партийной организации разбили желтый завком во главе с меньшевиком Васильевым, избрав большевистский завком с предзавкомом Бариновым во главе.

Вдохновителями троцкистских настроений явились „пришлые" люди. В 1923 году прикрепленные для руководства кружками партпросвещения в ячейке тт. Бонеско, Михайлов, Коссаковский оказались, как выяснилось впоследствии, хорошо замаскированными идейными „вождями" троцкизма, хотя сами они всегда оставались в стороне, как скромные пропагандисты. Эта тройка пропагандистов, не рискуя открыто в своих кружках прививать рабочим-коммунистам троцкистские идеи, нашла более целесообразным в интересах своей антипартийной работы направить огонь против партии по линии

злободневных вопросов. Непосредственным же орудием, „рабочей силой“ троцкизма, были в основном два хозяйственника типографии: Фишелев—вначале зам. директора, позднее—директор, Громов—зав. цинкографией, впоследствии заместитель Фишелева. Их-то и использовало „руководство“, всемерно придерживаясь такой тактики:

— „Мы, мол, „не свои“, далекие от рабочей массы люди, нам не суметь так подойти к ним, чтобы вести за собой против линии ЦК, поэтому наша роль—роль незаметных подрывников, сеющих сомнения в головах в процессе хода учебы. Вам же, повседневно связанным с рабочими, известны те струны, на которых можно сыграть в целях вербовки новых сторонников троцкизма и создания „недовольных“.

Так и работали: „верхушка“—в тени, накрепко захватив в свои руки нити направления, исполнители—на виду, принимая на себя все удары, направленные против раскольников. Много пользы своей фракции принес в частности Фишелев, работая вместе с себе подобными в Комиссии по проведению тарифной реформы. Многими написанными и протащенными ими формулировочками обусловилась впоследствии необходимость больших переделок этих документов Губотделом союза печатников.

Особенно сильная борьба разгорелась в ячейке незадолго до окончания дискуссии, перед партийными конференциями, подводившими итоги дискуссии и на-голову разбившими троцкистов и „иже с ними“.

Бурно проходило последнее дискуссионное партсобрание. Многих колеблющихся сумели повести за собой троцкисты. „Свихнулся“ новый предзавком Баринов и недавно посланный на учебу активист Пасхин.

Дело дошло до того, что в составе избранных на райпартконференцию Красной Пресни делегатов оказалась половина троцкистов. Предложенная собранию от имени бюро резолюция, одобряющая политику ЦК и обещающая ему полную поддержку ячейки, после внесенных Бонеско, Пасхиным и др. „поправочек“, особенно после „окончательного редактирования“ их силами, превратилась в примиренческую.

Районная партконференция положила конец разногласиям, подавляющим большинством высказавшись против нарушителей единства партии, за безоговорочное проведение ее линии. Несмотря на выдвинутую троцкистами на райконференции „тяжелую артиллерию“—Рафаила, Преображенского, все, сбитые до этого с партийного пути, краснопролетарцы осознали свои ошибки, подчинились безоговорочно решениям партии и делегация „Красного пролетария“ вернулась с конференции, твердо и единодушно стоя на партийных позициях.

Единственно непоколебимыми „генералами без армии“ остались, кроме „пришлых“, Фишелев и Громов, рискнувшие еще на одну попытку потянуть ячейку за собой. На ближайшем партсобрании, где с докладами выступил т. Бройдо (вскоре за этим зав. ГИЗом),

прения показали, что ячейка подавляющим большинством разделяет политику партии. Выступившие товарищи внесли ряд конкретных предложений по реализации партийных решений в типографии. Единственное исключение составляли тт. Громов и Фишелев, выступавшие со старой немного подлатанной программой, с прежними положениями.

Партсобрание дало достаточный отпор троцкистам устами еще вчерашних их соратников, во-время занявших партийные позиции, и так крепко ответило на их новую попытку внести разложение, что даже и сами „вожди“—Бонеско, Михайлов, присутствовавшие на собрании, не посмели и пикнуть в помощь своим активистам.

Уже без всякой надежды на успех, „в доску“ растерянный, читал Громов свои „поправки“ к резолюции, поправки, сводящие ее на-нет. И едким смехом собрания, и ироническими репликами были встречены две руки—Фишелева и Громова—поднявшиеся за эти поправки.

Идейно окрепла в этой борьбе с троцкизмом ячейка большевиков типографии. Настолько окрепла, что при новой атаке троцкистов на партию в 1927 году, в дни каменевско-зиновьевского блока с Троцким—ни одного сколько-нибудь авторитетного коммуниста не могла найти новая оппозиция в рядах краснопролетарцев. Место разбитых в свое время Фишелева, Громова, Бонеско, к этому времени уже не работавших в типографии, заняли другие, но их тоже были жалкие единицы. Канатчиков, Зеленов пытаются „работать“ на пользу старым идейкам в новых обложках. Но „Красный пролетарий“—не маленькая единица на Красной Пресне, район, на который особое внимание обратила оппозиция, пытаясь всеми средствами превратить Красную Пресню—цитадель большевизма—в свою основную базу по борьбе с партией. Поэтому, сорвавшись на коммунистах-краснопролетарцах, вожаки оппозиции поставили свою основную ставку на молодежь, начав искать почву для борьбы с партией в комсомоле типографии.

Почва нашлась. Присланный незадолго до этого для усиления комсомольской работы бывший секретарь ячейки комсомола ЦДКВРТ т. Рядовой имел все основания быть недовольным, так как он не оказался среди избранного комсомольской ячейкой нового руководства: комсомольцы доверили руководство ячейкой кадровому молодняку типографии, проверенному неоднократно в борьбе за линию партии. Нашлись и другие—Хейфец, Вайнштейн, лишь в 1924 году пришедшие на производство учиться, также неудовлетворенные своим положением „рядовых“, и, наконец, Казак—без пяти минут производственница, бывший технический секретарь ячейки комсомола, недавно со школьной скамьи, не нюхавшая производства, и др. колеблющиеся комсомольцы.—В. Васильева, Науман. В общем, вся эта „группа ребят“—вот „надежная“ опора для развертывания борьбы против партии.

Демагогические лозунги комсомольской оппозиции, навеянные „старшими товарищами“ тех времен, памятны: „комсомол перерождается, руководство оторвалось от масс“, „изменило интересам рабочей молодежи“, „не борется за увеличение брони и зарплаты подростков“, „растет безработица среди молодежи, ухудшается ее положение“ и пр. Однако, эти выкрики их не находили поддержки в комсомоле и в среде беспартийной рабочей молодежи.

Методы борьбы комсомольских оппозиционеров не отличались от общепринятых троцкистских: побольше принести вреда организации по мелочам, вносить раздор в ее ряды, дезорганизовать соцстроительство. Как поймают—от всего отрекайся, докажут вину—„чистосердечно“ раскаивайся, клянись и снова начинай вредить.

Основные формы борьбы были—взломать ящик стола в ячейке, утащить секретные документы, потом козырять ими, развесить побольше листовок, повесить на двери ячейки портрет ренегата Троцкого с надписью: „да здравствует мировой вождь“, разбросать побольше прокламаций.

С поличным комсомольцы-троцкисты попались при попытке завербовать нового члена организации—комсомольца Чуланова, который довел до сведения бюро ячейки о нелегальных собраниях группы Рядового—Хейфеца, об их подрывной работе, бытовом разложении, выразившемся в попойках на квартире и пр.

Конечно, Рядовой, Хейфец, Казак и другие от всего отрекались: „и никакого Чуланова мы не видели и не собирались—это клевета“, но втереть очки им уже не удалось. Комсомольское собрание, разбиравшее заявление Чуланова, окончательно разоблачило фракционеров, приперло их к стене фактами и их единодушно выкинули из организации, как врагов партии. Последовательные в своей борьбе с партией, Хейфец и Казак логикой фракционной борьбы докатились до прямой контрреволюционной работы вкупе со своим товарищем, литографом меньшевиком Петровым. Последний бой перед своей политической смертью они попытались дать на рабочем собрании при обсуждении нового колдоговора, пустив в ход одно из самых грязных орудий своего арсенала—против введения 7-часового дня. Однако, и это выступление, как и другие, не нашло никакой поддержки в рабочем коллективе типографии. Еще раз краснопролетарцы доказали свою преданность партии, готовность защищать ее генеральную линию.

Октябрьская демонстрация 1927 года—демонстрация неизмеримо выросшей мощи молодого десятилетнего СССР—была триумфом генеральной линии партии. Никогда и нигде не выступали так яростно находившиеся при последнем издыхании огрызки оппозиции с самими Троцким, Каменевым, Зиновьевым во главе и никогда еще так дружно и по-рабочему крепко не отвечала им революционная рабочая Москва. Колонна краснопролетарцев, собравшая всех рабочих типографии, являлась неотделимой частью рабочего класса Крас-

ной Москвы, шедшего под знаменами партии, безжалостно раздавившей всех, пытавшихся повернуть Союз советов назад, к капитализму.

Група троцкиствующих комсомольцев была последней оформленной фракцией против генеральной линии партии в типографии. С ними умер в типографии организованный троцкизм, окончательно разоблачивший свою контрреволюционную сущность.

Беспощадно борясь с троцкизмом, ячейка „Красного пролетария“ не переставала бороться и против главной опасности на данном этапе—с правым оппортунизмом, нашедшим своих отдельных последователей в среде наиболее отсталых элементов типографии, отражавших настроение обновившегося состава рабочих типографии за счет деревни в лице Петрухина, Разнова, Рябцева и др., не понявших характера нашего производства, необходимости боевых темпов социалистического строительства и развернутого наступления по всему фронту. Имевшие место отдельные правые выступления всегда получали своевременный отпор всех рабочих типографии под руководством партийной ячейки.

К XV годовщине Октября ячейка типографии „Красный пролетарий“ пришла, имея на руках неопровержимые доказательства безоговорочной поддержки 2-тысячным коллективом рабочих намеченных партией путей и темпов строительства социализма. Это является залогом, что всякая попытка с чьей бы то ни было стороны поколебать стальное единство партии—неминуемо вдребезги разобьется о наш сплоченный коллектив, уверенный в победе коммунизма.

В. Н. Орлов

СОРОК ЛЕТ

ОТ АВТОРА

Приступая к описанию „Типо-литографии И. Н. Кушнерев и К°“, я руководствуюсь только своими личными воспоминаниями, которые зафиксировались в памяти с момента моего поступления на фабрику—5 ноября 1888 г.,—в качестве ученика-гравера литографии, где и продолжаю работать до сего времени, без перерывов.

Это описание—не история фабрики. Это, так сказать, эскизы и наброски, которые, в соединении с описаниями других товарищей по истории фабрики, помогут восстановить полную картину как основания, прогресса, так и бытовых условий такого гиганта, как „3-я фабрика книги ОГИЗа „Красный пролетарий“.

Прошу не сетовать на меня за все нижеописанное. Может быть, у меня не тот слог, не то освещение вошедших сюда событий и прочие шероховатости. Не обладая литературными познаниями, пишу, как могу.

I. «Троица»

„Хозяин“—Иван Николаевич, как его называли на фабрике—был тучным мужчиной. От толщины своей он казался невысоким. Характером он был сангвиник: любил похохотать и пошутить.

Кто он был—сказать затрудняюсь. Скорее всего помещик-крепостник, потомственный дворянин; имел герб-чин статского советника и три ордена.

Относился ко всем хозяйственно-строго, но с добродушием. Всем говорил „ты“, не считаясь с занимаемой должностью. Единственным исключением—был зав. литографией Л. Г. Танни, к которому обращался на „вы“.

Но если в отделении этого Танни случались какие-нибудь неполадки, то являлся хозяин прямо в граверную, садился против Танни и происходил диалог:

— Ты, что же это, батюшка Танни, меня подводишь?—и говорилось это с какой-то иронией, свойственной ее обладателю.

— А чем я вас подвожу, Иван Николаевич?—говорит баском заведующий Танни.

— Чем, чем?—волнуется хозяин.—Я получил письмо лично от самого заказчика. Он пишет мне, что его главный управляющий докладывал ему о задержке ярлыков для Сибири. А ты знаешь, что из этого может произойти?—перехватят заказ конкуренты и литография лишится ценного заказчика.

— Ведь, ты же сам говорил, когда делал смету,—продолжал, после некоторого раздумья, хозяин,—что заказ выгодный, а тем более, что и платят-то наличными.

— А чем я тут виноват?—бубнит Танни.—Вы, Иван Николаевич, поговорите с экспедитором—может быть, у них какая-нибудь задержка на железных дорогах или в пути. У меня же все идет ладно.

— „Ладно", „ладно",—выводит фальцетом Иван Николаевич.—У вас все „ладно". Вам всем и жалованье плати, и работы найди, и пайщикам дивиденд дай побольше. Все я, да я, а вы и помочь хозяину не хотите. Ну, уж так и быть—если экспедитор виноват, задам же я ему „феферу!"

Да, дивиденд пайщикам в то время ставился в основу всего, и прежде всего!

А все-таки Кушнерев предвидел: заказчика от нас „увели". Стали печатать этикетки по всем городам, ближе к Сибири. Но ярлыки выпускали ниже всякой критики.

Кстати нужно заметить, что ярлыки эти были крайней „необходимостью": это были этикетки на водку, и владельцем винных заводов был Поклевский-Козелл, состоя в то же время не то посланником, не то советником посольства на Балканах.

Еще характерный случай: отпечатаны были визитные карточки для генерала, командующего Московским военным округом. Генерал карточек от рассыльного не принял и прислал обратно с запиской на имя Ивана Николаевича, что, де, карточки никуда негодные. Расследовали дело. Оказывается, что карточки отпечатаны „на ять": гравировка первоклассная, бристоль—лучший, заграничный. В чем же дело?

А в том, что каждую сотню карточек забандеровали в полоску белой бумаги и завязали в одну пачку.

Получив обратно карточки, Иван Николаевич отдал приказ сделать изящные коробки на каждую сотню карточек; затем их завязали особой ленточкой. На другой день Иван Николаевич в карете, на паре вороных, поехал сам с этими карточками к генералу. Генерал был в восторге:

— Вот это я понимаю: исполнение как в Париже.

А Иван Николаевич ему и поддакивает:

— Да, ваше высокопревосходительство, без хозяйского глаза никак невозможно: чуть не досмотрел—тебя и подведут.

Вот некоторые общие черты владельца и основателя нашей фабрики.

„Правая рука „хозяина“—директор-распорядитель, Андрей Васильевич Васильев. Человек внушительной наружности и спец типографского дела. Из пролетария-наборщика достиг высшей ступени иерархической лестницы того времени. Не только сам Кушнерев доверял ему во всем, но и другие пайщики, благодаря чему он и был избран директором-распорядителем „Высочайше утвержденного Т-ва печатного, издательского дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°“.

К описываемому мною времени Васильев уже обладал капитальцем и, как директор, был пайщиком Т-ва. Но с Андрей Васильевичем случился грех. Он был командирован за границу для осмотра и закупки машин. Прибыла из Германии большая ротационка для печатания газеты „Новости дня“. Вместе с машиной приехал для установки ее мастер-специалист. Установили машину и начали работать. Все шло как будто хорошо. Но оказалось не совсем „хорошо“. Из-за границы приехало некое лицо и предложило Т-ву приобрести такую же самую машину, но за половинную сумму (а за машинку-то было заплачено что-то тысяч тридцать пять!). Среди пайщиков произошел переполох, и Андрею Васильевичу пришлось уйти, или, как говорится сейчас, „его ушли“. Он перешел к И. Д. Сытину. В то время Кушнерева уже не было в живых. И новое правление Т-ва распорядилось убрать портрет Васильева из кабинета правления (портреты Ивана Николаевича Кушнерева и А. Васильева висели рядом на стене—„в назидание потомству“, как основателей фабрики). Портрет-то убрали, да не туда, куда следует, а прямо на чердак—в 3-й этаж, к трубе. Узнав о таком „кощунстве“, Андрей Васильевич явился в правление Т-ва для „разговора“ со вновь назначенным вторым директором Иваном Дмитриевичем Петровым (при Васильеве Петров был только бухгалтером). Какой там происходил между ними разговор—покрыто мраком неизвестности, но портрет с „почетного места“—с чердака—был снят и увезен присланным за ним человеком. С тех пор Андрей Васильевич как будто и не бывал больше на фабрике.

Увидел я его еще в стенах нашей типографии в 1921—22 гг. Он сидел за столом калькулятора в правлении „Мосполиграфа“, которое помещалось в то время в главной фабричной конторе. Это был уже как лунь седой, высокий старик.

„Левая рука“—Иван Дмитриевич Петров, бухгалтер Т-ва. Поступил он к Кушнереву простым конторщиком. Взят был на военную службу, дослужился до старшего писаря с золотым басоном на погоне, но связь с фабрикой не порывал. Приходил в свободное время в контору, зарывался в гроссбухи, чем услужил „хозяину“. и произведен был в бухгалтера. Средне упитанная фигура, среднего роста. Скромно, чисто одет. Говорит с прибавкой „с“.

— Надо-с повременить-с. Так-с будет лучше-с. А как конкуренты-с?—Все это произносится мягким тенорком.

Этот человек был ярым консерватором. Он превзошел бы теперешних английских Джон-Хигсов и им подобных. Все начинания, касающиеся развития фабрики, требовавшие денежных затрат, встречали в лице его трудно преодолимые препятствия.

На собрании пайщиков, которые происходили ежегодно в марте месяце, жонглируя цифрами, умел убедить, что все начинания грозят понижением дивиденда и даже крахом Т-ва, если будут введены новшества, влекущие за собой расходы.

Когда он утвердился вторым директором, все же остался тем же бухгалтером. Присяжный бухгалтер должен был выполнять только те задания, которые давались Иваном Дмитриевичем. За неисполнение—„в большой зал“, что означало на улицу. Отчеты им составлялись так, что комар носу не подточит. По официальным отчетам дивиденд как будто назначался нормальный по уставу Т-ва. Но выдавали чуть ли еще не столько же из остатков „прошлого“. Мелкие пайщики превозносили его за такую „благодать“, и их голоса были для Ивана Дмитриевича опорой в борьбе с новаторами. Вся корреспонденция неукоснительно просматривалась им самим и ставился на ней специальный штемпель фабрики с датой. Этот штемпель находился у него на запоре. Все счета, оплачиваемые кассой Т-ва, тоже подвергались тому же штемпелеванию. Без него—смерть.

Память у Ивана Дмитриевича была изумительная. Прочитанная и заштемпелеванная бумага заносилась в регистратуру и передавалась по назначению: зав. типографией, литографией, переплетной или кому-либо другому. По миновании надобности сдавалась в архив и даже через несколько лет ее можно было легко найти на месте. Если на бумажку требовался письменный ответ, то производилась та же процедура. Иван Дмитриевич прочитывал ответ, если нужно было, поправлял; потом копировался ответ в книгу писем и отсылался. Если письменного ответа не нужно было, то делался ему личный доклад тем лицом, кого это дело касалось. Надо отдать справедливость—это был мозговой аппарат фабрики.

С цеховыми рабочими Иван Дмитриевич никакой увязки не имел. Если рабочие пробовали зачем либо обращаться к нему, ответ бывал следующий:

— Это-с, господа, не в моем-с ведении. Вы обратитесь к директору-распорядителю, а я-с—только по бухгалтерии.

Этим он ограждал себя от всевозможных казусов и ответственности, сваливая все на других. По фабрике его прозвали „Ванька-Каин“.

В 1916 г. Ивану Дмитриевичу устроили юбилей по поводу его сорокалетнего пребывания на фабрике. В контору прибыл хор певчих, попы от Пимена. Служили молебен с многолетием. Говорили краткие речи, а затем члены правления интимным кружком с несколькими избранными поехали обедать в ресторан „Метрополь“. На „торжестве“ присутствовали и рабочие, но вели они себя сдержанно-пассивно.

Продержался Иван Дмитриевич на фабрике до осени 1919 г., когда его уже окончательно „ушли“ и стены фабрики его больше не видели. Ходили слухи среди рабочих, что он своим „благочестием“ сумел сколотить тысченок двести „с гаком“ за свое пребывание на фабрике до Октября. Умер Иван Дмитриевич вскоре после его „ликвидации“.

II. Основание фирмы «И. Н. Кушнерев»

Официальная дата основания фирмы числится с 1869 г. Когда построено было первое каменное здание—мне неизвестно. В 1888 г.—год моего поступления—фабрика занимала площадь по Пименовской улице приблизительно протяжением в 55 метров с угла Пименовской, по 2-му Щемиловскому переулку—метров 45 и заворачивала по 1-му Щемиловскому переулку метров на 50. Четвертая сторона—северная—примыкала к частному владению, состоящему из малых деревянных домов, и была протяжением шире. Можно считать занимаемый участок в 1888 г. в 2 000—2 500 кв. метров. По Пименовской же улице, рядом с кирпичным корпусом, вплотную был деревянный 2-этажный домик, за ним еще меньше в два этажа домик в 5 окон. Это—квартира „самого“ Ивана Николаевича Кушнерева. А за каменным корпусом по 2-му Щемиловскому переулку примыкал вплотную двухэтажный деревянный домик. В этом домике были квартиры Ивана Дмитриевича Петрова и заведующего типографией Федора Абрамовича Захарикова. Здесь же проживал управляющий всеми зданиями Ф. А. Толь (по настоящему времени—комендант). Дальше по первому Щемиловскому переулку помещались конюшня, сарай, материальные и бумажные склады. К дому же примыкало 2-этажное здание фасадов во двор. Здесь помещались кухня и спальни для учеников.

При входе в ворота, с Пименовской ул., направо находился маленький садик с громадной вековой липой. Под липой была беседочка, обвитая плющем. Это был сторожевой пост. Летом Иван Николаевич любил в этой беседке посидеть.

Утром, до 7 час., он „кушал“ чай; в обеденное время, должно быть, завтракал—здесь же. Идущие в корпус на работу проходили мимо беседки и раскланивались с хозяином. Если кто опаздывал и Иван Николаевич хотел поговорить, то окрикивал проходящего:

— Эй! как тебя там? Что идешь, плохо ногами двигаешь, третий сон что ль никак не вспомнишь?

— Да, я, Иван Николаевич, задержался малость по хозяйству.

— То-то, по хозяйству! Хозяин у тебя один—я, и должен ты хозяйское время соблюдать, а свои дела, когда пошабашишь, делать. Ну, ступай, ступай—сейчас последний гудок будет!

Если это было в обеденный перерыв, то Иван Николаевич кричал вдогонку:

— Эй, эй! Жесткая говядина что ль попалась,—что во время не успел пообедать?

Посредине двора находилась котельная, примыкавшая к каменному корпусу: низкое каменное здание, дававшее движение трансмиссиям и отоплявшее фабрику паро-водяным способом.

Вот общий вид фабрики 1888—89 гг.

III. Расположение отделений (цехов)

В первом этаже каменного корпуса помещался машинно-печатный цех типографии; во втором—граверная; за граверным—переводное отделение и литографские печатные машины. Наборное отделение занимало угол Пименовской и 2-го Щемиловского переулка. В третьем этаже—переплетное и брошюровочное отделения. В первом этаже деревянного флигеля, с парадным ходом по Пименовской, находилось правление и наборная, во втором этаже—контора. Из фабричного корпуса были двери в деревянный флигель как на первый, так и во второй этаж.

В описываемое мною время был сильный подъем в печатном и издательском мире. Фирма Кушнерев приступила к художественным изданиям: готовились ко Всемирной Парижской выставке 1889 г. Литографией были отпечатаны два альбома: „Копии с картин русских художников из Третьяковской галлереи".

Типография также выпустила роскошное издание Лермонтова с иллюстрациями (исполненных фототипией) лучших художников того времени: Васнецова, Шишкина, Врубеля и др. Васнецов дал „Купца Калашникова", Шишкин—„На Севере диком стоит одиноко сосна", Врубель—„Демона". Сам Иван Николаевич ездил к художникам и их упрашивал.

Заявляется Иван Николаевич в граверную и говорит заведующему литографией:

— Вот, батюшка, Людвиг Густавович, был я у Шишкина. Так и так, говорю, дайте нам чего-нибудь для Лермонтова, а он—ни в какую. Времени, говорит, не имею.

— Но меня не проведешь. Хе, хе! Я, значит, кладу на стол пять радужных и говорю: ну, уж, дорогой, выберите времячко, дайте чего-нибудь. Как, такой великий художник,—и его произведение не будет в издании! Польстил, польстил я его, батюшка, ну, и обещал нарисовать.

Кстати, спустя много времени, когда уже и все издание Лермонтова было продано, явился какой-то „тип" в правление и Петров продал ему все оригиналы иллюстраций за какие-то гроши. Кто-то, видно из пайщиков, намекнул Ивану Дмитриевичу, что это, мол, зря сделано.

Петров оправдывался:

— Лежат-с без движения, мертвый капитал-с, а тут все-таки деньги!

Так относился к произведениям искусства человек цифры и рубля.

IV. Парижская всемирная выставка 1889 г.

Витрина с экспонатами для выставки представляла собой громадный дубовый не то буфет, не то оркестрион. Вернее всего—оркестрион, который можно было видеть в то время в русских трактирах и ресторанах. Куплена она была у фабриканта Шмидта. Вся беда в том, что ее надо было ставить к стене. А на выставке оказалось место для нее посредине. Тыл витрины был гол и это портило впечатление. В верхней части витрины было окошко (там, должно быть, помещался в оркестрионе барабан), средина его (там, где трубы)—широкая и высокая, а низ (там, где валы)—узкий по высоте. С боков шли покатые отлогости: ан-фас—слева и справа.

Средину витрины убрали литографскими работами, картинами, этикетами и пр. Внизу поместили книги в переплетах. Вверху к окошку приделали щит, на котором был изображен двуглавый орел, склеенный из всевозможных литографских этикеток в подбор разных цветов и оттенков. Я расклеивал этого орла, за что получил в награду десять рублей. Витрину убирал Лашкевич, помогал ему я. Приходили давать „советы“ и сам Иван Николаевич, Васильев и др. Переделывали орла десятки раз.

Порешив окончательный план раскладки, запаковали все в ящики и увезли в Париж. Жюри выставки присудило за переплетные работы большую серебряную, за типографские работы—малую серебряную и за литографские—большую бронзовую медаль.

Иван Николаевич остался недоволен—хотел золотую.

V. Вторая реконструкция фабрики

Обзаведясь медалями и расширив свой основной капитал привлечением новых пайщиков, правление снесло деревянный флигель, уничтожило садик с вековой липой у ворот и стало строить продолжение каменного корпуса по Пименовской улице вплоть до домика Ивана Николаевича.

В 1892 г. был готов трехэтажный новый корпус с мезонином „нашлепкой“ посредине, наверху четвертого этажа, в котором находилась фототипия (светопечати).

Граверную переместили по линии Пименовской окнами на улицу. Переводное отделение по этой же линии—окнами во двор. Литографские машины—в нижний этаж. Правление и контора заняли угольное помещение во втором этаже (Пименовская и 2-й Щемиловский пер.). Парадный ход—„антрэ“—посредине корпуса, с Пименовской.

У входа—старик швейцар. Шикарная лестница, ковры, зеркала в приемной при входе в контору. Для знати и почетных заказчиков—вешалка налево с услугами швейцара; для мелкой сошки—направо с самообслуживанием.

Глубокой осенью шел рыхлый снег. Мне необходимо было явиться в контору и предстать перед очами самого Ивана Дмитриевича Петрова. Прочитав все положенные на сей случай молитвы, вплоть до псалма „Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его", я проскользнул узким коридором из граверной в примыкавшую к ней контору. Перед тем, как войти в контору, свернул направо в приемную, посмотреть в зеркало—все ли в порядке. В приемной на диванчике сидел представительный старец, с седой длинной бородой, а у зеркала наводил фасон высокий конторщик.

— Вы что, Орлов?—спросил меня конторщик.

— Да за этим же делом, что и вы—иду к Ивану Дмитриевичу.

— Ой, не ходите—сердитый!—повернулся и ушел.

Взглянул я в зеркало, посмотрел через него на старика. Сидит старец спокойно. И кто же? Лев Николаевич Толстой—в валенках, в тулупчике—снежком обсыпан.

— Извиняюсь!—обратился я к нему,—вы не Лев Николаевич Толстой?

— Я самый,—последовал ответ.

— Вы ждете кого, Лев Николаевич?—задал я вопрос.

— Да, вот видите, молодой человек, мне нужно видеть директора Андрея Васильевича. Снизу швейцар послал меня сюда, наверх, а тот, что был здесь перед вами, сказал, чтобы я обождал здесь. Вот и жду.

Я стремглав бросился через контору в правление и у самой двери столкнулся с Васильевым. Объяснил ему, в чем дело, и Андрей Васильевич рысью в приемную.

К Ивану Дмитриевичу я не пошел (и к лучшему!), так как увидел, что Васильев ведет под руку Льва Николаевича в кабинет правления.

— Спасибо вам,—услышал я вдогонку от Льва Николаевича.

Объяснилось уже после все это тем, что швейцар не знал Льва Николаевича и послал его наверх. Не узнал его и конторщик у зеркала. На вопрос Льва Николаевича:

— Как бы повидать директора?—был ответ:

— Ну, куда, прешь в грязных валенках—тут полы паркетные. Подождал бы внизу. Андрей Васильевич скоро уезжает—там бы с ним и поговорил, что тебе нужно.

Васильев никуда и не думал уезжать. Немедленно были приняты меры разыскать отлучившегося куда-то самого Кушнерева, и они перешли из правления в квартиру Кушнерева (она имела непосредственное сообщение с фабричным новым корпусом).

После этого свидания фабрика стала печатать полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого. После смерти великого писателя жена его, Софья Андреевна, продолжала у нас же издавать произведения Л. Н. Толстого.

VI. Промышленная выставка в Казани 1892 г.

Фирма Кушнерева приняла участие и на этой выставке. Витрина была двинута та же, что была в Париже, но награда была высшая—почетный диплом (экспонаты, конечно, были новейшей печати). Эта выставка ознакомила купеческое Поволжье с нашей работой.

VII. Всероссийская художественно-промышленная выставка в Нижнем-Новгороде 1896 г.

К этому времени фабрика дошла до своего зенита. Все было поставлено образцово. Продукция всех цехов была безукоризненна. И жюри выставки присудило орла. „Орла" присуждали за качество продукции, но давали „орла", как поставщику „двора его величества". Как, например, винный заводчик Петр Смирнов, или русский трактир-ресторан Тестова, из которых первый поставил ко двору Александра III бутылку особенной водки, а второй—пирог растегай и какие-то щи „сверх-суточные",—пользовались правом ставить „орла" и под ним: „Поставщик их величества".

После выставки по всему фасаду фабрики по Пименовской ул. повесили громадную вывеску с „орлом" и со всеми регалиями, полученными на разных выставках. Проходящий народ глядел и читал. Местные обыватели рассуждали:

„Каковы „кушнари",—не все видно на антронах в орлянку играть, да в пивной плясать, они—нинь, ведь, и орла заработали".

И с правлением произошло нечто неожиданное. Оно ассигновало крупную сумму „на вспрыски" такой награды.

Контору и правление очистили от всех столов и конторок. Кухмистер Будрин (это заведение помещалось в доме, где сейчас наш клуб „Рот фронт", и отдавалось под свадебные балы и поминальные обеды) привез посуду, столики, расставил лакеев—целую роту. Питье доставил один из заказчиков, на которого работала литография: этикетки на бутылки и плакаты-рекламы. Петров рассудил по-хозяйски: кухмистер поставит вино похуже и возьмет дороже, да еще наличными. А заказчик не захочет ударить лицом в грязь—доставит лучшего качества и на сумму, какую ему вздумается. Остальное вино назад возьмет. И деньги ему не платить наличными:

— Он нам счет за вино, а мы ему контр-счет за этикеты.

В кабинет правления были приглашены заказчики, пайщики и почетные гости. В конторе уместились служащие и мастера. Не хватило места только подручным и ученикам (тогда еще пионеров

и комсомола не было!). Все было чинно и торжественно. Но когда разъехались почетные гости, веселье достигло своего апогея: запели оптом, появилась гармошка, и сам директор Васильев со старшим слесарем (монтером) пустились вприсядку. Бал был до позднего вечера.

VIII. Третья реконструкция фабрики

В 1900 г. снесли все деревянные постройки с угла 2-го Щемиловского и 1-го Щемиловского переулков. Стали возводить новый четырехэтажный корпус. Перед империалистической войной его надстроили двумя этажами. Устроили опять генеральную переброску. Во время такой суматохи дело как будто стало расклеиваться. Умер зав. литографией Танни. В литографии наступили „смутные времена". Появилось два зава: один—старый литографский „волк" Знаменский (при моем поступлении в ученье он был помощником Танни), другой молодой—Р. Н. Бейтлер. Получилась неразбериха.

Продолжалось это несколько месяцев. Правление думало, думало и „выписало" (извиняюсь, товарищи, за это фигуральное выражение, но это было так) Эдуарда Генриховича Кантора. Этот человек был лучший мастер „хромо-гравер" или рисовальщик (при моем ученичестве он получал 100 р. в месяц—верх совершенства). Переманили его из Питера, где он был заведующим какой-то фирмы. Как опытный хромо-литограф, он продолжал печатание весьма тонкой работы издания „Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа" проф. М. А. Мензбира.

Он стойко продолжал дело, начатое умершим Танни. Закончить издание ему не пришлось—его „ушли" в 1908 г. Эта книга, состоящая из 140 таблиц—по 8 рис. на листе—охотничьих и промысловых птиц, началась печатанием в 1900 г. и была закончена только в... 1912 г. Этим изданием была заинтересована и заграница. Теперь эта книга—библиографическая редкость.

Новый заведующий Кантор начал применять и новую технику в литографии: печать с аллюминия.

Была выписана и поставлена новая лито-машина, двойного формата—108×144 см. Первые попытки ограничивались печатью ярлыков на гильзовые коробки для папирос, ситцевой бумаги (форзац) для оклейки коробок и завертки конфект. Постепенно дистигли печатания фотомеханическим способом даже в 4 краски. Выходило недурно, а то и совсем отчетливо и хорошо. Все зависело от сорта бумаги, доставляемой фабрикой Говард или т-вом Кувшинникова. Разница в бумаге была от 22 до 30 коп. клгр. Эти копейки играли не малую роль при крупных тиражах. Из них складывались: первое—дивиденд пайщику, второе—расширение производства, третье—надстройка здания. Производя все эти новшества, следя за развитием

новой техники, правление фабрики совсем „забывало“ про тех, кто эти дивиденды давал—рабочих. Ставки были меньше, чем в других предприятиях; прожиточный минимум дорожал и приход новой рабочей силы возымел свое действие. Грянула первая забастовка 1903 года. Нелегальный в то время Союз печатников сделал свое дело. Как весеннее солнце, нагревая толщу ледяного покрова, заставляет под ним бежать живительные ручейки, так и в то время забастовка эта заставила зашевелиться рабочие массы.

Давно это было, и, как сон, я вспоминаю, как наши уполномоченные отстаивали предъявленные требования, а правление старалось подводить всякие мины. Я удивлялся настойчиво-резким речам наших уполномоченных. Сцапают их сейчас „фараоны“ и отправят по „Владимирке“,—думалось мне о них. Душа замирала, но кончилось на сей раз благополучно. Добились десятичасового рабочего дня, часть перевели на поденную работу, по числу рабочих дней. Улучшили медпомощь, открыв приемный покой. Обращение с рабочими стало другое—их видно стали побаиваться. Потом наступил „локаут“. Тут мне память изменяет, как будто бы локаут не коснулся литографии. Но, понажав на мозги, я ясно вижу такую картину. Дело было летом. В приемной конторе вдруг появилась полиция, да какая! Все три пристава Сущевской части—I, II и III участков, со своими помощниками. Образовался целый штаб. Телефонная будка была под арестом. Говорить можно было только с разрешения дежурившего пристава, да около будки стоял „околодок“, чтобы слышать весь разговор. Продолжалось это несколько дней. Дежурные полицейские, кажется, даже ночевали в конторе. Мало того. Как-то рано утром во двор въехал взвод жандармов, коней 10—15, во главе с усатым ротмистром. Их скрыли в глубине двора за выступом котельной, чтобы не было видно с улицы. Граверная тогда была за конторой, окнами во двор, и нам были видны все их манипуляции.

Офицер что-то рассказывал им долго и внушительно. А потом присоединился к приставам, находившимся в конторе.

Им отвели кабинет правления; из ресторана „Волна“ приносили обеды. На другой день жандармов уже не было. Во дворе же происходила другая сцена. Столпилась большая группа рабочих. К ним вышел помощник пристава I участка капитан Солис. Тут же отряд городовых и околодочных надзирателей.

Произошел такой разговор:

— Кто хочет работать,—говорит капитан,—идите в табельную и к станкам! Кто не хочет—отходи в сторону: сегодня же будете высланы на родину этапным порядком.

Часть рабочих пошла на работу; часть упорно отказалась. Им дали время подумать. Капитан охрип, ушел. Его сменил другой. К вечеру толпа разошлась. Остались двое молодых парнишек. Они, видно, хотели позлить полицию. То соглашались и шли по направлению к табельной; но лишь пристав повертывался уходить, они

возвращались обратно—не хотим, мол, работать, высылайте! Да так несколько раз. Пристав озверел—я думал, он их поколотит. Но на виду у всех было неудобно, и он ушел в контору.

IX. Мое поступление в ученье

Поступил я учеником благодаря рекомендации некоей пожилой „тетушки“, у которой когда-то жил сам директор Васильев, будучи еще рядовым наборщиком. Вот с этой-то тетушкой и явились мы в приемную. Дело было в августе 1888 г. Вышел сам Андрей Васильевич и принял ее ласково. Когда она объяснила ему, что вот мальчик (сын какой-то ее племянницы) хочет учиться граверному искусству, был вызван зав. литографией Танни. Тот спросил—умею ли я рисовать. Со мной были кое-какие рисунки, сделанные еще в училище. Их-то я и показал. Танни переговорил с Андреем Васильевичем и мне было приказано явиться в первых числах ноября, так как, мол, граверная тесна и места нет, а вот к ноябрю и новое помещение будет. Чтобы не терять времени до этого зря, Танни велел мне записаться на вечерние классы по рисованию в Строгановское училище (в то время оно находилось на Страстной площади), что я и сделал. 5 ноября 1888 г. в 7½ час. утра я был в граверной. Это была длинная (шагов 40), чистая комната, в 6 окон, выходивших во двор над котельной. В начале была стеклянная большая дверь, выходившая в машинное отделение, так сказать „парадная“. Через нее же входила администрация и заказчики. В конце была малая, тоже застекленная дверь, выходившая в переводное отделение литографии. Через нее входили граверы, ученики, старший мастер переводного отделения и рабочие, приносившие и уносившие камни с граверными работами. Никто из посторонних не допускался. У окна, против большой стеклянной двери, помещался большой письменный стол, за которым работал Танни—типичный немец из Эстонии. Рядом находился маленький стол. На нем занимался представитель фирмы по приему заказов Лашкевич (он бывал не весь день, так как по роду своей работы разъезжал по Москве). Отсюда, во всю длину комнаты, стояли в два ряда граверные столы—новенькие, с подъемными крышками, с опускными бортами для линеек под руку. Перед каждым столом—табурет, с круглым сиденьем и винтом для поворотов. Все было солидно и строго хозяйственно. Это было новое помещение, в которое только накануне перебрались. В конце комнаты граверной стол занимал Яков Прокофьевич Знаменский. Хороший гравер—спец старого закала, имевший пристрастие таскать учеников за волосы или давать „марашку“ по голове. Он был старший гравер и числился помощником заведующего. Как видно из такого расположения комнаты, граверы сидели по средине комнаты и с двух концов находились под обстрелом зава и пома. Тишина

была—муха пролетит и то услышишь. В присутствии завов разговоры не полагались. Только слышно:

— Никитушка! Ельштей! (брусок, на котором точат граверные иголки).

— Костя! найди большой угольник (это граверы командуют младшими учениками).

— Смирнов! Поди, сделай у Родова (переводчик) линейки на слагинских счетах.

Это приказывает Знаменский ученику, который через два месяца уже будет молодым мастером. И опять все тихо. Только доносится из машинной лязг трансмиссий.

Время с непривычки двигается убийственно медленно. Еще только 7 час. вечера—еще целый час! Работали 11 час. с перерывом на обед с 1 до 2 час. дня.

Вдруг растворяется парадная дверь.

— Господа граверы, можете получить,—слышится грубоватый голос.

Это конторщик, ведающий расчетным столом. Да, сегодня пятое число—суббота. Точно электрическая искра пробежала по граверной. Прихрамывая на одну ногу, Тенников обходит столы и вручает каждому мастеру синенькую книжку, в которой вложено причитающееся жалованье. В то время платили после 1 и 15 числа, только по субботам. Если в субботу был праздник, то накануне.

Выходило, что получки выдавались то через две недели, то через три. Трехнедельные получки были тяжелым бременем для рабочих. К третьей неделе проживались все до копейки и жаждали денег, как ворон крови.

„Получка“ роздана моментально. Начальство „смылось“ в контору (им там выдавали).

— Эй, Федосеич!—кричит Казаков,—сперва к Егорушке зайдем?

— Провалился бы твой Егорушка в болото,—гудит Федосеич.— Он, косой бес, насчитал небось на меня, как на чорта шишек.

— Пойдемте, господа, всей компанией, лучше к Сильверстычу, там нам Федотыч белый вал заведет,—предлагают другие.

Разговор разгорается. Некоторые не замечают даже, что вошел зав и сел за свой стол.

— Тише, тише, господа!—бубнит зав.—Что вы, как дети маленькие. Леонид Гаврилович! Это вы всех будоражите!

Л. Г. Казаков—это весельчак и „мухобой“, талантливый рисовальщик. За это зав и любит его.

— Да как же не будоражить, Людвиг Густавович, день-то какой! Три недели ждали!

— Ну, хорошо, хорошо. Вы в понедельник-то приходите в порядке—рисунки закончить надо обязательно!

— Будет сделано, Людвиг Густавович.

Раздается резкий гудок—8 час. вечера. Трудовой день граверов закончен. Мастера расходятся. Меня подзывает помощник заведующего Знаменский, спрашивает, как фамилия, имя, и передает в распоряжение ученика Никитушки, с приказом посвятить меня во все обязанности. Остается еще ученик Костя. Сперва мы собираем со столов баночки-чернильницы с химической тушью, которой работают рисовальщики и тушисты. Чистим наждачным порошком все металлические линейки, угольники и лекалы. Просматриваем, в порядке ли готовальни с циркулями и прочими чертежными принадлежностями. Вытираем все столы и подоконники. Наливаем керосин и чистим ламповые стекла. Метем пол и мусор выносим в куль—в переводную. Время десять часов вечера. Наконец-то и наш трудовой день закончен. Мы с Костей идем домой. Никитушка—на спальню. Он—живущий, мы—приходящие.

Житье „на спальне", как выражается Никитушка, было каторжное. Заведывал спальней и учениками „дядька" (фамилии не помню), а еще хуже, что главным командиром была и кухарка. Эта достойная пара делала, что хотела. Надзора высшей администрации не было. Через некоторое время дядьку и кухарку выгнали. Поставили новых. Надзор поручили племяннику Кушнерева, и Никитушка с довольным видом рассказывал, что им теперь ставят каждому отдельную тарелку, по воскресным и праздничным дням дают картошку жареную со свининой или бараниной, два фунта сахару и четверть фунта чая на месяц. Какой пост этот племянник занимал на фабрике, не могу сказать, но пробыл он у нас года два. Что было потом на „спальне", не берусь судить—не был там. Но быть в „клоаке" сподобился вскоре по поступлении. Дело было перед рождественскими праздниками. Никитушка не явился на работу. После обеда помощник Знаменский схватился:

— Что это я не вижу Никитки? Где он?

— Он заболел,—последовал ответ другого ученика.

— Так, чего ж ты утром мне не сказал? Я думал, что он в переводной на поправке.

— Вася!—раздается оклик Знаменского.

Ученик Вася Иванов (младший) срывается с места.

— Что изволите, Яков Прокофьевич?

— Да я не тебя, а где другой, новенький?

Настала и моя очередь—моментально предстаю.

— Ты, что ж, не слышишь что ль, что тебя зовут?

— Не догадался сразу, Яков Прокофьевич, меня все Васей Орловым зовут, или просто по фамилии, как в училище,—дипломатично рапортую.

— Тут тебе не гимназия,—следует ответ,—выйдешь в мастера, тогда и по фамилии будут звать. Слетай-ка, поскорей, на спальню—что там Никитка делает. Перевод некому поправить, а он там лодыря валяет.

Мигом шапку в охапку, двором и во флигель. В кухне грязно, пахнет чем-то кисло-промозглым (был рождественский пост, а постами скоромную пищу—мясо—не готовили). Столы, где обедали, еще не убраны. На них валяются ложки деревянные, грудки капусты из щей, корки хлеба. Столы деревянные—ничем не покрыты. В кухне никого. По узкой скользкой лестнице поднимаюсь наверх—в спальни. В первой комнате—никого. Стоят железные койки, покрытые серыми солдатскими одеялами. Подушки цвета пола, а пол цвета подушек. Прохожу вторую. Никитушка лежит. Голова завязана тряпкой.

— Что с тобой, Никитушка?

— Да лихоманит меня, Вася, голова болит.

— Это что еще за фендрик, зачем ты здесь?—это вошел сам дядька.

— Я из граверной—Яков Прокофьевич приказал узнать, почему Панкратов не вышел на работу?

— Это Никитка-то. Скажи Якову Прокофьевичу—заболел. Вот ужо освобожусь, зайду в часть—придет фершал, а може и сам доктор.

Медицинской помощи при фабрике не было, а приходили фельдшера из приемного покоя Сущевской части (где каланча, в конце Пименовской ул.). Впоследствии это дело улучшили. Отвели комнатку, написали на ней: „Приемный покой“, и два раза в неделю являлся участковый доктор для приема больных. Лекарства были самые примитивные: касторка, хина и сода. Этим исцеляли от всех болезней. Доктор был просто коновал и обращался по-лошадиному. Приходит рабочий:

— Какой губернии, уезда, волости?—вопрошает доктор.

— Да, я, господин доктор, болит вот,—отвечает пациент.

— Фамилия, имя, отчество?—продолжает писать в книгу доктор.—Сейчас я дам тебе касторки.

— Да, я, вот... у меня нога.—заикается пациент.

— Так бы и говорил сразу, а то мямлишь. Снимай сапог, посмотрю. Следующий!

Пока снимается сапог и портянка, доктор уже отпустит двоих. Сапог снят, нога обнажена, доктор бросает беглый взгляд.

— Ну, халява, где раньше был? Иди теперь в Марьинскую больницу—там тебе перевязки будут делать.

Сапог водворяется опять на ногу. Рабочий, прихрамывая, выходит из „приемки“.

— Эх, мать их так! Ходи теперь, теряй время!—разрешается он желчной репликой.

Преподавание граверного искусства ученикам велось без всякого метода. Все зависело от смекалки ученика. Если ученик смог „подойти“ и полюбиться мастеру, тот показывал и объяснял, а дальше уж сам старайся, присматривайся. Особенно допекали учеников поправками переводов на литографских камнях. Дело это немудреное:

мастера заставить—дорого, а ученика—грош цена. Нас оставляли по вечерам работать сверхурочно и платили по пять копеек в час. Больше пяти часов (25 к.) не полагалось, хотя мы работали и не пять часов, а меньше, но Знаменский на это смотрел „сквозь пальцы“ и подписывал часовые, лишь бы было хорошо сделано и утром можно было камень спускать в машину. За небрежность и невнимательность полагалась трепка. Благодаря такой постановке дела, ученики не доходили до настоящего дела и замариновывались. К примеру взять Никитушку. По выходе из ученья ему назначили 17 руб. в месяц, хотя ставка была не менее 25 руб. в первый же год, да при выходе из ученья давали 25 рублей „наградных“.

Из своей личной жизни ученичества могу рассказать еще следующее. Я уже прожил два года, пошел третий. Как-то летом, при начале работы, заявляется в граверную камердинер „хозяина“ (он же лакей, домработник—затрудняюсь точно определить роль, какую он исполнял, находясь при квартире Кушнерева).

— Ученик Орлов здесь?

Нашли меня: я был в переводной и тянул линейки алмазом у какого-то счета. Это дело поручалось или молодому мастеру, или старшему ученику—при неправильности исполнения можно было „угробить“ перевод, который стоил и времени, и денег.

Вхожу.

— Вы меня звали, Иван Акимович?

— Ты-то мне не нужон, дружок, а зовет тебя Иван Николаевич. Пойдем, я провожу тебя в его кабинет.

— Зачем, Иван Акимович?

— А там уж узнаешь зачем, напакодил чем-нибудь, ну, и ответишь.

В мозгу точно электрический ток прошел. Собираюсь с мыслями—что бы это значило?.. Идем. Отворяется дверь кабинета.

— Привел, Иван Николаевич!—слышу голос моего путеводителя.

— А, хорошо, ступай, Иван,—не подымая склоненной головы отвечает хозяин.

Сидя за громадным письменным столом, он что-то пишет. Вытянувшись во фронт, руки по швам, стою у дверей. Рука хозяина опускает перо и глаза устремляются на меня.

— Здравствуйте, Иван Николаевич!—приветствую я.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек!—иронически-ехидно отвечает хозяин.

Я начинаю трепетать.

— Значит, „здравствуйте“ выходит только в стенах моей фабрики, а вне ее „здравствуйте“ не полагается? Который год в ученье?

— Два с половиной, Иван Николаевич!—с дрожью в голосе говорю я, не понимая, в чем дело.

— Так-с, значит выучился и сбежать хочешь—мастером стал?

Мое недоумение возрастает. Я молчу.

— Почему ты мне вчера не поклонился?

— Вчера?!. Я не видел вас, Иван Николаевич.

— Не ври! Идет себе улицей, тросточкой размахивает, смотрит прямо на тебя, да еще и ухмыляется.

Так вот в чем дело!—промелькнуло быстро в мозгу.

— Неуважение к старшим, не только, что к хозяину,—гремит Иван Николаевич.

— Прошу прощения, я не могу видеть через улицу и не узнал вас, Иван Николаевич!—отвечаю я.

— Подойди ко мне, не бойся!

Подхожу вплотную... Берет обеими руками мою голову... Таска?.. Нет. Пристально осмотрев мои глаза, садится.

— Что вон там на стене висит?

— Карта,—отвечаю я.

— Читай, что написано?

— Не могу разобрать.

— Стань ближе. Еще, еще.

Когда, приблизясь чуть не вплотную, я прочел все надписи и дал пояснение на вопросы, предложенные хозяином, я вздохнул свободно.

— Вот что,—пораздумав немного, решил Иван Николаевич,—сейчас напишу тебе записку. Покажи ее Тапии и завтра же утром отправляйся в глазную больницу на Тверскую. Тебя там примет вне очереди мой приятель профессор и пропишет тебе очки, какие полагаются. Потом покажись мне. Предварительно скажи Ивану, когда придешь. Теперь можешь итти.

Учтиво поблагодарив, я мигом за дверями кабинета выкинул такое „антраша", что встретивший меня Иван Акимович воскликнул:

— Да ты, паря, рехнулся что ли, или награду получил?

— Миленький, Иван Акимович! лучше, чем награда,—сказал я, прижимая визитную карточку-мандат к груди.—Иван Николаевич мне новые глаза решил приделать.

— Ну, и чудеса—удивился тот. Что-то впервые, а я подумакивал — тебе трепка будет.

Все то хорошо, что хорошо кончается. Очки были на носу. Оказалось только четверть нормального зрения. Осматривавший меня профессор сказал, что я явился во-время и должен носить очки постоянно, снимать только во время сна,—и моих глаз надолго хватит.

В очках я явился к хозяину для осмотра и приношения благодарности. Иван Николаевич остался доволен; дал мне несколько наставлений и поручил нарисовать его фамильный герб. Дело это заняло у меня два вечера и за это он заплатил мне рубль.

— Старайся,—говорил он,—будешь современем заведующим [1].

[1] Его предсказание оправдалось: в 1919 г., по постановлению заводского комитета, меня выбрали заведующим литографией, а «Мосполиграф» в этой должности утвердил. Проработал я подряд пять лет, пока не дали молодую здоровую смену, так как я стал уже слабеть и прихварывать.

По выходе из ученья полагалось к выдаче 25 руб. наградных („на экипировку“, так сказать). Жалованье назначали в такой же сумме в месяц, но вскоре прибавляли еще 5 руб. В дальнейшем все зависело от личных успехов. Штат учеников у нас был в 5—6 чел. Граверов-рисовальщиков—12—16 чел. Граверы получали 40—60 руб., рисовальщики-тушисты—60—80 руб. Зато заведующему платили 160 р., помзаву—100 р. и, кроме того, им выдавали еще ежегодно к пасхе крупную награду—месячный оклад, а иногда и больше. Мастера же получали от 20 до 50 проц. к жалованью, по усмотрению начальства.

В 1890 г. начали срывать деревянный флигель по Пименовской для возведения кирпичного корпуса вплоть до домика хозяина. Граверную перебросили временно в деревянный домик по Щемиловскому пер. Произошла „реконструкция“: граверов посадили на сдельщину, но через месяц, когда граверы подали счета, произошел „конфуз“. Граверы ухитрились заработать чуть не вдвое против прежнего оклада, не понизив качества продукции.

Правление пришло в смущение. Самому Тании было не по себе. Стали придираться и надумали: с заработка рабочих удерживать за помещение, освещение, инструменты и проч. Граверы возмутились: шло что-то в роде забастовки. После долгих пререканий и уступок с той и другой стороны граверам все же было уплочено полностью. Граверную раскассировали, оставив двух рабочих для мелких работ; некоторые ученики сбежали до срока. Заказы же поступали и их надо было исполнять. Стали давать работу на дом тем же граверам, но каждый раз договариваясь в цене и сроке исполнения работы. Вызывали одного—тот просил 100 р. Вызывали другого—этот брался за 80 руб. Заву дел прибавилось. Но это оказалось неустойчивым. Когда отстроили новый корпус, и граверная заняла свободное и светлое помещение во втором этаже по Пименовской ул., набрали новый штат рабочих (тут были и прежние). Половина работала на твердом окладе, другие—сдельно. Дело пошло, и такой порядок установился надолго.

X. Переводное отделение

В отделении было размещено 12 станков. Один только из них был „француз“, остальные—„берлинки“. 2 станка размером 80×108 см; 4 — 72×104 см; остальные—58×76 см. К каждому станку был прикреплен мастер-переводчик и подручный (молодой паренек—будущий переводчик). Было 2—3 чел. наклеивальщиков, которые расклеивали большие переводы 72×108 см мелкими этикетками; 5—6 чернорабочих, на обязанности которых было снимать и класть камни на станки и в машины и следить за чистотой: мести полы и выносить кули с мусором. Некоторые из них шлифовали камни. Специально шлифовщиков было двое. Возглавлял это отделение старший мастер, следивший за всеми. К тому же он сам работал на панто-

графе, под руководством Танни. Пантограф служил для уменьшения гравировок. Это дело было новое и держалось в секрете. Стоял пантограф в отдельной малой комнате, запираемой на ключ. Мастику составлял сам Танни, остальные процедуры делал старший мастер, он же, как хороший пробист, тискал особо ответственные пробы. Получал он 60 руб. Станки вертели и камни шлифовали все ручным способом. Переводчики делились на оригиналистов, пробистов и делающих машинные переводы. Жалованье платили от 20 до 45 руб. Подручные получали от 12 до 15 руб., шлифовалы—18—21 руб., чернорабочие—15 руб. Такова была зарплата в 1890 г.

XI. Машинное отделение

У нас было 4 плоских машины размером 74×105 см и 4 малых: из них две—62×88 см. и две—72×98 см. Все 8 машин были германские, одной фирмы—Фабер и Шлейхер. В 1891 г. на французской выставке была куплена 9 машина размером 74×105 см. Выставка помещалась на Ходынке (в бывшем помещении Всероссийской промышленной выставки 1882 г.). Туда был послан штат печатников и они демонстрировали печатание плаката в 12 красок для кондитерской фабрики „Т-ва А. И. Абрикосова С-вей в Москве". Посетители глазели. Заинтересованным объяснения давал мастер.

Бронзировальной машины сперва не было. Бронзировка производилась вручную. Это была адская работа. Производилась она подростками. Бронзовая пыль лезла в уши, в волосы, забивалась в нос, хотя и надевали бумажные колпаки на голову. Проникала эта пыль сквозь одежду в тело (спецодежды тогда не знали—ходили в своей) и причиняла страшный зуд на коже. За это ученикам и подросткам каждую неделю выдавали полфунта мыла и пятачок на баню. Но так как все этикетки были с медалями и орлами, а бронза шла непрерывно, то приобрели бронзировальную машину. Стало немного легче В это время у нас в литографии впервые появился женский труд Заправлял машину и накладывал бумагу мужчина, а принимали, разносили и смахивали бронзу с оттисков женщины. Появились они если не ошибаюсь, после первой забастовки—в 1903 г.

В 1919 г. первая женщина 25-летняя юбилярша была Топильская М. Ф., значит она поступила к нам в 1894 г. Работала она на лакировально-гуммировальной машине—легкой по конструкции и сложности. К сложным печатным машинам женщин все же не допускали. Была у нас в литографии и каландра для пропуска бумаги в валы, дабы придать бумаге устойчивость, а склейке—ровность. Размер ее был 100 см и для крупных работ она не подходила. Две железных плиты, нагреваемых газом, служили для подсушки оттисков, если бумага „раздавалась" и получалась неточность в наложении красок. За верностой следили строго и всякие сдвиги в печати отбрасывались в макулатуру. Газ часто давал себя знать.

а вентиляция состояла только из форточек, с вертушками. Во влажную погоду и форточек боялись открывать, чтобы сырость не портила оттисков.

Ведал всем этим отделением старший мастер. Он инструктировал как составить краску, указывал, какую бумагу брать в работу, сам относил оттиски для подписи заведующему, когда все было окончательно положено и тиснуто. Самим печатникам-машинистам от машин отходить ни под каким предлогом не разрешалось. Если зав находил нужным что-нибудь изменить, он делал указания только мастеру, который и приносил оттиск. Старший мастер получал 75 руб. в месяц.

До 1900 г. все машины работали на трансмиссии, идущей от главного вала. Потом сделали свою динамо-машину и ею же стали освещать фабрику электричеством.

Было очень скверно и неудобно, в особенности для граверов. Лампочка при каждом повороте главного поршня машины мигала, что вредно отражалось на зрении граверов. Пришлось динамо переделать.

В 1900 г. умер заведующий литографией Танин. На его место, вскоре, вступил Э. Г. Кантор. Работал он у нас до ноября 1908 г. и находился уже не в граверной, а при самом правлении. В граверной был пом. зав. Р. Н. Бейтлер. В это время представителем фабрики по приему заказов был Н. Н. Грызунов. Не поладив вскоре с правлением, он ушел от нас и открыл с кем-то в компании собственную литографию (по левой стороне Кузнецкого моста, близ угла Лубянки). Ознакомившись с заказчиками Кушнерева, он постарался их отбить к себе, снизив цены. Работы в литографии стало меньше. Правление заподозрило зава в инертности к делу, и С. В. Чефранов, бывший вторым или третьим директором, уволил его. Так как зав был хороший человек и художник своего дела, то рабочие литографии собрали по подписке некоторую сумму и преподнесли ему золотой жетон.

Кантор был тронут.

Невольно вспоминается следующий казус, характеризующий, как понимали наши директора литографское дело. Обходя машинное отделение литографии, директор-распорядитель В. Ф. Боровик узрел, что одна из машин не работает—молчит. Поднялся в граверную и застал Кантора, разговаривающим с рисовальщиком, исполнявшим на камне „мензбировских“ птиц.

— Евграф Андреевич, почему у вас не работает одна машина?

— Да пока печатать нечего,—отвечает Кантор.

— Нечего, нечего, как нечего?—гнусавя, вопрошает Боровик.— А вот этих птиц?—указывает он на камень рисовальщика.

— Тут только сделано четыре, а остальные еще не готовы (на камне помещалось восемь),—говорит Кантор.

— А вы печатайте пока половину, а другую потом будете. Все-таки машина при деле будет,—дает свое „заключение“ директор.

Слышавшие это граверы чуть не прыснули со смеху.

По уходе от нас Кантора, его помощника Бейтлера также переместили в правление. В граверную прибыл иностранец—чех Ганке, плохо говоривший по-русски. Правлению его рекомендовали как „сверх-спеца“. Меня вызвали в правление и, как старому кушнеревцу, проработавшему уже двадцать лет, предложили помогать Ганке. Я, мол, не должен отказываться и меня вознаградят. Да и как отказаться? Правление могло остаться недовольным, тогда—в „большой зал“—на улицу и пожалуйте—приспособляйся к другому месту. А я так привык за эти двадцать лет, что стены фабрики стали мне родным домом. Поблагодарив за оказанное доверие, согласился. Назначили мне 70 руб. в месяц (в граверной же я получал 2 р. 45 коп. в день).

Новый зав перебрался в граверную и сел подле меня. Ему поставили другой, новый, хороший стол. Помещались мы вдвоем в комнате с одним окном. Широкая ниша отделяла нас от граверной. Дверь сняли, чтобы видно было, что делается во всем отделении. Дела пошли по твердо заведенному порядку. „Сверх-спец“ ничем себя не проявлял—бегал, суетился, а толку никакого. Через восемь месяцев и он был уволен. По уходе Ганке, рабочие, шутя, называли его „недоноском“.

Месяца через полтора (дело было в августе 1909 г.) входит в наше помещение „некто“ в сопровождении директора. Оказывается, новый зав—Александр Алексеевич Гололобов.

Гололобов был в полном смысле барин, и барин-буржуа XX столетия (какого он был звания—неизвестно). Был слух, что когда-то он служил в таможне, делал еще что-то, а потом стал представителем более или менее крупной литографии Худякова. Всегда изящно одетый, надушенный, бритый и наголо остриженный. Выше среднего роста, мягко-бархатным ласковым голоском Гололобов производил благоприятное впечатление на окружающих. Он оказался к тому же и дипломатом: не сел за письменный стол при правлении, а примостился вместе с нами, за маленьким столиком. После официального представления друг другу с упоминанием имен, отчеств и фамилий, он обратился к нам:

— Вижу я, что вы ребята молодые, да при том и к делу должно быть хорошо относитесь. Работаете здесь давно. Давайте сделаем так: я старик, мне уже на шестой десяток пошло (впоследствии оказалось, что ему было без „кусочка“ шестьдесят); я буду дела добывать—всегда в разъездах, а вы уж тут присматривайте, старайтесь. Я вам помогу своим опытом. А чего мне в правлении восседать? С вами интереснее!—Вот пообгляжусь,—продолжал он, чувствуя, что мы насторожились,—вникну в суть и тогда отделаем такое помещение, что заказчики сами будут приезжать к нам. Столы особые выпишем от Блока—красота будет, а то сидите, точно замурованные, в этой клетушке.

Это нас как будто и заинтриговало. А „ребята“ мы по-тогдашнему времени были действительно „молодые“: одному 40 лет, другому—38 лет. „Папаша“ Гололобов (так дружески прозвали мы его между собою) был коммерческим человеком. Он раздобыл новых заказчиков: парфюмерную фабрику Брокар и К⁰, чаеторговца Губкин-Кузнецов и К⁰ и кое-кого еще. Был он членом Московского купеческого клуба (может быть, даже старшиной), в котором бывал чуть не каждый день. Имел обширное знакомство с директорами многих фирм—сам бывал у них, они—у него. Квартиру имел шикарную: кухарку-повара и горничную.

С его приходом дела пошли лучше. Приглядываясь и знакомясь с таким крупным предприятием, как наша фабрика, он выказал себя и хорошим администратором. Ему навстречу, в его начинаниях, шел, ставший директором-распорядителем, С. В. Чефранов. Были куплены еще две новых машины 100×136 см., большая бронзировальная машина. Старые машины были проданы кустарям; те, что работали еще до моего поступления, нашли непригодными.

Развивая дело с Брокар, поставили в резальном отделении небольшую картонажную, состоящую из комбинаций прогибальной (биговка), просекальной и сшивной (тачка). Привезли большой мощный пресс „Виктория“, который мог одновременно печатать в одну краску и, вместе с тем, тиснуть глубокий рельеф на картонных коробках. Дело было выгодное. К кустарям-картонажникам не было надобности обращаться (раньше картонажное дело отдавали на сторону, а мы только печатали листы). Правление накопляло капитал. Прибавили рабочей силы, а каждому из старых рабочих надбавили и жалованье, но здесь же обошли самых низкооплачиваемых—чернорабочих: им правление в первую же получку не выдало ни копейки больше. Гололобов же обещал по гривеннику в день. Заявляются пять человек к нему и говорят: так, мол, и так, Александр Алексеевич, вы обещали, а нам ничего не выдали.

„Папаша“ тогда проявился:

— Погодите, братцы, завтра же я узнаю, в чем дело, и скажу вам.

На завтра являются опять те же лица. Зав встретил их такими словами:

— Вот, друзья, в чем дело: правление (т. е. Петров) отказало вам в прибавке, я же, как старший заведующий отделением, обещал вам ее. Значит, виноват во всем я. Я и отвечаю. Вот вам двадцать пять рублей. Это составит за два месяца вперед каждому, ну, а там видно будет.

Рабочие четвертной билет приняли, поблагодарили и ушли.

Но 1905 г. не прошел бесследно: он влил в рабочих сознание не пользоваться подачками с барского стола. Через полчаса они вернулись и вручили деньги обратно, мотивируя тем, что, мол, не хотят причинить ущерб своему заведующему, и что само правление должно все же подумать и о повышении их заработка, так

как фирма получает крупные барыши. Сказано это было одним из чернорабочих очень вразумительно.

Гололобов был смущен.

В 1912 г. задумана была генеральная перестройка фабрики. Много было рассуждений среди мелкой братии. Крупные дебаты произошли также между правлением и пайщиками. Влились новые лица. Образовались две партии: партия новаторов и партия консерваторов. Последние, боясь затрат, настаивали на сохранении главных корпусов и срытия только бывшего домика „хозяина“. Допускали даже наложение этажей на существующие корпуса, доказывая все это недавней постройкой. Новаторы собрали большинство и вынесли такое решение: снести все корпуса, оставив только новую постройку, что была воздвигнута перед первой забастовкой по 1-му Щемиловскому переулку. Да и здесь надбавить еще два этажа, т. е. вровень со вновь проектированным шестиэтажным зданием. Дело приобретало необычайный размах. Мы „вымахнулись“ на Щемиловку. Граверная—в третий этаж, переводное—во второй; машины тоже поразбросали. Ломка началась быстрая. Началась стройка. И фабрику стали строить не каменщики, а плотники... Гравием, песком и бочками с цементом запрудили все прилегающие свободные местечки. Железные балки, железные пруты. А плотнички, знай, постукивают себе топориками—шьют каркасы, да слышится, как гравий грохочет.

Стройка проходила в тяжелых условиях. Поговаривали, что „кушнеревка“ не выдержит—не хватит капитала. Поговаривали, будто бы сами Морозовы вошли в пайщики. Протестов по векселям не было—иначе это дискредитировало бы фирму и могло подорвать доверие. Наконец, все было готово, за исключением главной конторы правления. Отделка конторы была законсервирована и главный вход был закрыт безобразным деревянным щитом.

Наступила империалистическая война и заказанные шикарные двери для входа где-то застряли. Часть стильной мебели—конторки, табуреты, стулья—была, однако, доставлена. Правление осталось в тесном помещении. Цеха стали развертываться. Прибыла новая машина, двойного формата 108×114 см., и к ней 5 громадных золингеновских камней; шлифовальная машина. Только переводный станок большого размера застрял за границей—уже грохотали пушки. В новом здании печатали продолжение наглядных картин по физической географии новым способом фото-лито. Этот способ был секретно приобретен у приезжего немца Трюмера в 1912 г. (по сохранившимся у меня записям фирма затратила на него всего 523 руб. 80 коп.).

Секрет-то был дан, но разработали его и ввели в исполнение зав. цинкографией Леонтьев и Р. И. Бейтлер. В остальных литографиях он был еще неизвестен. Выпустили в свет громадную много-

красочную карту Европейской России на 6 листах, где были показаны типы народов, промысла, фабрики, заводы, флора и фауна данной местности. Эта карта в надлежащих сферах была оценена и одобрена для учебных заведений. Печатали еще художественные вкладки в Энциклопедический словарь Граната, изд. „Мир", и много других вещей. Я не буду упоминать о разных этикетках, ярлычках, коробочках и прочих предметах, обслуживавших коммерческий мир. Литография работала без понижения темпов. Запас бумаги был изрядный.

После отхода царской армии от Варшавы и переброски коммерческих предприятий в центр заказов еще прибавилось. Брали, как говорится, „с бою". Меловая бумага, стоившая 12—18 руб. за стопу, повысилась до 10-кратной стоимости. Соответственно были повышены цены и на заказы. Пошла вакханалия. Все художественные работы приостановились. Настало время разных благотворительных учреждений. Печатали плакаты, открытки, значки для сбора пожертвований в пользу участников войны „до победного конца".

Пасхой 1915 г. скоропостижно умер зав. литографией Гололобов (старик страдал сердцем). Через месяц был назначен новый зав— Тепляков. Если Гололобов был „барин-коммерсант", то последний был коммерсант-американец. Крепкий, плотно скроенный, лет сорока шести мужчина, он был сверхподвижен и обладал острой памятью. Появился он впервые в начале 1912 г.

— Я—Тепляков, Сергей Дмитриевич,—проговорил он, войдя к нам в граверную, пожимая руку каждому из присутствующих.—Я назначен правлением следить за постройкой нового здания. Довольно работать в таком „мурье". Надо сделать что-нибудь грандиозное и чтобы польза всем была.

Разговорились. Я, как младший член коллегии „троих", активного участия не принимал, а прислушивался к разговору и подумал: должно быть, архитектор,—так размашисто-красиво набрасывал Тепляков будущее здание фабрики.

Но оказалось другое: он следил только за стройкой корпусов, проверял счета подрядчиков, десятников и подробно доносил о всем правлению. По его указаниям были введены некоторые детали, давшие несомненную пользу впоследствии.

Кто он был по происхождению? Начав с конторских мальчиков, добился до бухгалтера. Женился. Жена неожиданно получила наследство. Приехав в Москву, сумел поместить капитал в фирму Кушнерева.

Заняв пост зава, он прямо взял „быка за рога". Не понимая ничего в литографском деле, он всю технику переложил на своих ближайших помощников, а сам рыскал неустанно, добывая работу.

Называя кого на „ты", кого на „вы", умел подойти, начиная от рабочего, кончая важным директором какой-нибудь новой фирмы.

Некоторым он давал авансы из своего кармана до получки. Этим он заслужил популярность. Конфликты разрешал просто:

— Ну, пойми ты (или вы), голова садовая; если не будешь стараться, что толку? Одни убытки—и меня, и тебя выгонят. А будет польза—и тебе прибавка, и мне.

В конце 1916 г. фирмой был куплен участок земли со всеми постройками, против фабрики, по 1-му Щемиловскому переулку вплоть до купальни. Тепляков развивал перед нами план постройки квартир для младшего административного персонала, а также и для рабочих, столовой и прочих благ, мотивируя тем, что раз все будут вместе и обеспечены в своих потребностях, то и дело пойдет лучше и не будет текучей рабочей силы.

Литография продолжала усиленно работать, а меловая бумажка убывать... и убыла. Докладываю Теплякову.

— Как нет? Пойдем на склад.

Пошли. А там горы бумаги, да только не меловой, а хорошей Говардовской полуалександрийки 72 кг. размером 72×108 см.

— Да, ведь не меловая!—говорю я.

— Эх, братец ты мой! Кто теперь будет спрашивать меловую. Давай, какая есть.

Бумага действительно была хорошая. До войны она стоила 32—34 коп. за 1 кг. Бумагу забронировали только для литографских дел. В типографию выдавали с особого разрешения.

— Где им, типографщикам, угнаться за нами?—говорил потом Тепляков.—Что мы напечатаем да вывезем на легковом извозчике, больше получим, чем они на ломовом повезут.

Оборудование перед империалистической войной состояло: 9 плоских машин, 1 бронзировка, 1 краскотерка, 1 каландра, 1 лако-гуммировальный, 2 резальных машины, 1 просекальная двухсторонняя, 1 конгревский пресс двухсторонний, 1 конгревско-печатный пресс, 1 гофрировальная машина, 1 картонажная прорезально-бичовочная, 1 шлифовальная, 2 станка переводных моторных; эти машины работали на энергии городской станции. Ручных было: 8 станков переводных, 1 сшивалка для картонажной и 1 резальная—зайчик. Всего 33. Средний штат не превышал 105 чел.

XII. Как мы жили вне стен фабрики

Кто получал побольше и был семейный, снимал отдельную квартирку. Если она была для него велика, отдавал комнату внаймы. Холостые ютились по комнатам. Люди, связанные с деревней, жили артелями. В доме Блок, на Пименовской улице, была одна из них. Нанимали квартиру в 3—4 комнаты. Выбирали старосту. Нанимали кухарку-стряпуху и жили ладно. В комнате помещались три-четыре койки, смотря по размеру. Если приезжала жена из деревни, то койка закрывалась занавеской. Питались в большинстве так: щи

или суп с мясом; на второе—каша или картофель с салом. По воскресным и праздничным дням полагалось по два пирога и жарили свинину или баранину.

Утром—чай с калачом или булкой.

По окончании месяца староста давал отчет, делал раскладку. Приходилось с каждого 9—12 руб. в месяц. Большинство из них—люди хозяйственные и имели сбережения. Холостая молодежь, получающая мало—подручные, приемщики и др.—ютилась по квартирным хозяйкам, которые были разбросаны в недалеком радиусе от фабрики: в домах Вишнякова на Антропах и т. д. Там хозяйкам платили 4 р. 50 коп.—6 руб. в месяц. Чем их кормили—не знаю, но бывало и мясо. В то время строго соблюдались посты, и их чаще всего откармливали картошкой, да капустой. Многие питались в съестной лавке Бубликова. За девять копеек можно было здесь получить жирных щей из ветчинного отвара и каши, или картофеля со свиным салом, а постом на осетровом и белужьем наваре. Все это Бубликову стоило гроши, так как его заведение специально варило ветчину и рыбу для продажи в магазины, а отходы шли на дешевые обеды рабочим.

В чем выражались культурные нужды? Читали газеты „Новости дня“, что печаталась у нас, а то „Московский листок“. В нем помещались смехотворные фельетоны и повести Лейкина и Мясницкого, сообщения о разных событиях и городских происшествиях: кражах, убийствах, несчастных случаях и т. д. Любители ходили компаниями по музеям и в Третьяковскую галлерею. Старики посещали церковь Пимена—для „спасения души“.

Развлечения? В театры ходить дорого. Вот в цирк—другое дело,—любили. На рождество, масляницу и пасху ходили на Девичье поле, в балаганы. Здесь—тоже дешево. Летом играли в бабки на Антропах, или запускали „змей“—чей взлетит выше (зачатки авиации). Другие—„вертуны“ (по теперешнему „хулиганы“)—плясали по пивным, или играли в орлянку и в „три листика“. Физкультурой была взаимная „потасовка“. Но к чести рабочих фабрики надо сказать: таких было мало. В целом—народ был подобран степенный.

Так как народ был „степенный“, то он привыкал к фабрике и жил подолгу, создавая ей благополучие и мощность.

За долгую работу в 25 лет полагался юбилейный день. Юбиляра приглашали в контору. Выходил директор и в присутствии товарищей, собиравшихся по этому случаю, поздравлял юбиляра. Желал ему поработать еще столько же. Кончалось это „хозяйским объятием“ с поцелуем и поднесением соответствующего подарка. Товарищи-сослуживцы тоже произносили горячие речи и также дарили. Кончалось это подписным обедом. Юбилярам с высоким чином правление дарило сервизы, приборы ценные; кто поменьше—получал часы золотые с цепью, а маленьким людям—одни часики, без цепочки и подешевле. Директор И. Д. Петров рассуждал должно быть так:

— Зачем рабочему человеку цепочка, когда он и так весь век в цепях ходит!

Перед 1914 г. зарегистрировано было больше пятидесяти юбиляров.

В 1908 г. товарищи граверы устроили мне „нелегальный“ юбилей, так как исполнилось только 20 лет моей работы. Закатили обед и приветствовали стихами:

Он двадцать лет без перерыва
Другим весь труд свой отдавал.
Им приготовленную ниву
Другой там кто-то убирал.

Должны мы для других трудиться —
С нуждой всегда влачить свой век.
Но смело может он гордиться—
Не трутин, он же—человек!

Другой товарищ экспромтом:

Расскажу сегодня вам я
Знаменательный куплет
Как Орлов, у Куннерева,
Прожил ровно 20 лет.

Он сначала, в пресменную,
Рубашонку был одет.
Но за то, какой он важный
Стал теперь, через 20 лет.

Скольку звону он и муки
Перенес, как тяжкий бред.
Но почет и уваженье
Воздают все в 20 лет.

Так нальем полней бокалы,
Будет шумным наш обед,
Ведь не всякому дождаться
Юбилея в 20 лет.

Я от сильного волнения
Готов крикнуть на весь свет:
Поздравляем мы Орлова
С юбилеем—в 20 лет.

Ровно через пять лет пришел и мой черед предстать перед И. Д. Петровым, так сказать, „официальном юбиляром“. Поцелуя я „не удостоился“, но часы мне преподнесли хорошие и с ценью. Может быть, директор сердился, что произошел убыток (за часы было заплачено 160 руб.), а, может быть, вспомнил про вышеприведенные стихи—про 20 лет.

— Своеволие-с! (нашелся „добрый“ человек, который показал эти стихи Петрову).

Все-таки пожелал мне поработать еще столько же и пожал руку.

Какое обеспечение давала фабрика рабочим с приближением старости и инвалидности? Существовал вспомогательный фонд, основанный самим Кушнеревым. Он заложил фундамент—пожертвовав сумму. Потом туда отчисляли „штрафные“ с рабочих. Может и из дивиденда перепадали крохи—дело было темное! Но случаи были, что из этого фонда и выдавали. Помню, в первый раз дали пенсию в 25 руб. старшему машинисту типографии Лапшину, проработавшему больше 30 лет. В начале 1915 г. в литографии полуослеп переводчик Родов—ему назначили 15 руб. В 1906 г. я жестоко прохворал $1\frac{1}{2}$ месяца. За первые две недели я не получил ни копейки. За месяц же мне заплатили полностью. Думаю, что только благодаря хлопотам зав. литографией Кантора, у которого я был под рукой еще учеником. Кажется, и все.

Чем же дышали рабочие, если хворали? Немногие—типографской кассой взаимопомощи. Если член кассы болел, но посещал фабрику, оплачивались рецепты в счет членских взносов. Если лежал дома, то получал от 12 до 25 руб. в месяц и лекарство покупал сам.

Вот и весь соцстрах того времени.

XIII. Революционная работа на фабрике

После 1903 г. появился сдвиг. Степенные старички становились все старее: кое-кто и поумирал. С расширением фабрики прибывала молодежь, мало отравленная прежним „хозяйским“ режимом, или уже черезчур затравленная и не боявшаяся никаких последствий. Первая забастовка открыла глаза: она показала, что с „серой“ рабочей массой надо считаться. Первый, по существу ничтожный успех, окрылял к дальнейшим достижениям. Тихонько стали почитывать подпольные листочки, печатанные всякими способами—гектографом, от руки и т. д. Чувствовалось, подпольщики заработали активнее, подготовляя массы к великому перевороту. Провокаторы, видно, тоже не дремали: надо было быть очень осторожным—могли быть большие неприятности. В литографии был арестован переводчик тов. Холопов. Местные обыватели стали величать кушнеревцев „бунтарями“.

Приближался 1905 г. Товарищи где-то конспиративно собирались. К какой партии примыкали рабочие? Связанные с деревней тяготели к эсерам. Девиз „Земля и воля“ производили на них впечатление. Молодежь и „чистые“ рабочие были социал-демократами. А гроза, первая гроза надвигалась, разразившись забастовкой. Правление притихло. Рабочие нашей типографии приняли активное участие в восстании. Были образованы дружины. Дирекция выдала 1 000 руб. на покупку оружия.

„Кушнеревка“ от всей кутерьмы отделалась дешево: трехдюймовым снарядом сорвало угол обшивки у бывшего домика Кушнерева, где помещалось правление. Гроза отходила, слышался только отдаленный рокот.

Перед рождественскими праздниками фабрика приступила к обычной работе. Многих рабочих не досчитывали. В непродолжительном времени в правлении появился секретный „черный“ список.

Пришел человек наниматься на работу, сейчас глянут в списочек—есть такой—значит, от ворот поворот. А то в телефончик:

— Работал у вас такой-то, как он?

— Ни, ни—надежный!

— Давай тогда.

...Работа шла. Фабрика богатела. Основной запасный капитал, погашения имуществ увеличивался. А время неустанно шло вперед. Почти 44 года я работаю на этой фабрике. Много видел на своем веку трудных, черных дней. Тридцать лет работал на фабрике при самодержавии, 14 лет работаю при советской власти. Тяжелые, трудные дни и годы остались позади. Но о них надо знать, на их примерах учиться. Расскажу вам еще несколько случаев из жизни нашей фабрики. Это уже о советском периоде.

В годы гражданской войны „кушнеревка“ развалилась.

Грозный враг внезапно подкрадывался в „Кушнеревку“: стояли лютые морозы. И грянула беда... Из-за халатности вода из труб отопления не была выпущена. Топка котлов, видно, тоже погасла. Окрепший за ночь в своей лютости мороз разорвал главные магистрали отопления. Красавица фабрика была в агонии замерзания... и замерзла. Эх, товарищи! Если бы вы видели это и у вас глаза сделались бы влажными. Привычный для уха шум машин затих. А тут Съезд Советов. Незабвенный Ильич должен делать доклад об электрификации РСФСР. Электрификация—идеал его. Приходит Боков (он был тогда директором):

— Вот, видишь Василий Никифорович, дело в чем? Экстренно отпечатать надо самому Ильичу.

Бережно развертывает оригинал. Красочная карта России. На ней намечены кругами знаки, цветными карандашами: Волховстрой. Рассмотрев оригинал, заявляю, что по такому оригиналу скоро сделать нельзя, а если изменить самую карту России, упростить расцветку, то знаки, нанесенные Владимиром Ильичем, останутся точными. Согласились, с условием показать пробный оттиск. Нужно было найти общую карту Европейской России в одну краску, для фото-лито, а нанести знаки не составляло затруднений. Перекопал весь свой архив и нашел, что нужно было. Снять фото в нашей цинкографии не удалось. Заручившись от Бокова мандатом, обегал все, еще незамерзшие типографии. Напал на типографию бывш. Левенсона: сняли, откопировали—камень привезли. С большими затруднениями тиснули корректурную пробу. Боков умчался с ней. Вернулся он сияющий: печатать без изменений. Владимиру Ильичу понравилось.

— Вот, дорогой мой, сейчас же приступай!

Но... опять это проклятое „но“. Приступать к печати было нельзя!

В литографии Реомюр показывал ниже нуля шесть—семь градусов (а норма литографии была 15—16°). Категорически заявил я об этом тов. Бокову и советовал передать печатанье в „теплую“ литографию. О! О! Что с ним сделалось? Как! Отдать дело, порученное „Кушнеревке“ самим Ильичом, в чужие руки?

— Это саботаж, я упрячу вас в Чеку за неисполнение моих приказаний!—грохотал он, бегая по конторе литографии. Потом просил принять все меры. Невозможное было невозможно. Хлопнув дверью, он бросил:

— Тогда ступайте ко всем чертям; без вас обойдусь!

Я был посрамлен. Сам Боков стал командиром, отобрал машинистов, дал пуда три керосину (не было его тогда). Нагрели воды. Мучались весь день до поздней ночи: валики покрывались тонкой коркой, от камня шел пар. При обратном ходе валики трещали. Секретно отозвав старых рабочих, я передал им мой разговор с Боковым, прося их убедить его, так сказать, „коллективно“, чтобы он не терял время и согласился с моим советом. Так и было сделано. Отвезли камни на Сущевскую в литографию бывш. Бахмана,—там было тепло и отпечатали во-время. Нервы мои не выдержали: я свалился и с неделю лежал больной. Дня через три Боков прислал мне записочку со старым переводчиком Виноградовым, справляясь о моем состоянии. По выздоровлении явился к нему и был принят по-товарищески. Пожимая руку, он говорил:

— Уж извините меня, дорогой, всяко бывает: дело наше такое!

После такого случая мы с ним сошлись ближе. Приходя в литографию, он давал свои советы и спокойно выслушивал мои доводы или предложения.

XIV. Налаживаем производство

Солнышко становилось ласковей. Лютый мороз сдавал свои позиции. Фабрика „оттаяла“. К работе приступили около пасхи. Во время замерзания большая часть вновь присланных рабочих распылилась. Оставшиеся были размещены по машинам, и опять зашумела фабрика. Первое время были неполадки. Из пришлых некоторые оказались бузотерами-лодырями. Много труда стоило потом отделаться от них.

В начале 1923 г. фабрику арендовало издательство „Красная новь“. Появились новые директора: тт. Бернардюк и Фишелев. За дело они взялись серьезно.

И люди, и дела, и обычаи приняли совсем другие формы. Старики убывали один за другим.

Новые директора, с места в карьер, принялись за дело. Было произведено несколько совещаний с техперсоналом—выявились нужды и болезни цехов. В первую голову все покрасили, побелили, починили;

здание стало наряднеи. Добрались и до литографии. Обратились ко мне:

— Почему два офсета бездействуют и бесполезно занимают место?

Докладываю, что машины невиданные и подобрать людей для их обслуживания до сих пор не удалось. Пробовали, мол, один пустить еще при Бокове, но толку не было. Боков велел прекратить опыты. Я чистосердечно сознался, что сам в них ничего не понимаю и руководить ими не могу. Печатать же на них можно хорошие вещи и выгодно. Образцы работ мне показывал бывший их владелец.

— Будет вам и человек сведующий, найдем и штат,—последовал ответ Фишелева.—Машины должны работать!

Правильно, думаю я, вот как наладим, да ахнем тысяч по пятнадцати оттисков в день, да еще сразу в две краски.

Дело происходило в 1923 г. С 1919 г. меня порядком потрепало. Все время работал один: и завом, и помом, и калькулятором, и счетоводом, и курьером бегал по граверам, которые работали на дому—посмотреть, подогнать, когда дело спешное. Устал и нервы пошаливали. Хотелось отдохнуть. Заявил я об этом директору, тов. Фишелеву.

— Что же, поезжайте в очередной отпуск, отдохните, только погодите несколько дней.

— А как же дело? Кто заменит меня?

— Об этом не беспокойтесь!—последовал ответ.

Прошло несколько дней, и я укатил в свой родной город на Оку. Лето было удачное, отдохнул и физически окреп я хорошо, да и пора было—мне перевалило за шестой десяток. Первые дни отдыха что-то посверливало в мозгу: как на фабрике?

Потом, под влиянием солнца, реки и воздуха, все это исчезло.

Однако, и по возвращении моем из отпуска офсеты все еще не двигались с места. Я настаивал, чтоб искали мастера-печатника на эту машину. Попробовали привлечь своих мастеров—все, как „чорт от ладана“,—незнакомое дело, боятся. А все-таки дела идут веселей—лишь офсеты у меня поперек горла.

...Прошел еще год. Была середина лета. Товарищи уходили в отпуска. Опять техсобрание—только в литографии. Директор Фишелев заостряет вопрос: покрыть чехлами офсеты или принимать дальнейшие меры? Фишелев дает слово, что найдет человека. Человек явился. Начинаю присматриваться к Семенову, а он прямо—в машину офсет двухкрасочный. Тут стучит, там подвинчивает, одни ноги торчат, а сам весь в шестернях да колесиках внутри машины.

Стой! Дело-то должно быть будет на-мази. Я прямо на-пролом:

— Тов. Семенов, будет работать машина?

— А как же? Конечно, будет. Вы сегодня получили оригинал плаката, вот его и попробуем. Пока гравируют, я машину налажу.

Заикнулся я, что надо бы мне в отпуск, да как же его одного оставить? Не по-товарищески.

Слышу его спокойный голос:

— Ну, и поезжайте, отдохните! Дел немного—приедете, разберетесь. А тогда я завалю вас работой. Придется вам понатужиться над калькуляцией.

Приезжаю через месяц. О, чудо! Машина делает последний удар восьмикрасочного плаката. Начало работы офсетной печати в две краски надо считать со второй половины 1924 г.

Тов. Фишелев был удовлетворен. Мне перестала сниться эта машина. Товарищи рабочие поглядывали на нее с интересом. Но Семенову не повезло. Свои химические рецепты никому не показывал, держал под замком составы. На общем собрании, в конце 1924 г., созванном специально в литографском цеху, его обвинили во всех грехах, вольных и невольных, и он сократился.

Опять появился новый зав.—тов. Тараканов. Роста выше среднего, с широкой грудью—„нескладно скроен, да крепко сшит". В черной засаленной блузе, в стоптанных сапогах похаживал он от машины к машине, от станка к станку.

Вскоре усмотрел все недочеты цеха. Сам литограф-переводчик, да еще партиец (первый зав в литографии член партии), опираясь на ячейку, чувствовал себя самоуверенно. Ввел дисциплину, разогнал лодырей, подтянул лентяев, занялся офсетами. Наладили массовую изготовку форзаца для почтовых конвертов, мраморную бумагу для оклейки переплетов. Машины не бездействовали и стали приносить пользу. „Аппетит приходит с едой". А почему бы и литографии не поработать хорошенько. Выписаны из заграницы и поставлены два новых офсета—однокрасочных. Инструктором был призван какой-то полуиностранец. Тов. Тараканов стал втупик: машины должны давать хорошую продукцию, а выходит наоборот. Обладая здравым административным смыслом, он, пока что, приставил к машинам молодежь из накладчиков, в приемщики—учеников из школы. Пусть практикуются! Школа была оборудована приблизительно в это же время. Отвели ей помещение на три плоских литографских машины небольших размеров. Дали хорошего инструктора машиниста. Ребята ходили изучать теорию. Из них многие оказались дельными мастерами.

Типография перешла в Госиздат и стала называться 20-й. Работы прибывало. Стали печатать географические атласы, портреты, художественные картины. Был назначен новый пом. зав. т. Лыткин, еще молодой летами, но опытный, машинист по профессии. Учился он в политехнической школе и работал в хорошей типографии в Петрограде. Меня посадили за калькуляцию. На офсеты был назначен новый инструктор—настоящий немец Гроссе. Жалованье ему дали специальное. Тараканов только морщился: скупой был. Дело завертелось во-всю. Госиздат загружал своей продукцией не свыше 60 проц.; до полной нагрузки надо было заботиться самой дирекции. Никакой работой не брезговали, лишь бы загрузить машины. Ярлык

на горчицу—давай, на ситец—нам, плакат для кино—получай через два дня. Развивалась нездоровая конкуренция: копейкой ниже—получай заказ. Мне на калькуляции приходилось горячо.

— Василий Никифорович!—обращался ко мне тов. Тараканов.— Можно ли взять за этот плакат по 8 коп. за штуку? Тираж-то хорош—30 000.

Сейчас же смекаешь и даешь ответ:

— Дадут по 7 коп., берите Семен Иванович.

— Ладно, по восемь возьмем; где-то по 9½ просят.

Где же другим литографиям было конкурировать с нашей мощью. Иногда дело доходило до курьезного. Придет „типик":

— Мне нужно 100 000 вот таких вещиц, сколько будет стоить? Говоришь цену.

— А если 200 000?

— Столько-то.

— А 500 000?

— Еще дешевле.

— Ну, а если бы миллион отпечатать, тогда что?

— Если вы закажете миллион, то тогда уже придется вам доплачивать, а не нам платить,—ответил шутливо, зная что ему и „ста" девать некуда.

Дело стало на твердые ноги. Раз заработали офсеты, надо было вводить и фото-технику. Постепенно ввели и ее. Стали печатать очень недурные вещи, не уступавшие довоенным. Работали в две смены: днем 8 час., ночью 7 час. Появились выдвиженцы. Одного машиниста назначили во вторую смену инструктором. Некоторых направили на работу в Госиздат. Ушел от нас и тов. Фишелев—первый поборник за офсеты.

XV. Работаем по-новому

С переходом на 7-часовой рабочий день стали работать и в три смены, хотя и неполным штатом машин. Скользящая непрерывка портила взаимоотношения техперсонала. То ты не найдешь того, кто тебе нужен, то тебя ищут, когда у тебя „выходной". Введение пятидневки и твердого выходного дня внесло больше порядку. Все налицо и искать друг друга не приходится.

Соревнование и ударничество захватило всех. Приятно, ведь, посмотреть, когда в твоем цеху переходящее красное знамя красуется во всем величии. Значит, постарались. А это поддерживает дух и хорошее настроение в работе.

В настоящее время завом у нас работает молодой тов. Попрядухин, инженер-полиграфист, недавно закончивший свою учебу. В помощь ему назначены трое помощников, так как теперь работают полностью три смены. Помощники—печатники-машинисты с большим производственным стажем, так сказать, „матерые литографы". Есть

и практиканты. Много их прошло перед моими глазами, многих ознакомил с калькуляцией. Граверная великолепно оборудована фототехникой. Народ работает в большинстве молодой. В шестом этаже помещается граверно-переводная школа. Оборудована она с осени 1931 г. Руководят ею три инструктора: хромолитограф, переводчик-пробист и машинист-печатник. Отвели в цеху маленькую машину для практики. Школа произвела на меня сильное впечатление, когда я вошел в нее первый раз. Молодежи много обоего пола.

Эх! родиться бы снова, да вступить в их ряды. Это не то, что сорок четыре года назад. Встал бы сейчас „хозяин" Кушнерев, да посмотрел... Что бы с ним стало? Как работает в настоящее время, что чувствует литография? Работа есть, но... Опять „но". Во-первых, на три смены нужно много бумаги. С бумагой же совсем плохо. Если же поступает бумага, то весьма низкого качества. Да и этой бумаги в обрез: ждем и рвем ее прямо с автомашины. Вот тут и поработай. И переходное знамя—тю... тю...—переехало на четвертый этаж, к брошюровщикам.

Перешли и мы на хозрасчет. Дело новое, ему еще надо установиться, а пока рабочие нервничают. Но все „неувязки" исчезнут, не сегодня, так завтра: народ живой—все сделает.

Есть у нас старческая болезнь: „маразм" по-латыни, по-русски—„дряхлость". Этой болезнью страдают некоторые наши машины, помнящие самого Кушнерева, а, может быть, заражают и другие. Приходится много заниматься их лечением.

Вот как обстоят дела на 15 апреля 1932 г.

XVI. „Мелочи" нового быта

Первый клуб был основан в 1922—1923 г., как раз наискосок ныне существующего „Рот фронт". Это здание было деревянное: барской постройки времен крепостного права. Было вместительно—для того времени хорошо. Затем устроили там столовку. Дом вскоре сгорел. Рабочие были огорчены: был при фабрике „свой клуб" и нет его. После присоединили нас к клубу „Спартак". Помещался он по Пименовской ул., поближе к Садовой, и принадлежал заводу бывш. Ильина. Здесь уже было несравненно лучше. Устраивали вечера с художественной частью. Происходили собеседования. Угощали бутербродами с икрой на черном хлебе и стаканом чая с сахарином. Развлекались шашечной игрой.

Всплывает в памяти, как я вдребезги „разбивал" тов. Потапова. Он натравил на меня ильинских; я и тех таким же способом. Дошло до того, что тт. ильинские взяли у меня слово, что я буду посещать клуб и дам им реванш. Пришлось побывать несколько раз. Бывало хорошо. Я слушал с маленькой сцены декламации артистов б. театра Корш и других. За игру в шашки я все-таки получил афронт. Выдвинутый против меня ильинскими партнер взял две-три партии,

но в окончательной он от меня получил „порт Артур“: я ему запер шашку.

С выездом от нас правления треста „Мосполиграф“ помещение было занято под собственный фабричный клуб. Были и лекции, приезжали видные товарищи. На сцене ставили спектакли и своими силами, и по приглашению. Демонстрировали и неизбежное кино. Тут же был буфет—вместо столовой.



Столовая.

Теперь фабрика имеет обширную столовую, хорошо оборудованную, на углу Садовой и Каляевской улиц.

На шестом этаже при фабрике же открыт кафе-буфет с „легкими“ закусками.

В этом же этаже помещается и амбулатория. Великолепное помещение, чистота. Кабинет врача, зубной кабинет, изолятор, перевязочная с аптекой. Приемная. Все так компактно, удобно. Медперсонал внимательный. Хорошо. что рабочий получает помощь на месте.

Н. А. Сахаров

ИЗ ПРОШЛОГО

Сорок лет тому назад—15 января 1893 года я впервые переступил порог типографии „Высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнерев и К°", имеющего, кроме Москвы, еще типографии в Петербурге при „Министерстве путей сообщения" и в Киеве. Не легко было попасть в ученики типографии с таким громким титулом. Мать моя, живя в то время у своего брата в качестве няньки и имея на своих плечах троих, попросила его похлопотать об определении меня в типографию.

— Трудновато,—сказал он ей,—но все же попробую. У меня там есть знакомый кладовщик, заведующий учениками наборной; угощу его и попрошу; может быть, что и выйдет.

Он не ошибся—дело вышло.

Мать была вызвана в контору типографии для заключения договора. Делом этим ведал один из директоров. Договор был заключен сроком на пять лет ученичества с оплатой: первый год по 4 р. 50 к., а в остальные 6 руб. в месяц на своей одежде и харчах.

Ученики в то время делились на две категории: живущих на своих квартирах и на спальне при типографии. Я же жил у дядюшки, и в праздничный день, когда нужно было бы отдохнуть, в 5 часов утра раздавался грозный оклик дядюшки:

— Николай! Вставай живо к ранней обедне.

Ослушаться нельзя было. Приходилось вставать и, скрепя сердце, итти. Простоишь начало и конец, а средину службы прогуляешь, чего не могли делать ученики, живущие на спальне.

В праздничные дни ученики иногда устраивали на спальне спектакли, которые в некоторых случаях удостаивал своим присутствием Кушнерев.

После беспечной детской жизни я был обречен на одиннадцатичасовой рабочий день—с 8 час. утра до 8 часов вечера с часовым перерывом на обед. Тяжелый рабочий день этим не ограничивался: через день обязательно работали сверхурочно часа три-четыре, да еще по воскресеньям по пяти часов, с оплатой: первый год—две копейки в час, доходя до пяти копеек в последний год учения. Работали при керосиновых лампах, при которых были неизбежны

копоть и запах керосина. Как ни тяжело это было, но и со сверхурочными пришлось примириться, и они даже стали желательны, так как заработанная от них сумма в размере одного, а иногда и полутора рублей в месяц поступала в мое распоряжение, из которой я часть уделял на театр, остальное—на мелкое обмундирование.

Как же протекала работа первого и второго года обучения и чему мог выучиться ученик? Почти ничему. Как только изучалась касса, ученика сажали на сортировку „сыпи". Уборщиков в то время не было, и ученики несли дежурство по подметанию пола. Ежедневно два раза в день—в обед и вечером—дежурные ученики подметали пол, полученный мусор просушивался и выдувался мехами: летом во дворе, а зимой на лестнице мастерских. Занятие было не особенно приятное: пыль при выдувании мехами, разлетаясь во все стороны, попадала в нос, ложилась на голову и одежду, проникала в легкие. Спецодежды в то время не давалось. Кроме того, каждый день из всех квадратных ящиков выбиралась „сыпь": ходили ученики с пакетиками из бумаги по всем переулкам и, по мере наполнения их, ссыпали в ящики. От всей этой процедуры и получалась „сыпь". Из этой „сыпи" выбирались шпации, украшения, титульные шрифты от кегля 16 и выше, линейки. Все сортировалось по кеглям и раскладывалось по местам. Два раза в год, под рождество и пасху, происходила генеральная уборка наборной под надзором заведывающего учениками. Вооружались все метлами, палками, выгребали мусор из-под всех реалов, вытирали пыль на колпаках ламп и на реалах. От такой уборки получались целые горы мусора, который после праздника опять таки всю продували и сортировали.

В обязанность учеников входила беготня за водой старшим наборщикам, а иногда и за водкой. Бегали за водкой потихоньку, чтобы не заметила администрация. Вода стояла в нижнем этаже в ушате. Сортируешь „сыпь", подходит наборщик с бутылкой:

— Ну-ка, огальцы, принесите воды!—Пока торгуешься, кому итти, глядишь, подзатыльник—два кто либо и съел.

Мне за все время пришлось получить один подзатыльник: несмотря на то, что я поручение выполнил блестяще, все же получил его—за что, до сих пор не знаю. Рукоприкладство было привычным делом не только наборщиков, но и администрации. До сих пор у меня стоит в глазах случай, когда подручный у тискального станка что-то сделал не так или сбаловал и это заметил заведывающий наборным и печатным цехами. Подошел он к нему, нагнул его и отвесил по его шее несколько ударов кулаком так, что у бедняги показались на глазах слезы. Остановился раз ученик на лестнице, ведущей из машинного отделения в наборную и смотрит, как там печатают. Проходивший в это время заведывающий типографии тоже не замедлил отвесить ему подзатыльника.

Ученики, прилежные к работе и ведущие себя хорошо, пользовались со стороны наборщиков и администрации особенным внима-

нием: их реже посылали за водой и водкой и обращались с ними лучше.

Отпусков, как ученикам, так и наборщикам, не полагалось. Единственным продолжительным отдыхом была пасха в продолжении десяти дней. Правда, этот отдых очень тяжело доставался, так как весь великий пост—семь недель—отрабатывали, т. е. работали по часу лишних—двенадцать часов каждодневно, да еще сверхурочные. Но впереди был десятидневный отдых и наградные... Приходилось мириться.

Наградные давались один раз в год к пасхе, из сумм, отчисляемых от прибылей прошлого года. Несмотря на то, что настоящая прибыль владельцами скрывалась,—во избежании лишних налогов,—все же сумма отчислялась порядочная. Львиная доля попадала директорам и администрации, рабочему же—жалкие крохи с барского стола.

Тот, кто создавал прибыль,—получал меньше всех.

Более грамотные ученики, живущие на спальне, по вечерам посылались к Кушнереву на квартиру читать книги. Сам он или сидел в кресле или лежал в постеле. Жил он тут же при типографии в особняке. Как-то в один из дней мне заведывающий заявляет:

— Сегодня вечером, Сахаров, ты пойдешь читать книгу к Ивану Николаевичу.

Душа у меня ушла в пятку—уж очень был сердит „барин“: а вдруг на чем-либо запнешься? Но опасения мои были напрасны: перед самым концом работы мне заявили, что сегодня ходить не надо, так как Иван Николаевич заболел. Мое назначение читать ему книгу было для него роковым—он вскоре умер. Смерть его не была печалью, особенно для учеников. Мы думали только о том, чтобы день похорон пришелся в будни и можно было бы погулять. После похорон ученикам были устроены на спальне поминки. Кроме обычного обеда, каждому давался еще пирог и бутылка меду. Рабочим же дано было по одному рублю: кто поминал в трактире или пивной, а кто и дома. Для администрации поминки были устроены в конторе.

К типографии, по Пименовской, примыкал особняк, в котором жил Кушнерев, с другой—по Щемиловскому переулку—примыкал двухэтажный деревянный домик, в котором жил заведывающий типографией Захариков, большой любитель огородничества, и его балкон, выходящий на улицу, был весь уставлен ящиками с выращиваемыми огурцами и иными овощами, под наблюдением специально приглашаемого огородника. Оба дома имели ход прямо в мастерские. Для того, чтобы пройти Захарикову в контору типографии, нужно было пройти через всю наборную.

Суровый, никогда не улыбающийся, он, проходя через наборную, ни на кого не глядел. Как бы никого не замечая, он в то же

время видел все. Не останавливаясь на описании других директоров, скажу немного о директоре—Иване Дмитриевиче Петрове.

Поступивший чуть не с основания типографии конторщиком, он дослужился до бухгалтера и далее, приобретая паи, до директора. Для характеристики этого человека приведу один эпизод, происшедший в типографии: в машинном отделении литографии во время чистки была пущена в ход машина, и чистившему ее ученику раздробило голову. Когда же директору Петрову доложили об этом, то первым его вопросом было:

— А цела ли машина? Нет ли какой поломки?

Жизнь человека ему была не важна. Будет другой. Этот случай я никогда не забуду.

Возвращаюсь к прерванному об ученичестве.

Если более грамотные ученики посылались для чтения книг к Кушнереву, то они же во время работы посылались в корректорскую в качестве подчитчиков: на этом типография не мало экономила. Мы на эту работу шли с большим удовольствием, так как работа была чистая, корректорам подавался чай, они же брали его и для нас. Работая в корректорской, мы избавлялись от сортировки „сыпи“ и подзатыльников. Поэтому, когда корректор приходил к кладовщику за кем-либо из нас, то все жадно смотрели ему в глаза, как бы умоляя: „Возьми меня!“

На мою долю выпало счастье в продолжение своего ученичества года полтора провести в корректорской.

На втором и начале третьего года ученик от „сыпи“ отходил, и ему уже давали разбор. Приблизительно с этого времени у ученика начинается период „подшибания“: в свободное от сверхурочных вечеров время он для пополнения своего заработка разбирал наборщику кассу. За разбор полной кассы наборщики платили ученику 15 копеек.

На четвертый год учения начинали давать набор. Учеников размещали по „переулкам“ в распоряжение наборщиков; они на весь этот переулок разбирали разбор и даже частично набирали. Плохо было тем ученикам, которые попадали под руку наборщиков, любителей давать подзатыльники: они и за провинность отвешивали подзатыльники и в виде ласки. Одним из таких наборщиков был Егоров, глухой, по прозвищу „Верблюд“. Несмотря на то, что он был щедр на побои, ученики были не прочь над ним пошутить. Ученик, стоявший под рукой Егорова, вырезал маленького верблюда и наклеил на внутреннюю сторону табакерки. Ничего не подозревая, открыл Егоров табакерку и хотел было понюхать, но, увидев наклеенного верблюда, так рассвирепел, что бросил табакерку по наборной. Он даже и не подозревал, что это мог сделать ученик. Он думал, что наборщики—и долго ни с кем не разговаривал. Ученик же этот кое-кому сказал из товарищей, желая похвастаться

своим подвигом. Но раз это стало достоянием многих, то Егоров, узнав виновника, сильно его избил.

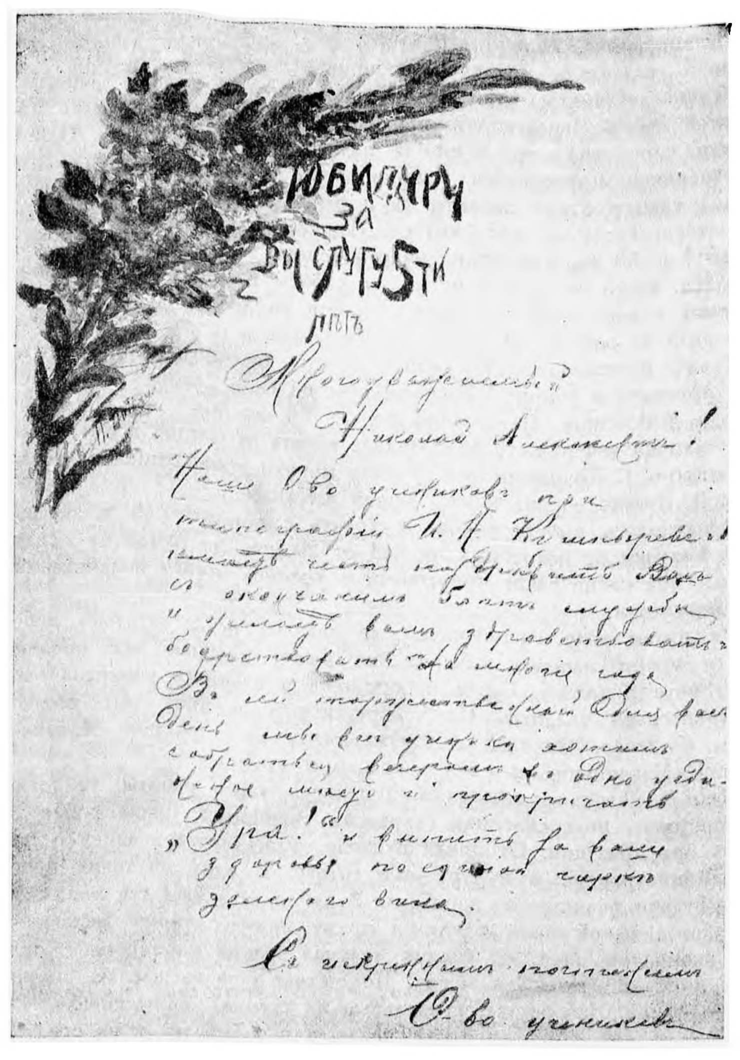
Очень надоедали ученикам наборщики, посылая их за водкой. Особенно доставалось тем из учеников, которые были „спецами“ по этой части. Через ворота проходили с трудом; более легко проходили через спальню, а иногда подлезали и под ворота. Одному из учеников приходилось больше всех ходить за водкой. Такое частое хождение ему надоело, да и было рискованно: можно было попасться. Тогда он придумал следующее: получив за месяц жалованье 4 р. 50 коп., он купил на эти деньги водки, от сотки до полбутылок, легко ее пронес во время работы и спрятал в сваленные обрезки в ящики сзади парового здания во дворе. Когда его затем посылали за водкой, то, чтобы не бросалось в глаза, что он быстро „сбегал“, оттягивал время: или проходив где-нибудь по корпусам, или просидев в уборной. Выждав, шел на свой „склад“ и приносил оттуда заказанное. На каждой посуде он наживал 10 коп. Когда работали по вечерам, то приходилось ходить за водкой в Петровский монастырь. С Крапивенского переулка монахи-привратники торговали водкой. Вместо сорока копеек брали шестьдесят.

Приходилось иногда ученикам ходить с корректурой к заказчикам, получая от некоторых на чай от 20 коп. до рубля за каждый поход. Вот какие были приработки у ученика, плохо оплачиваемого предприятием.

На пятом году ученичества уже давался исключительно набор. В то время макетов никаких не было; каждый мог проявить свой вкус и талант. Среди наборщиков и старших учеников были действительно таланты. Из наборщиков-художников того времени был Богданов, Николай Аббакумович, а из учеников—Михайлов, Сергей Макарович,—я говорю только о крупных.

Если в мелочном отделении скоплялось много работы, то группа наборщиков, подкрепленная старшими учениками, брала работу на ночь под праздник. Отбирали нужные дела, договаривались о цене с администрацией и к утру—все готово. В одну из таких ночей, еще будучи учеником, я заработал 3 рубля. Это был для меня клад: заработок одной ночи равнялся моему полумесячному жалованию. По окончании пяти лет ученик получал звание наборщика с окладом в 20—25 рублей в месяц. По выходе еще выдавалась награда в 25 рублей. Наборщика, вышедшего из ученья, „спрыскивали“ где-либо в пивной или в трактире, после чего он входил в их среду на правах равного.

Мне, по выходе из ученья, наборщики поднесли адрес, нарисованный С. М. Михайловым в стиле „рококо“ с разбросанными по адресу образцами типографских работ мелочного характера и визитными карточками наборщиков, подносивших адрес. Учениками был тоже поднесен адрес. Сравнивая два адреса, интересно отметить: в то время как адрес наборщиков носил характер только поздравления,


Юбиляру за выслугу 5ти летъ

Юбиляру за выслугу 5 лет.

Многоуважаемый Николай Алексеевич! Наше О-во учеников при типографии И. Н. Кушнерев и К° имеет честь поздравить Вас с окончанием 5 лет службы и желает вам здравствовать и бодрствовать на многие года.

В сей торжественный для вас день мы все ученики хотим собраться вечером в одно уединенное место и прокричать «Ура!» и выпить за Ваше здоровье по единой чарке зеленого вина.

С искренним почтением О-во учеников.

ученики определенно говорят, „что они должны собраться в одно место, прокричать „ура“ и выпить за мое здоровье“.

Часть наградных, как у всех, так и у меня, ушла на „спрыскивание“. В пивной было целое торжество с качанием.

Ученики гуляли одни.



Н. А. Сахарову.

М. Г.! Поздравляем Вас со днем благополучного окончания Вашего учения и спешим пожелать Вам от искренних сердец наших хороших и блестящих успехов на славу дорогого нам искуства, здоровья и всего хорошего на много, много лет.

Товарищи.

Остановлюсь несколько на типах учеников и наборщиков того времени. Как те, так и другие резко отличались друг от друга. Был, например, ученик Пахомов. По окончании работы он всегда одевался в хороший костюм с красным платком в кармане, палка

с наконечником из оленьего рога в четверть аршина длины, и отправлялся на Тверской бульвар на музыку. Другая часть учеников не обращала на себя внимания: одевалась, как придется, ходила в казенных, не по ним сшитых, пальто и т. д.

Такая же картина наблюдалась и у наборщиков: одни были любителями хорошо выпить и после получки дня три-четыре прогулять, но уже после этого они так работали, что все прогульное время ими наверстывалось, несмотря на то, что им в наказание давался плохо разбираемый оригинал. Такого, плохо разбираемого, оригинала было много, так как о переписке на машинке и вычитке оригиналов в то время не имели понятия. Особенно боялись рукописи театрального критика Ивана Иванова, дающего слишком мелкую рукопись, с большим трудом разбираемую; недаром про него было сказано, что он:

Таракан из тараканов
Иванов Иван Иванов
Театральный критикан.

Из одной страницы его оригинала выходило до двух гранок набора. Все же и с ним справлялись.

Часто бывали случаи появления наборщиков в пьяном виде. Стоишь работаешь, и вдруг слышишь, где-то раздается „ку-ку-ре-ку". Разыскивают этого „петушка", и если он не поддается на уговоры, то появляется городовой и убирает „петушка". Бывали случаи, когда и городовой ничего не мог сделать. Тогда приходил директор Захарников, извлекал из гардеробной выпившего, брал его за шиворот и проталкивал к выходу.

По окончании работы рабочие переодевались, надевали котелки, а наборщик Ларионов даже пошел дальше: он надевал цилиндр и отправлялся гулять. Беря наборщика прежних времен и теперешнего, исключая старых, невольно напрашивается некоторое сравнение. В прошлом наборщику, кроме плохой рукописи, приходилось самому расставлять знаки препинания, так как сплошь и рядом были рукописи без знаков препинания. Наборщик должен и рукопись разобрать и знаки расставить,—он был „профессором" своего дела. Что мы видим теперь?

Наборщики того времени были большие „звонари", особенно в мелочном отделении. Звон был здоровый и острый. Но временами он переходил во вредный, чему свидетельствует случай, когда, благодаря неуместному звону, выбросился с 6 этажа наборщикВаловцев.

Проработав один год наборщиком, я в 1900 г. был переведен в метранпажи.

Как культурно проводили жизнь наборщики того времени? Как известно, клубов не было. Для одних единственными местами были: ренсковой погребок Лесина, рядом с типографией, где наборщики

в кредит (до получки) получали водку, там же, на черном ходу, в комнатушке, заваленной ящиками, распивали и закусывали. Вторым местом сбора были трактиры, расположенные напротив и недалеко от типографии, и третьим местом была пивная Егора Ивановича Глебова, в которой творилось что-то невообразимое: гармошка, пляска, скандалы и так далее. Другая часть наборщиков проводила время в развлечениях. К этой группе примкнул и я. Во время ученичества я пересмотрел семнадцать балетов в Большом театре, так как на них легче всего было попасть. С 1898 г. по 1910 г. мною были пересмотрены 109 драматических пьес, 18 оперетток и 71 опера. Некоторые оперы я смотрел по несколько раз. Например: „Кармен"—25 раз, „Фауст"—22, „Демон"—23, „Пиковая дама"—16, „Евгений Онегин"—16. Всего же за эти двенадцать лет я побывал в опере 246 раз.

Опишу один случай, когда меня не хотели пустить в Большой театр. Был большой благотворительный концерт в Большом театре по баснословным ценам, с участием знаменитостей из всех театров, начиная с Шаляпина. Надо сказать, что много билетов попадало в руки барышников—перекупщиков, которые брали за них дорого, а когда уже начинался спектакль и у них оставались на руках билеты, они их отдавали по дешевке, лишь бы сколько-нибудь да выручить. Зная об этом, я и решил пробраться на концерт через перекупщиков. Проработав до 8 часов, я прямо из типографии махнул к театру. Концерт уже начался. За один рубль купил у барышника билет в амфитеатр партера, стоящий очень дорого по номиналу. Чувствуя себя на десятом небе, влетаю в театр, стаскиваю наспех пальто и... о, ужас!—капельдинер мне заявляет:

— В таком костюме нельзя!

— Позвольте получить денежки обратно,—не растерявшись, говорю я.

А получить-то приходилось не рубль, а во много раз больше. Тогда он говорит:

— Ну, ладно, идите, только, чтобы не видел полицмейстер!

Вне себя от радости я вхожу в зрительный зал, думая в потемках кое-как пробраться на место, но ошибся. В зрительном зале бывают потушены огни только во время спектакля, а во время концерта он освещен. Как затравленный зверек, я разыскал свое место, рядом с шикарно разодетой дамой, которая косо на меня поглядывала, так как от меня пахло скипидаром. Придя с мороза в тепло, у меня защекотало в носу и мне неловко было достать красный грязный платок.

Я настолько чувствовал себя неловко, что во время первого отделения не решился даже хлопать артистам. Со второго отделения я пришел в себя и чувствовал себя уже хорошо. Привожу этот пример, характеризующий отношение к рабочему, посещавшему дорогие места, т. е. садящемуся „не в свои сани".

Были в Москве организованы курсы немецкого языка. Жажда приобрести знания заставила меня записаться на эти курсы. Но, проходив месяца два, я принужден был их бросить, так как нужно было бежать на них прямо с работы сильно утомившемуся, благодаря чему уставший мозг не мог, как нужно, воспринимать преподаваемое.

Приблизительно к 1895 году начались первые двадцатипятилетние юбилеи рабочих. Первыми юбилярами были наборщик Пасхин и переплетчик Осипов. Так как эти юбилеи были первыми, то они были торжественно обставлены. Пришлись они оба в один день. От дирекции и товарищей были поднесены подарки. Подписной ужин происходил в лучшей гостинице—„Континенталь"—с оркестром музыки.

В 1901 году я вступил в члены вспомогательной кассы типографов, утвержденной в 1869 году. Состоящие в ней члены платили по первому разряду ежемесячно 1 р. 20 коп.; по второму—90 коп. и по третьему—60 коп. Желающие участвовать во „вдовьей" кассе платили ежемесячно еще по 40 коп. Кроме того, за каждого умершего члена взималось по 15 коп. с человека. Что же давала касса? Ссуды, оплачивала все рецепты, давала бесплатную медицинскую помощь, имея постоянного врача и лечебницу, платила по болезни: по первому разряду—6 руб. в неделю (я беру все по первому разряду); на похороны—60 руб., плюс 15 коп. с каждого члена; при поступлении на военную службу—30 руб., инвалидам, проплатившим 15 лет,—пенсия 12 руб. 50 коп. в месяц, сверх 15 лет до 30—за каждый год доплачивалось по 25 коп. Вдовы и сироты умершего члена получали: жена—5 руб. и дети—по 2 р. 55 коп. Родители умершего члена, проплатившего 15 лет, получали пенсию 3 руб. в месяц.

В 1903 году типография приобрела первую наборную машину „Типограф", которая и до сих пор работает[1]. Не особенно дружелюбно была она встречена наборщиками. Все в ней видели конкурента, отнимающего у них хорошие дела, но потом успокоились, убедившись в том, что на ней не так-то велико разнообразие шрифта и притом на одной машине далеко не уедешь. Поставили машину на третьем этаже в маленькой комнатке. Первым наборщиком на ней был нынешний инструктор Н. П. Артамонов. Набирался на этой машине журнал „Родная речь" и приложение к ней—сочинение графа Салиаса. Больше она ничего набирать не успевала. Так как этот журнал верстал я, то мне и пришлось быть первым метранпажем машинного набора.

[1] К концу 1906 г. были приобретены еще 3 машины. Первая женщина наборщица на «Типографе» у нас в типографии была Травина.

В 1900—1903 годах пробовали заменить керосиновые лампы электричеством. Много было разных комбинаций и остановились на лампочках, подвешенных к каждой кассе. Хотя с введением электрического освещения дышать стало легче, но все же не так, если бы были вентиляторы, а их то и не было.

В 1904 году умер заведывающий наборной Петров, Григорий Моисеевич. Смерть его показывает яркий пример боязни гнева своего начальства. Когда я и Петров, А. В., перед обедом зашли его навестить, и Петров спросил его о 60 гранках, которые он нашел запрятанными в ящике, то он сказал:

— Саша! Я забыл тебе сказать—эти гранки я велел набрать не тем шрифтом, какой был указан; их придется перебирать. Устрой пожалуйста так, чтобы об этом не узнал Барышников.

Надо заметить, что он страшно его боялся, так как последний сильно на него наседал. Каково же было наше удивление, когда, придя после обеда на работу, нам сказали, что Григорий Моисеевич Петров умер.

После его смерти на его место был назначен А. В. Петров, а спустя месяц—его помощником я. Приблизительно месяц спустя, наборная была разделена между нами пополам и мы работали каждый самостоятельно: в нашем ведении было по 35—40 человек наборщиков. Оригиналы в то время поступали без всяких оформлений и спецификаций, через заведывающего типографией Барышникова. Книгу целиком оформлял заведывающий наборной, кроме назначения основного шрифта, который выбирал сам заказчик. Набиралась книга не целиком, как это делается теперь, а по 6—8 листов, и когда они выходили из печати, то этим же разбором набиралась книга дальше. Что этим достигалось? Во-первых, шрифт не забивался, и если заказчик долго держал корректуру, то он не имел права претендовать на дальнейший набор; во-вторых, наборщик набирал подходящим для него разбором.

Качество работы типографии было очень хорошее, на него обращалось особое внимание: прежде чем пустить в печать лист, он подавался на просмотр заведывающему типографией, который тщательно его просматривал, отмечая карандашом тот или иной дефект. По исправлении указанного, лист пускали в печать. Благодаря такой системе, печать получалась безукоризненной.

В типографии печаталось свыше двадцати журналов как еженедельных, так и ежемесячных. Все они выходили аккуратно; даже такой журнал, как „Русская мысль“ в 30—32 листа. Объяснялось это согласованной работой типографии с заказчиком.

Время шло. Росло политическое сознание рабочих. Нарастали события. Осенью 1903 года началась известная забастовка московских типографов. Энергичнее всех проявил себя наборщик Дорохов.

Он вырывал у наборщиков верстатки и призывал их к окончанию работ. В первый день забастовки прошел слух, что будут произведены аресты среди забастовавших. Конечно, многие старались провести ночь вне дома. Я в этот день был в театре, по окончании спектакля долго бродил с братом по улицам Москвы, но желание поспать преодолевало все страхи и мы отправились домой. Опасения, конечно, были напрасны—никаких арестов не было. Забастовка протекала дружно. Ежедневно собирались митинги во дворе типографии. Администрация за нами наблюдала в открытое окно из конторы, и вот, во время одного такого „наблюдения“ из конторы, один из рабочих, увидев стоящего у окна заведывающего литографией, обращаясь к товарищам, заметил:

— Вот так рожа вылезла! Ничего себе—отъелся!

Это замечание, конечно, вызвало смех, а осмеянному пришлось отойти от окна.

Забастовка окончилась частичным удовлетворением требований. Окрыленные этим успехом, рабочие смелее шли на последующие забастовки. В 1904 г. произошла забастовка учеников на спальне. Причины, вызвавшие эту забастовку, были следующие: запрещение выходить после 9 часов вечера на улицу, выдача чая низкого качества, ухудшение пищи (была подана каша на испорченном сале). Все ученики, как один, не вышли на работу. Уговоры „дядьки“ не помогали. Тогда явился на спальню директор Боровик и велел всем выстроиться. Ученики выстроились, начиная со старших и кончая младшими. Подойдя к старшим, Боровик закричал на них:

— Вы почему не работаете? Сейчас же марш на работу!

Старшие бросились с лестницы вниз на работу. Младшие остались. Тогда их по-одиночке стали спроваживать на работу, отвешивая каждому по хорошему подзатыльнику.

Так окончилась забастовка учеников.

В октябре 1905 года была забастовка, явившаяся преддверием к восстанию 1905 года. Типография в это время начала достраиваться—почти готов был корпус по Щемиловскому переулку. Этому новому зданию пришлось быть свидетелем всех митингов, происходивших во время декабрьского восстания. Митинги происходили на четвертом этаже пустующего корпуса. Выступающие на митинге товарищи своими зажигательными речами настолько наэлектризовывали присутствующих, что они, кажется, готовы были итти на что угодно. Присутствующие на митингах настолько чувствовали себя хорошо, что забывали о существовании хозяина и полиции,— их больше не боялись, а, наоборот,—они нас боялись. В действительности, так это и было: ни хозяина, ни полиции не было ни слышно, ни видно. Они, как побитая дворняжка, озираясь, поглядывали из своей конуры. Настроенные по-боевому, кушнеревцы, высыпав на улицу после митинга, с быстротой молнии воздвигали



Наборщики-сдельщики (снимок 1911 г.).

баррикады в окрестностях типографии, которые заняли лучшие дружинники типографии: Кайрович, Борщевский, Макаров, Жуков, Соколов (Сергеев). Жуткую картину представляла первая ночь восстания на Пименовской улице: темная ночь, слышен треск ломаемых ворот для баррикад и кое-где вспыхиваемые огоньки от одиночных выстрелов. В одну из перестрелок был ранен в ногу дружинник Соколов (Сергеев). Кто-то донес, что в доме Чукарева (угол Селезневки и Сущевского тупика) засели дружинники. Дом был обстрелян, жильцы попрятались, кто куда мог. Один даже забрался под табуретку и здесь же был убит. После обстрела было много найдено пуль. Хотя несколько дружинников, как говорят, и было в этом дворе, но они благополучно скрылись.

Не помню по какому случаю, но около теперешнего дома „Красной армии" была поставлена артиллерия, и вдоль Селезневки была открыта пальба. Жители нашего дома все попрятались в нижних квартирах. Чем была вызвана эта стрельба—осталось невыясненным.

Во время восстания выходили „Известия Совета рабочих депутатов". Набрали их в типографии Левенсона, но отпечатать не удалось, так как прибыла полиция. Все же матрицы удалось увезти в типографию Чичерина, но там не оказалось ротации. Тогда их привезли к нам в типографию. Типография оказалась закрытой. Один из дружинников обратился к табельщику Елисею, племяннику директора Захарикова, с требованием выдачи ключей.

— Ключей у меня нет,—говорит Елисей,—они у директора Петрова.

Пошли к директору.

— Иван Дмитриевич! Позвольте ключи от машинного отделения.

— А у меня их нет!—отвечает Петров.—Они у Елисея.

Идут опять к Елисею. Тот посылает опять к директору. Придя снова к директору, заявляют:

— Если вы нам сейчас же не дадите ключей, то мы вынуждены будем сломать дверь!

Петров начинает шарить по карманам, достает связку ключей, роется в них и говорит:

— Нет у меня ключа. Он—у Елисея.

Дружинники уходят, пообещав взломать двери, но, идя вниз по лестнице, слышат голос директора Петрова:

— Вот, возьмите, ключи нашел!

Следующий номер набирался и печатался у Сытина, но до конца печатание довести не пришлось, так как типография была окружена казаками. Макарову и Соколову (Сергееву), забравшим сколько было возможно „Известий", удалось перемахнуть через забор, выходящий на Валовую улицу, сесть на извозчика и уехать. Едва они успели переехать мост через Москва-реку, как им вслед посыпались выстрелы, но вреда они им причинить уже не могли, так как выпуклость моста их скрыла от пуль. По дороге их останавливали рабочие патрули, но, увидев, что они везут „Известия", их немед-

В приемном покое.

ленно пропускали. Хотя не весь, но все же номер был доставлен в типографию Кушнерева. После этого типография Сытина была сожжена.

Во время декабрьского восстания в моей личной жизни произошла трагедия: смерть брата, отпевание которого происходило при церкви Старо-Екатерининской больницы. Во время службы я пошел осмотреть морг при больнице. Войдя туда, я был поражен зрелищем, которое никогда не изгладится из моей памяти: гора трупов, разбросанная по всему моргу, с отрезанными головами, рассеченными черепами свидетельствовала о той работе, которую проделывали „доблестные" войска того времени, подавляя восстание.

По окончании восстания оставшееся на руках у дружинников оружие и сабли были спрятаны в больших пустующих чанах, находившихся на чердаке типографии. Достать их оттуда было трудно, но дружинники решили, что, когда нужно будет, все равно достанут. За то теперь убраны надежно. Несколько маузеров было оставлено на руках у Макарова, Жукова, Дрязгова и других для практической стрельбы в лесу. Хранили они их у себя в реалах. Спустя некоторое время, подходит к товарищу взволнованный Жуков и говорит:

— А знаешь что? У меня пропал из реала маузер!

Стали искать—не нашли. Тогда через одного ученика узнали что у Жукова в реале рылся кладовщик М. П. Чугуев. Жил он в то время на Казанской улице. Ребята наши стали следить за Чугуевым и, заметив, что он в один из дней отправляется домой с оттопыренным карманом, пошли вслед за ним. Обогнав его, Жуков спрятался в воротах его дома, а Макаров пошел ему навстречу. Увидев около ворот своего дома Макарова, Чугуев спрашивает:

— Откуда это ты?

— Да вот пошел было в одно место, да вернулся,—отвечает тот.

Как только перешагнул Чугуев порог своей калитки, Жуков его схватывает и со словами:

— Михаил Петрович, вас нужно обыскать,—приступает к обыску. Распахнул пальто, под которым оказался пропавший маузер. Чугуев растерялся: пролепетал, что он, мол, хотел его спрятать, но его и слушать не стали: отобрали оружие и ушли.

После того как типография Сытина сгорела, часть дел, печатавшихся там, перешла в типографию Кушнерева, благодаря чему наборная была настолько переполнена, что похожа была на муравейник. В числе перешедших дел был духовный журнал „Воскресный день", издаваемый и редактируемый священником от Николы с Мясницкой. Если бы не его длинные волосы и ряса, я бы не сказал, что это поп. Настолько он был обормотист. По словам же курьеров, носивших к нему на дом корректуры, он был к тому же большим

матершинником. Это, кажется, был единственный журнал, не имеющий сотрудников: его сотрудники были „завязаны“ в платочке.

Однажды, уехав из типографии, он возвращается обратно и кричит:

— Сотрудников своих забыл.—А „они“ преспокойно лежат в конторе на стуле, завязанные в платочек. Это были разные божественные книги, из цитат которых он составлял свой журнал. Кроме журнала, он наводнил нашу типографию приложениями к журналу в виде разных листочков, продаваемых в церквах по копейке. Останавливаясь на этом, я хочу сравнить два момента: борьбу рабочего класса с угнетателями и затем как, после этого, тот же рабочий своими же руками принужден был набирать листовки. проповедующие о „непротивлении злу“.

После усмирения рабочих и подавления восстания администрацией дано было распоряжение об осторожном приеме рабочих,— уж очень они боялись „неспокойного элемента“.

В то время, как раньше рабочие выслушивали происходившие во дворе молебны, на одном из последних молебнов произошел такой случай: по окончании молебна настоятель Пименовской церкви начал говорить проповедь.

Раздались возгласы протеста:

— Довольно! Слыхали!

Священник опешил, но все же пытался продолжать. Тогда шум поднялся еще сильней. Пришлось все прикончить.

Это был последний молебен.

7 декабря 1906 года. решили отметить годовщину декабрьского восстания устройством митинга во дворе типографии.

За полчаса до обеда сами рабочие дали звонок; все высыпали во двор. Ворота заперли. Один из наборщиков взлез на пожарную лестницу, произнес речь и предложил спеть марсельезу и похоронный марш. После этого вышли на улицу. Но там нас уже дожидались казаки, накинувшиеся с нагайками на выходивших. Многим из нас попало.

Разразившийся в 1907 году локаут был вызван отказом наших рабочих печатать привезенный набор из типографии Левенсона, в которой произошла забастовка. Было созвано собрание, на котором постановили набор не печатать.

Период с 1907 по 1914 год как будто особенным ничем не отличался. Лучшие силы, как наборной, так и других цехов, были призваны на военную службу во время империалистической войны. Этот момент можно считать началом широкого внедрения женского труда в типографию. В наборную было принято человек 30—35 учениц. Обучали наскоро, лишь бы скорее можно было извлечь из них пользу, поэтому почти все вышли недоучками, умеющими набирать только один чистый текст.

А. В. Петров

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

В 1883 году меня, одиннадцатилетнего мальчика, отдали в ученье в одну из мелких типографий, носящей довольно громкое название—типография „Общества распространения полезных книг имени кавалерственной дамы Стрекаловой". Срок обучения—4—5 лет; харчи вместе с рабочими на общей кухне; койка на спальне в ученической; в год—пара яловочных сапог и две починки. Все остальное—свое, включая стирку белья и бани. Типография помещалась на Моховой улице против манежа в подвальном помещении. Помещение сырое, со стен текло, отапливалось железными печами, свету было слишком мало; во все время рабочего дня горели керосиновые лампы, от которых шла неимоверная копоть.

Работало рабочих около 80 человек. При типографии имелось небольшое отделение литографии, брошюровочной и переплетной. Из общего количества рабочих больше половины были ученики (45 человек).

Рабочий день начинался с 6 час. утра и оканчивался в 8 час. вечера, с часовым перерывом на обед, что составляло чистых 13 рабочих часов. Для учеников он начинался значительно раньше: нужно было натаскать воды на кухню, наколоть дров, начистить картошки и приготовить все остальное, что полагается для обеспечения рабочих питанием к утреннему чаю, обеду и ужину. Ежедневно дежурило по 10 мальчиков-учеников. На кухне обедами пользовались все рабочие, за исключением наборщиков, которые находились в более привилегированном положении: они жили на своих квартирах и пользовались своими харчами. Все остальные рабочие были „на харчах" у типографии и имели койки в общей спальне, за что высчитывалось с них по 6 руб. в месяц.

К утреннему чаю белого хлеба не полагалось, только черный; чай заваривался в общий чайник, сахару выдавалось по 2 фунта в месяц на человека.

Ели из общей деревянной чашки деревянными ложками. За каждую чашку усаживалось за стол не менее 12 человек. Мясо делилось старостой по столам, крошилось в чашку, и старостой же давался сигнал, когда можно приступать к его извлечению из чашки ударом ложки по ней. Начинался настоящий бой: „если ты смел.

то два съел", если проворонил—остался без мяса, которое было и очень ограниченной порции (полагалось на день в сыром виде по $^1/_4$ фунта на человека). Отыгрывались, главным образом, на черном хлебе, каше и картошке, которые чередовались через день.

В каких же условиях работали рабочие этой высокой по званию типографии? Большинство рабочих работало повременно, только небольшая группа наборщиков-текстовиков работала сдельно из расчета 12 коп. за 1 000 букв с разборкой кассы и правкой двух корректур. Самый машистый и квалифицированный наборщик при 13-часовом рабочем дне мог заработать не более 1 р. 70 коп. в день, или 40 руб. в месяц, часто прихватывая сверхурочные, которым не было ограничения. Не освобождали от них и учеников. Повременщики наборщики-акцидентщики получали 30—35 руб. и, как особое исключение,—40 руб. Это были своего рода художники. Сверхурочные работы оплачивались наборщикам—мелочникам 15 коп. и 20 коп. за час, ученикам 1—2 года—2 коп., 3—5 года—3 и 5 коп. в час.

Весьма интересно отметить работу учеников. Первые два года ученик-наборщик обязан был выполнять любую работу, на которую его назначали: он был и на кухне, и за курьера, разносил пакеты; не хватало в типографии накладчика—его ставили за машину; понадобился почему-либо человек в литографию, брошюровочную или переплетную—его перебрасывали туда. Нужно было наборщику послать записку к возлюбленной—посылал ученика. Особое исключение носила посылка учеников в рабочее время за водкой и закуской. Тут нужно было проявить максимум бдительности, чтобы не попасться на глаза старшему. Если попался, то „всыпят"—и посылавший и поймавший. Иногда доходило и до порки розгой. Заведывал типографией в мое время некто Зотов.

В печатном отделении машины приводились в движение руками. Был особый штат рабочих-вертельщиков, которых на больших машинах, размером в 72×108 см, было по два человека; на малых—по одному. Всего машин было шесть. Запасных вертельщиков не было, и стоило одному из них заболеть, или не выйти на работу по какой-либо причине, как взамен вертельщика посылали опять-таки учеников.

Для малолетних учеников такая тяжелая работа была совершенно непосильной, в особенности в ночное время, после утомительного 13-часового рабочего дня, и часто бывали случаи, что ученик падал около машины от переутомления. Его прятали куда-нибудь в укромное место, прикрывали бумагой или рогожей, а утром, перед работой, будили для того, чтобы он снова приступил ко всем мытарствам текущего дня.

Исполняя такую непосильную многочасовую работу, ученик не видел ни от кого защиты; жаловаться было некому, да и нельзя: могли выгнать каждую минуту.

Обидно было видеть детей своего возраста, гуляющих в летнее время, тогда как ты, чумазый, все время был прикован к непосильному труду. Единственным утешением для многих из нас, учеников, было развлечение: собраться на дворе, когда не работали сверхурочно, петь песни под гармошку, чередуя их пляской; но это могло продолжаться только до $10^1/_2$ часов вечера. В 11 часов все должны были быть в постели, так как в 5 часов нужно было вставать на работу. Изредка играли в бабки и лапту в ближайшем Александровском саду, но это больше в праздничные дни—днем, когда не отпускали к родственникам.

Некоторые счастливчики могли рассказывать нам о том, как они со своими родителями вчера ездили за город, на дачу, и как хорошо провели время. Но это были единицы. Большинство же ребят не имело возможности даже привезти от родителей гостинца, а наоборот, из заработанных сверхурочных экономили несколько копеек, чтоб купить гостинец своим младшим братьям и сестрам.

В зимнее время было значительно хуже. В театр не пускали, да и не на что было сходить, книги получить было негде, хотя типография и носила звание „О-ва распространения полезных книг". Несмотря на запрет чтения, мы все-таки кое-что доставали и читали потихоньку, а иногда устраивали коллективные чтения вслух вроде „1001 ночи", „Пан Твардовский" и т. п., чтобы отвлечь внимание „дядьки". Некоторые из учеников старшего возраста поигрывали в картишки.

Группа учеников, в том числе и я, особо сильно увлекалась стихами Некрасова, звавшими к борьбе за лучшую жизнь. Мы, работники наборной кассы, должны испытывать особое чувство признательности к Н. А. Некрасову. Много писателей, поэтов и журналистов того времени сталкивались с работниками типографий, но никто не подошел к наборщику, как к человеку, никто не обратил внимания на его каторжный труд.

Только Некрасов не прошел мимо, и вот что пишет он о нас в своем стихотворении „Наборщики":

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица.

Резко нападает Некрасов на ненормальные условия работы—на вынужденные сверхурочные:

Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей.

От чуткого поэта не укрылись и тяжелые моральные переживания наборщика, вызываемые цензурными условиями того времени:

Тетрадь толстопька в стане,
В педелю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь.

...Вот, наконец, и верстка.
Но что с тобой тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать.

Но тут же поэт напоминает цензорам, что идеи нельзя запереть в тюрьму и что, несмотря на все их старания, эти идеи застревают кое у кого в голове:

Наборщики бывают
Философы порой:
Но все же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы -
Полезные идейки
Усваиваем мы...

Характерны многоточия поэта—они заменяют то, чего нельзя сказать открыто. Но мы-то его прекрасно понимаем и знаем, какие „полезные идейки" усваивали наборщики и как они с помощью тайных печатных станков передавали их дальше в рабочую среду. Заканчивается стихотворение бодрыми словами, причем Некрасов вкладывает их не в уста одного человека, а в уста масс:

Поклон тебе, свобода.
Тра-лала-ла-ла...
С рабочего народа
Ты тяготу сняла...

Работа продолжалась в течение всех шести рабочих дней, иногда приходилось полдня захватывать и воскресенья. В воскресенье в обязательном порядке учеников посылали в церковь к ранней обедне, кроме тех, которые несли в этот день дежурство по кухне и спальне. Был свой хор, на организацию которого отпускались средства покровительницей Стрекаловой, которая во время больших праздников любила послушать песнопения „своего собственного хора" и вручить из собственных ручек опекаемым детям „гостинцы"—по 20 коп. деньгами и мешочек с конфектами.

Большинство же за этой роскошью и не гналось: для нас гораздо важнее было. как в воскресенье, так и в праздники, попасть к своим родителям и там отдохнуть, несмотря на убогую обста-

новку, но все же среди близких домашних, которые с радостью встречали своего малыша-труженика и выслушивали его рассказы о каторжной ученической работе в типографии. Утешить родители могли только следующим:

— Потерпи, сынок, выйдешь из ученья, будешь человеком. Мы тоже терпели, да и сейчас приходится много терпеть, но когда-нибудь этому терпенью придет конец, будет и на нашей улице праздник.

Так изо дня в день на протяжении всего ученичества и шла эта каторжная жизнь.

Обстановка, в которой мне приходилось бывать у моей матери, жившей во вдовьем доме братьев Ляпиных, была немногим лучше самой типографии: жалкая каморка в одно окно, не более 2 саженей в квадрате, в которой помещалось 4 человека. Мне, приходящему на праздники к матери, ночевать не позволяли: таков был порядок, и мать принуждена была иногда прятать меня под кровать на ночевку, предупреждая при этом, чтобы я во время обхода надзирательницы вел себя под кроватью спокойно. Беда, если услышит надзирательница: выгонят из „благотворительного“ вдовьего дома. Тогда ждет неминуемый голод, а здесь мать имела работу уборщицы в домовой церкви, получая 6 руб. в месяц, а сестренки учились еще в школе.

Выпуск из ученья сопровождался обычно пьянкой. Без этого никак нельзя было обойтись, иначе тебя не примут в среду „мастеров“. Наградные почти целиком уходили на угощенье начальства и наборщиков.

Диким и чем-то допотопным покажется такое положение нашему молодняку, имеющему свой собственный клуб, в котором он имеет одинаковые права со взрослыми рабочими удовлетворять свои культурные потребности. Оклад жалованья по выходе из ученья не превышал 15 р. в месяц, правда, на „готовых харчах“.

Настрадавшись за многие годы ученичества в „сыром подземелье“, как мы называли нашу типографию, каждый из нас стремился поискать счастья на стороне. в другой какой-либо типографии. К таким принадлежал и я.

В 1887 году я оставил типографию, проработал в нескольких московских типографиях, как русских, так и немецких, но картина была везде одна и та же: немногим лучше, а местами даже и худшая.

За время своего скитания по московским типографиям я часто слышал от наборщиков, что у Кушнерева очень хорошо работать, да туда попасть трудновато.

Стал искать случая. Случай представился, и в 1892 году, через наборщика Потапова, я поступил в типографию Кушнерева.

Трудно, конечно, восстановить в памяти все мельчайшие подробности первых шагов в этой крупной по тому времени типографии.

Кроме того, слишком много воды утекло за этот большой промежуток времени—1892—1932 года.

Когда я пришел утром 12 ноября вместе с тов. Потаповым в наборную и он представил меня заведующему Барышникову, то первый вопрос, который я от него услышал, был следующий:

— Где работал до поступления в нашу типографию и почему ушел?

Я перечислил типографии, в которых работал, и причины, заставившие меня просить работы в данной типографии, как одной из образцовых московских типографий. Это заведующего польстило, и он согласился меня оставить, предварительно задав несколько вопросов технического порядка, дав место среди значительно старших по возрасту чем я наборщиков. Мне сказал заведующий, чтобы я нашел кассу плотного корпуса, взял в разборной разбор для журнала „Артист“. Там же получил верстатку, тенакль и уголок для выставки набора.

Так я вступил в ряды кушнеревцев.

Когда был окончен разбор кассы, то, прежде чем пойти за оригиналом к заведующему, меня предупредили:

— Смотри, не подходи тогда, когда заведующий занят, а выбери момент, когда он сидит один и свободен.

Я это учел: момент оказался подходящий; затем получил два листка, написанных с оборотом мелкого, довольно красивого почерка, без названия статьи, с условием, чтобы этот оригинал был к утру завтрашнего дня кончен.

— Если до вечера не кончишь,—сказал заведующий,—то придется остаться поработать вечером.

Когда я подошел к своему месту, то услышал смех стоящих рядом со мной наборщиков. Меня этот смех немного обескуражил, и я спросил:

— Над чем смеетесь? Неужели я так смешон своей молодостью или еще что?

— Валяй, валяй! Иван Иванов. Приступай к набору. Узнаешь! Небось зав сказал, чтобы к утру кончить?

— Да, сказал! Что же тут страшного. Я набирал и по три листка, а тут—подумаешь! И, кроме того, я не Иванов, а Петров.

Вложив в тенакль оригинал, привернув верстатку на 3³/₄ кв., я приступил к набору.

Первая же строка оригинала заставила меня сильно призадуматься: я не мог разобрать ни одного слова, хотя рукопись казалась очень опрятной. Смех продолжался. Мне было не до смеха, и я решил направиться к тов. Потапову за советом. Он помог прочесть несколько строк, объяснив мне своеобразность рукописи.

— Если не разберешь чего, лучше спроси, но старайся быть как можно внимательней. Это проба. Беда, если будет грязная корректура. Уволят!

В этой работе у меня то и дело были остановки: я трудно читал рукопись, а спрашивать было стыдно. До обеда я набрал около 50 строк.

На время обеда пришлось взять оригинал с собой, чтобы, выгадав время на обеде, прочитать и спросить у товарищей о неразборчивых словах.

Когда я начал просматривать рукопись, то меня обступили и начали „подзванивать", но тов. Пасхин взял меня под свое покровительство и помог мне разобраться в написанном.

После обеда у меня дело пошло быстрее и к концу дня было набрано двести с небольшим строк или ровно половина оригинала, что меня совсем обескуражило: касса почти пустая, нужно опять разбирать и, кроме того, доканчивать оригинал.

Посоветовавшись с Потановым, я после ужина приступил к дальнейшей сверхурочной работе, которую продолжал до 3 часов ночи и все-таки оригинал не окончил: осталось набирать на утро около 60 строк. Больше нехватило сил!

Устроившись кое-как на сон, тут же в наборной, около реала, и уснув около 3 часов, я снова начал „вкалывать", чтобы к приходу заведующего закончить оригинал.

Утром во время обхода наборной он подошел ко мне и довольно зычным голосом спросил:

— Разве вы вчера не работали вечером? Почему не окончен оригинал?

Я ответил утвердительно, объяснив, что сейчас заканчиваю и подаю в корректорскую. Вот мой набор. Заканчиваю последнюю гранку. Вышло больше 400 строк. Он рассмеялся, что-то проворчал себе под нос, пощупал рукой стоявший на уголке набор и сказал, чтобы я скорее давал в корректорскую.

Подав тиснутые гранки на читку в корректорскую, я с нетерпением ожидал их возврата, так как это решало мое дальнейшее пребывание в стенах „Кушнеревки". Момент тревожный! Наборщики же подзванивали надо мной и в то же время относились сочувственно, по-товарищески, одобряя:

— Ничего, привыкнешь! Дело обойдется. Не с тем еще придется столкнуться. Иди за новым делом.

Я пошел. На этот раз мне сказали, чтобы нашел кассу кегль одиннадцатый и взял разбор для Толстого.

Наборщики опять начали подтрунивать, говоря:

— Вот повезло Петрову—с Иванова на Толстого!

Я уже смело отвечал:—Не запугает! С почерком Л. Н. Толстого я знаком: набирал в типографии Волчанинова.

Перед обедом, когда у меня почти была уже разобрана касса, мне принесли прочитанные гранки моего набора. Все обошлось благополучно: корректура была незначительная, за что я получил одобрение от заведующего,

Так совершилось мое „боевое крещение“. Первая проба была закончена, а вторая меня не страшила, и я вступил в ряды кушнеревцев, наборщиков-сдельщиков, заработав на первом деле в журнале „Артист“, на статье музыкального критика И. Иванова, за сутки 2 р. 45 к.

С первых же дней работы в наборном отделении мне пришлось столкнуться с большими беспорядками, о которых я и хочу рассказать.

Наборная типографии была расположена на втором этаже. С правой стороны, от Пименовской улицы по Щемиловскому переулку, находилось отделение наборщиков-сдельщиков, работающих на тексте. Вторую половину, выходящую во двор, отгороженную формо-реалами для досок набора и сверху реалов затянутую до потолка сеткой, занимало акцидентное помещение наборщиков-повременщиков и небольшое журнальное отделение „Русской мысли“, „Фармацевта“ и „Лесопромышленного вестника“ под руководством метранпажа Е. А. Орлова.

Текстовое отделение имело свою кладовую и разборную; акцидентное отделение—свою, иначе говоря, козлы были отделены от баранов. Тут же в наборной стояли два или три печатных станка и одна или две американки для мелочных художественных работ.

Сколько всего работало наборщиков и учеников в обоих наборных—точно установить я не берусь, но не менее 90 человек.

Кроме этого, было еще отделение газетных наборщиков, которые набирали газету „Новости дня“. Это было совершенно изолированное помещение, в другом здании, во дворе, рядом с ученической спальней. Там же помещалась и редакция газеты.

Освещение было керосиновое: у каждого наборщика была приспособлена на специальной „кобылке“ керосиновая лампа в 15—20 линий, от которой шла неимоверная копоть, в особенности вечером. Когда эти лампы горели—во всей наборной было страшно душно: температура доходила до 25—27°, а вентиляции не было. Страшно было взглянуть на себя в зеркало: все лицо в копоти.

Нередко бывали случаи, когда у сдельных наборщиков нехватало материала: бабашек, квадратов, линеек и проч. Они оставались специально работать в ночь для того, чтобы обеспечить себя всем необходимым на следующий день. Громили кладовую и ящики с материалами у повременщиков. Бывало и обратное. Утром, когда обнаруживался такой погром, между заведующими происходили грандиознейшие перебранки, доходящие временами чуть не до драки. Виновников же найти было трудно. Квадраты, шпации, шпоны, а главным образом ходовые буквы исчезали из разобранной кассы, если ты их не успел во-время припрятать куда-нибудь в укромное местечко, если не оставался работать вечером.

Отчего же все это происходило?

Конечно, от самой системы порядка в кладовых, которые были не на должной высоте. Наборщики знали все эти беспорядки, но свыклись с ними, а протестовать было трудно: вылетишь в два счета!

Раньше своего поступления в „Кушнеревку“ я был несколько иначе настроен, так как многие говорили об образцовой постановке в типографии, но это не особенно бросалось в глаза по отношению к тем типографиям, в которых мне приходилось работать. Исключение в наборных „Кушнеревки“ выражалось в следующем: здесь не было „подрядчиков-метранпажей“, которые существовали в других типографиях, как, например, у Сытина, Левенсона, Лисснер, Волчанинова и других.

„Подрядчики“ брали у хозяев и администрации с торгов дела, имели своих верстальщиков и наборщиков, которых эксплоатировали во-всю. Сами они зарабатывали иногда до 200—250 рублей в месяц, выжимая, что называется, каждую копейку у наборщика, который работал чуть ли не круглые сутки и с трудом мог заработать 35—40 рублей.

Счета подавались „подрядчику“, и он своей рукой мог скинуть со счета сколько угодно. Жаловаться было некому—хозяин и администратор были на стороне „подрядчика“.

Заработная плата выдавалась самим „подрядчиком“ в каком-нибудь близлежащем трактире в день получки. Расчетных книжек не существовало. Удерживались тут же и авансы, которые выдавал „подрядчик“ иногда деньгами, а большею частью записками в трактир к буфетчику, у которого он имел неограниченное доверие. Таких вычетов за получку набиралось порядочное количество: некоторым приходилось на руки получать жалкие гроши.

Такого положения на „Кушнеревке“ не было; это можно было считать, по сравнению с другими типографиями, плюсом.

На „Кушнеревке“ каждый индивидуально работавший наборщик имел у себя на руках расчетную книжку, в которую и вносился заработок. Кроме того, существовали небольшие записные книжечки, цель которых была следующая: через каждые 2—3 дня сосчитанные самим наборщиком гранки подавались в контору; ведающим этим подсчетом К. С. Индрих их проверял и записывал в записную книжку; к получке делалась общая сводка двухнедельного заработка, который вписывался в расчетную книжку.

Так было с гранками. Что касается правки авторской корректуры, которую приходилось править „на часы“ (15 коп. в час), то она выдавалась заведующим кому попало. Давались корректурные гранки: наборщик правил день, два, три, прихватывая иногда и вечера. Когда гранки исправлялись, с ними вместе подавалась и записка на количество часовой правки, которую заведующий отдавал на руки не сразу, а перед подачей общего счета перед получкой, сбрасывая с записки по своему усмотрению сколько вздумается, „на-глазок“.

Наборщики это положение учитывали и приписывали лишнее: напиши правильно, все равно скинет! Такова была система.

Сводки в машине правили тоже кто попало, отрывая от набора; за исправление сводки и сверки полагалось 15 коп. за час; отказываться никто не имел права. Когда я впервые попал в печатное отделение на правку сводки, то первое, что мне бросилось в глаза, значительно большее количество машин, чем в тех типографиях, в которых я работал до „Кушнеревки", и большего размера. Приводились в движение эти машины не руками, а через трансмиссии паром.

Очень характерной фигурой был заведующий печатным отделением Иван Васильевич Лапшин. Высокого роста, довольно солидный, он был совершенно неграмотным человеком, довольно грубым, который не знал даже элементарных правил спуска в 16 полос и посылал к Барышникову в наборную, чтобы тот прислал кого-нибудь из наборщиков. Пользовался почему-то большим авторитетом у высшей администрации, но был ненавидим рабочими. Помощником у него в то время был Н. И. Андросов, совершенно другого типа человек и знающий в совершенстве дело.

Ротационных машин было две—одна, газетная, для „Новостей дня" и одна книжная, которая и сейчас работает (№ 2). Тогда на ней печатали „Русскую мысль" и учебники Баранова.

Общее количество рабочих и мастеров печатного цеха типографии, работавшего в 1892 году в одну смену, было не более 70 человек.

Женский труд совершенно отсутствовал как в наборных, так и в печатном цеху. В качестве приемщиков работали ученики, срока обучения для которых не существовало, и они переводились в накладчики по усмотрению администрации цеха.

Заработок накладчиков при повременной работе (поденной) не превышал 30 рублей. Нормы выработки не было. Труд был исключительно ручной. Условия работы были нисколько не лучше наборщиков, так как свету в печатном цеху было недостаточно. Помещалось отделение печатных машин внизу. Работали и днем с огнем. Рабочий день был $11\frac{1}{2}$ часов.

Рабочие печатного отделения в большинстве были связаны с деревней, жили артелью, снимая квартиру, в которой имели койки, нанимали кухарку для приготовления „харчей", избирая из своей среды старосту, который и руководил всем делом. Обходилось все это около 6—7 рублей в месяц при отвратительных антисанитарных условиях. Таких артелей у кушнеревцев было несколько. Пьянка в таких артелях была единственным „культурным" развлечением, сопровождаясь картежной игрой.

Такая беспросветная жизнь рабочих кушнеревцев давала возможность хозяевам строить свое благополучие, эксплоатируя их как только возможно, выжимая последние соки, увеличивая свои капиталы, вкладывая их на расширение производства, нисколько не улучшая положения тех, кто давал возможность увеличивать им эти капиталы.

Типография была основана в 1869 г. помещиком И. Н. Кушнеревым, который баловался литературой и, что-то написав, выпустил в свет.

Помещик-фабрикант иногда проходил по своей фабрике совместно с управляющим А. В. Васильевым. Беда была тому рабочему, которого он заметил курящим в отделении, или около верстака которого что-нибудь было не в порядке: валялась бумага, окурки, шрифт под ногами и т. д. Такому выдавался расчет немедленно.

В 1894 г. администрация типографии справляла 25-летний юбилей своего существования. К этому времени это уже было „Высочайше утвержденное Т-во И. Н. Кушнерев и К⁰". Для администрации и служащих в конторе был устроен обед с усиленной пьянкой, рабочим выдавали по „целкешнику" на руки: получай и благодари хозяев!

В 1895 году Кушнерев умер. Были, конечно, торжественные похороны, еще „торжественнее" поминки с речами попов относительно личности умершего, который был „отцом-благодетелем" нескольких сот „опекаемых" им рабочих.

С 1894 г. главным директором типографии стал А. В. Васильев, который при развитии типографии принимал активное участие, конечно, заботясь больше о пайщиках и получении ими процентов на вложенный капитал, чем о самих рабочих, хотя сам был когда-то наборщиком.

В 1896 году „Т-во Кушнерев и К⁰" было представлено на Всероссийской выставке в Нижнем-Новгороде к „высочайшей награде" — получению „двуглавого орла", который потом красовался на здании и фирмах печатной продукции типографии и до свержения царизма—1917 года.

С 1896 года типография начинает расширяться, растет вширь и ввысь, вырастает 4-й этаж на Пименовской, открываются отделения в Петербурге и Киеве.

Устанавливаются новые машины. Появляются новые пайщики, вроде Рябушинских с их московским банком, Мюр и Мерилиз со своим большим отделом „писчебумажных принадлежностей", обслуживать который берется всецело типография. Дело выгодное. Зав. переплетной Логачев устраивает при переплетной отделение белового товара; делаются всевозможные художественные фотографические альбомы, альбомы для открытых писем и т. д., которые ходко идут в продаже и дают хорошие барыши предприятию.

С этого же, очевидно, времени дирекция типографии и постановила расширяться, приступив к новым постройкам по Щемиловскому переулку.

Нелишне привести для молодого поколения те бытовые и производственные условия, в которых находились мы, тогда еще полные сил и надежд на лучшее будущее.

Если каждый из нас в советских условиях имеет законное право во время болезни получать пособие из страхкассы, обеспечивающее его полным заработком, отпуском и т. д., то мы этого в прошлом не имели. Нам, приходилось лечиться за свой счет; отпусков не полагалось.

В 1896 году мне пришлось познакомиться с работавшими на „Кушнеревке“ членами „Вспомогательной кассы типографов“, в которую и меня завербовали.

Членом этой „Вспомогательной кассы“ мог быть в одинаковой степени и хозяин типографии, и рабочий, и администратор, платя регулярно членские взносы. Платя 1 р. 60 коп. в месяц, член кассы имел право пользоваться бесплатным советом у врачей, а также получать бесплатно лекарство для себя и со скидкой для семьи. Кроме того, если заболевал и не мог работать, а нужно было лежать в постели, выплачивали 6 рублей в неделю. Это все-таки давало до некоторой степени облегчение семейному человеку. Кроме того, через 15 лет членства можно было получить небольшую пенсию.

Типография Кушнерева по выпуску печатной продукции была довольно разнообразна: печаталось много журналов, приложений к этим журналам: еженедельные, двухнедельные и ежемесячные. В 90-х годах крупным заказчиком был в типографии некто Куманин, издававший исключительно театральную литературу: „Театрал“, „Артист“, „Театральная библиотека“ и целый ряд приложений к журналам и отдельные пьесы.

Наборщики особенно не любили набор журнала „Театральная библиотека“, который набирался на 3½ кв. крупным корпусом, фамилии действующих лиц пьесы набирались жирным шрифтом, вводные ремарки и цитаты—курсивом, кроме того, там встречалось много всякой примеси, на заборку которой уходило много времени и которая оплачивалась одинаково с чистым текстом. На этом деле больше рубля в день никак нельзя было заработать. Многие из-за этого дела загуливали, чтобы избавиться от него, но выходило наоборот: заведующий давал это дело в наказание прогульщикам по выходе на работу. Старый же, неоконченный оригинал, передавался комунибудь для окончания со всей заборкой, благодаря чему страдал заработок того, у кого был отобран оригинал и передан другому.

Были еще такие журналы, как „Бега и скачки“, „Конская охота“ и „Охотничья газета“, на которых, благодаря маленькому размеру, неразборчивой рукописи и цифровому материалу заработать можно было только „кошке на молоко“.

Были журналы и научные, и медицинские, учебные и философские, на которых возможно было заработать побольше, чем на вышеприведенных, так как форматом были значительно шире, но рукопись, как правило, была в большинстве отвратительная.

Кроме большого количества журналов, много было и книжной продукции всех видов, включительно до математики, которая опла-

чивалась на 3—4 коп. дороже обыкновенного чистого текста. Но эти дела давались особо избранным.

Существовал особый коллектив (в то время называли компания), которому давали по особым договорам с заведующим различного рода табличные дела (железнодорожные отчеты, отчеты торговых фирм, прейскуранты и т. д. и т. п.). В этом коллективе заработок наборщиков был значительно выше, чем на текстовых работах, доходя иногда со сверхурочными до 60—70 рублей в месяц.

Рабочий день для сдельщиков вообще не имел своего начала и конца: приходили, уходили, когда хотели. Большинство сдельщиков вечером, в 4 часа ходили в трактир „чай пить“, после которого частенько не возвращались на работу до следующего дня, а то и больше. Некоторым такие прогулы сходили благополучно, некоторым же они служили увольнением без всякого предупреждения. Расчет выдавался сейчас же по записке заведующего.

Те, кто прогуливал после получки по 2—3 дня и оставались на работе, чтобы наверстать потерянное, начинали ежедневно работать сверхурочно до следующей получки, после которой получалось то же самое. И так без конца.

В 1896—97 гг. администрацией была введена поощрительная система для текстового набора: набравший сверх 10 000 знаков в день получал лишнюю копейку на тысячу (вместо 15 коп.—16 коп.), но премия выдавалась только тому, кто набрал не менее 100 000 за две недели. Это заставляло многих тянуться, оставаясь работать сверхурочно, не щадя своего здоровья, давая этим самым увеличивать администрации типографии и пайщикам свои капиталы, выжимая из нас последние соки.

С 1899—1900 гг. мы расстались с отвратительным керосиновым освещением. Было проведено электричество; над каждыми двумя реалами были повешены небольшие электрические лампочки с зелеными абажурами.

К этим же годам, главным образом, относится развитие типографии, а вместе с тем и расширение ее. Предприниматели увеличивают из года в год паевой капитал на оборудование и достройку новых корпусов, увеличивая рабочую силу, устанавливая новые машины в переплетном и печатном цехах.

Трудно восстановить в памяти, какое количество рабочих работало во всех цехах типографии, ибо все конторские книги того времени уничтожены, но, во всяком случае, превышало 300 человек, из которых около 50% было учеников.

Женщина в конце 90-х годов была редким явлением в стенах типографии. Ее можно было встретить в корректорской, в литографии приемщицей и в переплетной. В наборном и печатном цехах она отсутствовала.

Сдельные работы были только в наборном отделении на книжных работах; частично в переплетной—артель гражданщиков и в бро-

шюровочном на фальцовке. Все остальные рабочие работали повременно (были на месячных окладах и поденно). Для сдельщиков табелей не было; работавшие же повременно имели свой номер, который снимался и вешался самим рабочим ежедневно даже в обеденное время.

Опоздания допускались на две минуты; все опоздания подсчитывались в течение двух недель и за них в получку удерживалось со штрафом. Штрафовались также и за порчу работ и за прогулы. Особенно в этом деле усердствовал сохранившийся хорошо в памяти табельщик „Елисей Федорович",—как его величали рабочие.

Многие от этого человека пострадали. Это был настоящий „шпик", пользовавшийся большим доверием и расположением высшего начальства и, кажется, доводился каким-то родственником одному из директоров—Захарикову.

В стенах московского отделения типографии выходила несколько раз в год черносотенная газета „Кремль" под редакцией и в издании известного историка Иловайского, за которым сильно ухаживали, как „влиятельным человеком".

Охраны труда, а равно и медицинской помощи во время болезни почти совершенно не существовало. Был, правда, при фабрике фельдшер на всякий „пожарный" случай, да раз в неделю приезжал на час-два доктор. Кроме того, как правило, раз в месяц осматривали всех рабочих—не болен ли кто венерической болезнью. Осмотр производился наспех, и вряд ли давал какие-либо результаты.

К концу 90-х годов изредка в типографию заглядывал „фабричный инспектор", который больше просиживал в правлении с администрацией и расписывался в книге, отмечая свое посещение и благополучие между предпринимателями и рабочими; иногда проходил и по отделениям в сопровождении администрации, которая к этому времени была подготовлена заранее и „подчищалась".

Были случаи, когда некоторые из рабочих, которых доконали штрафами и другими издевательствами, ходили жаловаться фабричному инспектору, но из этого ничего не выходило: прав был всегда предприниматель; рабочий оказывался виноватым.

Переломный момент в жизни рабочих „Кушнеревки" начинается с начала 900-х годов. Отдельные рабочие начинают посещать Пречистенские курсы, ходят на лекции в Политехнический музей, университет Шанявского, на нелегальные, но начинающие массовую работу соц.-демократические кружки и т. д.

Трудно восстановить в памяти всех товарищей-организаторов. По наборному отделению были двое братьев Лапиных, Прокофьев, Беляевский, Самохвалов, Жуков и молодежь—братья Соколовы, Кашкин, Широков, Кайровичи и другие, имея непосредственную связь с другими отделениями типографии: печатным, брошюровочным и переплетным, держа связь и с другими московскими типографиями.

Собирались группами по квартирам, обсуждали планы борьбы с предпринимателями.

Я лично несколько раз бывал на таких собраниях в 1-м Волхонском переулке в квартире Колокольникова, на Долгоруковской улице в квартире Маслова, где присутствовало до двух десятков человек. Собрания происходили как бы под флагом кооперативного объединения, но резко выпячивался вопрос сокращения рабочего времени и увеличения заработной платы. Тут же раздавались прокламации, которые ходили по рукам рабочих, нередко такие прокламации набирались и печатались в самой типографии, затем размножались среди рабочих других типографий.

Так шла мрачная жизнь кушнеревцев при непосильном труде и нищенской зарплате, которая привела к стачке в 1903 году.

Порыв рабочих к забастовке был огромный; сомнений ни у кого не было; все бросили работу единодушно, но степень организованности была разная. Наборщики и печатники, бросив работу, предъявили требование о повышении зарплаты; брошюровщики, переплетчики и другие бастовали из-за солидарности, требований к администрации не предъявляли; и в большинстве разъехались по деревням.

После ликвидации забастовки, длившейся несколько недель, все принялись за работу. Рабочий день был сокращен до 10 часов. Это было большое завоевание для того времени.

В результате такой крупной победы при первой всеобщей стачке московских печатников вообще и кушнеревцев, в частности, наступило временное успокоение—затишье перед бурей.

А революция надвигалась...

Здесь я хочу рассказать молодым товарищам относительно нашего участия в революционном движении после забастовки 1903 года.

Кушнеревцы дружно забастовали 20 сентября 1905 г. и предъявили те же требования, которые были предъявлены сытинцами, забастовавшими 19 сентября; в течение 20 и 21 бастовали уже все печатники.

25 и 26 сентября был созван и заседал Совет рабочих типографских депутатов, который все предъявленные разрозненные требования обобщил и выработал общие требования, которые подписали все присутствовавшие депутаты.

Делегаты от кушнеревцев были представлены из следующих товарищей: Меркулов, Захаров, Машков, Саприн, Виноградов, Сухов, Чупин и Рукавишников.

Главнейшими и основными требованиями были: введение 8-часового рабочего дня, признание выборных делегатов, оплата за дни стачки, улучшение труда учеников и сокращение времени ученичества.

Забастовка продолжалась на „Кушнеревке" около 6 недель. Результаты были: установлен был 9-часовой рабочий день, повышена заработная плата, уплачено за дни забастовки, признаны делегаты.

Только ученики никакого материального улучшения не получили, кроме сокращения рабочего дня.

К этому же времени относится расширение типографии: был закончен постройкой шестиэтажный корпус со стороны Щемиловского переулка, взамен прежних деревянных строений, стоящих на этом месте. Администрация типографии до этого времени работала исключительно на работодателей, с этого же времени начинает выпускать и свои издания: учебники по географии—Африка, Америка, Азия и т. д., которые расходятся с большим успехом и печатаются одно за другим изданием. Кроме того, издаются и художественные издания „Внеевропейские страны“, со множеством красочных иллюстраций и большими по тому времени тиражами: 20—25 тысяч экземпляров. Расширение типографии заставило администрацию увеличивать и рабочую силу, доведя до 600 человек.

Казалось, все обстояло хорошо, и хозяевам не было особой нужды беспокоиться за свою типографию. Но это только так казалось. Недовольство среди рабочих росло: с языков рабочих нередко срывались проклятия и восклицания:

— На нашей крови и поту богатеют и строятся, дармоеды проклятые!

Особо кричащей статьей в отчете была статья, которая гласила: „В награду Правления, служащих и рабочих отчисляется 40 000 р.“. Прочитавший эти строки мог воскликнуть: „Здорово! Вот как заботится администрация о рабочих и служащих“.

Но это только может показаться. Если посмотреть как было на деле, то картина представлялась в таком виде:

1. В награду дирекции (5 человек) . . . . 20 000 руб.
2. Управляющим — типографии, литографии, переплетной и Киевским и Петербургским отделениям . . . по 1 500 и 2 000 руб.
3. Служащим и цеховой администрации месячный оклад жалованья.
4. Бухгалтерам . . . . по 1 000 руб.
5. Рабочим — наборщикам-сдельщикам отпускалось на 100 человек — . . . . 300 руб.
или на круг на человека . . . . . по 3 руб.

В других отделениях и цехах картина была не лучше.

В переплетном отделении, где к этому времени работало несколько женщин, им вписывали в расчетную книжку—„выдано наградных — 1 рубль“.

Когда наступило Декабрьское восстание—у нас была своя боевая дружина. Помню некоторых товарищей-наборщиков, принимавших активное участие. Это—братья Соколовы, братья Захаровы—печатники, т. Виноградов, который умер в 1929 году, т. Самохвалов и многие другие, фамилии которых теперь позабыл. Наборщик Иванов, наборщик Шорохов и др. как раз принимали активное уча-

стие в нашем районе в сооружении баррикад и в дежурстве членов боевой дружины.

Я жил в 1905 году недалеко от фабрики, на Антроповых ямах. Когда началась кровавая расправа, многие из наших рабочих, живших в прилегающих к фабрике улицах и переулках, начали строить для защиты баррикады: приносились снятые ворота, бочки; валили телеграфные и телефонные столбы. Все это протекало под охраной боевой дружины, которая несла дежурства день и ночь, когда снаряды и пули летели мимо защитников баррикад.

Никогда не изгладятся из памяти те тревожные дни и ночи, которые пришлось пережить участникам 1905 года, и только теперь отдаешь себе отчет в том, насколько каждый из нас, участников того времени, принимая активное участие, хотя и оказывал небольшую помощь, все-таки делал большое дело, плодами которого мы пользуемся в настоящее время.

Памятен один случай. Когда Дубасов начал громить устроенные баррикады, мне пришлось быть на Тверской улице вместе с несколькими товарищами. Один мой близкий товарищ, Васильков, работавший в типографии Сну, увидев на другой стороне улицы знакомых, вздумал перебежать на ту сторону и жестоко поплатился—был убит шрапнелью. Мы его подобрали и отправили в Старо-Екатерининскую больницу, откуда и хоронили. А таких там было очень много.

Вечная память этим товарищам!

Наступили годы реакции...

Работа в типографии возобновилась. Наборное отделение было помещено на шестом этаже, в котором так недавно происходили митинги и собрания.

После разгрома типографии Сытина много дел и рабочих перешло на „Кушнеревку“; пришлось сильно уплотниться; помещение совершенно было не подходящее для наборной, низкое, дышать было трудно.

Предпринимателей это не касалось: они делали свое дело—увеличивали капитал, привлекая новых пайщиков для расширения типографии, начиная новые постройки корпусов. Сначала была переложена левая сторона по Щемиловскому переулку, а затем и правая—по Пименовской улице.

Постепенно развиваясь, типография к 1914 г. занимает уже кругом шестиэтажное здание. Работает около 800 чел. рабочих, выполняющих всевозможные типографские, литографские и переплетные работы.

Типография выпускала печатной продукции, работая в одну смену, не более 100 тысяч оттисков в день, или $2^1/_2$ миллиона в месяц.

Но, помимо этого, еще работала литография и переплетная, выпуская много белового товара—конторские книги, всевозможные альбомы и т. д.

К этому времени типография Кушнерева считалась по своей мощности самой крупной среди московских типографий, кроме Сытина, которая, по характеру работ, не могла итти в сравнение. Имелась и своя цинкография.

Характерной чертой директора типографии—Чефранова—было следующее: имея свою цинкографию, он заказывал для своих изданий по географии клише за границей, в Лейпциге, которые обходились, как он говорил, значительно дешевле, чем в своей. Своя же цинкография имела частые простои из-за отсутствия работ.

Довольно о дореволюционном периоде. О нем все наши товарищи пишут и даже у некоторых выходит не так уж плохое описание. Да как же не писать о дореволюционных днях. Нет—не днях, а тяжелых, мучительных годах, а для нас, стариков, и десятках лет. Ведь всю свою молодость, все молодые силы и энергию оставили „Т-ву Кушнерева“ и другим. Разве наша молодежь—советская молодежь—может представить себе все то, что мы на своих горбах вынесли. Скажу под конец несколько слов и о советском ученичестве. Это как бы в противовес дореволюционному ученичеству.

В 1923 году была организована заводоуправлением нашей типографии школа бригадного ученичества, поставившая своей целью подготовить квалифицированных рабочих по всем отраслям полиграфической промышленности. Срок обучения—3 года. Всего было принято по всем отделениям около 130 чел. (80 мальчиков и 50 девочек).

Кроме непосредственного обучения в стенах типографии, ученики посещали вечернюю школу (ВРШ), где занимались по теории полиграфического производства и общеобразовательными предметами.

Начиная с самых простых работ, под руководством опытных инструкторов и зав. школой [1], ученики к концу третьего года обучения самостоятельно могли производить самые сложные работы.

В 1925/26 г. наборное отделение имело два выпуска учеников. Многие ученики за успешное усвоение в работе были зачислены в 8-й разряд тарифной сетки.

Большое участие в организации школы бригадного ученичества приняла ячейка комсомола, при настойчивой инициативе которой и заполнялась броня школы, проверялось усвоение программы обучения, защиты экономических и правовых интересов учеников, результатом чего в настоящий момент мы имеем не один десяток лучших молодых производственников, по своей квалификации не уступающих взрослым старым рабочим. Многие из них занимают сейчас ответственные посты на профсоюзной, партийной и других общественных работах в порядке выдвижения. Многие учатся в высших учебных заведениях. Это—товарищи Садовников, Рохлин, Додонова и десятки других.

[1] Н. И. Шустов, П. С. Морозов, Тимофеев, П. Я. Христюк, Гаврилов и др.

Немало энергии и инициативы было положено ячейкой комсомола на дело организации теперешних школ ФЗУ, доквалификации и переквалификации молодых и взрослых рабочих, которым обеспечивалась работа в полиграфических предприятиях, но еще большая работа как перед ячейкой комсомола, так и перед нашими профессиональными и партийными организациями и ИТР стоит в настоящих условиях—воспитать наши молодые кадры, пришедшие к нам на фабрику для обучения и замены старых работников. Недочетов много, но молодежь начинает сознавать эти недочеты, учится, принимает участие в общественной жизни типографии и политической жизни СССР, и совместно с нами преодолеет их.

Мы в прошлом не могли принимать этого участия, но те каторжные условия, как для учеников, так и всего рабочего класса, остались далеко позади. Октябрьская революция смела проклятый царский строй и капитализм. Мы строим и построим социализм. Молодежь на фабрике работает уже совершенно в других условиях, завоеванных для нее упорной борьбой. Много было принесено жертв в победы Октябрьской революции.

Кончилась гражданская война, началось строительство промышленности и сельского хозяйства, и сейчас мы видим, какие невиданные в истории капиталистических стран образцы показала Советская страна в организации промышленности и сельского хозяйства.

Мы сумели добиться громадных успехов в отношении организации производства, в отношении использования рабочей силы.

Применяя совершенно новые, социалистические формы организации труда—соцсоревнование, ударничество, сменно-встречные планы, внедряя хозрасчет бригад,—мы достигли громадного повышения производительности труда, но эта производительность труда может быть еще весьма значительно повышена, если мы научимся максимально использовать наше оборудование и поднимем нашу технику, для чего нужно учиться, учиться и еще раз учиться, как говорил Владимир Ильич Ленин.

С 1927 г. типография начала пополняться новым оборудованием. 1929 г. выдвигает перед руководителями типографии новые задачи величайшей важности: проводится тарифная реформа с перетарификацией всего штата по новой тарифной сетке и, в связи с ней, новых максимально возможных технических норм; подготовка к переходу и осуществление перехода на 7-часовой рабочий день.

Одним из наиболее ценных мероприятий, проведенных в порядке подготовки к переходу на 7-часовой рабочий день, является генеральная реконструкция типографии, имевшая целью так перестроить ее, чтобы можно было максимально использовать как производственные площади, так и имеющееся оборудование.

Не останавливаясь на проведенной реконструкции в 1929 г., за последнее время проведено много новых мероприятий по стерео-

типному цеху—поставлен пресс Фомага, функционирует обкладочный цех на пятом этаже, рационализированы наборный, брошюровочный и переплетный цеха, что должно улучшить работу в цехах и поднять производительность труда. Реорганизованы отделы заводоуправления—технический, оперативный и планово-производственный, в который влиты лучшие ударники-производственники из цехов, что должно обеспечить плановую нагрузку в цехах и уменьшить простои и улучшить качество выпускаемой продукции. Организованы по цехам бригады по качеству, руководимые ОТК и помдиректора по производственным совещаниям.

Что же это дает по количественным показателям по сравнению с прошлым выпуском в „Кушнеревке" и теперешним в „Краснопролетарце"?

Разница довольно существенная:

В 1913 г. работало рабочих около 700 чел., в 1932 г. работает около 2050 чел.; в 1913 г. выпускалось готовой печатной продукции около $2\frac{1}{2}$ млн. оттисков в месяц; в 1932 г. выпускается около 30 млн. оттисков в месяц, и перед этим организации не останавливаются: ищут новых путей для увеличения выпуска продукции, улучшения жилищных, культурных и снабженческих условий, улучшения труда, социальных и т. д. И, несомненно, найдут их.

Враги пролетарской революции и диктатуры пролетариата говорили, что нам больше 15 дней не продержаться. Они „немного" ошиблись. В 1932 году мы празднуем 15-летие, и недалеко то время, когда и зарубежные товарищи рабочие будут праздновать свой Октябрь вместе с нами.

П. И. Шустов

„ПЯТИЛЕТКА" УЧЕНИЧЕСТВА

Вместо предисловия

Июль 1901 года. Мне 13 лет. Месяц назад я кончил городское училище, пробыв в нем 3 года. Теперь, после школы, наслаждался полной свободой, бегая со сверстниками по улице; знал, что я свободен, что завтра меня законоучитель не будет трясти за шиворот, завтра мне не учить нелюбимого мною закона божия (за который я, между прочим, на выходном экзамене получил тройку, а по всем остальным—пятерки, и все же из-за него не получил похвального листа, который выдавался обычно по окончании курса, а получил свидетельство),—вообще отдыхал и чувствовал себя свободным.

Но моя свобода была недолгой, и в начале июля отец как-то объявил мне, что завтра он меня отведет на фабрику Кушнерева и отдаст в ученье наборному делу.

Прощай, детство!..

Итак, я на фабрике. Идя дорогой, отец сказал мне, что за меня усиленно хлопотал один его хороший знакомый, и только благодаря его просьбе меня берут на фабрику, что я должен слушаться и хорошо учиться, иначе он меня „задерет до смерти". И, надо сказать, что отец, обладая горячим и вспыльчивым характером, бил нас жестоко. Детей у него было 6 человек. Он никогда не разбирался— виноват ребенок или нет. Достаточно было кому-либо пожаловаться, что твой сын напроказил, как он схватывал, что попало, и бил по чему попало. Насколько он был жесток, видно из следующего маленького воспоминания. Мой товарищ бросил в воробья камнем и... разбил стекло. Мы оба, испугавшись, убежали. Владелец стекла, не зная истинного виновника, пожаловался отцу, и отец, схватив меня за волосы, на весу втащил в комнату и выпустил из рук. Я был босиком и, падая на пол, сломал палец на ноге, и вдобавок получил хорошую трепку. Некоторое время спустя выяснилась моя невиновность, но сломанный палец долго болел, неправильно сросся и так остался на всю жизнь.

Живя на огромном дворе, густо населенном беднотой, живя жизнью уличного мальчишки, пишущему эти строки сотни раз приходилось быть козлом отпущения.

Гнетущее впечатление произвела на меня фабрика. Маленький ростом, тщедушный, слабый здоровьем, сильно заикающийся, я с трудом привыкал к новой, непривычной для меня, обстановке. Специфический тяжелый воздух фабрики, шум и грохот от трансмиссий действовали удручающе, и я почувствовал себя еще более маленьким в этом огромном людском муравейнике.

Потянулись однообразные дни. Выучив наборную кассу, на изучение которой в то время полагалось два дня, я влился в общую массу учеников, постепенно знакомясь с типографским материалом, исполняя разные работы, которые не имели никакого отношения к изучению наборного дела.

Надо сказать, что ученик того времени представлял из себя совершенно не то, что теперь. Это была дешевая, почти бесплатная рабочая подсобная сила; это была затычка во все дырья. Ученик того времени целых два года (первые годы ученья) был на побегушках. Его использовали, кто как умел и как хотел. На его обязанности лежало: дежурить в конторе—изображать из себя внутреннего курьера; дежурить у сводчиков—разносить сводки наборщикам и в печатный цех: разносить корректуры по городу (заказчикам); убирать помещение: вытирать пыль и т. д. Пылесосов не было. На обязанности ученика лежала и выдувка касс. Ученик выдувал кассы ручными мехами (поднимая вокруг себя облака пыли и вдыхая ее). Не было никакой охраны труда, не было той строгой организации, которая теперь стоит на страже интересов ученика, строго разграничивая его функции и обязанности. Ученика некому было защищать. Его даже можно было бить. И его били, били подчас жестоко.

Как сейчас, стоит в глазах фигура заведующего наборным цехом Александра Агафоныча. Желчный, раздражительный, больной туберкулезом, он имел тяжелую руку, и ни один ученик не проходил мимо его без подзатыльника. Он имел привычку бить походя, бить без злобы, а главное—без причины.

Идешь, бывало, по наборному ему навстречу. Поравняешься с ним,—идет он, высокий, но в то же время несколько сгорбленный, с длинными руками. Слегка гундося, он говорит:

— Иди, скорее, чертенок!

И обязательно ударяет по затылку.

Уже некоторое время спустя, привыкнув к порядкам и начав соображать, ученики старались не попадаться ему на глаза,

Первая стукушка

Эта первая стукушка ясно осталась в памяти. Несмотря на то, что ученика били и заведующие, и кладовщики, мне хочется подчеркнуть тот взгляд, царивший в то время в обращении ученика с учеником.

Современный ученик представляет собой организованную в коллектив молодежь, которая крепко стоит друг за друга, которая спаяна сознанием и никогда не даст в обиду ни себя, ни товарища, а тем более никогда не станет над ним смеяться. Не то было прежде. Новичку приходилось испытывать все прелести тогдашней учебы. Его „своеобразно“ знакомили с фабрикой, знакомили с нашими терминами. Знакомили дико и глупо.

Это пришлось испытать также и мне, и я приведу один маленький штрих из этого знакомства.

В первый же день поступления я стоял и учил кассу. Ко мне подходит один из учеников и говорит: сходи в машинное отделение и попроси у машиниста, чтобы тебе осадили марашку[1].

Не подозревая ничего плохого, даже не зная, что такое „марашка“, я спускаюсь в печатное отделение, подхожу к кому-то из машинистов (насколько помнится, к Брюсову) и говорю ему: „Дяденька, осади мне марашку!“

— Получай!—отвечает тот. И костяшкой согнутого пальца с силой ударяет меня по голове.

Вскрикнув от боли, я опрометью бегу в наборную и с глазами, полными слез, становлюсь на свое место. Меня встречают хохотом. Так произошло мое первое знакомство с нашими типографскими терминами.

Шли дни, и я постепенно втягивался в новую обстановку. Когда на минутку закроешь глаза, то, как сейчас, стоит перед глазами бывшее красно-желтое трехэтажное здание типографии (с маленькой деревянной серой пристройкой); такое нарядное снаружи и такое мрачное, темное, тесное внутри. Наборная помещалась на втором этаже и была разделена. На Пименовскую выходило мелочное отделение, на Щемиловке—сдельное. Было также две кладовых и два кладовщика.

Эти кладовщики в то время были и цари и боги для молодых рабочих. Ученики поступали в распоряжение кладовщиков и первые два года находились под их начальством. Мелочной кладовой заведывал Чугуев, а сдельной—Фриц. Поступавшие ученики, спустя не-

[1] Наборный материал делится на две группы: видимый на оттиске и невидимой на оттиске (пробельный), который ниже роста шрифта. И осадить марашку это значит — опустить ниже тот невидимый пробельный материал, который при неправильной закрепке набора во время печати поднимается кверху и пачкает (марает) бумагу. Отсюда и название «марашка»

которое время сортировались. Часть оставалась у Чугуева, а часть отсылалась к Фрицу. Главенствовал Чугуев. У него были „избранные“. Не знаю, кто, как и почему делал этот отбор, но ясно помню одно—все неугодные отсылались на „можайку“—к Фрицу. Через некоторое время у Фрица очутился и пишущий эти строки.

Нелишне заметить, что в смысле учебы эти две кладовые представляли собой колоссальную разницу. Тогда как у Чугуева ученики стояли на разборе и постепенно знакомились со шрифтами, в кладовой Фрица вся работа ученика на протяжении первых двух лет заключалась в перевязке текстового разбора и сортировке шпон.

Навсегда запечатлелись в памяти тт. Понто, Сережа Степанов и Ваня Зуев (мои однокашники по Фрицу, все теперь уже умершие). В особенности последний. Славный, славный товарищ Ваня. Память о нем никогда не изгладится из моего сознания. Честный, справедливый, высокий ростом и с пудовыми кулаками, он не давал себя в обиду и всегда заступался за учеников, воюя с кладовщиками и со всеми, кто бил учеников. Его боялись и не трогали. Ко мне он относился, как к маленькому брату, и я был под его покровительством. Благодаря ему, я не раз спасался от незаслуженных головомоек.

Припоминаю случай. Уже будучи на наборе, я набирал сезонный прейс-курант Мюр и Мерилиза. Мне не хватило десятка одной буквы. Дело срочное. Кассу разбирать некогда. Обращаюсь к наборщику, заведующему этим делом, и спрашиваю, как быть.

— Потаскай из разбора,—отвечает тот.

Присев на корточки, я шилом стал дергать буквы.

Проходивший мимо Чугуев, увидав это, набросился на меня с криком:

— Ты что делаешь?

Буквы таскаю,—отвечаю я, и спокойно продолжаю свое дело.

— Кто тебе велел таскать буквы?—не унимался Чугуев.

— Сергей Иваныч,—отвечаю я.

— Сергей Иваныч! Ты велел ему таскать буквы?

— Нет,—неожиданно для меня ответил тот.

И не успел я возразить, что это неправда, что мне разрешено таскать буквы, как рассвирепевший Чугуев вцепился руками мне в волосы, а ногами начал бить по бокам. Я закричал. Ко мне на помощь бросились Ваня Зуев и Саша Миллер (в то время еще молодые, только что вышедшие из ученья наборщики). Отбросив Михаил Петрова, они помогли мне подняться на ноги, повели к директору, где все ему и объяснили. Случилось невероятное. На защиту прав ученика встали наборщики, чего раньше никогда не бывало.

Пришедший вместе с нами в наборную директор Боровик при всех сделал Чугуеву основательный выговор. Как сейчас, мне помнятся слова директора:

— Слушайте, Чугуев. Я уже неоднократно слышал, что вы бьете учеников. Если я еще раз узнаю, что вы будете их бить, я вас выгоню из типографии в двадцать четыре часа.

Сказав это, он обратился ко мне:

— Иди, мальчик, на место и работай. Он больше тебя не тронет.

Благодаря этому случаю, благодаря заступничеству молодых наборщиков, Чугуев резко изменился и уже редко давал волю рукам.

Это была первая ласточка. Это был первый солнечный луч, который осветил темную безотрадную жизнь ученика. За ним было признано право человека, а не скотины.

От зари до зари

Вернусь немного назад. Мне хочется сказать молодежи, что рабочий день ученика моего периода официально значился 11 час., но фактически он был гораздо больше, и только первая забастовка 1903 г. сократила рабочий день на один час.

Работали обычно больше. Были обязательные сверхурочные, за которые ученику платили от 2 до 5 коп. за час. По вечерам делали уборку помещения, которая производилась варварским способом. Ученикам выдавались деревянные клюшки, на голову мы надевали бумажные колпаки и, вооруженные таким образом, клюшками выгребали из-под реалов разный мусор. Наборная того времени представляла из себя своего рода универсальное помещение, где обедали, пили вино, закусывали, спали и даже, перепив, „хвалились закуской“.

Получая грошевое жалованье, ученики и в обеденный перерыв (который был в то время $1\frac{1}{2}$ часа) и по вечерам оставались в наборной, разбирая наборщикам кассы и получая от них по 20 коп. за каждую разобранную кассу.

Ученики работали от зари до зари; работали полуголодные, имея в кармане кусок черного хлеба, или пользуясь хлебом со спальни, которым с нами делились ученики.

Ученики тогда разделялись на две группы: приходящих в живущих на спальне. Ко второй группе относились ученики, которые жили при типографии и которые очень часто подкармливали нас хлебом.

Делалось это обычно так. Ученик, живущий на спальне, приходил на кухню к кухарке, которую звали общим именем „мать“, просил у нее несколько ломтей или, как их тогда называли, „оборотов“ хлеба и приносил товарищам. Все это быстро съедалось. Если нехватало—шел другой. И каким вкусным казался этот кислый, густо посоленный, черный хлеб, запиваемый холодной водой. Но ходить на кухню запрещалось. Бывали случаи, что достать хлеба не удавалось: „мать“, бывало, не в духе—не даст хлеба, нарвешься на дядьку, который отнимал хлеб.

Условие

Уже около года проработал я в типографии, когда моего отца пригласили в контору типографии для заключения условия, копия которого была вручена ему на руки. Это кабальное условие у меня сохранилось; и я привожу его текст:

1902 года февраля 27 дня, мы нижеподписавшиеся, Правление Высочайше утвержденного „Товарищества печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°, в лице директора вышеозначенного правления С. Д. Романовского, и запасный фельдфебель Иван Григорьевич Шустов заключили сие условие в нижеследующем:

1. Я, Иван Григорьевич Шустов, отдал Товариществу сына моего Николая Иванова Шустова, а Товарищество приняло его для обучения бесплатно наборному ремеслу, считая от вышеписанного числа впредь по 2 июля 1906 г.

2. В случае, если Товарищество, по представлению заведывающего тою мастерской, в которую был определен Николай Шустов, найдет его к этому ремеслу неспособным, то оно имеет право переместить его у себя же в другую мастерскую, по своему усмотрению, а также и наказывать его законом дозволенными мерами за шалости, неповиновение или нерадение к учению.

3. Во время бытности в учении Николай Шустов должен вести себя честно, быть ко всем старшим почтительным и послушным, никуда самовольно не отлучаться и исполнять всякого рода работы, поручаемые ему сообразно его силам, беспрекословно.

4. Прежде окончания всего срока учения, в сем условии определенного, ни я, Иван Григ. Шустов, ни кто-либо другой не имеют права взять его от Товарищества, а Николай Шустов не может уйти ни под каким предлогом.

5. Товарищество же предоставляет себе право отослать Николая Шустова и прежде окончания срока в случае:

а) его продолжительной болезни, делающей его к продвижению учения неспособным;

б) если он будет замечен в воровстве, пьянстве, упорном неповиновении и лености, и

в) в случае закрытия дел Товарищества.

6. Буде Николай Шустов будет уволен из числа учеников Товарищества на основании какого-либо из пунктов ст. 5 сего соглашения, то я, Иван Гр. Шустов, обязуюсь немедленно взять его обратно.

7. Если Николай Шустов в течение всего срока учения, хотя бы и в разное время, но в общей сложности, пробудет в отпусках, по болезни или другим причинам более трех месяцев, то он должен зажить это время по окончании срока учения в качестве ученика день за день беспрекословно.

8. Во время пребывания учеником в мастерских Т-ва Николая Иванова Шустова Т-во И. Н. Кушнерев и К° обязуется выдавать на его содержание денежное пособие в следующем размере:

в 1-й	год учения	по	3	р.	50	к.	в	месяц
» 2-й	»	»	» 4	»	50	»	»	»
» 3-й	»	»	» 5	»	50	»	»	»
» 4-й	»	»	» 7	»	50	»	»	»
» 5-й	»	»	» 9	»	50	»	»	»

9. Подлинник сего условия хранится у Товарищества, а копия его должна быть выдана мне, Ивану Григ. Шустову.

10. Условие сие обязуемся хранить с обеих сторон свято и нерушимо.

г. Москва 1902 г., февраля 27 дня.

Правление Товарищества печатного дела и торговли
И. Н. Кушнерев и К° в Москве.

Директор *С. Романовский.*

№

Копія

1902 года Февраля 27го дня, мы, нижеподписавшіеся, Правленіе Высочайше утвержденнаго Товарищества печатнаго дѣла и торговли **И. Н. Кушнеревъ и Кº** въ лицѣ Директора вышеозначеннаго правленія Сергѣя Даниловича Романовскаго и Зубцовской [?] мѣщанин [illegible] Иванъ Григорьевъ Шустовъ заключили сіе условіе въ нижеслѣдующемъ:

1. Я, Иванъ Григ. Шустовъ, отдалъ Товариществу своего сына Николая Иванова Шустова окончившаго курсъ Сущевскаго городск. начальн. училища, въ чемъ и имѣется у него аттестатъ отъ [illegible] № 19766, а Товарищество приняло его для обученія безплатно наборному ремеслу, считая отъ вышеписаннаго числа впредь по 2е Іюля 1906 года.

2. Въ случаѣ, если Товарищество, по представленію завѣдывающаго тою мастерской, въ которую былъ опредѣленъ Николай Шустовъ, найдетъ его къ этому ремеслу неспособнымъ, то оно имѣетъ право перемѣстить его у себя же въ другую мастерскую, ~~но [illegible]~~ ленными мѣрами за шалости, неповиновеніе или нерадѣніе къ ученію.

3. Во время бытности въ ученіи Николай Шустовъ долженъ вести себя честно, быть во всѣмъ старшимъ почтительнымъ и послушнымъ, никуда самовольно не отлучаться и исполнять всякаго рода работы, поручаемыя ему сообразно его силамъ, безпрекословно.

4. Прежде окончанія всего срока ученія, въ семъ условіи опредѣленнаго, ни я, Иванъ Григ. Шустовъ, ни кто либо другой не имѣемъ права взять его отъ Товарищества, а Николай Шустовъ не можетъ уйти ни подъ какимъ предлогомъ.

5. Товарищество же предоставляетъ себѣ право отослать Николая Шустова и прежде окончанія срока въ случаѣ:

а) его продолжительной болѣзни, дѣлающей его къ продолженію ученія неспособнымъ,

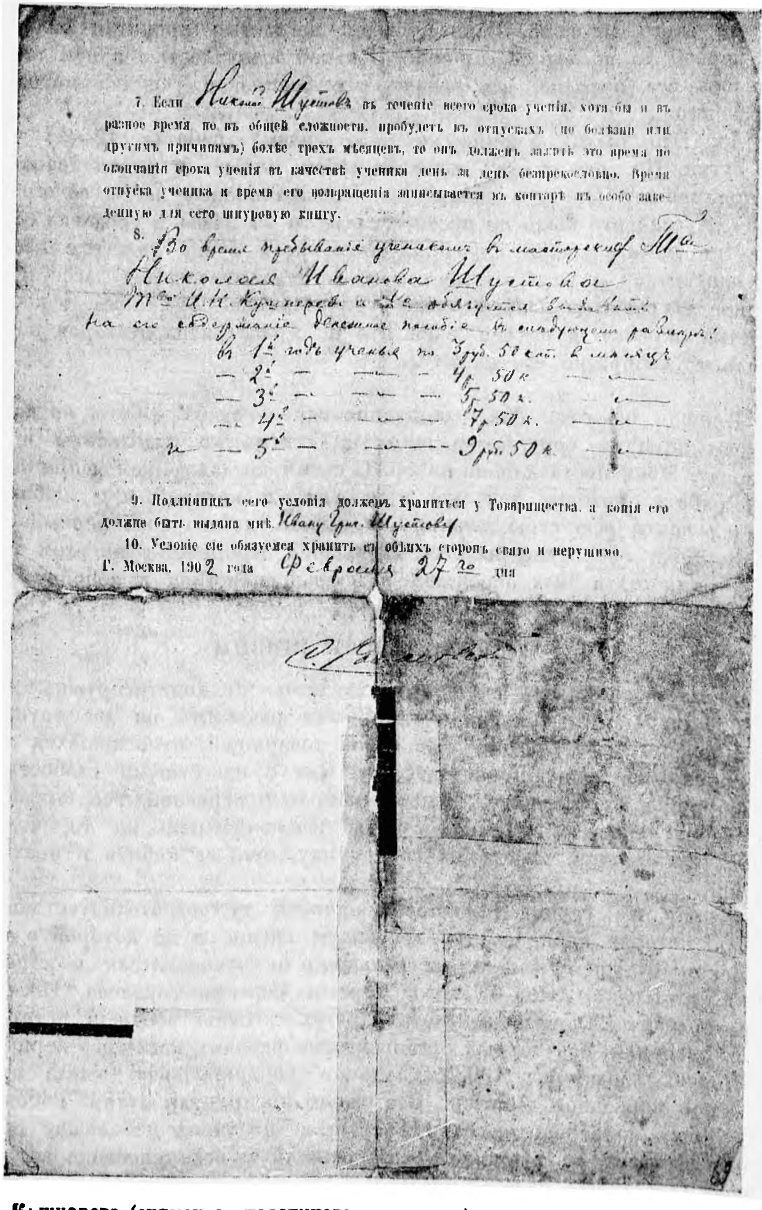
б) если онъ будетъ замѣченъ въ воровствѣ, пьянствѣ, упорномъ неповиновеніи и лѣности и

в) въ случаѣ закрытія дѣлъ Товарищества.

6. Буде Николай Шустовъ будетъ уволенъ изъ числа учениковъ Товарищества на основаніи какого-либо изъ пунктовъ ст. 5 сего соглашенія, то я, Иванъ Г. Шустовъ, обязуюсь немедленно взять его обратно: жительство имѣю въ гор. Москвѣ, на Долгоруковской ул., в домѣ Смирнова, кв. № 20 [illegible] и въ случаѣ отсутствія моего изъ Москвы Товарищество благоволитъ обратиться къ

жительствующе

Условие с учеником типографии



7. Если Николай Шутовъ въ теченіе всего срока ученія, хотя бы и въ разное время но въ общей сложности, пробудетъ въ отпускахъ (по болѣзни или другимъ причинамъ) болѣе трехъ мѣсяцевъ, то онъ долженъ зажить это время по окончаніи срока ученія въ качествѣ ученика день за день безпрекословно. Время отпуска ученика и время его возвращенія записывается въ конторѣ въ особо заведенную для сего шнуровую книгу.

8. Во время пребыванія ученикомъ въ мастерскихъ Т-ва Николая Иванова Шутова Т-во И. Н. Кушнерева и К° обязуется выдавать на его содержаніе денежное пособіе въ следующемъ размѣрѣ:
въ 1-й годъ ученья по 3 руб. 50 коп. в мѣсяцъ
— 2-й — — — 4 р. 50 к. — —
— 3-й — — — 5 р. 50 к. — —
— 4-й — — — 7 р. 50 к. — —
и — 5-й — — — 9 руб. 50 к. — —

9. Подлинникъ сего условія долженъ храниться у Товарищества, а копія его должна быть выдана мнѣ Ивану Григ. Шутову.

10. Условіе сіе обязуемся хранить съ обѣихъ сторонъ свято и нерушимо.

Г. Москва, 1902 года Февраля 27-го дня

Кушнерева (снимок с подлинного документа).

Вывод, читатель, делай сам. Каким елейным запахом несет от всего этого договора. Вернее, какой наглостью пропитан он весь с первой до последней строчки. С какой выпуклостью в нем выделилось все насилие, вся кабала, все бесправие ученика молодого рабочего.

Да. Это было! Ученик по „его силам“ работал 12—13 час. в сутки. По „его силам“ выносил побои, сплошь и рядом довольно „приличные“. По „его силам“ один таскал полные кассы со шрифтом. А если это было не по его силам, то он падал и уродовал себя.

Мне памятен один случай. Как-то, неся очень тяжелую кассу, я споткнулся и упал вместе с кассой. Рука попала под кассу и от удара ею мясо на пальце левой руки оказалось сорванным до кости. Метка осталась и по сей день. Это на языке эксплоататоров называлось „сообразно его силам“.

Прошло два года. Два года нудной однообразной работы по перевязке шрифта, сортировке шпон и беготне по отделениям и по городу. Меня поставили на набор. С каким наслаждением я принялся за работу, которая так мне нравилась и которой я с любовью отдал почти всю свою жизнь. Как сейчас, помню свой первый набор—текст оборота отрывных календарей. Проработав на этом тексте немного, я был переведен в первый переулок к наборщикам-акцидентам.

Начало новой жизни

Когда вспоминаешь прошлое, то невольно констатируешь, что наборщиков того времени можно было разделить на две группы.

Первая группа представляла собой товарищей, относившихся или пассивно ко всему происходящему, или с известными слабостями наборщика к „балдежке“, или связанных с деревней, все помыслы и взоры которых были обращены исключительно на то, чтобы как можно чаще надеть на себя сумку, туго ее набить и поехать домой.

Вторая же группа представляла собой ту сознательную молодежь, которая начинала творить новую жизнь и из которой в недалеком будущем вышли застрельщики и руководители восстания 1905 г. Имена Леши Жукова, Сережи Сергеева-Соколова, Иосифа Григорьевича Ткачева и многих других должны войти в историю этой фабрики, как первых организаторов рабочих масс того периода.

Первая забастовка 1903 г., удачно закончившаяся, имела прекрасное моральное действие. Все как-то воспрянули духом. Рабочий день был сокращен на один час, была получена небольшая прибавка. К тому же времени можно отнести и возникновение нашего союза (тогда еще нелегального). У молодежи явилась жажда к знанию. Началось посещение вечерних курсов. Но косо смотрела на это полиция.

Пишущему эти строки, побывавшему на Пречистенских и Домниковских курсах, на общеобразовательных курсах для рабочих в народном университете имени Шанявского, на художественных курсах рисования при Промышленном училище, в кружке Сетлемен (знание неба) помнятся бесчисленные придирки полиции. Все эти курсы были под особым надзором и частенько бывали „под замком“.

Полиция своим собачьим чутьем чуяла, что на всех этих рабочих курсах преподаются далеко не общеобразовательные предметы. Несмотря на все рогатки, молодой рабочий учился и тянулся к знанию. Хотелось знать как можно больше, так как начальная школа давала слишком мало знаний. В особенности остался в памяти кружок Сетлемен (помещавшийся в одном из переулков Тихвинской улицы) и его руководитель т. Шацкий (в настоящее время занимающий видный пост в Наркомпросе).

Когда сопоставляешь прошлое с настоящим и проводишь между ними параллель, то чувствуешь, насколько же велика разница. Раньше всякой малейшей попытке рабочего к самообразованию ставились рогатки. Теперь же двери всех учебных заведений для рабочей молодежи широко открыты.

1905 год

Год, который никогда не забудется. Затянувшаяся экономическая забастовка. Затем свобода в кавычках, которую я испытал на своей спине, получив на Мясницкой во время разгона демонстрации удар нагайкой. Помню, как я стремительно удирал от этой „свободы“, что потерял галошу. Помню, с каким воодушевлением хотелось хоть чем-нибудь помочь общему делу и, насколько возможно, быть полезным. С большим риском набирали запрещенное. Набирали кусочками, затем составляли в одно целое, и при удобном случае (обычно в обеденный перерыв) тискали.

События 1905 г. нарастали. Первые дни декабря. Собрания наверху во вновь отстроенном корпусе. Ораторы сменяются один за другим. Уже открыто говорят о вооруженном восстании и стройке баррикад. Надо было видеть то воодушевление, с каким началась их постройка. Работали, что называется, по-ударному. Молодежь принимала самое активное участие, и скоро вся местность вокруг типографии была опутана сетью баррикад.

Жизнь в типографии била ключом. Из глотки правления типографии была вырвана тысяча рублей на оружие. Быстро организовалась боевая дружина, во главе которой встал Алеша Кайрович (впоследствии повешенный). Его славной памяти я и хочу посвятить несколько строк.

Будучи отпущен с военной службы на поправку, он поступил к нам в наборную, резко выделяясь из всей окружающей его среды колоритностью своей фигуры, особенностью взглядов и страшной ненавистью к существующему режиму. Он как-то особо умел подхо-

дить к молодежи, быстро находил с ней общий язык и имел на молодежь неотразимое влияние. Уже после подавления восстания, счастливо избежав ареста, снова был взят на военную службу, и его полк был послан в один из уездов Тульской губернии на подавление крестьянских восстаний. Дописывая эти строки, я припомнил



«Свобода» собраний.

одно место в запрещенной листовке под названием „Раешник", которую мне пришлось тогда еще набирать, начинающееся приблизительно так:

Встали мужички голодные, жгут поместья доходные, кричат слова модные—свободные.

Худы, бледнолицы, хотят землицы. Вопят, дерутся, на сходках толкутся и лезут в хоромы.

Пошли разгромы.

А вот пример назидательный—отряд карательный: для вас, илотов, довольно пулеметов.

Здесь и там адъютанты (ордена, аксельбанты) проявляют таланты.

Бюрократы—педанты

Народ усмиряют, секут и стреляют, громят, разрушают, грозят все стереть.

Да здравствует плеть!

Восстаниям больше не бывать в Польше. Моя воля—закон,—кричит Скалон. И пошел расстрел „оптом" для экономии.

Конец автономии.

А Орлов генерал себя показал. Превратил земли балтийские в пустыни аравийские и рассеял комплоты.

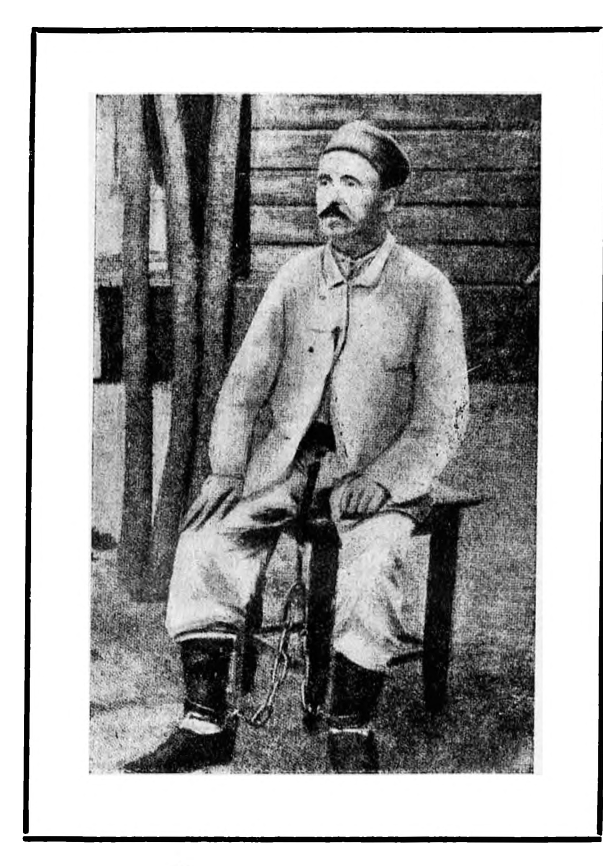
Эшафоты.

В Баку и на Кавказе восстание в новой фазе.

Наместник ведет тары-бары, армян режут татары...

И на защиту этих голодных мужиков выступил Алеша. Он отказался расстреливать своих братьев и, выйдя из строя, обратился к

солдатам с горячим призывом не проливать братской крови. Случилась по тому времени неслыханная вещь. Солдат нарушил святоесвятых—строй. Солдат вышел из строя и призывал к бунту. Его горячая речь имела успех. Полк взбунтовался и отказался усмирять крестьян. Его и еще несколько солдат судили и приговорили к смертной казни, заменив ее каторгой. Некоторое время он отбывал



Тов. Кайрович в тюрьме.

наказание в Тобольской каторжной тюрьме, затем его переводят в Нерчинские рудники. Тяжелые условия, тоска по вольной жизни породили мысль о побеге. С небольшой группой товарищей, сняв и обезвредив стражу, он бежит, но неудачно,—их снова судят и приговаривают к смертной казни через повешение.

Накануне казни, пользуясь правом смертника, он пишет письмо

к матери и товарищам, где, прощаясь со всеми, призывает товарищей продолжать борьбу. Оборвалась прекрасная молодая жизнь бойца-революционера, но никогда не изгладится память об Алеше Кайровиче.

Невольно напрашивается вопрос, почему наша фабрика, имеющая такой прекрасный клуб, не назовет одну из зал именем т. Кайровича, отдавшего свою молодую жизнь за дело освобождения рабочего класса. Он это заслужил, и фабрика должна чтить память своих героев.

Хорошо помнятся первые дни восстания. Помню стычку с конными жандармами на Угольной площади (в Каретном ряду). Наши



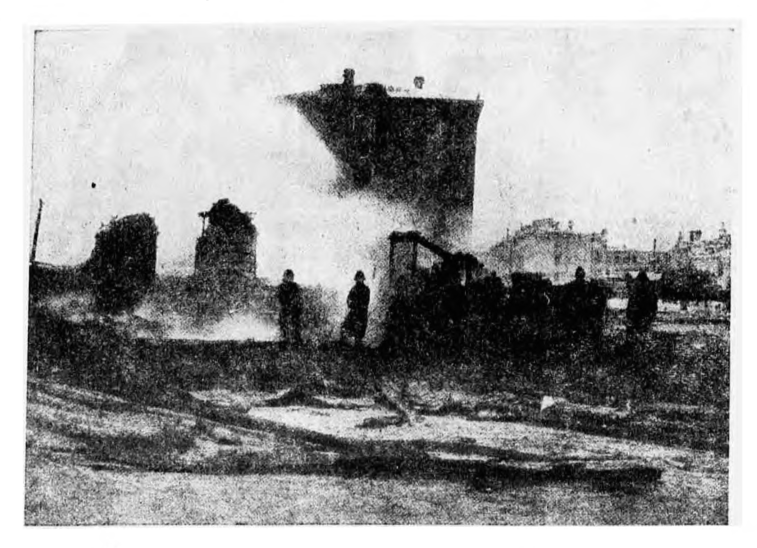
Ресторан «Волна» у Каретного ряда на Угольной площади. Сейчас здесь помещается Октябрьский райсовет раб., крест. и красноарм. депутатов.

дружинники дали им такой дружный отпор, что они поспешно ускакали, даже не подобрав с собой труп убитого. Как сейчас стоит перед глазами молодое безусое лицо жандарма, который лежал навзничь, раскинув руки, а наши товарищи поспешно отстегивали у него шашку и револьвер. Помню своеобразную „иллюминацию“, которую мы, группа молодежи, устроили на этой же площади, запалив будку городовых.

Проживая в то время в районе Миус, я большей частью пристраивался к летучим санитарным отрядам в районе Тверской и Грузин, помогая им переносить раненых, большинство которых были из числа любопытных.

Памятный день

14 декабря. Утро. Огромная Миусская площадь, куда выходили окна нашей квартиры, расположенной на первом этаже, была в то время наполовину пустой, и только часть ее была занята под склады булыжника. Сбоку нас через переулок—дом Громова. Нижняя половина окон забита досками (такой был приказ), но в верхнюю часть окна ясно видна площадь. Я стою и смотрю в окно. Рядом со мной стоит наш квартирант—городовой Павлов. На руках у него моя маленькая сестренка. Площадь постепенно заполняется войсками. Приехала артиллерия. Солдаты, греясь, возятся друг с другом, и ничто не предвещало того ужаса, который пришлось в этот



Сгоревшие дома Громова на углу 6-го Миусского пер.

день пережить населению нашей местности. Один из солдат, прислонив винтовку к штабелю камня, сел оправляться. Нас разделяет небольшое пространство и ему ясно видны наши головы. Мы продолжаем смотреть. Оправившись, солдат приложил винтовку к плечу и прицелился. Предполагая, что это шутка, мы не трогаемся с места, но звук выстрела, звон разбитого стекла и свист пули над головой дали нам понять, что это далеко не шутка. Все мы быстро, через коридор, перебегаем в заднюю квартиру. И было во-время, так как выстрелы начали следовать один за другим. Вскоре заговорила и артиллерия. Первое время обезумевшее от страха население нашего дома, не видя выхода из этого ада, металось по квартирам. Но выход из дома был отрезан. Несколько раз кое-кто пы-

тался из коридора пробраться через двор в сарай, но свист пуль на дворе быстро заставлял их возвращаться обратно. Трудно передать ту картину, когда десятки женщин и детей, обезумевших от



Руки вверх! — поиски оружия.

страха, метались из комнаты в комнату, подпимая крик при каждом выстреле из орудия, сотрясавшим нашу лачугу до основания. А выстрелы все усиливались и вскоре слились в один сплошной гул.

Молча, стиснув зубы, наблюдал я эту картину. Час следовал за часом. Вконец обезумевшие женщины сняли со стен иконы, поставили их на пол, легли около них, и голоса молившихся слились с криками детей.

Ужас положения усугублялся тем, что подожженный снарядами загорелся дом Громова (огромное деревянное здание, густо населенное беднотой), разделенный от нас только переулком. Этот, как свеча, горевший дом еще более усиливал панику.

Долго, мучительно долго тянулось время, и лишь к вечеру канонада стала стихать. Надо сказать, что наш флигель был заселен исключительно городовыми. Когда выстрелы стали реже, несколько городовых, надев на палку белую тряпку, отправились парламентерами. Стрельба прекратилась. Как сейчас, помню группу солдат во



На Пресне. Военное положение.

главе с начальником, которые шумной оравой ввалились в наш дом удостовериться, верно ли, что дом населен городовыми. Они были заметно пьяны и первым делом потребовали еды. Поставив свои винтовки, еще не остывшие от выстрелов, к стенке, они жадно набросились на пищу, спокойными глазами глядя на разрушение, ими же произведенное. Они чувствовали себя победителями, а наши матери рабски прислуживали им.

Мы вернулись в свои комнаты и нашим глазам представилось печальное зрелище. Выбитые окна и обстановка, изрешетенная пулями. Не спаслась и моя новая куртка, висевшая на стене против окна. Она до того была пробита пулями, что ее пришлось бросить. Наш флигель был пробит насквозь только двумя снарядами, а в соседний попало одиннадцать, и только один из них, ударившись в печку, разорвался, но, по счастливой случайности, не вызвал пожара.

Насколько мне приходилось наблюдать, артиллерия в 1905 г. стреляла исключительно гранатами, которые пробивали наши домики, как бумагу, и летели дальше.

Уже после выяснилась причина обстрела наших домов. Прибывшим войскам дан был приказ разгромить Миусский трамвайный парк, в котором засел отряд боевой дружины, и артиллерия некоторое время била по парку, но затем, повернув орудия, начала обстреливать нашу местность и обстрел объяснялся тем, что будто бы из наших домов по войскам был дан выстрел. Но это неправда, я не слыхал выстрела по войскам и прекрасно помню, что первый выстрел был произведен тем солдатом, о котором я говорил выше.

Восстание было подавлено, и лишь на Пресне все еще грохотали пушки и по ночам видно было зарево пожара.

Типография заработала, но настроение было подавленное. Все как бы чувствовали, что силы неравны, и невозможно было держаться против пушек и пулеметов. Реакция гуляла во всю, но по какой-то счастливой случайности почти все наши товарищи избежали ареста. Рабочий день был сокращен еще на один час, и мы стали работать девять часов.

Вместо концовки

Стараясь осветить в этой статье быт ученичества, я помню, что ни первая забастовка 1903 г., ни забастовка 1905 г. не дали никаких материальных улучшений ученикам. Трудно объяснить, почему это так было. Возможно, что силы взрослых рабочих были еще слабы и не могли с достаточной твердостью отстаивать также и права учеников; или хозяева, сознавая, что ученики являются самой дешевой рабочей силой и самой доходной статьей (а учеников в то время было очень много), особо упорно не соглашались удовлетворять требования по отношению к ученикам. Но факт остался фактом. Материальное положение учеников осталось прежним. Они также тянули пятилетнюю лямку учебы, также получали свои 3 р. 50 к. в месяц. Но я, хотя смутно, помню, что ученики одни как-то объявили забастовку. Дата забастовки не удержалась в памяти, но забастовка была кратковременной и успеха не имела. Нашлись в среде учеников и штрейкбрехеры, которые не бросали работы, и, в благодарность за это, получили от правления отпуска в летнее время с сохранением содержания.

В июле 1906 г. кончился срок моего учения и, получив за пять лет почти бесплатного труда 30 руб. награды и 25 р. жалованья в месяц, я стал наборщиком.

Последующие годы походили на калейдоскоп. Занятия по самообразованию, знакомство со студентами, товарищеские вечеринки, увлечение театром—чередовались одно с другим. Империалистиче-

ская война, работа в военной типографии, оккупация немцами, невольный плен, снова родина, затем Красная армия, Восточный фронт и опять типография, заведывание школой фабзавуча—и снова работа у станка.

Тридцать с половиной лет проработал пишущий эти строки в стенах типографии. Вконец надорвавшееся здоровье и советы врачей заставили меня в декабре 1931 г. уйти на более легкую работу. Да и немудрено. Мой неизменный спутник—шило, которое не покидало меня на протяжении двадцати семи лет, и то поддалось. Это шило в 1903 г. подарил мне Митя Залипухин. Оно выточено из карельской березы. В 1905 г., подобрав на улице патрон, я насадил его на ручку. Оно—память восстания. Но и медь не выдержала, и в моих руках патрон за 27 лет протерся насквозь.

Много воды утекло за 31 год. Многое совершенно ускользнуло из памяти, и пусть читатели не строго судят, если я что-либо упустил или не дописал. Меня преследовала одна мысль: хотя немного, хотя самую малость показать нашей молодежи, в каких условиях учились ученики моего периода, как они жили, защемленные хозяйской „щемиловкой“. Но теперь этого нет, теперь никто их не защемит, и от мрачного прошлого на противоположном углу типографии осталась только одна безобидная вывеска: „1-й Щемиловский переулок“.

Н. М. Макаров

БОЛЬШЕВИКИ НА „КУШНЕРЕВКЕ"

— Михайлов, хочешь, приходи сегодня на собрание,—обратился сдельный наборщик Иванов Павел к уже взрослому ученику мелочного наборного отделения.

Михайлов был удивлен: его приглашает на собрание малозаметный сдельный наборщик, работающий в средних переулках отделения, вдалеке от гневных, а иногда и милостивых взоров начальства. Удивляли также оговорки о некоторой секретности собрания и самое место собрания—на Пыховских огородах (теперь застроенном районе между Миусской площадью, 4-й Тверской-Ямской и Оружейным переулком).

К назначенному времени на лужайке Пыховских огородов собралась группа кушнеревцев человек в 12—15, в большинстве молодежь.

На собрании выступала женщина-интеллигентка. Она рассказывала о том, как строят свои организации рабочие заграницей, что и у нас, в России, рабочие многих фабрик и заводов организуются в соц.-дем. партию, которая ведет подготовку к вооруженной борьбе с самодержавием, что и у нас в типографии необходимо организовать соц.-дем. группу.

Большинство слушало с затаенным дыханием, с расширенными глазами. В них было и увлечение рассказом, и недоверие к словам говорившей: как это мы, такие молодые, можем бороться с самодержавием?—и гордились сознанием этой возможности.

По содержанию доклада прений не было. Он принят был молчаливо. Активное участие приняли все присутствующие в обсуждении вопроса о месте следующих собраний. Каждый старался предложить свою квартиру или обещал толкнуться к родным и знакомым.

Это собрание на Пыховских огородах происходило в конце лета 1904 года. Им было положено начало первым большевистским кружкам на „Кушнеревке", и с него началась регулярная пропагандистская работа большевиков среди кушнеревцев [1].

Докладчицей на этом первом, так сказать, организационном собра-

[1] Известно, что среди кушнеревцев велась соц-демократическая пропагандистская работа еще в 90-х годах. Существовал кружок, в котором вел занятия А. В. Луначарский. Но эти кружки не были большевистскими кружками.

нии была Нина Львовна—партийный организатор и пропагандистка московской организации большевиков.

Работа кружка началась. Правда, произошел некоторый отсев, но группа в 6—7 чел. регулярно посещала занятия.

Через месяц-полтора слушателями кружка был образован другой кружок, занимающийся отдельно от первого отчасти по трудности подыскать помещение для 12—15 чел., отчасти уже в силу некоторой отсталости слушателей второго кружка от первого.

Квартиры под кружки добывались сравнительно без затруднений.

Занятия в кружках первые полтора месяца вел пропагандист Илья, студент технического училища. Занималась и Нина Львовна. Кружковцы обоими были довольны.

Через некоторое время первый кружок перешел к другому пропагандисту, проживающему в Воротниковском пер. по Садовой улице, около церкви старого Пимена. Неоднократно собирались у него на квартире при несколько необычайной, с восточным привкусом, обстановке—на полу, на коврах. Фамилия пропагандиста Катанян (как будто, теперь прокурор при ОГПУ).

Заниматься у Катаняна всем очень нравилось. В беседах зачастую затрагивали вопросы русско-японской войны, на религиозные темы, в частности, о выполнении разного рода религиозных обрядов, например, об исповеди. Неоднократно с ним и другим товарищем—женщиной, которую мы часто встречали у него на квартире, по воскресным дням устраивались поездки за город по железной дороге, где часто велись беседы и на литературные темы, особенно об Ибсене, Гауптмане и Горьком. Рекомендовали нам литературу для чтения, которую мы доставали и читали.

Надо сказать, что слушатели кружков, преимущественно молодежь, политически развиты были еще очень мало. Было много из крестьянской или городской мещанской среды, еще окончательно не освободившихся и от религиозных навыков, привитых в школе и семье.

В качестве иллюстрации приведу такой случай. Женщину, которую мы встречали у пропагандиста Катаняна, арестовали. Двое ребят, узнав, где она находится, купили два десятка пирожных и пошли к ней на свидание в Сущевский участок в Оружейном переулке. Приходу ребят она была рада, и когда они увидели, что она стала раздавать принесенные пирожные сидящим за решеткой женщинам—ребятам стало как-то неприятно. Еще бы! Ведь они принесли пирожные ей.

Занятия в кружках велись, примерно, на следующие темы: история рабочего движения на Западе, в частности, германской соц.-демократии, положение рабочего класса и крестьянства в России (материалом была книга Ленина „К деревенской бедноте“), устав и программа РСДРП, съезды ее, отношение к меньшевикам, к либеральной буржуазии, роль пролетариата в русской революции и т. д.

Из пособий кружки имели, кроме указанной книги Ленина, „Эрфуртскую программу“ Каутского, центральный орган большевиков „Пролетарий“, резолюции съездов и как-будто все—литературой были небогаты.

Вопросы разногласий с меньшевиками усваивались сравнительно легко. А разногласие по пункту устава вызывало даже недоумение у слушателей—почему меньшевики не хотели согласиться с Лениным: если называешь себя социал-демократом, то и неси какую-либо работу в партии?

— „Назвался груздем—полезай в кузов!“—так резюмировал пункт разногласий один слушатель из кружка.

В начале 1905 года кружки организационно оформились в социал-демократическую большевистскую группу при типографии Кушнерева.

На одном совместном собрании кружков было избрано руководящее бюро.

В него вошли следующие товарищи: Жуков Алексей, Михайлов (Макаров) Николай—из мелочного наборного отделения, Иванов Павел—текстовое наборное отделение, Борщевский Александр и Балакин Захар—из переплетно-брошюровочного отделения, Хренов и Кудрявцев—из литографско-переводного и, впоследствии, Шумкин—из граверной.

Не было связей с двумя отделениями—литографским и типографским печатным—с нижним этажом типографии.

Членов группы и сочувствующих более всего было в мелочном наборном отделении—Соколов Сергей, Князев Василий, Шустов Николай, Зуев Иван, Ткачев Иосиф. В наборной сдельной—Чибисов Василий, Соколов Борис, Журавель из Петербурга, впоследствии Жердев из Брянска, Лапин Борис и др. Слабее были группы в брошюровочно-переплетном и литографском отделениях.

В типографском отделении—в нижнем этаже типографии—в качестве сочувствующего имелся пожилой чернорабочий на ротации Козлов.

Значительное большинство группы состояло из молодежи в возрасте 19—23 лет.

Еще до своего оформления группа вела кое-какую работу в предприятии, правда, осторожно, ощупью: заключалась она главным образом в распространении листовок Московского комитета партии (большевиков). Метод распространения был принят такой: кто-либо приходил ранее других в отделение или, спрятавшись где-либо на обеденный перерыв, раскладывал листовки по ящикам и верстакам работающих. Такую литературу, как издания заграничного бюро большевиков, раздавали наиболее надежным рабочим на руки для прочтения с обязательным возвратом.

С появлением в качестве организатора Дениса (Загорский, секретарь МК, убитый при взрыве МК в Леонтьевском переулке в 1918 г.) организация окрепла, и работа оживилась.

Московская организация большевиков была разбита на районы. Тогда существовал Городской район, в него входили предприятия, находящиеся, примерно, в черте Садового кольца. Значительный процент среди этих предприятий составляли типографские предприятия, довольно крупные по количеству занятых в них рабочих, как Кушнерева, Левенсона, Яковлева, Пашкова, Рихтер и др.

По организационным соображениям и некоторым специфическим особенностям типо-литографских предприятий при Городском комитете партии был создан типографский подрайон. Непосредственно с подрайоном кушнеревской группой была установлена организационная связь, а через него—путем явок и с Городским комитетом партии.

В частности, кушнеревской группой была установлена тесная связь с большевистской группой типографии Левенсона, где в то время работали тт. Боков Н. и Дугачев Николай.

Эта связь оказывала кушнеревцам большую практическую помощь. Случалось, что кушнеревцам не удавалось выполнить то или иное задание подрайонного комитета, главным образом, по организации техники и набору листовок, и тогда, минуя подрайон, работу передавали левенсоновцам. Через некоторое время был организован общий с последними пропагандистский кружок высшего типа, в котором вели занятия Порфирий и Одиссей (Мандельштам).

9-е января, русско-японская война, гибель русской эскадры при Цусиме, дикие расправы с рабочими в разных пунктах России и т. п.—все это потребовало от Московского комитета партии (большевиков) усиленной издательской деятельности.

Организовать технику (нелегальные типографии), набирать листовки и даже печатать было на обязанности, главным образом, кушнеревцев.

Все это, конечно, можно было выполнять только при крепко спаянной группе и сочувствии рабочих-кушнеревцев, главным образом, наборного отделения.

Практически поручение выполнялось обычно таким образом: перед обеденным перерывом назначенная для работы группа прячется по укромным уголкам типографии—за реалами, на лестнице, за корректорской и т. д. По уходе рабочих, табельщик Елисей обходит отделения, запирает их на ключ. Запор отделения создавал для оставшихся очень большое удобство: полная гарантия, что никто не появится ни с верхних, ни с нижних этажей, а ключи, при напряженно обостренном во время работы слухе, в случае прихода служили предупреждением. Оставался незапертым коридор, ведший из конторы через литографию непосредственно в мелочную наборную, где обычно и производилась работа. В коридор перед входом в переводное отделение литографии ставился наблюдатель, который давал знать о всяком выходе кого-либо из конторы.

Как по команде, быстро выставлялись заранее подготовленные кассы, от руки написанный оригинал разрезался по абзацам по числу набирающихся на 6—7 частей, и через полчаса, примерно, каждый

выставлял по верстатке, что в общей сложности давало листовку в 80—100 строк в 6—6½ кв.—обычный их размер. Делался оттиск для корректуры, который впоследствии прочитывался и выправлялся незаметным образом уже в рабочее время. Иногда удавалось в тот же обеденный перерыв и прочесть и выправить корректуру.

На такого рода работы приглашались и не члены партии—отказов почти не было. Неизбежно при спешке кое-какие следы работы оставались: по-иному перевернутая чья-либо гранка, верстатка, включенная на другой формат, несколько выбранная касса и т. д. Явно, кто-то „шкодил". Но на это никто не обращал внимания, если и обращал, то сознательно молчал. Это говорит о том, что работа проходила под знаком сочувствия и даже активной поддержки со стороны рабочих.

Приведенный в порядок, крепко связанный и завернутый в бумагу набор прятался под крепко стянутый ремень и выносился для сдачи в явочное место.

Было два случая, когда „засыпались". Табельщик Елисей не решался сдавать засыпавшегося, куда следует. То ли, что его нюх ищейки ощущал близость больших событий, и он не хотел обострять с собой отношений, то ли просто им руководила боязнь личной мести.

Для установки „типографии" требовалось оборудование—шрифт, краска, валики. Снабжение возложено было также отчасти на кушнеревскую партийную группу. Но с этим дело было куда проще. Идет кто-либо в кладовую и говорит:

— Фриц, дай-ко разбору петиту обыкновенного нумер пятый!

Шел и боргес, и корпус плотный.

Обязательные для каждой листовки заголовки: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия" набирался древним на кегль 16, лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"—корпусом курсив, подпись—Московский комитет—полуанглийским курсивом на кегль 12—все это соответствующим образом разбивалось и разверстывалось, завертывалось и обычным порядком выносилось. Отправлялись по назначению и типографские валики.

Налаженная техника проваливается... Тем же порядком ставится новая. При активной помощи со стороны кушнеревской группы была поставлена известная нелегальная типография на Лесной улице под вывеской фруктового магазина. В настоящее время подпольная большевистская типография на Лесной улице у Бутырской тюрьмы сохранена, как музей, показывающий условия работы и борьбы московских большевиков в черные дни царизма.

Работа кушнеревской ячейки росла не только вглубь, но и вширь. Летом 1905 года работало уже несколько кружков. Пропаган-

дистской коллегией при МК был разработан план занятий в кружках. Кружки первой ступени переводились во вторую, создан был кружок повышенного типа. Занятиями руководил Денис. В качестве пропагандистов работали Ольга Пилацкая, некая Женя, несколько позже Савелий (Ходоровский).

Попадались пропагандисты и неудачные, неумелым подходом разваливавшие кружок. Был такой случай. С большим трудом наладили кружок из рабочих печатного отделения, т. е. там, где менее всего имелась у ячейки твердая почва. Кружок собрался преимущественно из пожилых рабочих. В кружке было 5—6 чел. Присланный подрайоном пропагандист, юноша 18—20 лет, уже одним своим видом создал у слушателей настроение не в свою пользу. Когда же он начал свою речь об известных вещах, да притом избитыми фразами („крестьянину курицу некуда выгнать")—разочарование было полное. Находившаяся в соседней комнате хозяйка квартиры, простая женщина, не выдержала и крикнула:

— Что ты, парень, говоришь! Про это все знают, говори дело...

Это „парня" смутило окончательно.

Такие случаи бывали. С самого начала неправильно взятый тон разваливал кружок и снова собрать его можно было с большим трудом.

На этой почве приходилось „ругаться" с ответственным пропагандистом подрайона или района. В конце концов на этом деле приобрели опыт: не к пропагандисту подбирали слушателей, а к слушателям— пропагандиста.

Вошло в правило кушнеревской ячейки время от времени устраивать летучие митинги у ворот типографии.

Посвящались в дело члены партии и группа сочувствующих, которые должны были, по окончании работ, быть первыми при выходе из ворот типографии; к ним подбегал находившийся в ожидании против ворот или на противоположном углу агитатор, которого группа принимала, ставила на тумбу или держала на руках, предварительно надев на него шляпу или какой-либо другой характерный головной убор. Выходившие рабочие образовывали плотное кольцо вокруг агитатора, говорившего обычно речь в лаконических фразах, сильно зажигательную. Митинг продолжался минут 10—15, до прихода группы городовых с помощником пристава, бросавшегося с места в карьер на приподнятого человека в заметном головном уборе. Не было случая, чтобы полиция захватывала агитатора. Пробиться сразу к агитатору через толпу приставу не удавалось, головной убор находился уже у кого-либо за пазухой, и агитатор сливался с рабочей массой. Следовавший затем разгон толпы ничего кроме задора и смеха не вызывал. Несколько было хуже, когда вместо полиции появлялись конные жандармы, в особенности казаки. Тогда на утро выяснялось, кто потерял галоши, кого ударили нагайкой или помяли лошадьми.

Эти летучие митинги, по сути своей дававшие немного в объяснении

того или другого политического факта, поднимали настроение у кушнеревцев, держали их в курсе политических событий, надвигающихся октябрьских стачек и декабрьской вооруженной борьбы 1905 года.

К осени 1905 года влияние ячейки большевиков на „Кушнеревке" настолько окрепло, что она стала уже бороться за преобладающее влияние на предприятии.

Организации меньшевиков, как таковой, на „Кушнеревке" в это время не было. Имелись отдельные меньшевики, пользовавшиеся персональным авторитетом. Планомерной организационно-пропагандистской работы на предприятии они не вели, но считаться с ними все же приходилось. Наиболее крепко они себя чувствовали в печатном отделении, где большевистская группа никак не могла установить крепких связей. Помимо их, в печатном отделении находились влиятельные анархо-синдикалисты или анархисты (Батманов).

Летом устроено было два-три собрания за городом, на которые приглашались и меньшевики. Ставились специальные доклады на тему о тактике социал-демократии, докладчики были от большевиков. Ставился и вопрос о „едином фронте" работы, но практически все это ни к чему не привело. Явной враждебности не проявлялось ни с той, ни с другой стороны, но и теплоты в отношениях не чувствовалось.

Экономическая стачка печатников осенью 1905 года застала большевистскую группу мало к ней подготовленной. На собрании подрайона печатников-большевиков решено было влиться в движение.

Кушнеревская ячейка быстро добилась того, что во многих отделениях делегатами или уполномоченными были избраны большевики или явно им сочувствующие. В сдельном наборном отделении к большевистской группе примкнул пользующийся влиянием наборщик Соломенцев, в мелочном наборном и брошюровочном отделениях делегатами были избраны члены ячейки. Возглавить стачку, правда, не удалось, но влияние большевистской группы уже чувствовалось. Были моменты, когда к большевикам, к руководящей группе их, обращались за оказанием помощи в тяжелые моменты стачки.

С первых чисел ноября большевистская группа перешла к практическим мероприятиям по подготовке к вооруженному восстанию.

Этому предшествовали ряд подрайонных и местных партийных собраний, на которых обсуждались вопросы о технической стороне подготовки, о приобретении оружия и порядке снабжения им кушнеревцев, а также об обязательстве каждого члена партии научиться обращению с огнестрельным оружием.

Последний вопрос как-будто и не требовал особого обсуждения— это подразумевалось само собой.

Вопрос о приобретении оружия и распределении его среди кушнеревцев возник еще до вооруженного восстания.

Ходили слухи, что черносотенцы намерены разгромить кушнерев-

скую типографию, как центр собирания революционных сил района. По Пименовской улице жило несколько еврейских семейств, квартирами которых мы зачастую пользовались для собраний. Кроме того, на Екатерининской площади, в доме рядом с Екатерининским институтом (ныне ЦДКА), жил присяжный поверенный Курский, член партии, большевик. Для кушнеревской ячейки было ясно, что если погромная волна разольется по Сущевскому району, то непосредственно типографии она коснется очень незначительно. Погром коснется главным образом проживающих в Сущевском районе еврейских семейств, семейств передовых рабочих.

Решено было через членов партии, входящих в местный совет уполномоченных, и непосредственно через рабочих усиленно нажимать на совет уполномоченных, чтобы последний более энергично ставил требование перед правлением типографии о выдаче средств на приобретение оружия.

Решено было начать сбор средств на приобретение оружия среди кушнеревских рабочих.

К 15 ноября администрация типографии выдала 1000 рублей. Выдала, правда, трусливо—по ордеру „на улучшение быта рабочих". Боязнь разгрома типографии черносотенцами, страх за целость имущества заставили администрацию выдать эти деньги на вооружение рабочих.

Начались усиленные занятия по обучению обращению с огнестрельным оружием. На руки получили оружие некоторые члены партии, ранее служившие в армии или просто умеющие владеть им. Было несколько маузеров, больше—крупных размеров револьверов системы Смит-Вессона, „собакобой",—как называли их рабочие.

Занятия по разборке оружия, по уходу за ним велись на квартирах, группами в 5—6 человек. Практические опыты стрельбы происходили за городом, обычно в воскресные дни. Занимались усердно. Теоретическая подготовка охватила почти всех членов партии, уроки же практической стрельбы пройдены были далеко не всеми—для поездки за город необходимо было иметь свободные воскресные дни (а их было так мало!), да и условия конспирации не всегда давали возможность использовать поездку за город достаточно полно.

Партийным большевистским районом был прислан на „Кушнеревку" инструктор—боевик Николай, который провел несколько занятий на квартирах, выезжал раза два с рабочими за город. На одном из собраний членов партии им была проведена беседа на тему о тактике боя. Глубокого следа эта беседа у слушателей как-будто не оставила.

В работе по подготовке к вооруженному восстанию к большевикам примкнули и работавшие в типографии социалисты-революционеры—наборщик Завьялов Николай, впоследствии секретарь профессионального союза печатников, и из печатного отделения—Батманов, политически не совсем ясный тип—не то социалист-революционер, не то

анархист. Особенно энергично работал Завьялов. Он даже обеденные перерывы посвящал беседам на тему об обращении с оружием.

На этой совместной работе большевистская группа приобрела и закрепила связи с печатным отделением типографии, как-то все время выходившим из сферы влияния большевиков.

Но в то же время обострились отношения с меньшевиками. К лихорадочной подготовке большевиков они относились с некоторой усмешкой, как к детской забаве. Умеренность и аккуратность—вот тактика кушнеревских меньшевиков непосредственно перед декабрьскими событиями 1905 года.

На митингах, происходивших в пустующем верхнем этаже типографии, меньшевики в спорах с большевиками упрекали последних в том, что их тактика форсирования революции ведет к реакции, к срыву завоеваний рабочего класса.

Сочувствие рабочих явно было на стороне большевиков. Большевистская ячейка типографии обрастала плотной массой сочувствующих ее тактике кушнеревцев...

Настроение же меньшевиков перед декабрем некоторое время спустя определил Г. В. Плеханов словами—„не надо было браться за оружие".

...К вечеру 7 декабря район „Кушнеревки", как и вся Москва, погрузился в темноту. Разоружались полицейские, строились баррикады. Кушнеревцы лихорадочно готовились к боям с оставшимися верными московскому губернатору Дубасову частями Московского гарнизона.

При типографии быстро сорганизовалась боевая дружина. Оружие выдавалось только умеющим обращаться с ним,—его нехватало.

„Кушнеревка" кипела, как улей.

Вот как описывает ее в дни декабря тов. Борщевский („1905 г. на Кушнеревке". Сборник воспоминаний):

Как только была объявлена стачка, наша Кушнеревка превратилась в революционный штаб района. Все прилегающие к району предприятия держали связь с Кушнеревкой. Здесь они получали по утрам ежедневно „Известия Московского Совета". Кроме того, на Кушнеревке каждый день по утрам бывали отчеты типографских депутатов, входящих в Совет, и общий обзор событий. Собрания были открытыми, начинались утром и кончались как только делалось темно. Поэтому рабочие всего района всегда присылали своих представителей, а иногда приходили целыми предприятиями ознакомиться, как идет дело вооруженной борьбы. Итак, мало-помалу Кушнеревка превращалась в районный штаб.

И далее:

Кушнеревка, кроме того, что являлась в районе штабом революции, фактически была штабом революционных действий типографов всей Москвы,—здесь каждый день собирались типографские депутаты всех типографий, тут же каждый день вырабатывался план, какую и как захватить типографию для печати очередного номера „Известий".

Большевистская ячейка всем своим составом вошла в работу. Часть ее была занята печатанием и распространением „Известий Москов-

ского совета рабочих депутатов“, другая—с оружием в руках встала за баррикады, третьи—работали в пунктах „Красного креста“.

Напряженная боевая работа велась две недели—до 19 декабря.

За эти дни кушнеревцы-большевики не покидали своих революционных постов, своим энтузиазмом и активностью воодушевляя уже начавших уставать в неравной борьбе кушнеревцев...

На „Кушнеревке“ из числа дружинников пострадали двое: ранены Соколов (Сергеев) Сергей и рабочий ротационного отделения Козлов. Тот и другой—большевики.

Встречая новый 1906 год, лидер буржуазии А. И. Гучков поднимал бокал в честь московского губернатора Дубасова: „От имени всех нас могу сказать Вам, что в нашем содействии Вы не должны сомневаться: всякий из нас готов положить на это дело все свое разумение, все свои силы. Но вместе с тем велико то назначение, которое выпало на Вашу долю в данном деле, как нашего руководителя“.

А десятью днями раньше Московский исполком обратился к московским рабочим с такими словами:

„Наша борьба, наши жертвы прошли недаром. С сознанием честно и мужественно выполненного долга мы примемся за дружную подготовку и сплочение сил рабочего народа и армии для окончательного низвержения царского самодержавия. Декабрьская неделя восстания московского пролетариата кончилась. Да здравствует всенародное восстание и победа над строем гнета и произвола“.

Лидер буржуазии Гучков опричникам самодержавия обещал свою поддержку для удушения рабочего движения, представители же рабочего класса призывали последний к борьбе над строем произвола!

Кушнеревцы, как и московские рабочие, вышли из борьбы побежденными, но не разбитыми. Они имели еще достаточно сил, чтобы не позволить раздавить себя.

Большевистская ячейка количественно, за счет сочувствующих, уменьшилась, качественно—возросла.

Изменился несколько размах работы, потребовалась большая конспирация, но содержание работы осталось прежнее.

Быстро наладилась организация пропагандистских кружков, время от времени происходил набор листовок прежним порядком, доставлялся для организации нелегальных типографий Московского комитета шрифт и пр. Полиция местного участка держалась в напряжении—устраиваемые время от времени митинги у ворот заставляли ее отрядами дежурить во дворах вблизи типографии.

Работа кушнеревской ячейки расширялась за пределы типографии. Некоторые товарищи, не оставляя последней, повели партийную работу среди булочников, портных, в общежитиях молочных Чичкина и т. д. Помимо организационной работы, велась и пропагандистская работа в кружках низшего типа,—это показывало, что кушнеревецпартиец вырос в своем политическом развитии.

Уже к весне 1906 года на „Кушнеревке" функционировали два боевых кружка, занятия на которых вели присланные районом инструктора; такого рода кружок организован были и среди булочников.

Ячейкой была организована маевка в Петровско-Разумовском, разогнанная полицией почти в самом начале. На нее собралось рабочих до 50 человек. При разгоне двое членов партии были арестованы, но, по проверке документов, к вечеру того же дня освобождены.

К лету кушнеревская ячейка имела в своем составе человек 20—25 членов, не считая сочувствующих. Она представляла собой крепко спаянную, воодушевленную работой группу.

В качестве организаторов из центра в 1906 году на „Кушнеревке" работали: Савелий (Ходоровский), несколько позже—Макар (Ногин), Наташа (Недокунева) и некоторые другие. Пропагандистом на объединенном из разных типографий кружке высшего типа работал Порфирий.

Велась ячейкой борьба с развившимися после декабрьских событий анархо-синдикалистскими настроениями в рабочей среде. Среди печатников, в частности кушнеревцев, они проявились слабо, но сильнее сказывались среди рабочих мелких кустарных предприятий—булочников, портных.

Собрания для дискуссий с синдикалистами проводились обычно таким образом: выступал докладчик синдикалист, за ним—содокладчик - большевик. Неоднократно содокладчиками были партийцы-рабочие из кушнеревцев, имея на всякий случай за спиной палочку-выручалочку - Савелия или кого-либо другого. Такого рода дискуссии приучали к выступлениям, укрепляя в то же время марксистское мировоззрение.

Большую помощь кушнеревской партийной работе оказала организованная в наборном мелочном отделении небольшая библиотека. Она давала возможность держать связь с рабочими, в то же время концентрируя внимание на работе большевистской группы. Всякий, взявший книгу или партийный журнал для прочтения, невидимыми нитями связывался с большевиками и некоторым образом чувствовал себя как бы приобщенным к организации. Библиотека была небольшая, не более сотни книг и брошюр. То, что имеется библиотека, в этом, пожалуй, большого секрета и не было—брали и даже выбирали книги из нее довольно открыто. Одно время она была целиком кем-то выкрадена, но через некоторое время возобновлена.

Подбор библиотеки был такой:

Еженедельный большевистский центральный орган партии „Вперед" (обычно в нескольких экземплярах), брошюры В. И. Ленина: „Что делать" и „К деревенской бедноте". Издания „Молот", „Буревестник" и др.: листовка „Пауки и мухи", брошюра „Хитрая механика", по интригующему названию постоянно бравшаяся брошюра Лафарга „Право на леность", переложение сказки Ершова „Конек-Горбунок", имелись постоянно программа партии, устав ее, брошюра с резолюциями партийных съездов. Далее: брошюра о Бернштейне, 18-е Брю-

мера Луи Бонапарта, брошюры по революциям 48-го года на Западе, брошюра французского социалиста Гэда, Лафарга, Бебеля—„Женщина и социализм“, Меринга—„История германской социал-демократии“. Имелся ряд популярных брошюр Рубакина, „Русская история“ в 3 книгах Шишко—последние всегда были на руках у читателей, и др. Были также популярные брошюры по аграрному вопросу, а из наиболее фундаментальных—„Аграрный вопрос“ Каутского, „Эрфуртская программа“. Рекомендуемая библиотекарем литература не всегда легко переваривалась читателем. В дальнейшем была установлена некоторая последовательность в подборе книг по политической экономии. Был установлен, примерно, такой порядок: „Чем люди живы“—Дикштейна, „Политическая экономия в вопросах и ответах“, а потом уже „Краткий курс политической экономии“ Богданова. Имелась беллетристика: Горький—„Буревестник“, „Песнь о соколе“, „Челкаш“ и др., Скиталец—„Гусляр“, „Огарки“. На рассказы того и другого был постоянный спрос, имелся в библиотеке также Короленко и др. авторы.

Просуществовала эта библиотека до конца 1906 года.

7 декабря 1906 г., по инициативе большевистской ячейки, в обеденный перерыв был собран митинг в память годовщины вооруженного восстания 1905 года. За пять минут до окончания работ захватным порядком был дан звонок к перерыву, перед вышедшими рабочими была произнесена небольшая речь, а затем дружно пропели похоронный марш борцам, павшим год назад в боях с царским самодержавием.

Год глубочайшей реакции не сломил энергии кушнеревской большевистской ячейки, и она имела силу, чтобы призывать рабочий класс к борьбе с царским гнетом и произволом.

Этим митингом прерываются мои воспоминания о работе большевиков на „Кушнеревке“: администрация типографии не могла терпеть среди своих рабочих активиста-большевика, так открыто напоминавшего о декабрьских днях 1905 года.

И. Нечаев

ИЗ ДНЕВНИКА КУШНЕРЕВЦА

В хаосе

Я поступил работать в типографию Кушнерева и К° на Пименовской ул. в 1894 г. Здание типографии было трехэтажное. В первом этаже было машинное отделение, во втором—наборная и контора, в третьем—брошюровочная и переплетная.

В отдельном флигеле набиралась газета „Новости дня“ и была стереотипная.

Наборщиков было около 100 чел., кроме газетных. Наборных машин тогда еще не было и в помине.

Сдельная половина наборной была чрезвычайно оживлена и шумлива. „Звон“, разговоры на разные „приключенские“ темы вызывали такой шум, что заведывающему наборной Барышникову частенько приходилось вставать со своего стула и возглашать:

— Тише, господа! Невозможно так.

Особых репрессивных мер против этого не принималось. Наборщики вели себя „свободно“, хотя работа и шла, работа, смешанная с пьянкой, прогулами, в беспорядочном хаосе рабочей обстановки, вызывавшей большую потерю рабочего времени. Реалы и формореалы были совершенно не нумерованы. Кассы тоже не нумерованы, без наклейки, и сколько касс с определенными шрифтами точно не было известно.

Кассы узнавались „опытными“ наборщиками по трещинкам, по обломанным бортам и т. п. признакам.

Пьянка и прогулы, конечно, преследовались, но лишь в случаях затяжного и систематического характера. В таких случаях дело кончалось увольнением.

Администрация руководилась „мудрым“ правилом: „лучше все равно не найдешь“.

А рабочий, которого увольняли, руководился своим „правилом“: „ну, и чорт с вами; была бы шея, а хомут найдется не хуже вашего“.

Так и шло.

Кто и что каждый из рабочих переживал в душе—в это никто не вникал.

Рабочих густо окружали вокруг типографии разросшиеся кабаки и пивные самого плохого пошиба. Это было самым доступным развлечением для желающих.

Типография была антисанитарна. В наборной полы были деревянные, никогда не мылись, реалы и кассы в пыли, никогда не выдувались и не обтирались, и даже выгребание мусора с материалом из-под реалов и формореалов являлось чрезвычайной роскошью. Словом, эксплоатация была самая варварская. Рабочий день был 11 час., кроме сверхурочных часов. За тысячу букв платили 14 коп., сдельно зарабатывали 25—30 руб., на жалованье—25—30 руб.

Медицинская помощь в типографии в то время совсем отсутствовала.

Освещение было керосиновое и, за отсутствием вентиляции, вечером было очень жарко, просто задыхались.

— Слушай, а ведь скверно мы живем, нас жмут...

Товарищ тяжело вздохнет, плюнет и промолвит:

— А ну их к чорту. „Везде одно". Пойдем выпьем.

И выпивка являлась даже своего рода „протеже". На ней завязывались товарищеские и „семейные" отношения. Кому-нибудь из „начальства" „плеснуть", „угостить"—за это перепадала лучшая работа и создавались лучшие условия. Некоторые руководы по работе, будучи сами хулиганами, создавали вокруг себя и хулиганскую атмосферу, в которой рабочий легко и быстро портился. И даже это было своего рода „протеже", ибо вторило в тон „начальству".

Жизнь была тягостной. О жизни партий знали только по-наслышке или из либеральных газет, кто ими интересовался.

В период 1897—98 гг. судьба меня столкнула с наборщиком Павловым и его товарищем Николаевым (Бусаровским). Они были революционерами. Вскоре передо мной промелькнул тип революционера-агитатора, по псевдо-фамилии Тройнов.

В результате этого знакомства мы устроили у себя на квартире несколько небольших собраний наборщиков „Кушнеревки". Обсуждали вопросы быта и что делать. Решили—нужно начать с протеста против грубости и бездушия администрации и требовать вежливого обращения.

Затем наша работа выразилась в том, что мы выступили с требованием своевременной выдачи получки. Большего нам сделать не удалось, так как нас успели уволить.

Помню, на Пименовской улице (в 1897—98 гг.) открылась потребительская лавка, которая вскоре закрылась, не встретив надлежащей поддержки, но вызвала много разговоров в типографии, так как это явление было новостью в то время.

В дальнейшем с кушнеревцами мне пришлось встретиться уже в другой обстановке, после того как печатники вообще были встряхнуты всеобщей забастовкой московских типографщиков в 1903 г. Эта забастовка была замечательным явлением того времени, пробудила к жизни и дала толчок многим рабочим печатникам.

1905 год

За период времени с 1903 г. создался подпольный Московский союз типографских рабочих. Издавая подпольный журнал „Вестник" и имея связи с местами, Союз развил большую деятельность, в результате чего появилась сентябрьская забастовка московских печатников в 1905 г.

Забастовавшими был избран от предприятий Совет типографских депутатов, который вначале собирался в Канцовском училище в Леонтьевском пер.

Советом депутатов был избран президиум, в который вошли: В. Кайрович, Нечаев, печатник Иванов, Чусов и другие.

Вначале председателем Совета был печатник Иванов, а затем Н. И. Чистов. Сначала велась чисто агитационная работа, но через несколько дней произошел резкий перелом в настроении депутатов. Большое впечатление на Совет произвело сообщение о зверской расправе полиции с забастовавшими булочниками пекарни Филиппова: булочники были захвачены в общежитии и зверски избиты. Под влиянием этого сообщения изменили свою линию поведения и зубатовцы [1]. Зубатовец Котов (сытинец) выступил с исключительно талантливой и искренней речью, в результате которой была принята резолюция, клеймившая полицейский произвол и требовавшая созыва Учредительного собрания.

Затем Совет разбился на секции по профессиям.

Встал вопрос об иногородней поддержке стачки. Решено было связаться с петербургскими печатниками. Для этой цели президиумом был избран В. Кайрович, который немедленно выехал в Питер и через существовавшее там объединение печатников 2 октября организовал общее собрание. Питерцы поддержали москвичей объявлением трехдневной забастовкой солидарности, в которой приняло участие не менее 25 000 чел.

Когда Советом были выработаны требования и предъявлены владельцам, последние предложили выбрать представителей для совместного обсуждения требований. Это совместное заседание состоялось 28 сентября в Строгановском училище.

Предъявленные хозяевам требования имели не только экономи-

[1] Кушнеревцы вместе с сытинцами в 1904 г. составляли основное ядро зубатовских организаций в Москве среди типографских рабочих. На собраниях зубатовцев пелись молитвы, выступали ораторы с призывом к рабочему быть „мудрым, как змий". Помню выступления Матрозова, Красивского.

ческий, но и политический по тому времени характер, например, требование о признании депутатов в печатных предприятиях было формулировано так: на каждой фабрике все отделения должны иметь постоянно выбранных рабочих делегатов. Депутаты ведают все дела, касающиеся своей фабрики, имеют дело с хозяевами от лица своей фабрики, всякий рабочий ведет разговор с хозяином через депутатов; хозяин не имеет права вести дело с отдельными рабочими, минуя депутатов. Депутаты должны иметь право давать согласие на прием и увольнение, брать на себя рассмотрение всех случаев нарушения рабочими внутренних распорядков (взамен отмены штрафов), иметь право увольнять отдельных лиц из администрации, определять размер пособия увечным или вдовам, следить за санитарным состоянием мастерских.

Когда представители от рабочих, в числе которых был и я, пришли в Строгановское училище, нас, после долгого ожидания, пригласили в зал с условием, чтобы мы не скандалили, в предупреждение чего зал был разгорожен фундаментальным деревянным барьером на две части, по одну сторону которого в отдалении разместились владельцы, а по другую—представители рабочих.

Переговоры в Строгановском училище не дали положительных результатов, так как было видно нежелание со стороны владельцев итти на уступки и стремление путем дальнейшей борьбы подчинить рабочих.

Затем было прислано приглашение на совещание с владельцами у градоначальника Медема. Были посланы Котов (сытинец), Кайрович, я, Лебедев и Чистов.

Эта миссия была не из приятных, мы все же пошли, но после длительного ожидания в приемной, когда совещание владельцев уже началось под председательством Медема, мы демонстративно ушли.

В результате, забастовка имела частичный успех.

Полностью были удовлетворены требования газетных наборщиков: 8-часовой рабочий день; работать две недели день, неделю—ночь и был поставлен вопрос о воскресном отдыхе.

В дальнейшем события развивались с огромной быстротой. Движение охватило почти всех рабочих Москвы.

О манифесте 17 октября 1905 г. я впервые узнал в Музее труда, куда я ходил на собрания представителем по различным вопросам от организовавшегося за этот период времени Московского союза рабочих печатного дела. Вероятно, это было 17 октября, вечером. Председатель П. В. Муравьев довел до сведения собравшихся, что издан манифест о созыве Государственной думы. Я так расчувствовался, что когда, возвращаясь на квартиру, сообщил эту весть даже городовому, стоявшему на углу Арбата и Арбатской площади, тот схватился за шапку, потом опомнился и прошипел: „Пш-шол!“

Перед декабрем 1905 г. появились признаки, что реакция уже начала ликвидировать октябрьские завоевания рабочих. Шли обыски, аресты. В декабре месяце решено было в знак протеста устроить всеобщую забастовку рабочих в Москве. Рабочие начали вооружаться. В период всеобщей забастовки улицы стали покрываться баррикадами.

Помню, в один из вечеров этого кровавого декабря, с Варгунихиной горы, у Доргомиловского моста, где тогда жил, я шел в Союз печатников. Последний находился на Остоженке в Зачатьевском переулке.

По Арбату и прилегающим переулкам строились баррикады.

Прихожу в Союз. За длинным, покрытым черной клеенкой, столом сидит вооруженная револьверами публика.

— Ждем нападения на Союз. Вот, посмотри.

Смотрю, на стене висит прокламация, угрожающая разгромом Союза.

— Завтра будет собрание в типографии Кушнерева, надо пойти представителям от Союза.

На другой день, как член правления Союза, я пошел в типографию Кушнерева. Собрание состоялось в мастерской типографии. Обсуждались вопросы на политические темы. По окончании собрания часть собравшихся перешла на чердак, потому что на Пименовской улице шла стрельба и сочли опасным дальше продолжать собрание.

На этом собрании, на чердаке, обсуждался вопрос организованного движения рабочих к Спасским казармам, где среди солдат началось революционное движение.

— Но, а если мы встретим вооруженную силу? Ведь мы почти безоружны...—задавался вопрос.

— Прорваться, не глядя на жертвы,—следовал ответ.

Но этот план был оставлен. Могло получиться так, что с нашей стороны мы дали бы много жертв, надежды на успех почти не было.

Когда собрание кончилось и стали выходить из ворот типографии, вдали раздались выстрелы и мимо нас прожужжали пули, хотя на углу типографии, поперек Пименовской улицы, были баррикады из кулей с обрезками бумаги.

Спустя немного времени, со стороны жандармских казарм раздался орудейный выстрел. Снаряд попал и отворотил угол около карниза здания типографии (угол 1-го и 2-го Щемиловских переулков).

Очевидно, целились по чердаку.

При дальнейшем моем „шествии“—в проезде Новинского бульвара группа рабочих планомерно валила один телеграфный столб за другим.

Когда началась осада Пресни Семеновским полком, дом, в котором я жил, сотрясался от орудийных выстрелов, слышна была также ружейная пальба залпами и в одиночку.

Перед концом Пресненской драмы, утром, в морозный, ясный день,

выйдя из ворот дома, я увидел стоявшую на набережной около Варгунихиной горы толпу, которая что-то наблюдала. Я пошел туда. Вижу—вдали, за Проточным переулком, по набережной стоит цепь солдат.

На льду, около платомойки, лежат трупы. Из цепи солдат раздавался голос:

— Беги...

С набережной, под уклон к платомойке, бежал человек. Раздавался выстрел и человек, как бы спотыкаясь, падал. Опять раздавался возглас:

— Беги...

И картина повторялась.

Одна из лежавших за платомойкой фигур как будто шевелилась в снегу и потихоньку ползла на Дорогомиловскую сторону.

Отсюда же было видно, как рвались снаряды на дворе Прохоровской фабрики и были слышны там крики и гул человеческих голосов.

Реакция победила. Революционное рабочее движение было подавлено.

Новые встречи с владельцами

После декабрьского разгрома Союз печатников все-таки остался жив и, мало-по-малу, к апрелю 1906 г. восстановил свои силы: установил связи с местами через уполномоченных и организовал редколлегию для выпуска журнала „Печатник“. Затем принялся за организацию безработных, с каковой целью организовал столовую, отпустив на нее 400 руб., и обратился к работающим за помощью.

Как результат этого, имеется следующая хроника—„Печатник“ № 4 от 21 мая 1906 г.

Типография Кушнерева. Общее собрание рабочих этой типографии постановило отчислить с 1 июня по 1 проц. от своего жалованья в пользу арестованных и безработных. Мы приветствуем это решение кушнеревцев и желаем, чтобы и другие фабрики сделали то же, ведь безработные—это наша сила...

К 1 апреля 1906 г. в печатной индустрии Москвы стояли лицом к лицу две организации: Московский союз рабочих печатного дела, имевший на 1 мая 3 658 членов с весьма текучим составом, около 2 000 руб. капитала и действовавший главным образом „духом“, и Московский союз владельцев типо-литографий, в который входило 36 самых крупных фирм.

Вспыхивавшие то в той, то в другой типографии стачки и конфликты заставили владельцев прислать нижеследующее предложение:

В правление Московского союза рабочих печатного дела.

Комитет Московского союза владельцев типо-литографий доводит до вашего сведения, что общее собрание членов означенного Союза 22 сего апреля единогласно высказало желание организовать примирительную камеру для

разбора недоразумений между рабочими и хозяевами из 10 членов, по 5 от каждого Союза, причем избрало в означенную камеру А. В. Крылова, В. Ф. Боровика, Н. В. Бельского, Н. Н. Гроссмана и М. В. Тульского.

Комитет просит вас сообщить о сем общему собранию членов вашего Союза с просьбой присоединиться к изложенному выше желанию и избрать из своей среды 5 лиц для осуществления, совместно с избранными уже лицами, предложенной организации и о последующем его уведомить.

Вместе с сим, Комитет доводит до вашего сведения, что тем же общим собранием постановлено учредить при Комитете союза владельцев типо-литографий похоронную кассу для рабочих с тем, чтобы в случае смерти рабочего в какой-либо из входящих в Союз типо-литографий, владельцы всех этих предприятий уплатили в пользу семьи умершего по 2 коп. с количества находящихся у них рабочих.

Дежурный член комиссии.

На это предложение Московский союз рабочих печатного дела дал следующий ответ:

В Московский союз типо-литографий.

М. Г.

В ответ на ваше письмо, предлагающее послать 5 человек в проектируемую примирительную камеру, имеем честь известить, что не имея в принципе ничего против устройства примирительной камеры, мы тем не менее полагаем, что прежде чем устраивать таковую, необходимо столковаться по целому ряду вопросов, при невыясненности которых немыслима общая работа Союза рабочих печатного дела и Союза владельцев. Мы предлагаем по этому вопросу до устройства примирительной камеры созвать комиссию, в которую входило бы по 5 представителей от обоих сторон. Эта комиссия должна:

1) заняться выработкой оснований для общей работы обоих сторон,

2) выработать основы и устав примирительной камеры.

Правление Моск. С. Р. П. Д.

На это предложение владельцы ответили:

Правлению Московского союза рабочих печатного дела.

М. Г.

Комитет союза владельцев типо-литографий, вполне присоединяясь к предложению вашему, изложенному в письме от 2 с/м., просит вас поторопиться избранием 5 лиц в предложенную вами комиссию, причем желательно первое заседание этой комиссии устроить в ближайший воскресный день.

Комитетом союза избраны в эту комиссию: А. А. Левенсон, А. В. Крылов, Н. В. Бельский, Н. Н. Гроссман и М. В. Тульский.

Дежурный член комитета.

Правлением Союза рабочих печатного дела были избраны: Волков, В. Кайрович, Лебедев, Н. Нечаев, Н. Смирнов и А. Медведев. Совместное собрание состоялось 25 мая 1906 г.

Придя в помещение Союза владельцев (ул. Герцена, д. 19; здесь же помещалось училище иностранных корреспондентов), мы вошли в прилично отделанную парадную, разделись, а потом по широкой, покрытый ковром, лестнице, поднялись во второй этаж. Затем прошли через большой зал, где, по пути скажу, упражнялся какой-то физкультурный кружок, и вошли в небольшую комнату, в которой за столом сидели: А. А. Левенсон (председатель Союза владельцев), его

юрисконсульт Нюренберг и его управляющий М. В. Тульский, И. Гроссман, владелец А. В. Крылов и управляющий типографией „Русское т-во" Н. В. Бельский.

Нами были предъявлены следующие предварительные условия для ведения переговоров:

1) обратный прием депутатов, уволенных после декабря 1905 г.;

2) признание уполномоченных от Союза РПД на фабриках;

3) поступление рабочих на фабрики должно происходить только через Союз;

4) предоставить помещения фабрик для собраний рабочих.

Если же хозяева не согласятся, комиссия от Союза РПД прервет всякие переговоры.

Хозяева в принципе согласились на предъявленные условия, но было постановлено считать их действительными только тогда, когда их утвердят общие собрания обоих союзов.

Мы ушли успокоенные, думая, что дальнейшие переговоры вести будет легче. Но нужно сказать, что перед этими переговорами, 15 мая 1906 г., открылся съезд фабрикантов и заводчиков 10 губерний Центрального промышленного района под председательством С. И. Четверикова. Одной из своих целей съезд считал борьбу с рабочими организациями.

Конечно, не все владельцы типо-литографий были согласны на ведение каких-либо переговоров с рабочими, и нужно думать, что под влиянием этого съезда тактика союза владельцев типо-литографий круто изменилась, ибо после совместного совещания 25 мая состоялось общее собрание владельцев.

На это собрание правлением СРПД был послан рабкор, которому удалось туда пройти. Этот рабкор пишет:

„31 мая состоялось общее собрание членов Союза владельцев типо-литографий. Приходившим на это собрание сотрудникам газет было заявлено, что собрание закрытое, и что вообще они не желают давать в газеты каких-либо сведений о деятельности Союза. На собрании владельцев присутствовало 41 чел. Заседание посвятило себя, главным образом, вопросу о локауте. Этот вопрос вызвал горячие прения. Большинство стояло за то, что необходимо уничтожить Союз рабочих печатного дела, сломить его упорство, для чего некоторые, наиболее усердные члены, предлагают для подавления типографского Союза не стесняться в средствах, даже указывали, что средств этих в руках Союза владельцев более, чем достаточно.

Локаут был принят большинством 38 против 3.

Затем собранием было принято следующее решение: объявить 1 июня всем рабочим членам Союза, что через две недели со дня предупреждения они будут рассчитаны...

„В этом стаде уже и теперь возникают несогласия. Наиболее передовые (если так можно выразиться) из владельцев хотят пойти на уступки рабочим и жалуются, что некоторая, незначительная горстка

людей во главе с владельцами типографий „с тремя орлами“ в Трехпрудном переулке[1] терроризировала остальных членов Союза“.

Вслед за этим в Союз РПД было прислано предложение о прекращении всех стачек и конфликтов, впредь до особых рассмотрений, на что Союз РПД не согласился и всякие переговоры были прерваны.

Союз РПД стал готовиться к локауту.

В период объявления владельцами этого первого локаута был арестован председатель правления СРДП тов. Волков—по чьему-то доносу, обвиняющему его в призыве к вооруженному восстанию. Этот арест был опротестован общим собранием печатников в Государственную думу и тов. Волков 6 июля был освобожден.

В связи с угрозой локаута Союз печатников, чтобы не втягиваться в длительный конфликт, предложил, чтобы там, где владельцы идут на уступки, стачки прекратить, после чего в Союзе владельцев пошел разброд, и они вновь обратились в правление СРПД с предложением вести переговоры.

При дальнейших переговорах, после удовлетворения владельцами требований, выставленных 25 мая, было выработано положение об институте уполномоченных. Я и привожу выдержки из „Положения об уполномоченных“ в том виде, в каком оно было выработано совместно с владельцами.

ПОЛОЖЕНИЕ О РАБОЧИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ В ГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

I. Цель введения уполномоченных.

1) Рабочие уполномоченные в мастерских графических производств служат посредниками во всех делах между рабочими и администрацией в данной мастерской и, являясь представителями Профессионального общества рабочих печатного дела в Московской промышленной области и блюстителями интересов рабочих, следят за исполнением постановлений, выработанных и принятых Союзом владельцев и Профессиональным обществом рабочих печатного дела и решений примирительной камеры.

4) Как принимать участие в выборах, так и быть избранными имеют право все рабочие отделения, независимо от пола и времени пребывания на фабрике, но ученики не могут быть избираемы в уполномоченные.

III. Права и обязанности уполномоченных.

7) Уполномоченные ответственны перед Профессиональным обществом рабочих печатного дела, куда и поступают все заявления о неправильных их действиях. Если таким путем между сторонами соглашения не последует, тогда возникшее недоразумение передается на решение примирительной камеры.

8) Фабричная администрация не имеет права уволить уполномоченного до истечения срока, на который он избран.

10) Увольнение уполномоченного до срока его полномочий может быть произведено не иначе, как по постановлению Примирительной камеры.

13) Всякие недоразумения между администрацией и рабочими разбираются

[1] Речь идет о председателе союза владельцев А. А. Левенсоне.

уполномоченными совместно с администрацией в установленное время. Для переговоров уполномоченные имеют свободный доступ к администрации и управлению.

Кушнеревцы, отображенные в хронике

После разгона I Государственной думы в июле 1906 г. Московский союз рабочих печатного дела был закрыт. В связи с этим началась всеобщая забастовка—протест печатников. Некоторые члены правления были арестованы, а некоторые успели скрыться.

24 сентября 1906 г. открылся новый союз, под наименованием „Общество рабочих графических искусств", которое начало издавать журнал „Печатное дело".

При Союзе графических искусств в ноябре 1906 г. было создано организационное бюро по созыву Первой всероссийской конференции союзов рабочих печатного дела, которое обратилось с воззванием о созыве конференции.

Я приведу несколько хроникерских заметок, помещенных, главным образом, в „Печатном деле", в которых в какой-то мере отображена борьба кушнеревцев в годы реакции.

В первой заметке выявлено отношение рабочих типографии „Кушнерева и К°" к созываемой конференции рабочих печатного дела:

Общее собрание типографии Кушнерева, собравшееся 6 ноября, обсудив все, что говорилось на собрании уполномоченных графических искусств о созыве конференции представителей профессиональных обществ рабочих печатного дела для подготовки Всероссийского союза, постановило: предложить нашему Обществу графических искусств принять горячее участие в этом великом общественном деле, не стесняясь людьми и средствами [1].

Для выявления настроений рабочих „Кушнерева и К°" приводим следующий отрывок:

Фабрика т-ва Кушнерева. У нас среди членов Союза наблюдается странное явление по отношению к Союзу. Многие платят членские взносы, как бы от совести перед товарищами. Эти милые люди не интересуются жизнью Союза, для них как бы безразлично, что там делается. Между тем, от таких товарищей часто приходится слышать всевозможные сетования на то или другое постановление правления или собрания уполномоченных. Упреки сыплют, а в деле разобраться не хотят. Вот это, мол, Союз сделал не так, а это не эдак и т. д. Товарищи забыли, что Союз—это мы сами. Только мы дружным и активным участием (а не пассивным отношением) сможем влить в него жизнь, укрепить его, поставить на должную высоту нашу организацию, без которой нам жить тяжело. Это уже не раз доказано. Нужно не сидеть, сложа руки, а работать на пользу организации. А для того, чтобы знать, что делается в жизни Союза, нужно читать „Печатное дело". Правда, некоторые говорят, денег нет на покупку или читать нечего. Но это пустая отговорка. Пора сбросить спячку и заняться делом организации. За работу, товарищи [2].

[1] «Печатное дело» № 6, 29/XI 1906 г.
[2] «Печатное дело» № 13, 26/I 1907 г.

Кушнеревцы настойчиво ставят в порядок дня животрепещущие вопросы

Хроника № 14 „Печатного дела“ от 3 февраля 1907 г. говорит:

Типография Кушнерева. 27 января рабочие типографии Кушнерева устроили собрание для обсуждения некоторых вопросов, тесно связанных с дальнейшей жизнью Союза и самих рабочих, как вопросы о локауте, о конференции и безработных. Казалось бы, что вопросы эти должны были вызвать самый живой интерес и привлечь на собрание всех рабочих. Но, увы! собралась, как и всегда, $^{1}/_{3}$ всех работающих; остальные же нашли нужным разойтись по домам. И это делают люди, которые с гордостью (где не нужно) говорят, что они принадлежат к самой боевой части рабочих. К сожалению, и из собравшихся говорили только двое или трое, а остальные только поддакивали. Все же вопросы обсуждались, и к концу собрания были вынесены резолюции:

Общее собрание рабочих типографии Кушнерева, выслушав доклады о созыве Всероссийской конференции РПД, о положении дел в типографском мире гор. Москвы и о локауте в Лодзи, постановило:

1) Выразить свое полное сочувствие идее созыва Всероссийской конференции и готовность помочь делу ее осуществления всеми имеющимися у нас средствами.

2) Выразить признательность правлению Общества графических искусств и свою готовность помочь в его трудной работе за общее дело.

3) Приветствовать лодзинских товарищей и оказать им материальную поддержку, ибо их борьба есть наша борьба, их победа—наша победа.

4) Принимая во внимание громадный процент безработных и их тяжелое положение, оказывать им помощь ежемесячным отчислением с жалования 1 процента.

Хроника эта сигнализирует об опасности и локауте не напрасно. № 16 „Печатного дела“ объявляет от имени Союза:

Вниманию товарищей.

Администрация печатни Яковлева, по постановлению Союза владельцев московских типографий, отказалась брать рабочих в ночную смену на 8 часов и передает свои работы готовым набором и стереотипом (железнодорожные дела) для печатания в другие типографии. Рабочие типографии Мамонтова, Лисснера и „Общества распространения полезных книг“ отказались от исполнения этих работ и забастовали.

Товарищи! Отказывайтесь от яковлевских работ.

Провинциальные союзы просим поддержать нас в нашей борьбе с Союзом владельцев и отказаться от выполнения яковлевских работ.

Товарищи! 14 февраля хозяева заявили представителям нашего Союза, что они отказываются удовлетворить требования яковлевских рабочих о 8-часовом рабочем дне в ночной смене и не остановятся перед применением локаута.

Как видим, завязывается упорная и тяжелая борьба. Локаут разгорается во-всю. Заказы типографии Яковлева перевозятся в набранном виде из типографии в типографию. В типографиях работы приостанавливаются. Так длилось около месяца.

Наконец, дело передается в третейский суд, который состоялся под председательством (субер-арбитр) члена Государственного совета, академика Максима Ковалевского.

Третейский суд продолжался семь дней. Этому суду отводили свои столбцы почти все газеты.

Третейский суд решил дело в пользу рабочих и Союзу владельцев пришлось уплатить рабочим убытка 23 000 руб.

Кушнеровцы поднимают вопрос о гигиенических условиях труда

Об этом говорит хроника „Печатного дела" в № 26 от 19 мая 1907 г.

Т-во Кушнерева. Общая черта гг. капиталистов всех рангов заключается в том, что они затрачивают свои капиталы на то, что непосредственно в ближайшем будущем приносит им прибыль. Кто из типографщиков не знает на Пименовке отделанного изразцом многоэтажного здания Т-ва Кушнерева и К°.

Кто не видал парадного подъезда, полированной, покрытой ковром лестницы, ведущей в светлое помещение—контору с паркетным полом для приема заказчиков и гостей. И кто не заметил контраста между этой показной внешностью и душной и пыльной атмосферой, где совершается собственно творческая деятельность, дающая возможность товариществу содержать и парадную лестницу, и контору, и поддерживать внешнее великолепие здания, деятельность, принесшая товариществу 1906 г. 70 000 чистой прибыли. Целой плеяде капиталистов на долгое время обеспечено безбедное существование и надежда на получение еще больших дивидендов в 1907 г. Что этим капиталистам до условий, в которых работают рабочие.

На внешний лоск „солидная фирма" тратит немало капитала, но когда рабочие предъявляют требование улучшить условия труда, устроить, например, вентиляцию—не тут-то было. Пустяковый расход на вентиляцию кажется для администрации каким-то бессмысленным расходом. Ведь, и без вентиляции произвели 70 000 руб. чистой прибыли. Заказчики не убегут, они, никогда, ведь, не узнают, в каких ужасных условиях работают там, в мастерской, куда „посторонним лицам ход строго воспрещается". Да, впрочем, если бы они и видели и знали, их это мало трогало бы, ведь, и они большей частью кость от кости и плоть от плоти той же буржуазии, которая нас давит и эксплоатирует. На них рассчитывать нечего и мы должны сами, своими силами, отстаивать гигиенические условия труда. Как этап по этому пути, мы должны настаивать на том, чтобы вентиляция у нас соответствовала требованиям гигиены.

Кушнеревцы борются с пьянкой и разгильдяйством

Хроника „Печатного дела" № 29 говорит:

Кушнерев. 22 мая у нас состоялось общее фабричное собрание. Обсуждались следующие вопросы: 1) о борьбе с пьянством на фабрике; 2) об уходе с работы; 3) о забастовке машинных наборщиков и 4) о лицах, взявших у Совета уполномоченных заимообразно деньги и не возвративших.

Вопрос о пьянке вызвал живой обмен мыслей. По этому поводу принят предложенный комиссией проект правил борьбы с пьянством, заключающий в себе следующие пункты:

1. Всякий работающий в типографии, позволивший себе принести в мастерскую спиртные напитки, или послать мальчика за ними, или явиться в нетрезвом виде—является нарушителем постановления общего собрания. Нарушение этого постановления влечет за собой: в первый раз—выговор со

стороны комиссии. Сверх того, фамилии этих товарищей вывешиваются во всех отделениях типографии и заносятся комиссией в специальные списки. Во второй раз—порицание (по докладу комиссии) общего фабричного собрания и публикацию фамилий в „Печатном деле". На собрании также было указано, что лица, поставленные администрацией для наблюдения за порядком, иногда сами способствуют нарушению порядка.

По вопросу же об уходе с работы раньше времени была вынесена следующая резолюция:

„Находя, что уход некоторых товарищей до звонка является неприемлемым и вызывает несправедливые нарекания на всех рабочих, собрание высказывается против нарушения внутреннего распорядка. Лицам. уличенным в подобном нарушении, будет также выноситься порицание"...

Третий вопрос (о забастовке машинных наборщиков) передан на рассмотрение ручных наборщиков, так как они более тесно связаны с товарищами, работающими на наборных машинах. Относительно лиц, взявших деньги взаимообразно и не возвративших их, решено их фамилии опубликовать в „Печатном деле" и, кроме того, просить товарищей, работающих с ними в настоящее время, оказать содействие по взысканию вышеупомянутых денег. (Приводятся фамилии).

Премьер-министр Столыпин 3-го июня распустил 2-ю Государственную думу и со всей свирепостью обрушился на профессиональные организации

Новый государственный переворот никого не поразил своей неожиданностью. С первого дня открытия 2-й Думы было ясно, что она существовать не может и днем раньше или позже она падет под ударом реакции.

Это ясно понимали представители пролетариата: свобода еще никогда не получалась в награду за покорность и рабскую угодливость, и с первого дня своего появления в Думе и вплоть до того момента, когда грубые полицейские руки не бросили их в петербургские казематы, они не переставали твердить народу, что спасение лишь в борьбе, что лишь революция может освободить страну и лишь ее развитие поможет народу отстоять то, что досталось ему ценой страшных жертв и усилий.

Так говорит в своей передовой № 29 „Печатного дела" от 8 июня. И тут же журнал сигнализирует:

Товарищи! В понедельник 4 июня, в 6 час. вечера, по распоряжению градоначальника, закрыто Общество графических искусств.

И дальше журнал на своих страницах зовет уйти в подполье и разделиться на районы, разрабатывая проект подпольной организации.

В этом же № 29 „Печатного дела" сытинцы говорят, что, зная о закрытии Общества графических искусств, они все же забастовку будут продолжать: „Мы сумеем довести борьбу до конца и докажем капиталистам наше единодушие и братскую солидарность",—пишут они.

А в № 30 „Печатного дела" от 15 июня в хронике те же сытинцы, между прочим, пишут:

Забастовка тянется самым мирным путем.

На-днях в некоторых газетах, а главным образом в „истинно-русских", появилась новая провокация, будто бы 180 чел. наших бастующих просили

у градоначальника защиты от „крамольных депутатов“ и десятников. Все товарищи очень возмущены этим и на-днях будет послано в газеты опровержение за подписью всех товарищей.

Рабочие типографии И. Н. Кушнерева и К°, прочитав в газетах обращение рабочих т-ва Сытина к градоначальнику с просьбой закрыть наш Союз, как учреждение, производящее насилие над рабочими, выражают уверенность, что это обращение является провокацией со стороны лиц, заинтересованных в закрытии нашего Союза, желающих внести в нашу рабочую среду раздор и умалить значение нашей организации в глазах общества. Мы заявляем, что это позорное клеймо, наложенное на рабочих-печатников, не есть дело рук наших товарищей рабочих, а является актом со стороны подонков общества, сидящих тунеядцами на шее рабочего класса. Это они стараются своей темной политикой запятнать типографский пролетариат и тем самым сорвать его борьбу за улучшение своего положения. Выражая свое презрение этим господам, которые в нашей среде терпимы быть не могут, мы выражаем уверенность, что типографские рабочие, в каких бы условиях они не находились, впредь, как и до сих пор, будут высоко держать поднятое ими знамя борьбы. Следует 355 подписей.

Итак, видим, что 3 июня 1907 г. Столыпиным был совершен государственный переворот—распущена 2 Государственная Дума, а 4 июня закрыто Общество графических искусств, которое ушло в подполье.

Страна вступила в период глубокой реакции. Громились рабочие организации, шли обыски, аресты, ссылки, суды, гулял „столыпинский галстух“, т. е. вешали.

И в этот период подпольный союз стремился развить работу. Но широкая профессиональная организация с ее многогранными функциями оказалась нежизнеспособной в подполье. Провокация, обыски, аресты, хищение сумм казначеями создали хаос, организация в подполье задыхалась и, в конце концов, в мае 1908 г. ее ликвидировали.

Перед ликвидацией было устроено общее собрание подпольных уполномоченных в помещении Об-ва торговых служащих на Лубянской площади. Это собрание состоялось под видом благочестия—обсуждения организации нового общества.

Эзоповским языком делались доклады от районов, так как на собрании присутствовала полиция. Собрание прошло гладко. Были выработаны резолюции и выбрана комиссия, которая должна была пойти к градоначальнику за выяснением вопроса о причинах закрытия Общества графических искусств.

В комиссию вошли: я, Котов—сытинец, Бирюков—от Кушнерева и еще кто-то, фамилии которых не помню.

Этой комиссии нужно было собраться. Но даже о собрании такой маленькой группы необходимо было известить полицию, чтобы не быть арестованными.

Мы собрались на Пименовской улице, почти против типографии Кушнерева, в пустой комнате какой-то квартиры. Во время совещания, к большому удивлению, пришли четыре городовых с приставом

Сущевского района во главе, которые сели у входа в комнату. Самочувствие наше было отвратительное, и обсудив для „прилику“ несколько вопросов, решив завтра пойти к градоначальнику (опять для „прилику“—мы ждали избиения), мы прошли сквозь строй городовых и вышли на улицу. Тут только мы вздохнули свободно и, идя дорогой, все-таки решили к градоначальнику пойти.

Градоначальником был генерал Рейнбот. При переговорах с ним мы мотивировали необходимость открытия Союза для оказания помощи безработным, но он в этом отказал, говоря, чтобы собираемые на безработных деньги вносились в градоначальство, где им, Рейнботом, и будут выдаваться деньги безработным. Мы, конечно, от этого отказались.

Таким образом, печатники оказались без профессиональной организации.

В конце 1907 и в 1908 г. было полное безвременье в рабочем движении. Вообще, страшное уныние царило среди рабочей массы. Наиболее сознательным рабочим приходилось ходить в потемках и нащупывать дорогу. Столыпинский режим торжествовал.

Кушнеревцы в период темной реакции

Журнал „Русский печатник“[1] № 19 от 15 июля 1910 г. в своей хронике повествует:

Типография Кушнерева (брошюровочное отделение). Здесь в переплетной есть „такой рабочий человек, как и все“. И. Логачев получает 250 руб. в месяц, да наградных по 700 руб., а если сумел разделить на свое отделение между рабочими так, что рублей 100 осталось, то контора с благодарностью приписывает ему, как добавочные. Отделение это наполнено родственными связями и другими знакомыми этого „рабочего человека“. Обходится с рабочими семейным образом. Платит, как вздумается. В одном и том же отделении одной артели платят по 50 коп. с 1 000 экземпляров, за ту же самую работу другой—25 коп.

С июня месяца прошлого года не было ни одной получки, чтобы в артели не было вычетов: то за картины, то штрафы, то за недостачу и т. п.

Дошло до того, что был такой случай. Жил здесь рабочий Крючков. Получал поденно. Но недели за две до ареста был переведен на сдельную работу. С артели высчитывают за него 5 руб. За что—рабочие сами толком не знают. Говорят, что был должен конторе.

В декабре прошлого года работали над бюллетенями Рябушинского, которые по общему соглашению были расценены по 4 коп. за экземпляр. В декабре было сделано 500 экз., за которые было уплочено. Всего было 2 000 экз. Но при окончании последних 1 500 экз. в январе 1910 г. „рабочий человек“ потребовал их расценки. Ему стали доказывать, что такие работы не входят в расценок. Но это не было принято во внимание и вычел со всей работы по 2 коп. за экземпляр.

[1] За период существования этого союза — с 23 ноября 1908 г. по 15 июля 1910 г. (момента его закрытия градоначальником), издавался журнал под разными заголовками. Даю хронику из журналов уже после закрытия Союза.

И так все время.

На сей же раз захотели вычесть с двух артелей 80 руб. за 80 книг, в которых не хватает листов. На такую сумму вычет производит второй раз. Книги были сданы и деньги получены.

Но чаша терпения рабочих, видимо, переполнилась. Они отказались получить деньги с вычетом и пошли за инспектором.

Но здесь сказывается этот „охранительный институт“ труда, соблюдающий точно закон. Его не оказалось дома и будет он не раньше недели. Рабочие решили как-нибудь перебиться, а уже ждать г. фабричного инспектора.

Через неделю приехал инспектор. После переговоров с рабочими он обратился к заведывающему отделением П. Логачеву, так как директоров не оказалось, на что тот заявил, что он „такой же рабочий человек, как и все“, и ничего не знает.

Инспектор заявил рабочим, что они могут получить жалованье хотя и с вычетом, а когда приедет участковый инспектор, он передаст все это дело ему. Жалованье было получено, но уж с вычетом не в 80 руб., а около 31 руб. С получающих свыше 20 руб.—по 1 руб., а меньше 20 руб.—по 50 коп. Но деньги выданы были из кассы не каждому рабочему, а одному старосте, делили в кабаке, где староста просчитался на 10 руб., которые были также разложены на всю артель.

Перед этим Чефранов вызвал в контору депутацию по специальной записке, в которую вошли 8 человек: 2 женщины, 3 старика и прочих три человека, где их уговаривал—вычет заплатить. Вычитать он будет понемногу и незаметно. И будете жить, чем ходить без места голодными. Да и нигде не возьмут. Но из этого все-таки ничего не вышло. Рабочие решили продолжать искать правды.

При том доморощенном порядке, который здесь, немудрено, что в нескольких книгах со всего заказа не хватало листов. Брошюровщикам здесь на дефект не полагается, поднятые листы с машины находятся в проходах, где ходит народ, где постоянно навалены кипы бумаги, щиты и всякая рухлядь, вплоть до булыжника. Странно, г. Чефранов, спрашивать с тех, которые здесь совершенно не причем. Вы, кажется, педагог. Учите других уму-разуму. Человек образованный, с головой. Подумайте-ка. Положим, ученая голова нашла и здесь выход. Она сказала рабочим, что вы должны пересчитать сами все по листику. Для этого же артели придется потратить 3 дня. Следовательно, 20 чел. $\times 3 = 60$ дней. Или же 20 чел. артели содержать на свой счет 3 счетчиков. Подобных новшеств нигде нет. Никто еще не додумался. Рабочие же со своей стороны хотят протестовать на такое усовершенствование. Потому что это все равно не избавит рабочих от недохваток. Когда всякий прохожий может взять лист и положить его в карман или же еще что-нибудь, и еще после этого счета они будут у резальщика.

В переговорах с Чефрановым рабочие сказали, что мы так не оставим и доведем дело до конца. Он ответил, что поговорит с ними тогда иначе.

Не так давно эти господа распинались перед рабочими, часами простаивали перед его выборными, теперь же разговаривать не хотят. Только и слышно одно: я ничего не знаю, я так хочу.

О конце этого инцидента повествует „Русский печатник“ в № 21 от 12 сентября:

Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°, брошюровочное отделение. Около месяца тому назад из артели (в 20 чел.) уволено 12 брошюровщиков, как наиболее всех протестовавших на систематические вычеты из заработка артели и на ряд других ухудшений условий труда рабочих.

Кушнеревцы забастовали и без Союза

Об этом повествует в отделе хроники „Русский печатник“, № 21 от 21 сентября:

Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°. Типографские накладчики 4 с/м., в субботу утром, предъявили требования администрации фабрики:

1. Прибавка жалованья на 20 коп. в день; 2) кипячение куба два раза в день; 3) устроить несколько новых вентиляций и исправить имеющиеся, и ряд других санитарных и гигиенических улучшений. Срок был назначен три дня, по прошествии которого администрация должна была дать определенный ответ.

Во вторник состоялось общее собрание накладчиков, где администрация заявила, что она никаких требований рабочих не удовлетворит. Тогда рабочие бросили работать и ушли с фабрики.

Администрацией делаются попытки сорвать забастовку. Она предложила помощникам машинистов начать работу на некоторых машинах, на что те не согласились. Ходят слухи, что администрация хочет заполнить штат бастующих накладчиков из провинции и др. городов. Здесь приходится отметить тот факт, что это первая попытка московских типографщиков к улучшению своего труда с 1906 г.

Я на этом кончаю мои заметки о борьбе рабочих кушнеревской типографии в годы реакции.

В. Мамонов

С 1889 ГОДА

12 лет я окончил школу. Делать нечего. Учиться дальше нет средств. Хотел один старичок определить меня в фельдшерскую школу на казенный счет, но почему-то ничего не вышло, но я сильно мечтал носить шинель с красными полосками. По прошествии года мать меня отдала в ученье к переплетчику. Переплетная эта помещалась за Москвой-рекой. Квартира состояла из 3 комнат и кухни в подвальном помещении. Две комнаты были под мастерской. Первые дни присматривался к обстановке. Кроме того, узнавал, в какой лавке что купить. Кухарки не было. Харчи готовила сама хозяйка.

Утром с ней на кухне картошку почистишь, помои вынесешь, в лавку сбегаешь. Так до обеда. Потом начинался обед. Рабочих—6 мастеров и 7 мальчиков. Когда собирал посуду на обед, хозяйка и говорит:

— Ты доставай шесть больших ложек, а семь маленьких.—Я даже не понял, для чего это, но во время обеда узнал. Когда пришли обедать, мастера взяли большие ложки, а ученики маленькие. Во время обеда у стола ни скамей, ни табуреток не было (это для того, чтобы „не засиживались").

Первыми у стола становились мастера и первые же начинали есть, а мы, ребята, в промежутках. Надо было быть аккуратнее: не толкнуть бы мастера.

Один мальчик засмеялся и нечаянно толкнул мастера, а тот... тоже „толкнул" мальчика, да так, что у него большая ложка сломалась об его голову. Тогда, взяв у мальчика его же ложку, стал есть, а тот ему и смотрит в рот. Поели первое, съели и второе, а мальчик стоит и смотрит: ложки нет. Когда обед закончили, мальчик собрал корки хлеба и убежал во двор.

Как „новенький", я стал помогать хозяйке убирать со стола. Убрали, кухню вымели, помои вынесли. После обеда хозяйка собралась итти к дочери в гости. У нее был годовалый ребенок. Берет и меня с собой в гости, и я несу ее ребенка. Когда пришли, стала чай пить, разговоры вести про дела свои, а меня послала гулять с ребенком. Потом позвали меня на кухню, налили чаю, дали кусок черного хлеба.

— Ну, пей, да пойдем домой, а то ужинать надо.

Это было в 9 час., а ужинали в 10 час. Самовары ставили ученики по дежурству. Вставали в 6 час. утра, умывались, пили чай—и за работу.

Прошел день. Гляжу, мастера смахивают с верстаков, стелят свои лохмотья. Ученики старательно вытаскивают обрезки из-под машин. Кладут подстилки и подушку и ложатся посреди мастерской. У меня же и еще у троих мальчиков даже и этого не было. И вот эти три „некудышника“ зовут меня спать на полу на обрезках. Взъерошили обрезки, но голове низко. Один из мальчиков тащит доску. Кладем ее наискось, натрусили обрезками и легли. Моментально захрапели. Отработал неделю. В субботу прошусь у хозяина сходить к матери. Меня уговаривают, что завтра воскресенье и мать должна притти. Но меня это не утешило: я сказал, что мать не знает, что мне нужно, и придет с пустыми руками. Отпустили. В субботу кончили раньше, и я часиков в девять был у матери.

На второй день мать дала мне одеяло, подушку и суконную подстилку.

Однажды, улучив момент, когда хозяин был один в своей комнате, я сказал ему, что я зря хожу без дела и попросил дать мне шить книги.

— Многого захотел. У меня ученики на втором году шьют.

— Какая разница! Они на втором, а я буду на первом!

— А ты ручаешься, что сошьешь?

— Ручаюсь. Но вы мне первый раз все же покажите.

Показал: сколько тетрадей и сколько закрепок. Ну, ладно. Начинаю шить. Первую книгу сшил немножко слабо. Показал, он говорит, что сшил хорошо, но слабо натягиваешь нитки.

— Вторую лучше сошью,—говорю я. Так и вышло: вторая и следующие стали лучше. Вечером, когда кончили работать, мастера ушли, хозяин и спрашивает:

— Ты, что? Раньше жил где-нибудь в ученье.

— Нет,—говорю,—нигде я не жил, но когда учился в школе, то все свои учебники сам переплетал и потому выучился шить, а обрезать свои учебники носил к знакомому переплетчику. У него машины не было, а был ручной обрез. У него-то я выучился шить.

Понятно, все это не бесплатно: я ему бегал в лавку, приносил воду, собирал щепки, а он за это давал мне картон и бумагу.

Обстановка здесь меня не устраивала и я каждый раз, когда ходил к матери, узнавал, когда будут набирать учеников к Кушнереву. Два раза мать ходила на фабрику в контору и просила, чтобы меня взяли. Но все получала отказ: нужна была рекомендация.

На Пименовской жила одна старушка, которая стирала белье для заведующего переплетной. Мать и попросила ее, чтобы она по-

хлопотала за меня. Обещала ее „поблагодарить“. Понятно, у матери денег не было. Я и говорю матери:

— Мне бы только поступить к Кушнереву. Я заработаю и мы ее отблагодарим.

Та и попросила за меня. Однажды Панов сказал, чтобы я пришел. Пришел, и был принят в ученье. На другой же день я уже работал сверхурочно. Ученикам платили в первом году по 2 копейки в час и постепенно доходя до 6 копеек. Это—старшие.

Три рубля отдал за рекомендацию.

Площадь земли, занимаемая типографией „Красный пролетарий“, не увеличилась и не уменьшилась. Разница только в том, что в настоящее время здесь стоит шестиэтажное здание, а в то время, когда я поступил в типографию, постройка была совсем другая.

Угол Пименовской улицы и половина Щемиловского переулка были заняты трехэтажным каменным зданием. Рядом с ним, по Пименовской улице, был двухэтажный деревянный домик. В последнем помещалась контора. Здесь же садик, затем ворота и опять двухэтажный домик. Этот особняк занимал „сам“ И. Н. Кушнерев. По Щемиловке же от каменного корпуса был опять деревянный домик, на углу 1-го Щемиловского, в котором жил директор Васильев и фактор Захариков. Дальше—уже по 1-й Щемиловке—стоял каменный двухэтажный дом. В нем помещались: в верхнем этаже управляющий и старший кладовщик. Внизу был экипажный сарай. Между последним домом и особняком Кушнерева во дворе стоял двухэтажный дом, первую часть которого занимали кладовые. В середине был еще трехэтажный флигель, во втором этаже которого помещалась „спальня“ учеников, а в подвале была кухня. Она-то и заменяла столовую, вдоль стен которой стоял стол и за ним обедали всегда человек 30—40 учеников. Здесь-то и жили ученики в течение пяти лет на готовых харчах, хозяйской одежде, со стиркой белья и „пятачком“ на баню.

Вот какой я застал „Кушнеревку“ сорок два года назад.

Поступил в типографию 15 мая 1889 г. в переплетное отделение в самое горячее время. „Горячее“ потому, что в течение трех месяцев, начиная с мая, нужно было заготовить ученические дневники издания Казецкого. Они шли для городских школ, реальных училищ, гимназий, прогимназий.

Учеников у нас на спальне было человек 30—40. Спали мы на отдельных койках, а новички спали „в гробах“, как называли их мальчики. Это был железный остов с разделением на 5 чел. Здесь опрятного и неопрятного трудно было разделить. „Разделение“ было вышиною в 15—20 см. Были положены мешки, набитые соломой. От паразитов трудно было спастись потому, что одеяло одного попадало на другого. И, вставая утром, разбирали, чье у кого

одеяло. В течение года раза четыре перебивали солому, но чехлы не стирали. Их меняли только тогда, когда они окончательно рвались.

Столовая помещалась в подвале. На кухне был общий стол. Его ничем не покрывали и мыли после каждого обеда и ужина. Харчи у нас бывали: по средам и пятницам—постное; остальные дни—скоромное. В такие дни на обед давалось мясо. Его резали ломтиками: в какой группе сколько ребят, столько и „пайков". Староста резал мясо и опускал его в общую деревянную чашку. Если что вкусно, то просили „мать" подлить еще (так мы звали кухарку). Когда поедалось жидкое, староста ударял ложкой по чашке: хватали мясо. Кто позубастее—в убытке не останется, а кто плоховат на скорость—тот в убытке. На второе—картошка или каша. На этом и отыгрывались.

„Мать" наша была женой лакея Кушнерева.

„Харчи" зависели от дядьки: он закупал все продукты.

При каждом поступлении нового дядьки все бывало идет по инструкции: и чистота на спальне и харчи лучше. Но как только „обживется", инструкция идет на смарку, на спальне опять грязно, харчи хуже. На обязанности кухарки и дядьки лежало после ухода мальчиков на работу протереть под койками пыль влажной тряпкой, вымести спальню, привести в порядок уборную.

Понятно, это почти никогда не делалось.

Скажем, бывало, кухарке: „почему харчи стали хуже?". А она скажет, что не из чего их сделать лучше.

Однажды собрались старшие ученики тихонько на фабрике и написали заявление Кушнереву, чтобы улучшить харчи и предъявили ему наши требования:

1) вечером дежурный мальчик идет вместе с дядькой закупать мясо и другие продукты и передает кухарке,

2) утром в 10 час. дежурный уходит с фабрики и ведет точный учет пайков мяса.

Предложение Кушнерев наше принял и сказал, чтобы сообщить ему о результатах. Начали проводить нововведение. Дело как будто пошло лучше, но не очень долго: Кушнерев уехал на курорт, контроль наш был, но харчи ухудшались, и мы бессильны были принять какие-либо меры.

Главным воспитателем и надсмотрщиком за учениками был управляющий Козлов. Он смотрел за порядком и он же нанимал дядек, больше всего своих родственников.

Управляющий жил на дворе с семьей: значит, наш „навар" попадал ему в кастрюлю. Понятно, ребята горячились, но уследить за этим мы не могли. Для учеников были правила: вставать за час до начала работ. Если не встал, то дядька стаскивал одеяло и уносил.

Вечером гуляли только внутри двора: играли в бабки, в городки. Играли на гармошке и песни пели. Старших учеников отпускали за ворота, но не позже 10 часов вечера. Возвращавшихся после уста-

новленного времени штрафовали: в праздник без отпуска. Младших же учеников за любую провинность штрафовали: без отпуска и вне очереди чистить картошку на кухне. Это было хуже всего: ребята гуляют, а ты тут ведра три приготовь ее.

В ученье брали на 5 лет. Было условие, что каждый мальчик имеет право по прошествии года перейти в другое отделение, которое ему понравится. Но этого не бывало: прожил год, пригляделся к рабочим, кое-что становится знакомым и мечтаешь уже о втором годе, когда, мол, еще больше поймешь, научишься и сам будешь работать. А если перейти в другой цех и на другую работу, значит еще год пропал. А матери, ведь, тоже нужно помогать. Вот и остаешься там, куда тебя „определили".

Как у меня пошло учение?

Первым делом, попал я „на мазку": было правило „учения"—два года мазать. Новички, конечно, мазали крахмалом, а более старшие—клеем. Только на третий год давали мелочную работу: квитанции, блок-ноты, тетрадки и т. д. К хорошей работе (нельзя скрывать) нас не допускали и выходили ученики после 5 лет ученья неучами и не умели даже работать. Однако, многое зависело от самого себя.

Я „промазал" только один год. На втором году ученья меня перевели в позолотную. Здесь приемы были другие, более трудные, но они меня заинтересовали, и здесь я себя чувствовал вольнее. На моей обязанности лежала разборка шрифта. Скоро я это усвоил и просил разрешения у заведующего Панова, могу ли я в свободное время наклеивать наборы, дав слово, что я ничего не испорчу и сам затем „разберу". Он дал разрешение, сказав:

— Ну, наклеивай, только, смотри, не балуй!

Понятно, для меня это было большим торжеством. Разбирать я стал быстро, стараясь этим выиграть больше времени для наклейки шрифтов. Мастера не показывали мне приемов работы: они делали свое дело, некоторые даже нарочито заставляли делать что-нибудь другое.

— Горячо берешь, а потом будешь лодырем,—часто я слыхал от них.

Я не обращал внимания, продолжая свое дело. „Учеба" шла хорошо. Мастера стали помягче и даже поручают печатать ярлычки на конторские книги краской.

Как-то типография получила большой заказ для Брестской ж. д. на парусиновые и бумажные переплеты. Печатали их краской: работа и для меня подходящая. Беда только в том, что печатать мне не на чем: три мастера, а пресса два. И вот, для меня достали типографский тискальный станок, переделали верхнюю подушку, и у меня пошла работа. Надо мной смеялись:

— Ишь, какой завелся Иван Федоров!

Но я молчу и думаю:

„Я-то на ваших прессах отпечатаю, а вот вы на моей „шарманке“ попробуйте: она косит и натиск дает неверный“.

...Бывало, печатаешь чисто и верно, а кто-нибудь из мастеров, глядишь, тиснул—и все буквы вкось:

— Что за чорт!—говорит мастер.—Вот могилу поставили, как не тиснешь, так переклеивай набор!

У меня же дело шло. Да оно и должно итти. Почему? А вот почему. Кончают рабочие работать, уходят с фабрики. Ухожу и я, но прежде, чем уйти, узнаю, кто сегодня будет сверхурочно работать. Если такие бывали, уходил ужинать, напьюсь, бывало, чаю, немного отдохну и опять иду в корпус. Понятно, были неприятности. Иду я, а табельщик не пускает:

— Все прошли,—говорит он,—давно, а ты что?

— Я поужинал и уснул. Пусти, дядя.

Ему что, ведь не с улицы я пришел, а со спальни.

— Ну, иди, паршивец!—А мне это и надо.

Вечером набираю так, как видел днем набирают мастера, и печатаю. Понятно, на хороших прессах хорошо и печатать. А у меня иная задача: знаю, что пресс мне дадут, по правилам учения, только через два года. Я беру себе пресс в руки, напрягаю все свое внимание и думаю:

„Ты, шарманка, меня учи, а я тебя выучу“. И такими вечерами принимал все меры, чтобы она верно „давила“. Я перестал ходить гулять со своими сверстниками, работал ночами и заставил в конце-концов свой типографский пресс печатать не только краской, но и конторские книги золотом.

Как я дошел до этого? Одно время оба пресса были заняты. т. е. в них были вставлены наборы, и „рвать“ их раньше двух дней нельзя было, пока не закончат весь тираж. А тут подвернулась спешная работа: отпечатать конторские книги золотом. Мастера говорят заведующему, что два дня машины будут заняты.

Когда все ушли, я остался для того, чтобы не гасить печь, в которой нагревались железные чушки. Эти чугунные чушки в печи раскаливались до-красна, а затем вставлялись в золотарный пресс под плиту, на котором лежал набор. Так согревался пресс, а если пресс остывал, то чушки вынимали, а из печи вытаскивались чушки раскаленные и опять вставлялись под плиту. Работа—грязная и канительная. Сейчас даже смешно об этом вспоминать. Но в то время сердце радовалось, что пресс долго не стынет и хорошо идет печать.

Вернусь к прерванному. Когда все ушли, осмотрел я печку. Горит. Прикрыл дверцу, чтобы не выпал уголек, побежал ужинать, а ребята первое блюдо уже и съели. Смеются, проспал, мол, ну, ладно, думаю, на каше отыграюсь. Поел каши, чаю не пил и пошел в корпус. Табельная заперта: еще рано. Я через паровую. Машинист меня спрашивает:

— Куда, это ты, Володюшка?

— Да, вот, сегодня, говорю я, испортил дело и хочу исправить. Чтобы завтра не гоняли!

— Ну, иди!

Вошел я в цех, подкинул дров в печь, набрал наборы, наклеил по оригиналу и беру все приемы, что заметил у мастеров. С первой книгой немножко зашился: не слушалось меня золото. До часу ночи пришлось изрядно попотеть, но, наконец, все трудности преодолел, книги отпечатал и успокоился. Погасил печь и лампы, книги положил на старое место и пошел спать.

Утром проснулся раньше обыкновенного: еще куб не грели. Напился чаю и раньше всех ушел в корпус. Однако, в позолотную не пошел, а смотрел издалека. Пришли мастера-позолотчики и взялись за свои дела, а я—за свое. Через полчаса приходит заведующий и начинает опять говорить, что ему, мол, те пять книг сегодня нужны обязательно, так как заказчик уезжает. Опять начинаются споры: придется и наборы ломать и охлаждать машину.

— Ну, ребята,—говорит заведующий,—что хотите делайте, а книги нужны!

Мастера задумались: никому не хочется расстраивать свой набор. Подхожу я к заведующему и говорю:

— Давайте я отпечатаю!

— Убирайся ты со своей подагрой к чорту!—заявляет зав.

Все засмеялись, а я достаю книги и раскладываю их на верстаке уже готовыми. В недоумении все смотрят, кто бы мог их отпечатать, а я и говорю:

— Я!

— Где?

— На подагре.

— Ну, и молодец. Ай да подагра! Не хуже прессов ваших.

После этого случая отношения ко мне резко изменились как со стороны заведующего, так и мастеров. Заведующий перестал звать меня Володькой, а звал Мамонов. Мастера стали звать Владимиром.

Вскоре купили новый пресс и меня поставили самостоятельно работать на нем. Дело пошло лучше, но я ночи не спал, лишь бы, как говорят теперь, овладеть техникой в своем деле, и к концу учения не боялся никакой работы.

По выходе из ученья мне выдали награду в 25 руб. и назначили жалованье по 20 руб. в месяц. В переплетном же жалованье колебалось от 15 до 17 руб.

Заканчивая рассказ о моем ученичестве, хочу сказать еще немного о культурных развлечениях и культурном отдыхе, которые у нас под конец учения имели место.

На пятом году моего учения приходит к нам в спальню лакей Кушнерева и зовет трех старших мальчиков к хозяину. В число их попал и я. Пришли в кабинет. Велел нам сесть и говорит:

— Ну, ребятки, как вы проводите вечера? Часто я слышу, что у вас в спальне очень шумно, да, кроме того, некоторые из вас гуляют поздно и утром не высыпаются. Хорошо бы вы, старшие мальчики, организовали у себя развлекательные вечера, общее чтение, спектакли домашние и все бы ребята были у дела.

Мы и говорим:

— На спальне у нас тесно. Негде сцену поставить, да к тому же нет у нас средств. Костюмы-то кое-какие и найдем, но, ведь, нужны и парики, декорации.

— Ну,—говорит он,—это дело поправимое: выйдем из положения.

На другой день отдал приказ разгрузить спальню: отделать первый этаж и перевести часть мальчиков, а на втором этаже выделить одну комнату для сцены. На приобретение инвентаря дал 25 руб., для занавеса велел дать из кладовой парусины, а для декораций велел брать срыв.

— Когда вы все устроите, позовите меня на спектакль,—сказал через несколько дней Кушнерев.

Главными руководителями были я и наборщик Сычев. Кушнерев же нам указал, какие покупать пьесы. Рекомендовал купить у „Посредника" „В город на чалочке, а из города на палочке". Это—наша первая постановка. Организовали спектакль и позвали хозяина. Пришел он, а лакей принес его кресло. Сыграли эту пьесу удачно. В заключение—дивертисмент. Было весело в этот вечер. Ребята были все в сборе. Понравилось это и Кушнереву: похвалил нас и дал 5 руб. за „свое" место.

В 1904 г., во время Русско-японской войны, дела типографии начали шататься. С одной стороны—война, а с другой—рабочее движение. Пошли частичные забастовки. В апреле этого года меня арестовали на Тверском бульваре. Я с товарищем Гудковым нес прокламации, которые были отпечатаны у нас для раздачи по другим типографиям. Заметив, что нас окружили городовые, я не растерялся, перебежал через мостовую—и в пивную. Вбежав в нее, я все бросил в уборную и стал пить пиво. Но недолго. Явилась полиция, всех арестовала—и в Арбатскую часть. Здесь всех нас переписали и отправили в пожарные сараи. Просидели до-темна. Затем нас хотели перегнать в другое, более „надежное место", вероятно, в Бутырки. Когда нас перегоняли и мы направились к воротам, к нам навстречу пригнали новую партию арестованных. Произошло замешательство. Охраны было мало и мы вдвоем потихонечку, бочком, бочком, и ушли.

В 1905 г., во время октябрьской забастовки, меня арестовали на квартире. Я сидел со своей семьей и обедал. Меня в сенях кто-то спрашивал. Когда я вышел, здесь стоял околодочный:

— Ты Мамонов?

— Я!

— Одевайся, живо!

Мать, жена, ребята—в слезы. Выходим за дверь, а там стоят три здоровых городовых.

Вышли из ворот. Спрашиваю:

— Куда пойдем?

— В первый Сущевский.

— Зачем?—говорю я,—ведь все начальство сидит у нас в конторе.

— Верно,—соглашается околодочный со мной,—ну, пойдем туда. Здесь уже пристав спрашивает меня:

— Почему не работаешь?

— Что же, я один буду работать, когда все не работают. Когда все приступят, тогда и я.

— Ну, ну! Завтра выходи на работу.

— Ладно, выйду,—говорю я, зная, что стачечным комитетом уже решен вопрос о выходе с завтрашнего дня на работу.

...Декабрьское восстание у нас на Пресне, усмирение рабочих полковником Мином. Наступил 1906 год.

Стал ходить я на разные собрания. Правда, я не был активным работником, но меня интересовали зубатовские группы. Собрания происходили в Историческом музее и у Сухаревой башни в трактире. Ходил я и на нелегальные собрания социал-демократов и на Миусы, и на Бронную улицу. За Москва-реку ходил к анархистам. У всех одно и... как будто разное. Был молод, были порывы и желание что-нибудь делать, но вскоре слег. Доктора признали у меня порок сердца. Было и кровохарканье.

Еще один случай. Жил я на Александровской улице; вход с улицы, так что, кто приходил, никто не видел. В 1905 г. у меня на квартире были нелегальные собрания дружинников. От нашей типографии: Виноградов, Воробьев, Машков и другие. От Густава Листа Киреев, Лавров и др. После подавления восстания одного наборщика от Гатцука выслали из Москвы, но он вскоре приехал и нелегально жил у меня: к своим родным ему нельзя было показываться. Пронюхали шпики, сделали облаву, но, к счастью, никого не нашли. На утро получаю повестку явиться лично к градоначальнику.

Когда я пришел, он и говорит:

— Если еще какие замечу проделки с твоей стороны, то придется тебе проститься с Москвой.

Тут я и совсем упал духом.

В 1912 г. у нас в позолотной было уже 10 ручных прессов и 3 паровых; 13 позолотчиков мастеров, 4 ученика и 10 подручных. Добавлено было много медного шрифта. Старые пресса были переделаны: дыры в них заделали и плиты нагревались паром. Вначале было хорошо: не возиться с чушками. Но потом заделка в прессах разошлась и пар стал пробиваться. Тогда некоторые пресса перевели на спирт, но и это нашли непрактичным, так как на каждый

пресс уходило $1/4$ ведра денатурата. Неудобство заключалось еще и в том, что нечаянно махнешь и не заметишь, как огонь погас. Спирт льется, потом сразу вспыхнет и горит весь пресс. Неудобство же паровых прессов заключалось в том, что зимой пар, нужный для отопления, подавался и к нам для согрева прессов, а летом топили котельную только для нас. Впоследствии перевели пресса на газ. Это дело чистое и хорошее, а один пресс, привезенный из-за границы, согревался даже электричеством со штепселем с тремя переменами нагрева. Это было большим достижением: ни запаха, ни копоти.

В 1914 г., когда отстроили шестиэтажное здание, дела пошли еще лучше. Увеличили количество машин и прибавлялся народ. Переплетная занимала весь 4-й этаж. Теперь были специальные отделения: переплетное—исполняло конторские и гражданские работы; линевальное—все работы исполнялись отдельными рабочими с разделением между собою процессов. Линевальное отделение к этому времени работало в две смены, заготовляя линованную бумагу для конторских книг, тетрадей, блок-нотов и других работ.

Переплетная заготовляла „в запас" конторские книги, тетради, блок-ноты для Мюр и Мерилиза. Раньше поставщиком этой фирмы была Рига, но затем все работы перешли к нам. Был сильный спрос также на позолотные работы. Кроме печати конторских и гражданских книг, много было других работ, например, папки для нот—Юргенсона, Циммермана, Гютхе, Бессело. Все это изготовлялось у нас. Были роскошные издания бр. Салаевых, Кнебель, Ступина, словарь Гранат, т-ва „Мир" и другие. Загрузка была полная. Приходилось прихватывать сверхурочные часы. В футлярном отделении также было много работы, например, портфели из всевозможных материалов, кожаные футляры, бумажники, альбомы.

...Война не прекращалась. Дела типографии понемножку стали хромать. Работы стало меньше, заготовку „в запас" перестали делать. Рабочие стали переходить на казенные предприятия, чтобы числиться рабочими „на оборону". Так дошли мы до 1917 г. Началась революция и от всей переплетной осталось не больше сорока человек. В позолотной остался я, да еще один рабочий латыш. Всех переплетчиков перевели к нам в позолотную, так как здание совсем не отапливалось. Паровые трубы перелопались, и работали мы до 2 час. дня—холод не давал работать. К весне, когда потеплело, стали немножко пошевеливаться: стали кое-какие делишки попадать. Понятно, никаких частных работ не было—все государственные. Дошли до нэпа. Тут стало побольше заказов попадать и материал полегче купить. Понемножку стали оживать: государственная торговля стала развиваться и разные издательства стали отдавать работу, так что дела пошли блестяще до 1931 г. В этом году стали появляться прорывы: то дел нет, то материала нет. Материал стал попадаться недоброкачественный, отчего получается много браку.

У меня, как у старого рабочего, есть правило: каждую новую работу сделать самому и проверить ее со всех сторон, после чего уже отдаю в производство. Попадают часто такие дела—плюнуть, но приходится над ним долго потеть: то картон сырой, или металл твердый, грунт не сохнет, и приходится вертеться, как белке в колесе.

Но лучше ли нам связаться непосредственно с фабриками и заводами, которые нам заготовляют материал. Взять шефство над ними: для нас будет хорошо и для них. Они не будут выпускать свои продукты, которые никуда не годятся, и мы не будем портить своей продукции.

Мы должны бороться за качество продукции, зубами держаться за достигнутые результаты, показать, что мы и без хозяев умеем работать не хуже, а лучше, чем при них, так как хозяином фабрики „Красный пролетарий“ являемся теперь мы, объединенные в один мощный коллектив.

А. Майоров

МОЯ ИСТОРИЯ В „КУШНЕРЕВКЕ"

На 14 году от роду, т. е. в 1891 г., поступаю я работать в типографию Кушнерева в печатный цех в качестве ученика-приемщика. В то время хозяином был сам Иван Николаевич Кушнерев.

Машинистами печатного цеха были Матросов и Лапшин. Помощниками—Андросов и Лапшин Андрей. Сама типография была трехэтажная. Во всей типографии работало человек 300.

Печатный цех, в котором я работал, состоял из 12 плоских машин в 2 наклада, из них 2 с воздушным самонакладом. Были 2 ротации. На первой ротации работали газету „Новости дня". Первая ротация была до меня, вторую ротацию ставили при мне. Ротации работали на приводах от паровых машин, а также и плоские на трансмиссии.

На плоских машинах исполняли работу Мюр и Мерилиза, прейскуранты и много других работ мелких (календари, обертки и т. д.).

Оплата была такая: приемщики получали 9 руб., опытный приемщик—от 9 до 12. Накладчики—от 22 до 24. Печатников, как таковых не было, так что приемщик 12-рублевый умел накладывать с обеих сторон машины по графейкам, а накладчик в 24 рубля делал все, как сейчас печатник 7-го разряда. Машинисты получали 80—90 руб. в месяц, помощники их—40—50.

Проработав 5 лет, я перешел в накладчики, но на пониженную ставку в 18 руб., а накладчики получали 24 руб., то было так принято, т. е. своим ученикам по 24 руб. не давали. Тогда мне посоветовали уйти, а через 2—3 месяца притти—возьмут, мол, накладчиком на 22—24 руб. Я так и сделал.

Через месяц пришел опять к Кушнереву накладчиком в 24 руб. и так проработал накладчиком до 1903 г.

В 1903 г. началась забастовка за повышение зарплаты. У нас были арестованы: Сергей Куров, Сергей Майоров, Александр Майоров, Федор Тихонов, Гуляев (наборщик) и ряд других рабочих.

Арестовали нас летом. Просидели 3 недели в Бутырской тюрьме, а после выслали на родину. Получив там документы и деньги, я опять приехал в Москву. В то время моя семья состояла из 4 человек: жены, меня и двух детей.

Приехав в Москву, опять поступаю к Кушнереву.

Так работали до 1905 г.

В декабре 1905 г. было вооруженное восстание, в котором и мы приняли активное участие. Дело было так: перед окончанием работы нам сообщили, что вечером будут делать баррикады, а завтра будет восстание. Кончили работу, вышли за ворота и на перекрестке Пименовской стали делать баррикады. Руководителями были дружинники: Николай и Михаил Захаровы, Жуков, Буксин Илья, Налетов, Соколов Сергей, Михаил Молчанов, а возглавляющим был Кайрович младший. Было построено две баррикады. Вторая—на 2-м Щемиловском. Баррикады были сделаны из столбов, ворот, заборов, ящиков и т. д. Утром фабрика уже не работала. Была также приостановлена вся работа в Москве. Мы были предупреждены еще с вечера, чтобы выйти утром на фабрику и отработать воззвание. Я и еще пять товарищей вышли и отпечатали несколько наборов, так тысячи на полторы, а дружинники в это время были на баррикадах. Часа в 3 дня пришли дружинники и велели нам кончать работу, так как сейчас, мол, начнется стрельба по фабрике. Мы вынули форму, а шрифт рассыпали.

Когда мы выходили с фабрики, стрельба уже началась. Я стоял на углу фабрики у баррикады; ружья у меня не было.

В это время какой-то человек из дома Журавлева в Косом переулке с чердака взял прицел на меня, но пуля прошла мимо. Мне пришлось укрыться. Дружинники бросились туда, но никого не застали.

На Миусской площади стояла артиллерия и разбивала громовские дома, так как в них были дружинники. Дома эти горели. Садовая была сплошь в баррикадах. Была баррикада и в Подвесках. При нашей типографии был перевязочный пункт восставших. Бой шел с 9 час. утра и до 10 час. вечера. Так продолжалось дней 5—6.

Наша дружина приняла активное участие в бою.

На второй день наши дружинники на Угольной площади загнали отряд жандармов человек восемь во двор и хотели их обезоружить, но им на помощь приехали казаки и отбили их. Были и мелкие стычки с жандармерией. Нам было сообщено, что по Селезневке едут жандармы. Я и двое Захаровых бросились к пруду и засели за забором. Смотрим: едут человек семь. Мы дали залп по ним, но не попали, они бросились во двор Чернятина, а нам пришлось бежать. В нашу типографию стреляли из пушки, но не попали, так как мешали соседние дома.

После поражения начались полицейские репрессии, массовые аресты.

В 1910 г., мы, рабочие печатного цеха, стали просить прибавки. Выбрали представителей—тт. С. Майорова и Сазонова. Они пошли к директору Чефранову просить прибавки всем рабочим накруг по 20 к. в день, но Чефранов отказал. Тогда мы обратились в Союз и с разрешения Союза начали забастовку. Другие цеха продолжали работать. Пробастовали $1\frac{1}{2}$ месяца и пришлось встать и другим

цехам. Средства на прожитие нуждающимся давали рабочие других типографий. Во время этой забастовки нас опять начали арестовывать. Были арестованы: Майоров С., Сазонов Егор, Васильев Николай и Майоров Александр. После нашего ареста рабочие встали на работу. Нас посадили в Сущевскую часть в одиночки, в которых просидели 3 месяца. Возили нас в охранку на допрос раз 5—6. Делали с нас снимки. В одиночке я сидел один, а остальные: Сергей Майоров, Сазонов и Васильев сидели вместе в камере № 6, где с ними сидел и Михаил Иванович Калинин, ныне председатель ВЦИК. На прогулках были все вместе. Во время смерти Льва Николаевича Толстого мы на прогулке запели: „Вы жертвою пали“, за что и были лишены на четыре дня прогулок.

Однажды к нам пригнали арестованных студентов и разместили по нашим камерам. Во время прогулки студенты и мы разработали инструкцию, чтобы камеры были все отперты. Выбрали группу товарищей, которым поручили готовить обед и ужин самим из девяти копеек казенных. Остальное добавили сами. Начальник нам это разрешил. Были отперты камеры.

После трехмесячного сидения нам дали высылку из центральных городов. Меня и дядю выслали в Н.-Новгород. Срок на выезд дали 24 ч.

Приехав в Н.-Новгород, я поступил временно в типографию Хейфец. Проработав 7 дней, я тайно от полиции поехал в Москву за женой и детьми. Жил в Нижнем-Новгороде со всей семьей и дядей. Вскоре дядя заболел и я его отправил в Москву, где он прожил три дня и умер.

Полиция его взяла и схоронила на казенный счет, не дав схоронить жене.

Прожил четыре года в Н.-Новгороде. В это время началась империалистическая война. Я опять вернулся в Москву.

Фабрика Кушнерева была уже перестроена. Я опять поступил в нее. Проработали восемь дней, вспыхнула опять забастовка, ребята приходят ко мне и говорят:

— Майоров, бастовать будешь?

— Да, буду!—и предложил всем бастующим собрать расчетные книжки и пойти к Чефранову. Увидев меня, он сказал:

— Вы можете получить расчет без двухнедельного.

Но расчет был дан не всем: часть была отобрана и оставлена на работе. Не согласились остаться работать и взяли расчет 33 чел.

Я поступил в типографию Рябушинского. Проработав месяца три, поступил к Карякину, где и проработал полгода. Затем ушел на военную службу, т. е. на фронт. С фронта вернулся в Москву в N запасной полк. Затем N полк расформировали. Я был отпущен и поступил опять к Кушнереву, где и работаю по сие время.

Ф. А. Комаров

ОТ КАССЫ ДО АКАДЕМИИ

В конце 1921 г. я поступил в типографию машинным наборщиком. Рабочих в то время было около 450 чел. Работа в типографии протекала недопустимо медленным темпом. Работали плохо, больше говорили о пайке.

Большинство тогдашних рабочих было связано с деревней. Эти рабочие больше думали о деревне и меньше всего о производстве. На фабрике труддисциплина стояла на очень низком уровне: всякий раз после воскресенья прогуливали еще пару дней и на фабрике всегда было много прогульщиков. Конечно, от этого страдало производство.

Среди рабочих нужно было вести большую разъяснительную работу, но завком этим не занимался, а партийная организация была еще очень слаба.

Наборный цех был превращен в груду „сыпи". Сдельщина была проведена только в некоторых отделениях, да и то расценки не были установлены. Всякий раз, получив работу, нужно было договариваться о расценках с самим директором Боковым.

В 1922 г. типография начинает развертывать работу, но еще работает с большими перебоями. Из-за недостатка топлива типография имеет простои, но в сравнении с 1921 г. типография делает успехи и за 1922 г. дает 29 млн. оттисков, вместо 5 млн. за 1921 г.

Партийная организация малочисленна. Заводский комитет—меньшевистски настроенный, и только в 1923 г. ячейка одерживает первую победу и проводит в завком несколько коммунистов. Председателем все-таки остается тот Васильев, за которого горой стоит директор типографии тов. Боков.

В начале 1923 г. число рабочих доходит до 850 чел. Предприятие крепнет; ведется борьба за труддисциплину. Открывается столовая и клуб. Коммунисты в завкоме начинают завоевывать влияние среди рабочих и в декабре того же года, при перевыборах завкома, Васильев в завком не избирается, а на его место избирается член партии тов. Баринов.

В это же время, будучи еще беспартийным, я избираюсь секретарем завкома.

Благодаря работе коммунистического завкома, быстро растет активность рабочих масс и увеличивается участие их в хозяйственном строительстве. Организовывается стенгазета, через которую рабочие вносят свои предложения по устранению различных недостатков в производстве. В этом же году организуется школа бригадного ученичества для подготовки квалифицированных рабочих. В результате, предприятие из месяца в месяц увеличивает выпуск продукции. На 1 января 1924 г. типография имеет уже штат в 1200 чел.

Партийная организация значительно вырастает. Смерть вождя мирового пролетариата, дорогого Владимира Ильича, всколыхнула рабочие массы. Рабочие на эту великую потерю отвечают массовым вступлением в партию, и состав нашей партийной организации увеличивается до 145 чел.—вместо 30—40 чел. в 1923 г.

Работая в завкоме, я еще больше убедился, что только партия большевиков ведет рабочих по верному пути—по пути строительства социализма. Я решаю работать вместе с партией и подаю заявление о принятии меня в ее ряды.

Перед партийной организацией встает серьезный вопрос об охвате партийной работой вновь влившихся в ее ряды ленинцев, и во второй половине этого года кампания по воспитанию новых членов партии развертывается полностью. Нужно было всю эту „молодежь" вовлечь в хозяйственное строительство, чтобы вести ей разъяснительную работу среди широких масс рабочих за поднятие производительности труда, за улучшение качества продукции.

В этом году впервые организуется работа производственных совещаний, вовлекавших рабочих в производственную жизнь типографии. Это способствует ее росту.

Новые мероприятия в производстве ставятся на цеховых производственных совещаниях, и заводоуправление получает много ценных указаний от рабочих. Все это дает возможность не только достигнуть довоенной выработки, но и превзойти ее, и типография уже выпускает 7—8 млн. печатных оттисков в месяц, а к половине 1925 г.—до 10 млн. оттисков в месяц вместо 4 млн. в 1923 г.

В 1925 г. был произведен ремонт почти всех машин, отремонтировано здание типографии, было приобретено нового шрифта около 4000 пудов.

С 1925 г. ячейка практически подходит к завоеванию руководящих хозяйственных постов. После передвижки тов. Баринова на хозяйственную работу, закрепив полностью за собой заводский комитет, партийная организация расставляет коммунистов по отдельным точкам хозяйственных постов, и в 1925 г. целый ряд коммунистов переходит внутри предприятия на хозяйственную работу. Вместе с другими директор назначает меня помощником заведующего машинно-наборного отделения.

В этом отделении мне предстояло провести трудную работу. Нужно было добиться увеличения производительности каждой машины.

Нужно было подобрать штат квалифицированных наборщиков, подобрать инструкторов, привести в порядок машины, некоторым из них дать капитальный ремонт, нужно было во что бы то ни стало большее количество набора машинизировать и этим самым удешевить его стоимость.

В эту типографию было свезено много наборных машин из других типографий и они в течение нескольких лет бездействовали, так как требовали ремонта, а тов. Артамонов, выполняя работу заведующего отделением, не мог этого сделать. Пришлось поставить вопрос перед заводоуправлением об освобождении главного инструктора от обязанностей заведующего отделением и частичного освобождения от текущего ремонта, с тем, чтобы возложить на него капитальный ремонт машин. В это время директором типографии был тов. Фишелев, которого недолго пришлось убеждать, чтобы провести это в жизнь.

Изо дня в день, ведя большую воспитательно-разъяснительную работу, партийная и профессиональная организации завоевывают авторитет среди рабочих. Рабочие все больше и больше вовлекаются в работу этими организациями и на открытых партийных собраниях участвуют беспартийные, которые не только присутствуют на собраниях, но принимают активное участие в обсуждении вопросов. Состав ячейки в этом году достигает 230 чел.

В 1927 г. картина меняется. Если в предыдущем году пришлось вести отчаянную борьбу за получение заказов, то в этом году Гиз настолько увеличивает нагрузку, что типография с большим напряжением удовлетворяет его возрастающие потребности.

Я в это время работаю уже помощником заведующего производством типографии.

Для выполнения заказов Гиза типографии пришлось увеличить штат с 1 270 чел. до 1 500 чел. Углубляется рационализаторская работа, еще интенсивнее идет борьба за экономию, за снижение себестоимости.

Работа 1928 г. протекает в обстановке плановости. Прогрессирующая интенсивность, ряд рационализаторских мероприятий, активное участие рабочих в производстве через производственные совещания, решительная борьба с прогулами, с нарушением правил внутреннего распорядка, борьба за уплотнение рабочего дня—все это дает возможность типографии выполнить значительно превосходящую предыдущие годы программу—162 млн. оттисков.

В конце этого года я был назначен заместителем директора. Работая на этом ответственном посту, я крепко почувствовал необходимость быть технически грамотным и поставил вопрос перед партийной организацией о посылке меня на учебу, от которой и получаю направление в Московскую промышленную академию (в то время курсы красных директоров), и я начинаю свою учебу—днем работаю на производстве, а вечером занимаюсь на курсах.

1929 г. выдвигает перед типографией целый ряд новых задач: проведение новой тарифной реформы с перетафикацией всего штата по новой тарифной сетке, проведение новых максимально возможных технических норм, подготовки к переходу и переход на 7-часовой рабочий день, подготовка и частичный переход в этом же году на непрерывную производственную неделю.

Все организации типографии—хозяйственная, партийная, профессиональная и комсомол—активно взялись за проведение в жизнь этих, величайшей важности, задач. Нужно было провести ряд собраний рабочих, где дать разъяснения по этим вопросам и совместно с рабочими обсудить, как лучше провести это в жизнь.

В этом году партийная организация в типографии выросла количественно и качественно—сильная и вполне здоровая, правильно проводящая в жизнь генеральную линию партии. Нет разногласий среди членов партии, есть крепко спаянный коллектив, готовый на борьбу с оппортунистами и всякими загибщиками. Ячейка уже насчитывает в своих рядах около 300 чел., кроме целого ряда товарищей, выдвинутых на работу в разные советские учреждения. Кроме того, был организован актив по профессиональной линии.

Заводоуправление смело взялось за проведение в жизнь названных выше задач. Нужно было подготовить технические нормы: произвести замеры, сделать точные расчеты и вынести на обсуждение цехкомиссий. В порядке подготовки к переходу на 7-часовой рабочий день было проведено очень ценное мероприятие. Это—генеральная реконструкция типографии, имевшая целью так перестроить ее, чтобы можно было максимально использовать производственные площади и имеющееся оборудование и чтобы иметь возможность проводить процессы работ по ленточной системе, а в некоторых цехах провести полное разделение труда.

Работа эта была поручена работавшему в то время в типографии инженеру тов. Поткину, который под руководством заводоуправления производил перепланировку. Полученные чертежи перепланированных цехов неоднократно обсуждались на технических совещаниях при заводоуправлении и потом выносились на цеховые собрания рабочих. При рассмотрении на цехах мы имели самое активное участие рабочих в обсуждении представленных планов. Много было внесено ценных указаний, которые заводоуправление сейчас же принимало и вносило коррективы в намеченные планы.

Отправляя рабочих типографии в отпуск, инженеру тов. Поткину и заведующему ремонтным цехом тов. Сухарде дается жесткий наказ: „Всю работу по реконструкции провести в течение месяца и не допускать ни одного часа простоя". Рабочие ремонтного цеха, во главе с тт. Сухардой и Поткиным, проявляют максимум энергии и вся эта колоссальнейшая работа заканчивается в срок. Возвратившиеся из отпуска рабочие сразу же смогли приступить к работе. Типография не имела ни одного дня простоя.

В это время была проделана крупная работа по охране труда. Кроме устройства вентиляции и освещения, на трех этажах был переделан асфальтовый пол на ксилолитовый в количестве 3 800 кв. м. Этот пол состоит из древесных опилок, растворенных в хлористом магнезите.

Таким образом, вместо холодного асфальтового пола, мы получили деревянный теплый пол, стоя на котором, рабочие не простуживают ноги, как это было на асфалтовом полу.

Пол переделан в наборном, брошюровочном и переплетном цехах, т. е. там, где занято большее количество рабочих.

В результате проведенной реконструкции мы имели значительный рост пропускной способности типографии, которая теперь могла давать 20—22 млн. оттисков в месяц вместо 15—16 млн. до реконструкции.

В апреле месяце описываемого года типография заключила договор на социалистическое соревнование с ленинградской типографией имени Евгении Соколовой. Таким образом, второе полугодие типография проводит работу под лозунгом социалистического соревнования и ударничества. Это помогает одолеть ряд трудностей, имевшихся при проведении технической реконструкции и при переходе на новые условия работы.

В результате, типография за год выпускает 190 млн. оттисков вместо 162 млн. в 1928 г.

С января 1930 г. я был назначен директором типографии. На 1 января штат в типографии был 1 700 чел. Она начинает работу в этом году, имея задание в 224 млн. оттисков (увеличение по отношению к 1929 г. на 18 проц.).

Работа проходит под лозунгом развертывания социалистического соревнования и ударничества, большего охвата ударничеством работающих.

Имея задание на 18 проц. выше прошлого года, типография углубляет вопрос рационализации. Образуется ячейка рабочего изобретательства, которая вовлекает рабочие массы в изобретательскую работу, в результате чего мы имеем колоссальное количество ценных предложений, улучшающих работу и дающих экономический эффект.

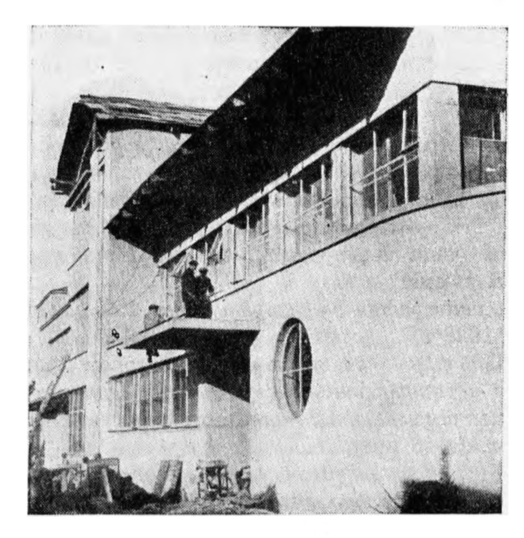
Проводится кампания по борьбе с потерями в производстве, в результате которой мы имеем около 800 предложений рабочих.

Для выполнения намеченной программы нужно было построить работу так, чтобы максимально использовать имеющееся оборудование, организовать работу полностью в три смены, для чего необходимо было довести штат до 1 900 чел., а так как безработица у нас была ликвидирована, то кадры нужно было готовить у себя на предприятии, для чего была передвинута часть рабочих на переквалификацию. В конце 1929 г. был произведен прием на работу членов семей наших рабочих. Срочно организовали обучение на самых

узких местах: машинных наборщиков, машинных фальсовщиков, типографских накладчиков и др.

Были организованы кружки по техническому образованию, где рабочие могли изучать технологические процессы нашей промышленности.

В этом же году был проведен целый ряд мероприятий по охране труда на предприятии и улучшению быта рабочих. Был открыт вновь выстроенный прекрасный клуб, где общественные организации могут проводить массовую и культурно-воспитательную работу, развернуть работу курсов по техническому образованию, а также ве-



Клуб типографии «Рот фронт».

сти политико-воспитательную работу. Открыта вновь отремонтированная столовая. Все это способствует поднятию производительности труда, и в результате взятые на себя обязательства в 224 млн. оттисков типография выполняет полностью.

В 1931 г. я ушел заканчивать свое образование в Московскую промышленную академию, так как, согласно постановления ВСНХ, обучающиеся на последний год освобождаются от производства.

Имея практический опыт и подковав себя теоретически, я перейду в распоряжение партии, которая использует меня на строительстве социализма в стране Советов.

—

П. С. Морозов

НА НОВОМ ФРОНТЕ

Истории типографии „Красный пролетарий“ (бывш. „Кушнеревка“) до революции и в первые годы революции я не знаю, так как я в то время работал по мелким типографиям, и рассказать о ней ничего не могу.

Моя работа в типографии „Красный пролетарий“ начинается с 16 июня 1922 г. В этом году я, после ликвидации гражданской войны, вернулся с фронта.

Поступил я в типографию наборщиком в мелочное отделение, которое находилось на пятом этаже.

Хозяйственное состояние типографии в это время, как и всей промышленности страны, было очень тяжелое. Крупное оборудование типографии (которое к тому же увеличилось, так как сюда было свезено много машин, шрифтов и разного другого материала из мелких частных типографий), большая мощность и пропускная способность ее вызвали у многих хозяйственных организаций желание получить ее для себя.

В то же время ни одна из организаций, которые получали типографию, не могла управиться с ней и достаточно нагрузить ее работой,—и типография переходит из рук в руки. Все это очень тяжело отражалось на хозяйстве предприятия.

Ни одно из отделений не было приведено в должный порядок. В наборной шрифты были перепутаны, кругом сплошная сыпь, грязь. В печатном отделении, куда бы вы не посмотрели, валялись бумага, краска. Связанные машины требовали капитального ремонта. Царил необычный хаос. В то же время рабочие кадры были совершенно недостаточны. В годы империалистической и гражданской войн лучшие квалифицированные рабочие были мобилизованы на фронты, а некоторые разъехались по деревням, что тоже способствовало разрухе типографии.

Чтобы не остановилась типография, администрация набирала женщин и кое-как, наспех, производила по всем цехам индивидуальное обучение, и от такой подготовки кадров ничего хорошего не могло получиться. Одним словом, не учили, а только калечили.

Начиная с 1918 г. по 1923 г. директором типографии был т. Боков, который не только не реагировал на плохое состояние типо-

графии, но своими действиями расшатал трудовую дисциплину. Он допускал часто созывать общие собрания рабочих на 1—2 часа до окончания работ и разрешал отработки рабочих дней между двумя праздничными днями, причем не следил за тем, чтобы отработки действительно производились.

Заводский комитет совершенно бездействовал и не думал ни о поднятии труддисциплины, ни о производительности труда. Во главе завкома стоял беспартийный председатель с меньшевистским душком Васильев А. В., который работал с директором т. Боковым рука-об-руку. Все это, в свою очередь, способствовало ухудшению хозяйственного состояния типографии.

Партийная ячейка, которая боролась бы за поднятие труддисциплины, производительность труда, за благосостояние рабочих в бытовом отношении, была очень малочисленная и не имела у рабочих типографии авторитета в силу того, что директор т. Боков и председатель завкома Васильев в своей работе не считались с указаниями ячейки и действовали по своему усмотрению. Все это способствовало подрыву работы ячейки.

Этой бесхозяйственности и дезорганизующей работе положил конец наступивший период мирного строительства, к которому коммунистическая партия и советское правительство призвали пролетариат и сознательную часть населения.

Борьба ячейки ВКП(б) с заводоуправлением за новый состав завкома

Страна перешла на мирное строительство. Стала возвращаться с фронтов и из деревень беспартийная квалифицированная рабочая сила. Ликвидация фронтов и бандитизма вернула в типографию десятки коммунистов, прошедших школу гражданской войны. В это время, хотя ячейка еще была малочисленна (всего 12—15 человек коммунистов), но уже в ней имелась сплоченность, организованность. Ячейка начала предъявлять настойчивые требования заводоуправлению: улучшить хозяйственное положение типографии. Борьба ячейки за труддисциплину, за производство требовала много сил и энергии. Хотя Боков в это время уже был в коммунистической партии, но меньшевистские отрыжки еще сказывались в нем, он все еще был близко спаян с председателем завкома Васильевым. Постоянного освобожденного секретаря ячейки в то время не было, а имевшийся секретарь ячейки т. Дмитриев работал в конторе всегда на глазах у заводоуправления и не всегда к нему можно было ходить членам ячейки, а также и ему нельзя было отлучаться по партийным делам. Все это тормозило сильно работу ячейки.

Как я уже сказал, в типографию вернулись старые рабочие, члены партии, возвратившиеся с фронта. Ячейка укреплялась новыми силами. Надо развернуть работу. Надо было показать, что

и тут, на трудовом фронте, мы умеем, большевики, драться, как дрались на фронтах гражданской войны. Надо было вести решительную борьбу с открытым и скрытым меньшевизмом. Ячейка взялась энергично за улучшение быта рабочих, что и доказала на деле.

Первым делом началась борьба с заводоуправлением за установление определенных часов для партийной работы секретарю ячейки, а впоследствии и совсем освобождения его от работы, и за отведение помещения для ячейки. Хотя с большим трудом, но все-таки это удалось отвоевать.

Прошли перевыборы ячейки, где был выбран новый секретарь ячейки т. Кузин. Работа ячейки развернулась в области улучшения быта рабочих. Лучшие силы ячейки были мобилизованы, а также кое-кто из энергичных ребят был завербован из райкома, в том числе и т. Семенов, который впоследствии стал работать в типографии наборщиком, и целый ряд ответственных работников из района. Трудность работы обусловливалась тем, что ничего нельзя было провести через завком. Все эти трудности за улучшение быта рабочих ячейке пришлось взвалить на собственные плечи. Первым делом было усиление поисков дома под коммуну, столовую, клуб, детсада. Ежедневно осаждались представителями ячейки райком, райсовет, Моссовет, нарсуд, и приходилось очень часто итти целыми делегациями в эти учреждения от типографии. Типография „Красный пролетарий" стала отличительной по настойчивости и упорству в этом деле.

Работа ячейки в то время развивалась изо дня в день. Поручения ячейки выполнялись в боевом порядке. Задачи, поставленные ячейкой, были выполнены до конца. Дом № 8 нэпмановского жилтоварищества на Пименовской улице был через суд отвоеван под жилье для рабочих типографии. В этом же доме в одной из квартир был организован детский сад. Под напором ячейки полетел ресторан „Волна" (бывш. владельца Егорова, угол Каретно-Садовой). Там был открыт клуб и столовая. Развернулась культурно-политическая работа среди рабочих.

После перечисленных мною мероприятий ячейка взялась за завком. Нам нужен был такой работоспособный завком, который был бы в состоянии правильно проводить политику партии и правительства, отразить интересы рабочей массы и правильно их разрешать.

Ячейка вступила во второй этап своей борьбы: завоевание заводского комитета. Завоевание завкома, однако, оказалось делом далеко не легким.

Во главе завкома стоял в качестве председателя Васильев, человек ловкий и опытный, и с хитрецой. Всю работу в завкоме он старался вести так, чтобы и с ячейкой не ссориться, и заводоуправлению угодить, и перед рабочей массой не терять своего авторитета и оказывать на нее свое влияние. Работал он в завкоме, если

не ошибаюсь, с самого начала Октябрьской революции и до тонкости усвоил, как сохранить свой авторитет. Иногда, если какое-нибудь мероприятие оказывалось невыгодным, он старался снять с себя ответственность, взваливая вину на коммунистов: дескать, „я был против, но меня они заставили“.

Борьба происходила не открытая, а скрытая.

Нельзя было быть уверенным, что при проведении ячейкой какого-нибудь мероприятия завком не „подложит свиньи“. Ячейка, чувствуя прочность и стойкость своих членов, наметила при перевыборах в качестве руководителя завкома свою кандидатуру — т. Баринова, коммуниста, человека твердого и очень толкового. Против него особенно ополчалось заводоуправление в лице т. Бокова, который даже перенес дело в Союз. Он указал, что Баринов вспыльчив, нетактичен и что Баринов безусловно провалится при перевыборах в завком. Приезжал даже представитель Союза, который также старался уговорить ячейку отказаться от кандидатуры Баринова, обосновывая это тем, что может произойти большой конфликт между ячейкой и заводоуправлением. Но ячейка твердо заявила, что относительно других кандидатур в завком она не будет настаивать, но что касается кандидатуры Баринова, то она не уступит ни за что. А если только заводоуправление будет мешать проведению Баринова в завком, то ячейка откроет борьбу и с завкомом и с заводоуправлением и поставит вопрос прямо перед райкомом и МК партии.

Категорический тон ячейки возымел свое действие на Минчина, представителя Союза, и заводоуправление обязалось повлиять на предзавкома Васильева, чтоб был проведен список, предложенный бюро ячейки. А это было самое главное. В результате ожесточенной борьбы была пробита первая брешь в завкоме, куда была избрана группа коммунистов, в том числе и т. Баринов. Они-то и подготовили почву к следующим перевыборам, когда было новое заводоуправление в лице т. Бернадюка и т. Фишелева. При следующих перевыборах уже был избран в предзавкомы коммунист т. Баринов, а старого, крепко засевшего в завкоме, предзавкома удалось отстранить уже без особых затруднений. Тов. Баринов сумел наладить работу в контакте с ячейкой и превратить профессиональную организацию типографии „Красный пролетарий“ в одну из лучших города Москвы. Теперь всю работу по улучшению быта рабочих ячейка могла уже перенести на крепкий работоспособный завком, что раньше приходилось ей проводить изолированно от завкома.

С этого момента ячейка переходит в новую фазу своей работы.

Назрел вопрос о замене старой цеховой администрации, которая была при „хозяине“ и не считалась с задачами, поставленными партией и советской властью, а именно: поднятие производительности труда, улучшение качества продукции и изыскание новых форм и методов хозяйственного строительства типографии, а также вы-

движение лучших членов партии и беспартийных рабочих на административные должности в цехах и в заводоуправлении. Этого удалось достигнуть, и во главе заводоуправления стали тт. Бернадюк и Фишелев, о которых я выше упомянул.

При новом заводоуправлении работать стало легче и лучше, хотя, конечно, не обходилось без крупных споров, но все-таки ячейка получила возможность принимать самое близкое участие в хозяйственной жизни типографии. Ни одно большое дело уже не проходило, чтобы оно не было согласовано с ячейкой. Ячейка стремилась, чтобы в хозяйственную жизнь были втянуты не только бюро ячейки, но все члены ячейки и вся беспартийная масса рабочих.

Подготовка молодых квалифицированных кадров

С ростом хозяйственного строительства страны встал перед типографией вопрос о нехватке квалифицированной рабочей силы.

По инициативе ячейки и заводоуправления, было решено организовать школы бригадного ученичества. Сначала приступили к созданию наборной школы. Оборудование стали собирать по кусочкам: шрифта свозили из разных складов и типографий, часть взяли в самой типографии из наборных 3 и 5 этажей, привезли наборный инвентарь: кассы, реалы, наборные доски и т. д.

В конце декабря 1922 г. в школу начали поступать ученики, разбросанные по наборным отделениям 3 и 5 этажей, а к концу февраля 1923 г. уже насчитывалось 44 ученика-наборщика при одном организаторе и 3 ученика-печатника и один инструктор при 2 машинах, привезенных из другой типографии.

В марте 1923 г. был назначен инструктором в наборную группу высококвалифицированный наборщик Н. В. Волков, которому пришлось первый год перенести всю тяжесть учебы на своих плечах; и только в средине 1924 г. в школу были назначены еще 3 инструктора: Лешинский, Петров и Митя Егоров, выдающийся молодой наборщик, получивший квалификацию во время империалистической войны и годы разрухи. Несмотря на то, что сам Митя Егоров не проходил школы наборного дела, он обладал хорошими организаторскими способностями и уменьем подходить к ребятам. Он сумел блестяще поставить дело. Недостатком его было то, что он не интересовался общественной работой. Впоследствии ячейка ВЛКСМ сумела вовлечь его в свои ряды и он оказался не только полезным в школе, как инструктор, но и начал гореть на общественной работе.

В 1926 г. он был назначен заведующим мелочным наборным отделением, где дело поставил на должную высоту. К сожалению, вскоре смерть вырвала этого талантливейшего молодого квалифицированного члена ВЛКСМ и в то же время кандидата ВКП(б). Умер Митя Егоров 12 января 1927 г.

В начале школа испытывала много затруднений и недостатков наборного инвентаря: было всего с десяток верстаток, да и те наполовину негодные, так что приходилось давать ребятам учиться по-очереди. Не было также гранок, шильев и т. д. Шрифты все были перепутаны, наборный материал был не в порядке, так что приходилось ребятам месяцами стоять на сортировке шрифтов, разной сыпи, привезенных из разных мест. Несмотря на эти недостатки, у ребят было много энтузиазма, сознательности и дисциплинированности. Они хорошо понимали, что эта школа—не та школа, которая была при капиталистическом обществе. Они отлично понимали, что обучаются они в стране строющегося социализма, в стране диктатуры пролетариата, где все строится и создается своими собственными силами трудящихся и на пользу всей страны. Благодаря этому, ребята с увлечением отдавались работе, проявляя много находчивости. Чтобы не пропадало время даром, они взамен недостающих верстаток делали самодельные деревянные верстатки. Жаль, что эти верстатки не сохранились до сего времени,—это было бы большой музейной редкостью.

В 1924 г. в школу почти целиком были перевезены наборное и печатное отделения тип. „Красная новь“. Школа окончательно пополнилась шрифтами, материалами, а также и печатными машинами. Осенью этого же года была заполнена 13-процентная броня подростков и к концу этого же года уже насчитывалось около 70 учеников—печатников и наборщиков.

В этом же году школа праздновала существование своей годичной деятельности, где была выделена группа учеников в лице тт. Крупкина, Енюшина, Сахарова, Мухиной и Кузовлева из наборного отделения и т. Понятова из печатного отделения. Все они были премированы за хорошие успехи в учебе.

Под твердым руководством ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ, которые сумели возбудить энтузиазм и интерес к работе как со стороны преподавателей, так и со стороны учащихся, школа крепла и развивалась. Этот живой человеческий материал рос культурно и политически перевоспитывался. Школа постепенно расширялась и в дальнейшем выросла в крупную учебную типографию, создав, кроме наборного отделения, еще печатное, переплетно-брошюровочное и литографское отделения. Ячейка ВЛКСМ успешно вовлекала актив школьной молодежи в свои ряды.

В 1925 г. состав учащихся в школе тип. „Красный пролетарий“ значительно увеличился и дошел до 143 чел. учеников. Правда, ячейке ВЛКСМ стоило немало трудов, чтобы добиться у администрации увеличения ассигновок на оборудование школы. Важность и серьезность дела и энергия ячейки дали блестящие результаты.

Перед ячейкой ВЛКСМ также встал вопрос об улучшении личного состава администрации школы, а так же инструкторов школы. В тот период работники школы, несмотря на их большую квалификацию,

неспособны были руководить ученичеством. Не только сообщение учащимся знаний в области узкой специальности требовалось от руководителей и инструкторов школы, но еще и то, чтобы они были лучшими проводниками политических, экономических задач, поставленных партией в целях построения социализма. От них требовалось не только умение сделать учеников технически грамотными, но и воспитать в них стремление к пониманию вопросов политических и быть активными участниками строительства социализма.

Энергия, настойчивость и упорство ячейки и в этом вопросе дали желательные результаты.

Был назначен заведующим школой коммунист т. Красовский И. М. Вскоре также были выделены инструктора-коммунисты т. Морозов И. С. и т. Ющенко И. Г. Школа с новым руководством еще сильнее укрепилась. Срок обучения был установлен трехгодичный. Были выработаны программы обучения для всех групп. Программы были доведены до каждого ученика, ученик уже знал, что он должен твердо усвоить в течение установленного срока обучения. Ученики должны были обучаться практически и теоретически. Ученики обязаны посещать теоретические занятия в школе ВРШ (вечерняя рабочая школа). Эта школа была организована Союзом печатников для школ бригадного ученичества, где ребята изучали, кроме теории специального предмета и общеобразовательных предметов, также и общественно-политические дисциплины. Содержалась школа на средства предприятий. Во время пребывания в школе ребята сильно росли в техническом, политическом и культурном отношениях. Почти 90 проц. всего ученичества были членами ВЛКСМ. Руководящий состав школы работал все время в полном контакте с ячейкой ВКП(б) и ВЛКСМ, а также с заводской администрацией. Через каждое полугодие при участии комсомола проверялись успехи учеников; соответственно результатам проверки ученик переводился в высший разряд. Школа несколько раз участвовала на всевозможных выставках; за свои работы школой были получены дипломы и похвальные листы, которые и до сих пор хранятся в заводоуправлении.

За все время существования школы было 5 выпусков. Первый выпуск дал 23 наборщика, второй—7 наборщ., третий—47 человек (15 наборщиков, 12 переплетчиков, 4 литографа и 4 цинкографа и др.), четвертый—10 чел. (7 наборщ., 1 печатн. и 2 перепл.), пятый—22 чел. (7 наборщ., 12 печатн. и 3 литографа). После ликвидации школы в 1928 г. 35 учеников (12 наборщ., 7 печатн., 6 литографов и 10 перепл.) были переведены, как не окончившие срок обучения, в школы ФЗУ при 1-й образцовой типографии.

Большинство учеников по окончании школы были переброшены в цеха типографии. Из окончивших школы наборщиков в машинно-наборный цех было выделено 14 чел.

Если подвести итоги обучения ребят в школе, то можно смело

сказать: вышли они из школы высококвалифицированными мастерами своего дела, большинство из них, стоя рядом со старыми рабочими, нисколько не уступают им по своей квалификации, а некоторые—даже стоят выше. Многие из ребят впоследствии стали членами ВКП(б). Не один десяток лучших ребят был выдвинут ячейкой ВЛКСМ на руководящую работу партийную, профессиональную и хозяйственную в советские органы. Так, например, т. Н. Сахаров был выдвинут в АОМС и в настоящее время состоит начальником управления местами заключения Москвы и Московской области, т. Н. Садовников работает в МОСПС, т. С. Рохлин—на учебе в ИКП, и т. д. Вот что дала школа бригадного ученичества тип. „Красный пролетарий".

Пишешь эти строки и вспоминаешь, как же я учился в дореволюционное время у хозяина? Получал 3 руб. в месяц на своих лепешках; работать приходилось по 14 час.; эксплоатация—до небывалых пределов. За все это, кроме 3 руб., порядочно подзатыльников—то от мастера, то от хозяина; почти 2 года был у хозяина на побегушках, у мастера—тоже. Бегаешь то за вином, то за пивом. А получить квалификацию при помощи мастера не надейся—годы пройдут, и ничего не успеешь. Бывало, например, мастер напьется пьяным, завалится под реал спать, а ты в это время на его место, да кумекаешь. Вот так и доходили до дела. Вот как приходилось учиться и работать нам, испытывая на себе тяжелый гнет дореволюционного буржуазного порядка и чего не знает наша молодежь, выросшая после Октября.

Партией и советской властью поставлена задача: воспитать молодежь, сделать ее действительной сменой старой гвардии в борьбе за дело рабочего класса, за дело построения социализма в нашей стране. За разрешение этой задачи в тип. „Красный пролетарий" боролись ячейка ВКП(б) и ВЛКСМ в годы разрухи и годы восстановительного периода. От небольшой группки в 12—15 человек ячейка ВКП(б) выросла в сильную организацию крепко сплоченных большевиков.

Ячейка за это время вырастила не один десяток партийцев, которых она выдвинула на ответственные посты, начиная с цеховых администраторов и кончая директорами типографий и ответственными работниками издательств Москвы.

Оглядываясь на пройденный путь, с удовлетворением можно сказать, что трудности, стоявшие на пути, мы преодолели, не склонили боевого большевистского знамени. В настоящий момент, в реконструктивный период, типография так же гордо, как и все 15 лет Октябрьской революции, будет нести большевистское знамя—знамя борьбы за построение социалистического бесклассового общества в нашей стране.

А. Баринов

1922—27 гг.

В 1922 г., после 3½ лет работы в продотрядах, я был направлен Союзом печатников и трестом „Мосполиграф“ на работу в 20-ю типографию.

Директор типографии т. Боков, узнав, что я коммунист, принял меня очень дружелюбно и направил меня на работу в переплетный цех. по моей специальности.

В типографии в это время работало около 1 200 чел. Настроение у рабочих было скверное: никто работать, как следует, не хотел и занимались тем, что чуть ли не целыми днями вели разговоры о падающих деньгах и плохом снабжении.

Меня это страшно поразило, так как, работая в полувоенной организации, мы, разутые, раздетые принимали все меры к тому, чтобы обеспечить нашу Красную армию и рабочих продовольствием, и ни с чем не считались. Здесь же ничего похожего на борьбу с врагом не было.

Впоследствии мне все стало ясно. почему такое настроение у рабочих. Ячейка была очень слаба и всего состояла из 14 чел.; в завкоме сидели официально беспартийные, но на деле проводившие меньшевистскую политику. Директор т. Боков потакал заводскому комитету, а в цехах работали меньшевики. Перед партячейкой стояли труднейшие задачи: надо было убрать меньшевистский заводской комитет, добиться повышения производительности труда и наладить производство.

В 1922 г., как известно, был выпущен первый советский выигрышный заем. Перед ячейкой стояла большая политической важности задача—разместить заем. Ячейка в 14 чел. Сил мало, но работу надо провести.

Начали сколачивать беспартийное ядро, убеждая отдельных товарищей, что падающие деньги больше приносят вреда, чем дача взаймы государству денег.

Несмотря на то, что мы сколотили небольшое ядро из беспартийных, опасались: не провалят ли наборщики. Дали задачу Бокову, который пользовался большим влиянием на председателя завкома

Васильева, чтобы последний повлиял на наборное отделение и помог нам провести этот заем.

Предстояла трудная задача: взять руководство на этом собрании в свои руки и выбрать своего председателя. Мы пошли на общее собрание. Не успел Васильев открыть собрания и сказать: „предлагаю выбрать председателя", как все коммунисты и часть беспартийных из нашего ядра стали выкрикивать мою фамилию; другие кричали за Васильева. Голосованием прошел я. Первая победа за нами! Собрание было очень бурное. Шум, крики. Скрытые меньшевики кричали:

— Долой! Не надо займа!..

Пришлось выступить всей ячейке, и после продолжительных прений от имени ячейки вносим предложение: подписаться на заем. Голосуем. Получаем большинство голосов. Меньшевики кричат:

— Переголосовать!

Члены партии и ядро беспартийных хлопают. Вторая победа за нами!

Выхожу из президиума. Несколько человек наборщиков окружает и кричит:

— Обманули!

Отвечаю:

— Большинство с нами. Извольте подчиниться большинству.

К этому времени ячейка развернула работу среди рабочих. Особое внимание мы уделяли завкому, по существу находящемуся в меньшевистских руках. Работа в завкоме хромала на все ноги. Нам надо было конкретным руководством показать лицо нашей партячейки. У нас не было своего клуба. Завком не принимал мер для получения помещения. Мы взялись за это дело.

Помещение для клуба нами было намечено на углу Каретно-Садовой, где теперь помещается Октябрьский райсовет. В то время здесь был открыт ресторан Егорова.

Началась борьба за выселение Егорова. При помощи Красно-Пресненского райкома и райсовета мы через суд добились закрытия этого ресторана.

Получили достаточно большое, хотя и плохо оборудованное помещение под клуб. В дальнейшем, при большом умении т. Семенова, была поставлена неплохо культурно-массовая работа. Это сразу подняло авторитет ячейки, хотя отдельные рабочие и кричали, что мы ограбили Егорова, „убили" его (был пущен слух, что якобы Егоров удавился).

В марте 1923 г. должны были произойти перевыборы заводского комитета. Перед ячейкой встала задача, во что бы то ни стало, если не сменить Васильева, то ввести хотя бы одного члена партии в завком на освобожденную работу и провести несколько цехуполномоченных коммунистов. К этим перевыборам мы готовились всю

зиму, и 18 марта я был избран в завком. Это был в нашем завкоме первый коммунист. Кроме меня, было избрано и несколько коммунистов цехуполномоченными. Работа завкома была распределена между членами завкома: Васильев—председатель, Неверов—секретарь, я—председатель культкомиссии.

С введением в завком коммуниста и наличием еще нескольких коммунистов цехуполномоченными ячейке легче стало руководить завкомом. Васильев вынужден был повести такую тактику: в завкоме соглашается с проводимыми ячейкой мероприятиями, а раз так, то и вынужден их проводить в жизнь. Когда на него здорово напирали наборщики, то он всегда отделывался так:

— Что же! Я ничего не могу сделать с ячейкой. Это не я провожу, а ячейка.

Защищаясь таким образом, он, сам того не подозревая, подымал авторитет ячейки и подрывал свой не только у мало сознательных рабочих, но и у своих, меньшевистского толка друзей. Последние начали разочаровываться в нем, как в надежной опоре.

Ячейка, как я уже выше указал, вела революционную борьбу а улучшение бытовых условий рабочих и, в частности, решили открыть столовую. Столовая в средине лета была открыта. Кормились рабочие неплохо. Все это создавало еще больший авторитет чейке. Ячейка шаг за шагом отвоевывала позиции у заводского омитета.

В декабре 1923 г., к моменту перевыборов завкома (тогда перевыборы происходили каждые 6 месяцев), перед ячейкой уже стояла ная задача: сменить руководство в завкоме, т. е. снять Васильева провести председателем завкома коммуниста. Дело было не из егких, хотя сам Васильев был уже не тем, что к моменту первых еревыборов, хотя авторитетом все же еще пользовался.

Бюро ячейки перед перевыборами заседало почти ежедневно. тому времени ячейка уже пополнилась новыми членами, пришедшими с фронта. Проводить это собрание выпало на мою долю. Завоеванный до этого авторитет ячейкой и помог на этот раз ыбрать председателем коммуниста.

Васильев на данном собрании сделал очень плохой отчет. Не знаю, очему—не то он не надеялся, что его проведут, не то сам не ешился больше итти в завком, чтобы еще больше не потерять вторитета.

На этом собрании нам пришлось выдержать ожесточенный бой руководство завкомом. Несмотря на отдельные выкрики рабочих Васильева, все же большинством рабочих заводский комитет был збран коммунистический.

В завкоме нам пришлось повести ожесточенную борьбу за подтие производительности труда и проведение норм. Правда, нормы, оторые мы проводили тогда, были в сравнении с теперешними

Васильева, чтобы последний повлиял на наборное отделение и помог нам провести этот заем.

Предстояла трудная задача: взять руководство на этом собрании в свои руки и выбрать своего председателя. Мы пошли на общее собрание. Не успел Васильев открыть собрания и сказать: „предлагаю выбрать председателя", как все коммунисты и часть беспартийных из нашего ядра стали выкрикивать мою фамилию; другие кричали за Васильева. Голосованием прошел я. Первая победа за нами! Собрание было очень бурное. Шум, крики. Скрытые меньшевики кричали:

— Долой! Не надо займа!..

Пришлось выступить всей ячейке, и после продолжительных прений от имени ячейки вносим предложение: подписаться на заем. Голосуем. Получаем большинство голосов. Меньшевики кричат:

— Переголосовать!

Члены партии и ядро беспартийных хлопают. Вторая победа за нами!

Выхожу из президиума. Несколько человек наборщиков окружает и кричит:

— Обманули!

Отвечаю:

— Большинство с нами. Извольте подчиниться большинству.

К этому времени ячейка развернула работу среди рабочих. Особое внимание мы уделяли завкому, по существу находящемуся в меньшевистских руках. Работа в завкоме хромала на все ноги. Нам надо было конкретным руководством показать лицо нашей партячейки. У нас не было своего клуба. Завком не принимал мер для получения помещения. Мы взялись за это дело.

Помещение для клуба нами было намечено на углу Каретно-Садовой, где теперь помещается Октябрьский райсовет. В то время здесь был открыт ресторан Егорова.

Началась борьба за выселение Егорова. При помощи Красно-Пресненского райкома и райсовета мы через суд добились закрытия этого ресторана.

Получили достаточно большое, хотя и плохо оборудованное помещение под клуб. В дальнейшем, при большом умении т. Семенова, была поставлена неплохо культурно-массовая работа. Это сразу подняло авторитет ячейки, хотя отдельные рабочие и кричали, что мы ограбили Егорова, „убили" его (был пущен слух, что якобы Егоров удавился).

В марте 1923 г. должны были произойти перевыборы заводского комитета. Перед ячейкой встала задача, во что бы то ни стало, если не сменить Васильева, то ввести хотя бы одного члена партии в завком на освобожденную работу и провести несколько цехуполномоченных коммунистов. К этим перевыборам мы готовились всю

зиму, и 18 марта я был избран в завком. Это был в нашем завкоме первый коммунист. Кроме меня, было избрано и несколько коммунистов цехуполномоченными. Работа завкома была распределена между членами завкома: Васильев—председатель, Неверов—секретарь, я—председатель культкомиссии.

С введением в завком коммуниста и наличием еще нескольких коммунистов цехуполномоченными ячейке легче стало руководить завкомом. Васильев вынужден был повести такую тактику: в завкоме соглашается с проводимыми ячейкой мероприятиями, а раз так, то и вынужден их проводить в жизнь. Когда на него здорово напирали наборщики, то он всегда отделывался так:

— Что же! Я ничего не могу сделать с ячейкой. Это не я провожу, а ячейка.

Защищаясь таким образом, он, сам того не подозревая, подымал авторитет ячейки и подрывал свой не только у мало сознательных рабочих, но и у своих, меньшевистского толка друзей. Последние начали разочаровываться в нем, как в надежной опоре.

Ячейка, как я уже выше указал, вела революционную борьбу за улучшение бытовых условий рабочих и, в частности, решили открыть столовую. Столовая в средине лета была открыта. Кормились рабочие неплохо. Все это создавало еще больший авторитет ячейке. Ячейка шаг за шагом отвоевывала позиции у заводского комитета.

В декабре 1923 г., к моменту перевыборов завкома (тогда перевыборы происходили каждые 6 месяцев), перед ячейкой уже стояла иная задача: сменить руководство в завкоме, т. е. снять Васильева и провести председателем завкома коммуниста. Дело было не из легких, хотя сам Васильев был уже не тем, что к моменту первых перевыборов, хотя авторитетом все же еще пользовался.

Бюро ячейки перед перевыборами заседало почти ежедневно. К тому времени ячейка уже пополнилась новыми членами, пришедшими с фронта. Проводить это собрание выпало на мою долю.

Завоеванный до этого авторитет ячейкой и помог на этот раз выбрать председателем коммуниста.

Васильев на данном собрании сделал очень плохой отчет. Не знаю, почему—не то он не надеялся, что его проведут, не то сам не решился больше итти в завком, чтобы еще больше не потерять авторитета.

На этом собрании нам пришлось выдержать ожесточенный бой за руководство завкомом. Несмотря на отдельные выкрики рабочих за Васильева, все же большинством рабочих заводский комитет был избран коммунистический.

В завкоме нам пришлось повести ожесточенную борьбу за поднятие производительности труда и проведение норм. Правда, нормы, которые мы проводили тогда, были в сравнении с теперешними

в полтора раза меньше, но в сравнении с существовавшими до этого они были в $1^1/_2$, а в отдельных случаях—в 2 раза больше.

Мне хочется отметить еще один факт борьбы завкома за поднятие квалификации рабочих. В 1925 г. на Бирже труда было очень много подростков, которых невозможно было разместить на учебу. У нас в наборном отделении 7—8 учениц учились по 5 и 6 лет. Мы их никак не могли вывести из брони, так как они не заканчивали ученье, а взять на их место других не могли. Несмотря на все предупреждения, чтобы они подтянулись, дело не подвигалось вперед: учиться они просто не хотели. На одном из заседаний РКК было вынесено постановление об их увольнении. Не успели вывесить объявление об их увольнении, как тут же прибегает член заводского комитета т. Кубасова в завком и говорит:

— Что вы наделали? Все ученицы упали в обморок.

Я отвечаю: надо отправить их в приемный покой и просить врача выяснить—все ли они в обмороке или симулируют.

На самом же деле, оказалось, что в обморок упала только одна, а все остальные симулировали.

Уволить этих товарищей мы и не собирались, но постановлением этим хотели заставить лентяев подумать о своей дальнейшей учебе и закончить таковую в течение 6 месяцев.

Собранное на 3-й день общее собрание точку зрения заводского комитета и его действия по отношению к этим товарищам подтвердило.

В начале 1925 г. я был ячейкой выдвинут на должность зав. перепл. отд. Работая там до 1 мая, при помощи партийной и профессиональной организации, мы провели рационализацию и разделение труда, которая увеличила выработку продукции процентов на 10—15.

1 мая 1925 г. ячейка меня выдвигает на должность пом. директора типографии, где я и работаю до 1927 г. За время этой работы мы все время старались провести разделение труда в переплетном отделении. Провести мне это не удалось, так как Красно-Пресненским районным комитетом партии я был выдвинут на должность директора типографии „Известия ЦИК СССР и ВЦИК".

После моего ухода начатые нами мероприятия по разделению труда были проведены, в результате чего переплетное отделение стало выпускать вдвое больше учебников и работать с малоквалифицированной рабочей силой.

Оглядываясь назад, видишь, как мы далеко ушли вперед против 22 и 23 годов. И ясно сознаешь, что все это мы проделали благодаря правильному и четкому руководству нашей партии и ее Центрального Комитета.

А. Л. Животовская

НА РЕЛЬСЫ ХОЗРАСЧЕТА

1929 год знаменует собою начало нового подъема энтузиазма широких рабочих масс, новых форм социалистического труда.

Ударничество нашло широкое применение и на „Красном пролетарии". Ряд производственных бригад становятся ударными, давая обязательства по улучшению своей производственной и общественной работы.

Из рядов рабочей массы начинает выделяться новый вид рабочего—рабочего-ударника, который становится в первых рядах в борьбе за труддисциплину, за осуществление рационализаторских мероприятий, за промфинплан.

Уже к первой годовщине соцсоревнования—1 мая 1930 г.—на нашей фабрике охвачено было соцсоревнованием около 700 чел. Вместе с развитием ударничества внутри предприятия, последнее вступает в соцсоревнование с ленинградской типографией имени Евгении Соколовой, заключив с ней договор с обязательством выполнения ряда количественных и качественных показателей работы. Этот соцдоговор, возобновляемый в течение двух лет, имел громадное значение для обеих типографий, так как, втянув в соцсоревнование 3½ тысячи рабочих, побудил их энергично драться за выполнение своих обязательств, способствуя улучшению работы предприятий.

К 3-й годовщине соцсоревнования „Красный пролетарий" уже насчитывает 180 ударных бригад с количеством 1891 (97,5 проц.) ударников, из которых 627 соревнующихся.

С начала 3-го года, вместе с рядом передовых фабрик и заводов, на нашей фабрике начинается новое движение—переход на высшую форму соцсоревнования, особую организацию социалистического труда—бригадный хозрасчет.

Хозрасчетная бригада—это такая форма организации труда и производства, при которой группа рабочих, объединенная коллективной ответственностью за порученный ей участок работы, на базе соцсоревнования и ударничества способствует наилучшему достижению качественных и количественных показателей промфинплана.

Из московских типографий „Красный пролетарий“ был пионером в части организации бригадного хозрасчета, с проработкой системы учета, премирования хоз. бригады, распределения премии внутри бригады.

Уже первый опыт 3 хозрасчетных бригад, из которых бригада фотографов Захарова за 3 месяца дала 2 тыс. руб. экономии, показал все громадное значение этой формы труда и вызвал широкое применение бригадного хозрасчета. И к 3-й годовщине соцсоревнования мы имели 77 хозрасчетных бригад, охвативших 670 чел., из которых значительная часть являет нам удивительные образцы производственных коллективов, крепко спаянных железной дисциплиной, упорной борьбой за качество, за промфинплан.

Мы объявляем беспощадную борьбу летунам с производства, рвачам, срывающим промфинплан и обязуемся в течение пятилетки не уходить с производства.
[illegible]

Большинство хозбригад выпускают свои бригадные газеты. В настоящее время у нас 39 газет, из которых 9 ежедневных. Эти бригадные газеты—упорные борцы со всеми неполадками, мешающими бригаде выполнять взятые на себя обязательства—дают громадные результаты по улучшению работы на фабрике в целом. Покажем лучшие из наших хозрасчетных бригад.

Бригада Мацовой

Это—крепко спаянный коллектив 11 машинных наборщиков, преимущественно молодежи, с производственым стажем до 3 лет. 6 условий т. Сталина служат программой работы бригады. Каждая

член бригады закреплен за своей машиной, за которую полностью отвечает. По контрольным цифрам администрации, бригада дала на 1 квартал свой встречный с превышением на 11,8 проц. и его перевыполнением на 1,1 проц.

Бригада отличается особой активностью, упорством, многообразием форм своей работы.

Ежедневно на производственных совещаниях обсуждаются показатели, выдвигается встречный.

Бригада дерется за образцовое качество, за техграмоту, за труддисциплину.

Каждому члену бригады поручается какой-нибудь участок: качество, тех-политучеба, чистота рабочего места, за который он является ответственным и обязан давать сведения бригадиру.

Учет качества ведется при помощи корректоров, которые выставляют от одного до трех баллов за качество корректуры. Отстающим товарищам бригада уделяет особое внимание, прикрепляя к ним ребят для помощи и передачи своего опыта, что дает прекрасные результаты.

Бригада ежедневно выпускает свою бригадную газету „Хозрасчетник". „Хозрасчетник"—боевой штаб бригады. Он отражает на своих страницах живые дела бригады. „Хозрасчетник" ожесточенно борется со всеми неполадками, борется за труддисциплину, за промфинплан. Все, что обсуждается бригадой на ежедневных производственных совещаниях, все, что мешает работать бригаде, индивидуальные недостатки и достижения отдельных членов бригады,—все это отражено на страницах „Хозрасчетника".

Смирнова опаздывает на работу. Раз даже имела прогул. „Хозрасчетник" делает ей строгое внушение, предупреждение. Смирнова исправляется, прогулы и опоздания решительно изжиты.

Шарова не выполняет встречных норм, часто разговаривает во время работы. Шарова, после сделанного ей бригадой замечания на страницах „Хозрасчетника", дает обещание бригаде ни одного лишнего слова не говорить во время работы.

Все это говорит о том, что „Хозрасчетник" являет собой яркий опыт действительной борьбы за правильную организацию труда, за осуществление той высшей формы соцсоревнования, которая называется бригадным хозрасчетом.

Хозрасчетная ученическая бригада Пелевиной

Бригада состоит из 21 ученика ручных наборщиков, перешедших на хозрасчет после 3—4 мес. обучения. Для бригады выработаны примерные нормы, персональные задания, которые каждый старается перевыполнить.

Бригада борется не только за количество, но и за качество своей продукции; организована выставка брака, которая очень подтягивает ребят.

Опыт наших лучших бригад, освещаемый на страницах бригадных, цеховых и общефабричной газет, переносится в отстающие бригады, помогает последним подтянуться, наладить свою работу. Бригадный хозрасчет крепнет, внедряется, переходит в систему.

Правильная организация труда под руководством инструктора, твердая труддисциплина, освещение всех неполадок в своей бригадной газете—все это дает свои результаты: за февраль бригада в среднем перевыполнила свои задания на 19 проц., отдельные члены—на 40—50 проц.; десять лучших членов бригады премированы переводом в 3-й разряд.

Так творятся „маленькие" дела наших хозрасчетных бригад, из которых слагаются большие достижения.

За первый квартал решающего года пятилетки у нас перевыполнение количественных и качественных показателей: 108,4 проц. по валовой выработке продукции, производительность труда—103,5 проц., снижение себестоимости на 3,02 проц. против плана. „Красный пролетарий" за свои показатели удостоен переходного Красного знамени Дзержинского райпрофсовета, что, естественно, еще больше поднимет энтузиазм масс, еще больше заставит краснопролетарцев драться за свои достижения, чтобы своей победой вместе со всем пролетариатом обеспечить завершение 1-й пятилетки в текущем году, обеспечить построение социалистического общества по плану 2-й пятилетки.

Е. Левин

ЦЕХ ЗДОРОВЬЯ

В работе т. Фишелева и материалах других товарищей—старых рабочих-кушнеревцев—читатель найдет красочно описанные картины эксплоатации рабочих: условия труда учеников, система зарплаты, сверхурочная работа, так называемые кассы взаимопомощи и лечебное дело. Мы повторять все это не будем. Эта сторона истории нашей типографии написана достаточно ярко, убедительно.

Нам придется только в очень схематичной форме остановиться на советском периоде. Читатель должен наши достижения, являющиеся продуктом политики партии и правительства СССР, сопоставить с дореволюционным положением и тогда он получит наглядную картину. 11½ часов рабочего дня до забастовки в 1903 г. и 7-часовой рабочий день сейчас!

Перехожу к изложению своей темы.

С переходом власти в руки пролетариата положение резко изменилось. Охрана здоровья трудящихся „стало делом самих трудящихся". С первых же дней Октябрьской революции был декретирован восьми, а затем и семичасовой рабочий день; издан ряд законоположений по охране труда рабочих, в частности женщин и подростков; введен пяти- и шестидневной рабочий труд, что обеспечивает более равномерное чередование труда и отдыха; обращено особое внимание на улучшение санитарно-гигиенических и технических условий труда на производстве; организованы при каждом почти предприятии: столовые, детские сады, клубы, ясли и т. д.; вновь строящиеся промышленные гиганты оборудуются в санитарно-техническом отношении по последнему слову науки; открылись для рабочих дома отдыха, санатории, курорты; инвалиды труда обеспечиваются социальной помощью; на предприятиях организованы пункты здравоохранения.

Медпомощь на «Кушнеревке» до Октябрьской революции

Не составила исключения в отношении лечения, в отношении проведения санитарных мероприятий и типография б. Кушнерева. Впервые медицина зародилась в стенах типографии около 1902 г. и была представлена фельдшером, одновременно служившим и писцом

в конторе. Лечение было чрезвычайно примитивно, так как весь арсенал медикаментов состоял из хины и касторки, которыми фельдшер пользовал от всех болезней. Приемная состояла из одной комнаты, находившейся на втором этаже при старом помещении конторы. В дальнейшем, по мере расширения типографии и увеличения коли-



Группа октябрят детсада типографии «Красный пролетарий».

чества рабочих, был приглашен врач, приходивший в типографию по мере надобности для осмотра вновь поступающих и для заключения о пригодности их к работе. Такова была организация медпомощи в типографии до революции.

После Октябрьской революции

Начало организация квалифицированной помощи рабочим нашей типографии было положено после Октябрьской революции. В 1918 г. был открыт медицинский пункт—сперва фельдшерский, а затем и врачебный, в котором работали врач и 2 фельдшерицы. Для наблюдения за санитарным состоянием предприятия был приглашен в 1925 г. санитарный врач, руководивший и наблюдавший за санитарным состоянием предприятия; в том же 1925 г. был приглашен и зубной врач. В 1926 г. пункт был переведен во вновь оборудованное помещение. В настоящее время здравпункт состоит из 5 комнат: ожидальной, кабинета врача, кабинета зубного врача, перевязочной и изолятора, площадью в 54 кв. метра и кубатурой в 159 куб. м., с достаточным количеством естественного и искусственного освещения, вентиляционной и отопительной установками. Полы покрыты линолеумом; имеется центральный телефон. Содержится

в должной чистоте; удовлетворяет нормам, требуемым московским отделом здравоохранения для здравпунктов. Оборудование пункта и инвентарь вполне удовлетворительны и находятся в хорошем состоянии; имеется автоклав для стерилизации перевязочного материала и все необходимое для оказания первой помощи. Штат здравпункта в настоящее время состоит из врача, заведующего пунктом, из зубного врача, 4 фельдшериц и одной санитарки.

Здравпункт работает круглые сутки, обслуживая все три смены.

Работа здравпункта ведется по трем основным линиям:

а) проведение санитарно-профилактических мероприятий по борьбе с заболеваниями и травматизмом рабочих,

б) проведение санитарно-просветительной работы,

в) своевременное оказание первой медицинской помощи в несчастных случаях и при внезапных заболеваниях.

Объектами указанной работы являются не только сама фабрика, но и все подсобно-бытовые ее учреждения, как-то: столовая, буфет, клуб, детсад и т. п.

Работа здравпункта проводится в полном контакте с заводоуправлением, общественными и партийными организациями; установлена тесная связь с техником по безопасности, с общественным инспектором труда, с выплатным пунктом, с врачом страхкассы и т. д. В работе принимают участие и сами рабочие, как группа содействия здравоохранению (здравячейка). Здравпункт включается в общефабричную работу, как „цех здравоохранения", стремясь оказать по своей здравоохранической линии содействие в успешном выполнении производственного плана нашей фабрики.

В 1931 г. здравпункт был премирован первой премией районным отделом здравоохранения и секцией здравоохранения Дзержинского района.

Итак, от комнатки до революции—до светлого, просторного, хорошо оборудованного помещения после революции; от примитивной медпомощи до революции—до „цеха здравоохранения" с многогранной работой после революции,—вот путь, пройденный медицинской организацией от типографии „Кушнеревки" 1902 г. до „Красного пролетария" 1932 г.

Приложение 1.

ПРАВИЛА

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ПОТЕРПЕВШИХ ВСЛЕДСТВИЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ, А РАВНО ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙСТВ В ПРЕДПРИЯТИЯХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ, ГОРНОЙ И ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Закон 3 июня 1903 года.

1. При несчастных случаях в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности (уст. пром., ст. ст., 1 и 2; уст. горн., ст. 1 и 2) владельцы предприятия обязаны вознаграждать, на основании настоящих правил, рабочих, без различия их пола и возраста, за утрату, долее чем на три дня, трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ. Если последствием несчастного, при тех же условиях, случая была смерть рабочего (ст. 11), то вознаграждением пользуются члены его семейства, указанные в ст. 12.

2. Владелец предприятия освобождается от обязанности вознаграждать рабочих и членов их семейств (ст. 1) только в том случае, если докажет, что причиною несчастного случая был злой умысел самого потерпевшего или грубая неосторожность его, не оправдываемая условиями и обстановкою производства работ.

3. Владелец предприятия обязан вознаграждать, на основании настоящих правил, рабочих и членов их семейств, хотя бы работы по производству предприятия, вызвавшие несчастный случай (ст. 1), были сданы с подряда третьему лицу. Сдачею с подряда не считается заказ, данный другому самостоятельному предприятию (ст. 1).

4. Всякие, предшествовавшие несчастному случаю (ст. 1) соглашения, клонящиеся к ограничению права на вознаграждение или размеров оного, признаются недействительными.

5. Вознаграждение самих потерпевших (ст. 1) производится в виде пособий и пенсий.

6. Пособия (ст. 5) назначаются со дня несчастного случая по день восстановления трудоспособности или признания утраты ее постоянною (ст. 26), в размере половины действительного заработка потерпевшего.

7. Пенсии (ст. 5) назначаются в случаях постоянной утраты трудоспособности: при полной утрате ее—в размере двух третей годового содержания потерпевшего (ст. 16), а при неполной—в уменьшенном размере, определяемом соответственно степени ослабления трудоспособности потерпевшего (ст. 26).

8. Выдача пенсии производится со дня прекращения пособий. В тех случаях, когда размер пенсии больше размера пособия, потерпевшие, сверх пенсии, получают одновременно разницу между пенсией и пособием за все время со дня несчастного случая до дня прекращения пособий.

9. Пенсии потерпевших малолетних и подростков, по достижении малолетними возраста подростков, а подростками—возраста взрослых рабочих, увеличиваются в соразмерности с возрастанием средней поденной платы чернорабочему для означенных возрастных групп (ст. 18).

10. Независимо от вознаграждения, указанного в ст. 5, владелец предприятия, если потерпевший не пользовался от него бесплатною врачебною помощью, обязан возмещать потерпевшему расходы по лечению впредь до излечения или до прекращения лечения. Возмещение это определяется по расчету платы, взимаемой в местных больницах (казенных, городских и земских).

11. В случае смерти потерпевшего (ст. 1), последовавшей немедленно за несчастным случаем или во время лечения телесного повреждения, или же не позднее двух лет со дня несчастного случая, если лечение было прекращено ранее, владелец предприятия обязан уплатить, по принадлежности, на погребение умершего 30 руб. для взрослого и подростка и 15 руб. для малолетнего и б) выдавать пенсии указанным в ст. 12 членам семейства умершего.

12. Пенсии членам семейства производятся в размере следующих долей годового содержания умершего рабочего (ст. 16): а) вдове, в размере одной трети, пожизненно; б) детям обоего пола: законным, узаконенным, усыновленным и внебрачным, а равно воспитанникам и приемышам (зак. сост. ст. 570, прим.), до достижения ими 15-летнего возраста, каждому—в размере: одной шестой при жизни одного из родителей и одной четвертой круглым сиротам; в) родственникам в прямой восходящей линии, пожизненно каждому в размере одной шестой, и г) братьям и сестрам, круглым сиротам, до достижения ими 15-летнего возраста, каждому в размере одной шестой. Лицам, означенным в пунктах „в“ и „г“ настоящей статьи, а также внебрачным детям, после смерти их отца, пенсии производятся в том лишь случае если эти лица находились на иждивении умершего.

13. При вступлении вдовы (ст. 12, п. „а“) в брак причитающаяся ей пожизненная пенсия заменяется единовременною выдачею в сумме, равной тройному размеру следующих вдове годичных пенсионных платежей.

14. Дети, воспитанники и приемыши (ст. 12, п. „б“), в случае смерти обоих родителей, последовавшей при условиях, указанных в ст. 1 и 2 получают совокупность пенсий, причитающихся им по смерти каждого из родителей.

15. Общая совокупность пенсий, причитающихся всем указанным в статье 12 членам семейства умершего рабочего, не должна превышать $^{2}/_{3}$ годового его содержания (ст. 16). Если общая сумма пенсий превышает означенный предел, то лица, поименованные в пунктах „а“ и „б“ ст. 12, имеют право на преимущественное удовлетворение полностью, а родственникам, помянутым в пунктах „в“ и „г“ статьи 12, назначается лишь остаток, если таковой имеется, с распределением его между ними поровну. Если означенный выше предел превзойден суммою пенсий, причитающихся только лицам, поименованным в пунктах „а“ и „б“ статьи 12, то пенсии эти соответственно сокращаются. Изменение в составе семейства умершего, за исключением случая последующего рождения законных его детей, не служит основанием к изменению размеров назначенных уже членам семейства пенсий.

16. Годовое содержание потерпевшего определяется следующим образом: а) сумма, действительно заработанная потерпевшим в течение года, предшествовавшего дню несчастного случая, за вычетом стоимости материалов и инструментов, если таковые отпускаются потерпевшему, согласно условиям найма, в счет заработной платы, делится на число дней, проведенное потерпевшим в том же году на работе, а если он состоял в предприятии менее года, то на число дней соответствующего меньшего периода времени и б) полученный указанным в пункте „а“ путем средний поденный заработок помножается в предприятиях, действующих круглый год, на 260, а в предприятиях, действующих не круглый год—на число рабочих дней за обычный для таких предприятий период действия, но в сем последнем случае к полученному произведению прибавляется сверх того сумма, исчисляемая помножением средней поденной платы чернорабочему (ст. 18) на разность между 260 и обычным для данного предприятия числом рабочих дней. Если потерпевший получал довольствие натурой, то к сумме, исчисленной по способу, указанному в пунктах „а“ и „б“ настоящей статьи, прибавляется

при довольствии квартирою—20% этой суммы, а при довольствии харчами и пр.—действительная их стоимость. Исчисленное указанным в настоящей статье порядком годовое содержание потерпевшего не должно быть менее произведения средней поденной платы чернорабочему (ст. 18) на 260.

17. Если будет доказано, что обыкновенный годовой заработок потерпевшего превышает исчисленное годовое содержание (ст. 16), то последнее должно быть увеличено до размера обыкновенного заработка. Если потерпевший не получал от предприятия никакой платы, то годовое содержание его определяется в размере произведения средней поденной платы чернорабочему (ст. 18) на 260.

18. Средняя поденная плата чернорабочим в промышленных предприятиях, упоминаемая в статьях 9, 16 и 17 настоящих правил, определяется, по местным данным, на каждое трехлетие отдельно для обоих полов и трех возрастных групп (малолетних от 12 до 15 лет, подростков от 15 до 17 и взрослых свыше 17 лет) присутствиями по фабричным и горнозаводским делам или присутствиями по горнозаводским делам и публикуется во всеобщее сведение в местных губернских, областных или полицейских ведомостях. Означенным присутствиям предоставляется определить эту плату, смотря по местным условиям или для всей губернии (области) или для отдельных уездов и промышленных местностей.

19. По взаимному соглашению сторон, пенсии как самих потерпевших, так и членов их семейств могут быть заменяемы единовременными выдачами, исчисляемыми на следующих основаниях: а) годичные пенсионные платежи потерпевших и членов семьи, указанных в пунктах „а" и „в" статьи 12, помножаются на 10, причем для потерпевших малолетних и подростков принимаются пенсионные платежи, которые причитались бы им по достижении ими возраста взрослых рабочих (ст. 9); б) годичные пенсионные платежи лицам, предусмотренным в пунктах „б" и „г" статьи 12, помножаются на число лет, в течение которых они должны были выплачиваться, но не более как на 10, и в) все произведенные в счет пенсий до соглашения о единовременной выдаче платежи, но в совокупности не свыше одной трети определяемых согласно пунктам „а" и „б" настоящей статьи, сумм, вычитаются из последних.

Приложение 2.

М. В. Д.
Московск. Городск. Полиции
Пристав
-го участка Сущевской части.
Мая 23 дня 1906 года.
№ 146.

Секретно.

Его Превосходительству

Господину Московскому Градоначальнику

РАПОРТ.

За последнее время на типографии Кушнерева и К° между рабочими накладчиками стало заметно некоторое брожение, заключающееся в том, что они собираются предъявить требования к администрации фабрики о прибавке жалованья и сегодня накладчики эти, по окончании работ на фабрике, остались в рабочем корпусе минут на десять для обсуждения этого вопроса, и, как собрано по негласным сведениям, требование это они собираются предъявить завтра 24 мая и, в случае неудовлетворения их требования, они могут прекратить работы. Как велико будет их требование о прибавке жалованья еще неизвестно.

Донося об этом Вашему Превосходительству, докладываю, что рабочих накладчиков на фабрике всего состоит до 45 человек и о дальнейших сведениях, по наблюдению, мною будет донесено дополнительно.

Пристав (подпись).

Мая 24 дня 1906 года.
№ 146.

Секретно.

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту моему от 23-го сего мая за № 146 доношу Вашему Превосходительству, что машинное отделение типолитографии Кушнерева и К° в составе 98 человек сего числа подало петицию дирекции фабрики, требуя прибавки к данному заработку по такому расчету: 1) накладчики требуют прибавки 12 к. в день, 2) приемщики—45 коп., 3) счетчицы—10 коп., 4) машинисты и их помощники—10% денного заработка.

Петиция эта дирекцией типографии принята, но рассмотрена таковая будет лишь 25 или 27 мая, после переговоров с владельцами других подобных типографий, причем, если рабочим в их требованиях будет отказано, то можно ожидать прекращения работ. О дальнейших сведениях, по наблюдении, мною будет донесено дополнительно.

Пристав (подпись).

Мая 25 дня 1906 года.

Секретно.

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту моему от 24 сего мая за № 146 доношу Вашему Превосходительству, что сего числа в 12½ часов пополудни на типо-литографии Кушнерев и К° прекратили работы 96 человек рабочих из машинного

отделения, требуя прибавки жалованья. Администрация типографии согласна сделать прибавку, но к обоюдному соглашению с забастовавшими пока еще не пришла. Настроение рабочих мирное. Если забастовка продолжится, то придется закрыть брошировочно-переплетную мастерскую и остановить всю фабрику.

Пристав (подпись)

Мая 26 дня 1906 года. *Секретно.*
№ 146.

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту моему от 25 мая с. г. за № 146 доношу Вашему Превосходительству, что забастовавшие на типо-литографии Кушнерев и К° из машинного отделения 96 человек рабочих решили:

Так как администрация фабрики по поводу прибавки жалованья им никаких еще предложений не сделала, то на работу они не явятся до 29-го сего мая, если же типографии понадобятся рабочие, то администрация должна послать за ними.

О дальнейших сведениях, по наблюдении, будет донесено дополнительно.

Пристав (подпись).

ОБЪЯВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ТИПОГРАФИИ

Рабочие машинного отделения типографии Т-ва И. Н. Кушнерев и К° 25 мая прекратили работу. При этом они не довели до конца начатых переговоров с Правлением, которое в ответ на их требования сделало свое предложение, ведущее также к увеличению заработка, но другим путем, и предлагаем накладчикам обратиться к посредничеству членов Союза рабочих для улажения спора.

Прекращение работ машинного отделения делает неизбежным остановку работы других отделений типографии—наборного, стереотипного, а также и брошировочного.

Находя такой исход нежелательным для рабочих этих отделений и для Т-ва, Правление предлагает рабочим машинного отделения стать на работу с понедельника 29 мая. Для разбора же дела об удовлетворении требований рабочих предлагает третейский суд, постановление которого относительно прибавки будет Правлением выполнено по расчету с момента начатия работы.

Правление Т-ва считает такой способ единственно правильным и обеспечивающим возможность работы всех мастерских. Вместе с тем Правление обращает внимание всех сознательных рабочих на необходимость вникнуть в положение дела и решить, может ли быть назван нормальным такой порядок, при котором забастовкам отдается предпочтение перед разумным и трезвым обсуждением дела с участием посторонних лиц, приглашаемых обеими сторонами.

Правление.

Мая 29 дня 1906 года. *Секретно.*

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту моему от 26 сего мая, что по поводу прибавки жалованья, администрация типо-литографии Кушнерев и К° сегодня ни к какому соглашению с рабочими не пришла, почему окончательное решение этого вопроса отложено на 30 сего мая.

Пристав (подпись).

Мая 31 дня 1906 года. *Секретно.*

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту моему от 29-го сего мая относительно прибавки жалованья, администрация типографии Кушнерева и К° с рабочими пришла к обоюдному соглашению, но рабочие одновременно возбудили вопрос о выдаче им жалованья за 4 прогульных дня, на что администрация категорически отказалась, почему рабочие разошлись и к работам не приступают.

Пристав (подпись).

Июня 2 дня 1906 года. *Секретно.*

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту моему от 31 сего мая, представляю при сем объявление „Т-ва Печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°", приглашающее работающих в наборном отделении прикончить работы, ввиду продолжающейся забастовки машинного отделения, доношу Вашему Превосходительству, что администрация категорически отказалась выдать рабочим жалованье, до сего времени к работам не приступили и получить расчет отказались.

Пристав (подпись).

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

(Печатное.)

Правление Т-ва сим доводит до сведения всех работающих в отделениях: наборном, стереотипном и брошюровочном, что продолжающаяся забастовка рабочих машинного отделения типографии вызывает отсутствие работы для вышепоименованных отделений. Поэтому наборное отделение с сего числа закрывается и Правление приглашает работающих в нем, а также корректоров, сводчиков, прессовщиков и резальщиков получить окончательный расчет. Отделения стереотипное и брошюровочное будут закрыты когда для этих отделений не будет больше работы.

Правление.

1-го июня 1906 года.

Приложение 3.

Правление
товарищества
печатного дела и торговли
И. Н. КУШНЕРЕВ и К⁰
в Москве.
№ 3318.
Сентября 18 дня 1910 г.

Его превосходительству
господину московскому градоначальнику.

Имеем честь препроводить список бастующих рабочих нашей типографии, не взявших расчета, и квитанцию Московского губернского казначейства за № 616047 на пятьсот восемьдесят восемь рублей, причитающихся поименованным в списке рабочим.

Правление.

Директор (подпись).

Квитанция

Казначейство — на 588 руб.

18 сентября 1910 г. по приходному журналу в книге 5 в статье 43 084 записано на приход от кого: Т-во И. Н. Кушнерева, на какой предмет: причитающ. заработная плата бастующим рабочим т-ва, поименован. при сем списке. забастовавшим 7 сего сентября.

Депозит Московского градоначальника.

Всего пятьсот восемьдесят восемь рублей.

Бухгалтер (подпись).

Казначей (подпись).

К отношению т-ва И. Н. Кушнерев и К⁰ от 18/IX с. г. за № 3306 список бастующих рабочих типо-литографии товарищества И. Н. Кушнерев и К⁰ с указанием причитающегося каждому из них заработка с 1 по 7 сентября 1910 г.

Имя и фамилия	Подлежит к выдаче	Имя и фамилия	Подлежит к выдаче
Кувырков Герасим	14—75 к.	Иванов Николай	12—13 к.
Крылов Михаил	—37 к.	Майоров Сергей	9—72 к.
Черкасов Даниил	18—14 к.	Осинкин Михаил	4—17 к.
Кузьмин Василий	13—46 к.	Дубов Павел	9—72 к.
Алексеев Николай	15—30 к.	Молчанов Михаил	9—17 к.
Ковыляев Николай	9—17 к.	Ивлиев Семен	8—82 к.
Косухин Сергей	8—24 к.	Андреев Федор	6—60 к.
Майоров Александр	9—17 к.	Егоров Николай	6—60 к.

Имя и фамилия	Подлежит к выдаче	Имя и фамилия	Подлежит к выдаче
Чумыков Владимир	9—17 к.	Степанов Николай	8—25 к.
Голыбин Ефим	8—25 к.	Курганов Василий	2—70 к.
Бажанов Павел	7—96 к.	Мысаков Иван	8—79 к.
Лукичев Андрей	6—33 к.	Воробьев Осип	9 17 к.
Федоров Сергей	8—85 к.	Персин Матвей	7—95 к.
Куколкин Николай	8—25 к.	Бакулин Иван	9—17 к.
Агафонов Илья	6—60 к.	Куликов Никита	9—11 к.
Андреев Степан	9—17 к.	Лапин Георгий	8—25 к.
Васильев Николай	9—17 к.	Кулаков Василий	8—57 к.
Фионов Егор	4— 1 к.	Двойников Алексей	9—17 к.
Чугуев Александр	4—	Жиров Тимофей	4—95 к.
Федорбв Владимир	5—	Первов Федор	3—89 к.
Ерошин Григорий	6—67 к.	Салкин Василий	4—53 к.
Бажанов Семен	7—94 к.	Стогов Иван	3—61 к.
Кутьев Максим	7—70 к.	Митин Павел	3—69 к.
Беляев Лаврентий	6—11 к.	Пастов Андрей	3—14 к.
Кутов Сергей	8—88 к.	Прокофьев Павел	3—61 к.
Баранов Яков	11—39 к.	Сидоров Алексей	3—66 к.
Захаров Владимир	5—56 к.	Карпов Илья	5—40 к.
Фокин Гавриил	9—90 к.	Тимофеев Александр	1—82 к.
Никонов Филипп	9—05 к.	Красников Алексей	3—86 к.
Пиляев Иван	9—17 к.	Медведев Иван	3—14 к.
Плотицын Алексей	7—52 к.	Кузнецов Петр	2—78 к.
Иванов Николай	9—17 к.	Пысин Василий	3—70 к.
Семкин Константин	8—25 к.	Зотов Алексей	3—89 к.
Курликов Иван	8—25 к.	Молчанов Александр	2—78 к.
Смирнов Сергей	9—17 к.	Иванов Иван	4—53 к.
Щербаков Алексей	9—17 к.	Ерошин Алексей	3—14 к.
Моисеев Федор	8—25 к.	Федоров Василий	3—41 к.
Иванов Михаил	9—17 к.	Козлов Иван	5—40 к.
Голованов Василий	8—25 к.	Комолов Влас	5—48 к.
Сазонов Егор	9—17 к.	Малкин Агап	4—50 к.

ВСЕГО . . . . . 588—00 к.

Правление товарищества печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К° в Москве.

Директор (подпись).

СПИСОК

местностей, в которые не могут быть водворяемы на жительства лица, коим воспрещено пребывание, на основании ст. 19 правил военного положения или п. 4 ст. 16 Положения об охране, в местностях, состоящих или на военном положении или в положении усиленной охраны, и лица, высылаемые, в порядке ст. 34 Положения об охране, под гласный надзор полиции в избранные ими местности.

1. Гор. Москва и Московская губерния
2. Царскосельский } уезды Петербургской губ.
3. Петергофский } уезды Петербургской губ.
4. Новороссийск
5. Севастополь
6. Одесса
7. Тифлис
8. Баку
9. Батум
10. Харбин и пределы Манчжурии
11. Гор. Иваново-Вознесенск, Владимирской губ.
12. Гор. Брянск и Брянский уезд, Орловской губ.
13. Гор. Бердичев, Киевской губ.
14. Укр. Кизил-Арват, Закаспийской области
15. Гор. Елисаветград } Херсонской губ.
16. Гор. Ольвиополь } Херсонской губ.
17. С. Голта } Херсонской губ.
18. С. Богополь, Подольской губ.
19. Гор. Таганрог
20. Гор. Аккерман, Бессарабской губ.
21. Слобода Папушой } Бессарабской губ.
22. Слобода Турлаки } Бессарабской губ.
23. Владивосток
24. Хабаровск
25. Кавказ*)
26. Белостокский уезд, Гродненской губ.
27. Каширский уезд, Тульской губ.
28. Посад Жирардов, Блонского уезда, Варшавск. г.
29. Коканд, Ферганской области
30. Вильно
31. Бахмутский уезд, Екатеринославской губ.
32. Воронеж } Воронежской губ.
33. Воронежский } уезды, Воронежской губ.
34. Новохоперский } уезды, Воронежской губ.
35. Бобровский } уезды, Воронежской губ.
36. Валуйский } уезды, Воронежской губ.
37. Разводово-Барановичи, Новогрудск. у., Минской губ.
38. г. Киев
39. г. Мариуполь } Екатеринославской губ.
40. г. Александровск } Екатеринославской губ.
41. Скерневицкий уезд, Варшавской губ.
42. Равский уезд } Петроковской губ.
43. Брезинский у. } Петроковской губ.
44. Опоченский уезд, Радомской губ.

---

*) Губернии: Ставропольская, Бакинская, Тифлисская, Кутаисская, Черноморская, Эриванская и Елисаветпольская.
Области: Кубанская, Терская, Дагестанская и Карская.

ТЕХНИЧЕСКИЙ РОСТ ТИПОГРАФИИ (схематически)

Приложение 5

Год	Колич. рабочих	ОБОРУДОВАНИЕ: Наборн. машин	Ротацион.	Типогр. машин	Литогр. машин	Офсеты	Американки	Фальцов.	Швейн.	Резальн.	Разн. станки	Всего машин	Здания	Как работали машины	Капиталовложение
1869	12	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	3 комнаты	Руками	5—6 тысяч
1874	80	—	—	7	—	—	—	—	—	—	3	7	2-этажн. деревянное	»	
1877	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	4	8	» »		—
1888	—	—	—	8	8	—	—	—	—	—	—	16	2-этажн. каменное	На трансмиссии паром от котельной	200 тысяч
1891	300	—	2	12	9	—	—	—	—	—	—	23			350 »
1895	550	—	2	18	9		—	—	—	—	—	29	3-этажное каменное		400 »
1900	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		Электроэнерг.	—
1902	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			—
1903	—	1	2	22	9	—	—	—	—	—	—	34			500 тысяч
1904	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4-этажн. каменное	Электроосвещ.	—
1906	—	4	2	25	9	—	4	—	—	—	—	44	» »	» »	—
1908	—	5	2	26	9	—	4	—	—	—	—	46	» »	» »	—
1914	800	5	2	26	9	—	4	—	—	2	22	48	То же	» »	—
1915	600	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		То же	
1917	450	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1919	350	5	2	26	9	—	4	—	—	2	—	48			
1920	—	27	2	26	9	—	4	—	—	2	—	70			
1922	540	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1923	828	27	2	32	9	—	7	7	13	17	65	114			
1924	1166	27	2	32	9	2	10	7	13	17	—	119			
1925	1278	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1928	1519	29	3	36	9	4	8	9	16	17	84	131			
1929	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1930	1731	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1931	—	29	3	30	6	4	7	12	17	17	—	125			
1932 на 1/I	2040														

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.